Российская академия наук
Институт психологии

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ

виды, источники, пути построения

Ответственные редакторы:

А. Л. Журавлев,

А. В. Юревич

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва – 2021

УДК 159.9
ББК 88
П 86

П 86 Психологическое знание: виды, источники, пути построения / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021. – 458 с. (Методология, теория и история психологии)

doi: 10.38098/thry_21_0434 УДК 159.9
ISBN 978-5-9270-0434-8 ББК 88

В книге обсуждаются наиболее сложные вопросы систематизации и строения психологического знания. Рассмотрены такие проблемы, как роль дискуссии в построении психологического знания, феномен его индоктринации, возможности его интеграции и т. д. Рассуждения авторов сгруппированы в три раздела: методологические проблемы психологического знания, пути его построения и некоторые источники. Книга предназначена для всех, кто интересуется методологическими проблемами психологии.

ISBN 978-5-9270-0434-8

Содержание

Раздел III
НЕКОТОРЫЕ ВИДЫ И ИСТОЧНИКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Введение

Накопление научного знания — одна из ключевых функций науки. Наверное, поэтому в попытках выделения основных видов психологического знания нет недостатка. Они осуществляются на основе учета особенностей объекта, субъекта, продукта познания и т. д. Каждый исследователь выделяет их по-своему, и, строго говоря, ни одна из систематизаций не хуже и не лучше других, во всяком случае едва ли возможно утвердить критерий, чтобы отследить «единственно правильную» классификацию. Эти классификации имеют большое значение для науки, поскольку ее видение предполагает конкретный подход к научному знанию, и именно этот подход определяет специфику трактовки науки.

Проблема классификации видов научного знания — междисциплинарная, поскольку каждая научная дисциплина накапливает его, и систематизация видов знания имеет для научных дисциплин первостепенное значение. Ее традиционно общефилософский характер связан с тем, что именно в философии она проработана в наибольшей степени, философские систематизации типов научного знания наиболее известны. Вместе с тем постановка проблемы классификации видов научного знания в психологии имеет свои особенности. Каждая или почти каждая научная дисциплина добавляет свои специфические качества в определение этой проблемы. Не является исключением и психология, специфика которой проявляется в большой зависимости научного знания от житейского, на которое психолог-исследователь часто опирается в своих научных изысканиях, и т. д.

Вообще виды психологического знания различимы лишь в абстракции. Реальный человек не задумывается о том, какие виды психологического знания он строит/добывает, ставя перед собой куда более прагматичные задачи. Это относится и к самому термину «знание», предполагающему нечто застывшее, неизменное и вызывающее заслуженный пиетет. В структуре реального познания, осу-

ществляемого человеком, «застывшее» знание тоже есть, но его очень мало. Психологическое знание, которое он строит, в основном носит вероятностный характер, представляет собой систему гипотез, а не законченных истин. Дальнейшее обращение с этим «знанием» предполагает его проверку, коррекцию, уточнение и т. д., и так происходит постоянно, пока человек познает окружающий его природный и социальный мир.

Психология как наука постоянно испытывает необходимость доопределения и проверки знания. Психологические учебники, конечно, пишутся в другой перспективе, предполагающей подачу размышлений их авторов как устоявшегося знания, не вызывающего сомнений. В этом состоит одна из главных причин того, почему серьезные исследователи не читают учебников (есть, конечно, и другие причины). А сравнительное исследование биологических и психологических текстов продемонстрировало, что по количеству частей речи, выражающих вероятностный характер высказываний (вероятно, возможно, может быть и т. д.), далеко впереди находится научная продукция... биологов, т. е. биологи значительно чаще прибегают к вероятностным формулировкам, чем психологи. И не случайно, ведь если психологи делали бы это всегда, когда того требуют условия познания, психологические тексты в основном включали бы признания авторов в их неуверенности.

В этом одна из главных бед психологической науки и одновременно одна из основных причин ее непредсказуемости и «интересности», ее принадлежности к «мягким» научным дисциплинам. В системе (точнее, бессистемье) того, что принято именовать психологическим знанием, крайне трудно выделить знание, аналогичное знанию «жестких» наук, и обычно в этот ранг возводится «мягкое» психологическое знание. Обилие различных подходов к систематизации видов научного знания – тому пример. А строгие математические процедуры, используемые психологами, могут ввести в заблуждение разве что желающего быть введенным в него. Типовые результаты их применения – корреляции между переменными – неизбежно различаются в разных исследованиях, как бы ни были они похожи друг на друга, что служит наиболее ярким проявлением «мягкости» и неточности психологического знания.

Большое значение имеет в психологии характеристика научного знания, которую можно назвать степенью его социализации, хотя, конечно, ее роль в других научных дисциплинах трудно переоценить. Максимальной социализацией обладает знание, которое включено в учебники (причем не в один, а во многие), близкой

к минимальной – локальное знание, например, построения теоретиков «местного масштаба». Считается, что для того, чтобы знание было признано подлинным психологическим, оно должно пройти весь цикл социализации.

Общество привыкло к «сильной» стороне научного знания. Не случайно наш широко известный научно-популярный журнал называется «Знание – сила». Его название выражает ту тривиальную истину, что знание придает человеку силу, будучи основой его действий. Это действительно тривиально, и название журнала абсолютно правомерно. Но знание формирует одну из главных основ человеческой слабости, что лежит за житейской мудростью, состоящей в перечислении того, что лучше не знать.

Структура книги определяется ее общим замыслом. Первая часть – «Методологические проблемы построения психологического знания» – посвящена наиболее спорным проблемам его создания, во второй части – «Пути построения психологического знания» – обсуждаются основные траектории его генезиса, в третьей части – «Некоторые источники психологического знания» – авторы рассматривают отдельные направления его создания.

Естественно, в книге собраны индивидуальные, подчас значительно различающиеся между собой взгляды авторов на представленные проблемы. Иначе и быть не может по отношению к любому предмету психологической науки, в особенности такому, как психологическое знание.

А. Л. Журавлев, А. В. Юревич

Раздел I

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОСТРОЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Проблема научного знания в психологии[1]

А. А. Фёдоров

doi: 10.38098/thry_21_0434_001

В конечном счете истина не имеет значения.

Уоллес Стивенс

В 1974 г. Ричард Фейнман, выступая перед выпускниками Калифорнийского технологического института, охарактеризовал ряд авторов психологических исследований как приверженцев науки самолетопоклонников, которая лишь своей формой напоминает настоящую науку, но в действительности не способна производить знания, будучи лишенной, среди всего прочего, научной честности (Feynman, 1974). В том же 1974 г. схожий тезис сформулировал Зигмунд Кох, назвав психологию «имитационной наукой» (Koch, 1974). С одной стороны, его аргументация опирается на историю психологии, которая едва ли позволяет считать последнюю кумулятивной или прогрессирующей дисциплиной. Как пишет З. Кох, «если психология и наука, то она „наука“ весьма странного вида. Ее крупные обобщения не уточняются и не улучшаются со временем и прилагаемыми усилиями, а просто замещаются. На протяжении всей истории психологии как „науки“ получаемое ею *твердое* знание обычно было знанием *негативным!*» (Koch, 1974, p. 19). С другой стороны, если вынести за скобки области психологии, которые можно считать частью биологии, многие важные ее разделы просто нельзя назвать «наукой» в любом существенном смысле этого слова. «В таких близких к ядру психологических исследований областях, как восприятие, познание, мотивация, обучение, социальная психология, психопатология, персонология, а также, конечно, эстетика, изучение „креативности“ и эмпирические исследования явлений, релевантных сфере сохранившихся до нашего времени гуманитарных дисциплин, – во всех этих областях такие понятия, как „закон“, „эксперимент“, „измере-

1 Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 18-013-00715.

ние“, „переменная“, „контроль“, „теория“, не ведут себя в достаточной степени так, как их омонимы в устоявшихся науках, чтобы оправдать распространение на них термина „наука“» (Koch, 1974, p. 25).

Безусловно, далеко не все психологи разделяют подобные взгляды. Так, Б.А. Фаррелл опубликовал отдельную статью, посвященную аргументации против скептических доводов З. Коха (Farrell, 1978). Отечественные исследователи, хотя и понимают прогресс по-разному, также большей частью рассматривают психологию как прогрессирующую (или – если угодно – развивающуюся) науку (Прогресс психологии…, 2009). Здесь важно отметить, что «прикосновение» методологов и философов к какому-либо термину нередко настолько его размывает, что делает практически бессмысленным. Неслучайно широкое распространение получила формулировка немецкого философа У. Дубислава, приведенная в известной работе Е. Вигнера о непостижимой эффективности математики в естественных науках: «философия – это злоупотребление специально разработанной терминологией» (Вигнер, 1971, с. 183)[1].

Классическое понимание прогресса науки, существующее по меньшей мере со времен Ф. Бэкона, было подкупающе простым. Прогресс науки есть накопление научных знаний. Показательна в этом смысле теорема, которую сформулировал бельгийский историк науки Дж. Сартон: «Приобретение и систематизация позитивных знаний – единственный вид человеческой деятельности, который действительно является кумулятивным и прогрессивным» (Sarton, 1936, p. 5). Королларий из этой теоремы таков: «История науки – единственная история, которая может продемонстрировать прогресс человечества. В сущности, в других сферах, помимо сферы науки, прогресс не имеет определенного и несомненного значения» (ibid.). Работы философов второй половины XX столетия лишили это понятие ясности и в сфере науки. Как указывает А.В. Юревич, ссылаясь на А. Койре, Т. Куна и других философов науки, кумулятивная модель развития науки «давно списана в тираж» (Юревич, 2009, с. 155). Это, однако, все же преувеличение. В философии, как и в психологии, новые концепции редко замещают собой или включают в себя предшествующие им, поэтому среди современных филосо-

1 Стоит отметить, что Е. Вигнер довольно избирательно цитирует У. Дубислава. Полностью фраза звучит так: «Что такое философия на самом деле – или наука, или рационализированный миф, или деятельность, посредством которой устанавливается смысл высказываний и понятий науки, или систематическое злоупотребление специально придуманной для этой цели терминологией, – спорно» (Dubislav, 1932, p. 1).

фов науки по-прежнему можно найти сторонников классического взгляда на научный прогресс. Так, А. Берд пишет: «Наука (или отдельная научная область, или теория) прогрессирует именно тогда, когда она показывает накопление научного знания; эпизод в развитии науки прогрессивен тогда, когда в конце этого эпизода знаний больше, чем в начале» (Bird, 2007, p. 64). В любом случае даже критики этой простой концепции («слишком простой!» – восклицают некоторые из них – Saatsi, 2019) признают, что накопление знания является важной составляющей научного прогресса. Можно называть различные критерии прогресса психологии, но если психология не накапливает научные знания, ее вряд ли можно считать наукой, по крайней мере, наукой в том смысле, в котором мы считаем науками физику или биологию.

Банка корнишонов

Без сомнения, психология, среди прочего, есть система знаний. Но что-то знать не так уж сложно. Например, я могу открыть холодильник и увидеть на одной из его полок банку корнишонов. Я могу зафиксировать это знание в виде утверждения, связать с определенным временем и передать другому человеку. Вынесем за скобки в этом примере вероятность того, что банка корнишонов является голограммой, наркотическим видением или чем-то подобным. Знания такого рода человек производит постоянно. Если я регулярно гуляю по определенной местности, нет ничего удивительного в том, что я что-то о ней узнаю́. Более того, нет ничего удивительного и в том, что мои знания со временем будут расти. Если изучать человека, его поведение и «внутренний мир», можно ожидать, что мы что-то о нем узнаем. Но что-то о человеке знает и писатель, и шаман, и философ. Их знания, однако, мы не считаем научными (что отнюдь не лишает их всякой ценности). Поэтому вопрос заключается не просто в том, производит ли психология знание, а в том, производит ли она *научное* знание.

Природа научного знания остается предметом постоянных дискуссий. Например, А.Л. Никифиров приводит следующие черты научного знания, с которыми, по его мнению, согласно большинство философов науки:

«1. Научное знание всегда (чаще всего) выражено в языке, а именно в описательных предложениях (в дескриптивах, как сказал бы Дж. Остин) и в системах таких предложений – в теориях <...>.

2. Знание рационально, т. е. выражающие знание предложения и системы предложений подчиняются обычным законам логики <...>.
3. Предложения, претендующие на статус знания, должны быть в принципе эмпирически проверяемы – наблюдением или экспериментом <...>.
4. Знание интерсубъективно и общезначимо: каждый человек может его усвоить и каждый, понявший предложение и способ его обоснования, вынужден с ним согласиться» (Никифоров, 2009, с. 62).

Пожалуй, утверждение о банке корнишонов в холодильнике удовлетворяет всем этим характеристикам: оно имеет дескриптивный характер, логически непротиворечиво, эмпирически проверяемо и интерсубъективно в том смысле, что каждый может его понять и усвоить. Но все это не делает его научным. Некоторые исследователи добавляют к вышеперечисленным критериям и другие, например, эссенциальность, т. е. «направленность на выявление сущности объекта» (Губанов, Губанов, Волков, 2016, с. 91). Если принять этот критерий, то чисто описательное знание уже нельзя рассматривать как научное. Но что тогда делать с рядом дескриптивных суждений, которые традиционно входят в корпус научного знания? Например, является ли научным знанием утверждение, согласно которому Земля вращается вокруг Солнца? Являются ли научными утверждение о наличии в клетках митохондрий или утверждение о том, что у Марса есть спутник Деймос?

Один из ответов заключается в том, что научные дескриптивные суждения *in ultimo* имеют количественную природу и интересны лишь в контексте *количественных* законов, например, как их частная манифестация. Рассмотрим утверждение «Подброшенные вещи падают на землю». Это знание, которым люди обладают многие тысячи лет. Более того, наблюдая за падающими вещами, я мог бы вывести следующий «закон»: «Если подбросить вещь, она упадет на землю». Этот «закон» удовлетворяет вышеназванным критериям научного знания, он подлежит верификации и фальсификации, а также обладает предиктивной силой: на его основе можно предсказать, что подброшенная банка корнишонов упадет на землю. Но вряд ли все это делает данное знание научным. Научным знание становится тогда, когда оно облекается в количественную форму: измеренные переменные связываются друг с другом по все более и более точным законам. Как писал А. Рамспергер, «в этом и состоит первая часть задачи

ученого: извлекать из природы те объекты, возникновение и изменения которых могут быть выражены на языке количественных законов» (Ramsperger, 1939, p. 398). Об этом же говорил У. Томсон в одной из своих лекций: «Если вы можете измерить то, о чем говорите, и выразить это в числах, значит, вы что-то знаете об этом предмете. Но если вы не можете это измерить и выразить в числах, ваши знания крайне ограниченны и неудовлетворительны. Возможно, это начальный этап знания, но вряд ли вы в своих размышлениях достигли стадии *науки»* (Thomson, 1889, p. 73).

Таким образом, научность, например, утверждения, что у Марса есть спутник Деймос, должна оцениваться в контексте того, подкреплено ли это знание измерениями (каковы физические параметры этого спутника, каково его расстояние до центра Марса, каков его период обращения и пр.), а также в контексте того, как это утверждение встроено в установленные количественные законы. Известно, что в «Путешествиях Гулливера» Дж. Свифта, которые были написаны за 150 лет до открытия Деймоса астрономами, есть упоминание о двух спутниках Марса. В свете этого можно было бы сказать, что утверждение Свифта соответствовало действительности, т. е. фактически было истинным, но при этом не являлось научным. Истинность не тождественна научности.

Важно также отметить, что хотя в каком-то смысле измерение и является краеугольным камнем научного знания, наука как таковая возникает лишь тогда, когда измеренные переменные рассматриваются в контексте количественных законов, т. е. служат для их выведения, проверки и пр. Иными словами, измерение является необходимым, но не достаточным условием для того, чтобы знание было названо научным. Я могу провести серию измерений над моей банкой корнишонов (определить ее вес, объем, температуру и пр.), но сами по себе эти измерения, добавленные в первоначальное утверждение, не превратят его в научное знание. При этом нельзя сказать, что научное знание отделено от ненаучного четкой границей. Накопление знаний о мире происходит постоянно, в том числе и с помощью методов и технологий, которые были бы невозможны без развития определенных областей научного знания. Так, уже упоминавшийся спутник Марса был открыт с помощью телескопов, создание которых тесно (хотя и не исключительно) связано с развитием отдельных разделов физики. В этом смысле открытие астрономами Деймоса сущностно (хотя и гораздо сложнее) ближе к нахождению мной банки корнишонов в холодильнике, чем к научному знанию *sensu proprio*. Можно представить себе гипотетического ино-

планетянина, который, совершая обычную прогулку на своем сверхсветовом космическом аппарате, случайно натыкается на Марс и его спутники. Будет ли его знание о том, что у Марса есть спутники, научным? Однако взаимное движение Марса и его спутников может использоваться для проверки количественных законов динамики, и тогда фактологическое знание, будучи включенным в соответствующий контекст, становится частью науки. Более того, поиск некоторых объектов иногда осуществляется именно по той причине, что их существование вытекает из соответствующих научных теорий. Так, Нептун открыли вследствие того, что его существование вытекало из математических расчетов, связанных с анализом изменений в орбите Урана. Другим известным примером является история поисков бозона Хиггса. В этом смысле, как отмечает Дж. Смарт, «астрономия гораздо больше похожа на историю, а не на науку, аналогичную физике» (Smart, 1959, p. 366), хотя мы и можем рассматривать движение небесных тел как средство проверки законов динамики, а звезды – как огромные лаборатории для проверки законов физики.

Таким образом, наука предполагает измерение и установление количественных законов. Так является ли психология наукой в этом смысле?

Патологическая наука

Вероятно, не будет ошибкой сказать, что большинство представителей академической психологии уверены в том, что измерение в психологии возможно. Эта уверенность, во-первых, опирается на удобное определение, предложенное С. Стивенсом: измерение есть «приписывание цифр объектам или событиям согласно правилам» (Stevens, 1946, p. 677). Уже отмечалось, что в большинстве русскоязычных переводов содержится знаковая ошибка, которая заключается в том, что говорится о приписывании чисел, а не цифр (Фёдоров, 2017). В результате *знак* числа превратился в само число. Однако возможность приписывать цифры чему-либо, пусть и на основе системы изощренных правил, отнюдь не равнозначна процедуре измерения (мы еще вернемся к тому, что это такое). Например, я могу попросить человека выразить свое отношение к политической системе России. Далее я могу перевести полученный текст в двоичный код, а затем сложить единицы в полученном ряду. Могу ли я в итоге, получив некоторый набор цифр, сказать, что я *измерил* отношение человека к политической системе России? А ведь проведенная процедура вполне укладывается в определение Стивенса. Особенно если учесть,

что впоследствии сам Стивенс сделал *знаковое* уточнение, определив измерение как «приписывание цифр объектам и событиям согласно правилу – *любому правилу*» (курсив мой. – *А. Ф.*) (Stevens, 1959, p. 19).

Во-вторых, уверенность в существовании измерения в психологии опирается на тот факт, что в стандартном психологическом исследовании применяются математико-статистические методы обработки данных. Здесь важно отметить, что возможность проводить вычисления отнюдь не означает, что операции проводятся над числами, которые представляют собой результат измерения. Традиция осуществлять вычисление до измерения имеет в психологии давнюю историю. Еще И. Гербарт писал о том, что классическая точка зрения, согласно которой «где нельзя измерять, там нельзя и вычислять», совершенно ложна (Гербарт, 2007, с. 42). Верно, что хорошая количественная теория может позволить путем вычислений получить значение, которое лишь позднее будет проверено измерением, но неверно, что при этом вычисление идет перед измерением. Чтобы такое вычисление было возможно, оно должно опираться на предшествующие измерения и проводиться над *измеряемыми в установленных единицах* величинами. Без этих условий абстрактное вычисление становится, по сути, операциями над знаками, которые выведены за пределы эмпирического знания. Математика обогащает науку, но делает она это тогда, когда на языке математики начинают говорить об измеряемых величинах.

Рассмотрим, например, «математизацию» в работах Курта Левина. Так, он пытается вывести «формулу» поведения, опираясь на представление о производных по времени, которые широко распространены в физике. В классической нотации производная по времени обозначается как и обычно интерпретируется как скорость изменения значения функции. Для К. Левина важно, что «изменение dx/dt в момент времени t зависит исключительно от ситуации S^t, существующей в этот момент времени» (Левин, 2001а, с. 241). Я же хочу обратить внимание на то, что когда в физике используются производные по времени, то все величины при этом являются *измеримыми,* и от того, какие единицы используются в самой функции, зависит и то, в каких единицах будет измеряться величина, определяемая через производную по времени. Так, можно привести в качестве примера следующие физические величины, определяемые через производные по времени: скорость, которая характеризует быстроту перемещения материальной точки и соответственно измеряется в *м/с,* и мощность, которая характеризует скорость изменения или преобразования энергии и соответственно измеряется в *Дж/с* (в междуна-

родной системе единиц). Далее, К. Левин утверждает, что «физическому *dx/dt* эквивалентно психическое понятие поведения, если мы понимаем термин „поведение“ как относящийся к любому изменению в психологическом поле» (Левин, 2001а, с. 242). Для него это означает, что поведение *b* в момент времени *t* является функцией от ситуации *S* только в данный момент времени: $b^t = F(S^t)$. Но если поведение есть величина, определяемая через производную по времени, то мы вправе спросить: в каких единицах она измеряется? Вероятно, в знаменателе дроби должна стоять единица времени (например, *с,* если это первая производная, или c^2, если это вторая производная), но что стоит в числителе? В общем, найти ответ на этот вопрос в работах К. Левина нельзя.

Сама ситуация в теории К. Левина рассматривается как жизненное пространство индивида (*LSp*), включающее зависящих друг от друга индивида (*P*) и окружение (Е) (Левин, 2001б). В итоге он получает свое знаменитое «уравнение» $B = f(P, E) = f(LSp)$. В каких единицах тут измеряется индивид? В каких измеряется ситуация? И как из этих единиц, получается новая единица, характеризующая поведение? И какое отношение ко всему этому имеют производные по времени? Без всего этого в этом «уравнении» не больше определенности, чем в утверждении, что «поведение как-то связано с индивидом и его окружением». Неудивительно, что подобную псевдоматематизацию Э. Джонс назвал «великим трюизмом Левина» (Jones, 1985, p. 84).

В любом случае существование процедуры, позволяющей приписать некоторому «психическому» качеству определенную цифру, и «формул», связывающих некоторые знаки между собой, не означает, что это качество, во-первых, существует, и, во-вторых, является количественной величиной. Как отмечал Дж. Мичелл, первичным симптомом *патологии* психометрики является именно отсутствие в ней серьезных попыток проверки гипотезы о том, что «измеряемые» психологические атрибуты имеют количественный характер (Michell, 2000). Если эти качества реально существуют и действительно являются измеримыми, то необходимо установить единицы, в которых будут проводится измерения. Собственно, в своей основе измерение не является приписыванием чисел. Как отмечал Т. Крамп, «подлинной сущностью измерения является сравнение, а не счет» (Crump, 1990, p. 77). Можно сказать, что измерение есть сравнение с эталоном, выраженное в количественном соотношении. Например, Дж. Мичелл дает следующее определение измерения с точки зрения реализма: «Измерение – это попытка оценить соотношение

между двумя образцами количественного атрибута, первый из которых является измеренной величиной, а второй – известной единицей» (Michell, 2005, p. 287). На формальном уровне в результате измерения мы действительно припишем измеряемой величине некоторую цифру, но иметь смысл полученный знак будет только в том случае, если отражает эмпирически значимое соотношение между количественными атрибутами.

Оставляя за скобками крайне болезненный вопрос о реальном существовании психических явлений, мы вполне можем оказаться в ситуации, что они представляют собой исключительно качественные феномены. Если это так и если область знаний становится наукой только тогда, когда в ней начинают устанавливаться количественные законы между измеряемыми величинами, то психологию вряд ли можно назвать *наукой.* Стоит отметить, что этот ответ дан в контексте сформулированного выше понимания научного знания. Дж. Мичелл, например, критикуя сложившуюся практику измерения в психологии, вовсе не отрицает того, что она является наукой. Напротив, он выступает против того, что он называет *количественным императивом,* т.е. против идеи, согласно которой измерение является необходимой характеристикой науки (Michell, 2004). С его точки зрения, фундаментальный научный метод – это критическое исследование (critical inquiry), направленное на установление истины. Суть этого метода – ставить под сомнение любое заявление, претендующее на истину, т.е. наука ищет ошибки. И коль скоро задействуется метод критического исследование, дополнительные методы могут быть любыми. Их выбор «детерминируется структурой исследуемых явлений. Если они количественные, то давайте их измерять. Однако, если они не количественные, то давайте исследовать их при помощи неколичественных методов» (ibid., p. 317). В рамках такого понимания науки использование качественных методов совершенно адекватно.

Я не буду возвращаться здесь к аргументации того, что измерение есть необходимая характеристика научного знания. Я согласен с тем, что сложившаяся практика «измерения» в психологии ошибочна, поскольку не предполагает проверки того, являются ли изучаемые атрибуты количественными. Но я не согласен с тем, что исследование может быть научным, если не направлено на установление количественных законов. Отмечу лишь вновь, что устанавливать истину может не только наука. Недоверчивая жена определенно использует метод критического исследования, пытаясь установить истину, касающуюся того, где муж провел свой вечер, но она при этом не зани-

мается наукой. Она может использовать как качественные методы (беседу), так и количественные (анализ ДНК обнаруженных на его одежде волос), и она даже может в итоге установить истину, но все это не означает, что она получила научное знание. Споры литературных критиков вполне попадают под определение критического метода, и они, без сомнения, представляют культурную ценность, но это не делает литературную критику наукой. Иными словами, критический метод – важный элемент научной практики, но сам по себе он наукой не является.

Психологические законы

Хотя психология, как это было описано выше, сталкивается с серьезной проблемой доказательства измеримости изучаемых ею феноменов, это вовсе не стало препятствием для многочисленных попыток установления психологических законов. Сразу стоит сказать, что сам термин «закон» используется в психологии очень широко, и законами называются не только формализованные количественные отношения между измеряемыми переменными, но и различные принципы, обобщения и пр. Так, например, В. М. Аллахвердов (2000) формулирует закон Джеймса («Содержание сознания не может оставаться неизменным») и закон Фрейда–Фестингера («Механизм сознания, столкнувшись с противоречивой информацией, начинает свою работу с того, что пытается исказить эту информацию или вообще удалить ее с поверхности сознания»). Возможно, эти утверждения соответствуют действительности и, возможно, они были получены в процессе проведения исследований, но называть их научными законами – значит чрезмерно размывать содержание этого понятия. Чем закон Джеймса отличается от того, что можно назвать законом Гераклита («Всё движется, и ничто не остается на месте»)? Между философским рассуждением Эпикура о том, что «вселенная всегда была такой, какова она теперь, и всегда будет такой, потому что нет ничего, во что она изменяется, ведь, помимо вселенной, нет ничего, что могло бы войти в нее и произвести изменение» (Эпикур, 1955, с. 182) и законом сохранения энергии, который может быть сформулирован математически для измеряемых величин, существует принципиальное различие. В чем измеряется работа сознания в «законе Фрейда–Фестингера», как величина этой работы связана с измеренной противоречивостью информации и пр.?

В своей статье, посвященной анализу упоминаний различных законов в базе PsycLit в период с 1900 по 1999 г., К. Тайген отмечает,

что популярность термина «закон» в психологии неуклонно снижается, а современные психологи больше интересуются качественными, а не количественными обобщениями (Teigen, 2002). Вполне понятная тенденция, если учесть сложности, связанные с измерением именно психических феноменов. Он приводит и некоторые количественные законы (например, закон Фехнера или закон Хика), отмечая, что они связаны преимущественно с психофизикой, нейрофизиологией и тому подобными отраслями, которые, как указывал З. Кох, «можно считать (и, возможно, это более продуктивно) частью биологической науки» (Koch, 1974, p. 25). Если посмотреть на оригинальный закон Хика (оставив за скобками его ограничения), то в нем связывается время реакции и число стимулов, т. е. две физические величины (Hick, 1952). В психофизических законах, включая законы Фехнера и Стивенса, обычно связываются в квантитативных отношениях физические (в широком смысле) и психологические («субъективные») переменные. Оставляя за скобками обсуждение того, что методология Стивенса включала переход от реализма к форме релятивистского субъективизма (Michell, 1997), а психологические единицы часто остаются лишь цифрами, лишенными привязки к независимому эталону сравнения, нельзя не отметить, что в таких законах психическое всецело подчинено физическому, поэтому сами эти законы являются, если пользоваться терминологией Дж. С. Милля, законами тела. Как отмечал этот английский философ, психология может претендовать на самостоятельность и научный статус только в том случае, если у нее будут собственные законы. При этом он различал законы психологические и биологические. «Любое состояния сознания имеет своей непосредственной причиной либо другое состояние сознания, либо состояние тела. Если одно состояние сознания является следствием другого, то связывающий их закон есть закон сознания (*law of Mind*). Если одно состояние сознания является прямым следствием состояния тела, то мы имеем дело с законом тела (*law of Body*), принадлежащим к области физических наук» (Mill, 1848, p. 530). Вероятно, можно согласиться с тем, что в области, скажем, психофизики или анализа поведения возможны законы, в которых связываются величины, как минимум одна из которых (если не все) является величиной физической. Но, как уже указывалось выше, эти области научного знания вполне можно рассматривать как части биологической науки. Например, Б. Ф. Скиннер писал, что «экспериментальный анализ поведения представляет собой строгий, обширный и быстро развивающийся раздел *биологии*» (курсив мой. – *А. Ф.*) (Skinner, 1974, p. 231). Безусловно, многие пси-

хологи не согласятся считать психологию частью биологии. Таким образом, научное психологическое знание возникнет не просто тогда, когда будут измерены психологические величины, но когда эти психологические величины будут связаны в количественных отношениях *между собой*.

Методологическая терапия?

Физики шутят, психологи грустят... Как отмечал Б. А. Фаррелл еще в 1955 г., «когда я сравниваю психологов с представителями других областей науки и с моими коллегами-философами, я вынужден признать, что в своем большинстве психологи, по-видимому, страдают от методологической ипохондрии и некоего чувства ненадежности своего интеллектуального положения и профессионального статуса в обществе» (Farrell, 1955, p. 177). Он считал, что в этом случае может помочь психотерапия, заключающаяся в реалистическом взгляде на собственные страхи и ограничения. Спустя практически полвека схожее предложение сформулировал А. В. Юревич, рекомендовав психологии рациональную методологическую терапию, основанную на коррекции как образа самой психологии, так и образа естественных наук (Юревич, 2001). С его точки зрения, психология обладает неадекватным самовосприятием, в то время как в действительности никаких принципиальных отличий от естествознания она не имеет. Я согласен с тем, что образ естественных наук, вероятно, идеализирован, а реальный научный процесс не является исключительно рациональным предприятием. Но мне не кажется, что нет никаких принципиальных отличий между естественными науками и психологией. Эти различия существуют, но связаны они не столько с научной практикой, сколько с ее результатами, т. е. накопленным корпусом знаний или, скорее, *характером* этих знаний. Деятельность многих психологов вполне соответствует ряду критериев научной практики, то есть можно сказать, что они занимаются, по крайней мере отчасти, тем же, чем занимаются представители естественных наук. Они используют эмпирические методы, обрабатывают данные при помощи математических процедур (пусть это часто имеет мало смысла), рационально осмысляют полученные результаты, критически относятся к суждениям других психологов и получают (пусть и не всегда) *истинное* знание. Но полученное психологами истинное знание отличается от научного знания естественных наук тем, что не выражается в действительно измеренных величинах, опирающихся на установленные единицы измерения, и коли-

чественных законах, входящих в общие научные теории. Вероятно, нельзя сказать, что вся наука сводится к такого рода количественному знанию, но оно составляет ее сущностное ядро, и если его нет, то называть соответствующую область знания научной вряд ли полезно.

Возможно, психология развивается и рано или поздно станет наукой. Я, однако, полагаю, что более вероятен иной сценарий. По мере развития часть психологии, которая ассоциируется с *hard science,* будет все больше интегрироваться с физиологией и нейронауками, пока окончательно с ними не сольется. Обособится и другая ее часть, изучающая то, что можно назвать «поведением», сформировав отдельную квантитативную науку (бихевиорологию?), которая также будет входить в биологические науки в широком смысле. Наконец, третья часть психологии (по сути, психология *per se*) будет все больше отдаляться от *hard science,* превращаясь в мозаичную *soft* психологию. Это не значит, что третья часть не будет продуцировать знание, но это знание не будет научным. Не означает это и того, что это знание будет полностью оторвано от эмпирического изучения действительности. С моей точки зрения, здесь вместо термина «наука» вполне можно использовать термин «психологические исследования» (*psychological studies*), предложенный З. Кохом. Как он писал, психология «является не единой дисциплиной, а собранием исследований различного рода, часть которых можно квалифицировать как науку, в то время как большинство – нельзя. В этом выделении двух классов исследований я не подразумеваю ничего оскорбительного. Давным-давно я рекомендовал заменить термин *„психология“* термином *„психологические исследования“*, но едва ли я ожидал достичь цели» (Koch, 1993, p. 902). В каком-то смысле, то, что в психологии является научным, не является психологическим, а то, что является психологическим, не является научным. Научное и психологическое держит вместе *история* их развития, но рано или поздно исторические связи ослабнут настолько, что произойдет естественный и – к тому времени – безболезненный распад.

В свете вышесказанного методологическая терапия, которая пытается заставить психологию поверить в то, что она является наукой, вряд ли может достичь своих целей. Принимая метафору терапии, если последняя и нужна психологии, то не столько в виде коррекции самооценки, сколько в виде паллиативной помощи. С тем важным отличием, что перестав существовать как наука, психология не перестанет существовать как мозаика ценных (и не очень ценных) для человека и культуры психологических исследований.

Вместо заключения: психология как прямой и обратный инжиниринг

Так ли важно, что психология оказалось не очень успешной дисциплиной, если говорить о проекте научной психологии, которая пыталась строить себя по образцу естественных наук? С моей точки зрения, возможно, и нет. Я действительно сомневаюсь в том, что в психологии существуют общие *законы,* напоминающие законы физики. Сами попытки их искать являются отголосками картезианского мифа о двух мирах и двух фундаментальных науках. Этих законов нет, потому что мир един и в конечном итоге все законы имеют физический характер. Но значит ли это, что мы можем и должны ограничиться физическими науками? Отнюдь нет, поскольку освоение действительности не сводится к накоплению научных знаний. Еще одна важная область прогресса человечества, которая с определенного времени тесно переплелась с наукой, – это технология и инженерия. Создание технологий не обязательно подразумевает использование научного знания, но с момента изобретения науки технологии стали развиваться значительно быстрее. Конструирование новых устройств не обязательно означает прирост *научного* знания, равно как и в процессе изучения уже существующих технологий не всегда возникает новое *научное* знание.

В свете этого интересные перспективы возникают, если мы взглянем на человека не как на естественный объект, а как на естественным образом возникшую технологию. Технологиями являются и общественные институты, в которые встроен человек. И задача психолога заключается не столько в том, чтобы открыть *общие психологические законы,* сколько в том, чтобы осуществить обратный инжиниринг, поняв, как устроен и работает человек. Здесь следует отметить, как минимум, три момента. Во-первых, это задача колоссальной сложности. Человек – это биологическая технология, которая является плодом миллионов лет естественной и тысяч лет культурной эволюции. По силам ли ученым и инженерам XVI или даже XIX столетия осуществить обратный инжиниринг современного процессора? Во-вторых, это задача этическая. И в том смысле, что существуют этические ограничения на «разбор» этой технологии, и в том смысле, что далеко не очевидно, что знание того, как функционирует это устройство, является само по себе благом. В-третьих, между технологией и наукой существует различие, которое Г. Сколимовский выразил следующими словами: «Наука занята тем, что *есть,* а технология – тем, что *должно быть*» (Skolimowski,

1966, p. 375). «Должно быть» значит и то, что может быть иначе. Допустим, закон Вебера–Фехнера полностью верен и у человека интенсивность ощущения прямо пропорциональна логарифму интенсивности раздражителя. Но с точки зрения психологии как технологии этот закон подобен не закону всемирного тяготения, а связи между силой нажатия на педаль акселератора и ускорением автомобиля. Эта связь подчиняется физическим и биологическим законам, но могла бы быть и другой, если бы в ходе эволюции сенсорные системы человека развивались иначе.

Безусловно, психология как технология не может ограничить себя обратным инжинирингом существующих «психологических систем». Она, как и любая технология, направлена на конструирование более совершенных систем, что в итоге поставит ее перед очередными этическими проблемами. Когда психология действительно получит искомое технологическое знание, ключевым вопросом окажется не вопрос, как действует человек, а вопрос, как он *должен* действовать.

Таким образом, на мой взгляд, подлинная сущность психологии заключается не в том, чтобы стать наукой, а в том, чтобы принять себя как технологическую дисциплину. Ее прогресс существенно сдерживается сложностью технологий, которые она должна изучать и создавать. Но в этом и подсказка к ее будущему успеху: современные технологии возникли не сразу. Настоящее развитие психологии начнется тогда, когда мы научимся создавать устройства, способные на то, что мы называем «психической активностью».

Литература

Аллахвердов В. М. Сознание как парадокс. СПб.: ДНК, 2000.
Вигнер Е. Этюды о симметрии. М.: Мир, 1971.
Гербарт И. Ф. О возможности и необходимости применять в психологии математику // Психология. М.: ИД «Территория будущего», 2007. С. 39–56.
Губанов Н. И., Губанов Н. Н., Волков А. Э. Критерии истинности и научности знания // Философия и общество. 2016. № 3. С. 78–95.
Левин К. Определение «поля в данный момент времени» // Динамическая психология: Избранные труды. М.: Смысл, 2001а. С. 239–250.
Левин К. Поведение и развитие ребенка как функция от ситуации в целом // Динамическая психология: Избранные труды. М.: Смысл, 2001б. С. 372–426.
Никифоров А. Л. Анализ понятия «знание»: подходы и проблемы // Эпистемология и философия науки. 2009. Т. 21. № 3. С. 61–73.

Прогресс психологии: Критерии и признаки / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. Д. Марцинковской, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

Федоров А. А. Проблема измерения «психического» // Перспективы психологической науки и практики: сборник статей Международной научно-практической конференции. М.: ФГБОУ ВО «РГУ им. А. Н. Косыгина», 2017. С. 157–159.

Эпикур. Эпикур приветствует Геродота // Материалисты Древней Греции. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955. С. 181–197.

Юревич А. В. Методологический либерализм в психологии // Вопросы психологии. 2001. № 5. С. 3–18.

Юревич А. В. Интерпретативные традиции и параметры развития психологической науки // Прогресс психологии: Критерии и признаки / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. Д. Марцинковской, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 153–169.

Bird A. What Is Scientific Progress? // Noûs. 2007. V. 41. № 1. P. 64–89.

Crump T. The Anthropology of Numbers. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

Dubislav W. Die Philosophie der Mathematik in der Gegenwart. Berlin: Junker und Dünnhaupt, 1932.

Farrell B. A. On the Limits of Experimental Psychology // British Journal of Psychology. 1955. V. 46. № 3. P. 165–177.

Farrell B. A. The progress of psychology // British Journal of Psychology. 1978. V. 69. № 1. P. 1–8.

Feynman R. P. Cargo Cult Science // Engineering and Science. 1974. V. 37. № 7. P. 10–13.

Hick W. E. On the rate of gain of information // The Quarterly Journal of Experimental Psychology. 1952. V. 4. P. 11–26.

Jones E. E. Major developments in five decades of social psychology // G. Lindzey, E. Aronson (Eds). Handbook of Social Psychology. 3rd ed. V. 1: Theory and Method. N. Y.: Random House, 1985. P. 47–108.

Koch S. Psychology as Science // Philosophy of Psychology / Ed. by S. C. Brown. London: Palgrave Macmillan UK, 1974. P. 3–40.

Koch S. "Psychology" or "the psychological studies"? // American Psychologist. 1993. V. 48. № 8. P. 902–904.

Michell J. Quantitative science and the definition of measurement in psychology // British Journal of Psychology. 1997. V. 88. № 3. P. 355–383.

Michell J. Normal Science, Pathological Science and Psychometrics // Theory & Psychology. 2000. V. 10. № 5. P. 639–667.

Michell J. The place of qualitative research in psychology // Qualitative Research in Psychology. 2004. V. 1. № 4. P. 307–319.

Michell J. The logic of measurement: A realist overview // Measurement. 2005. V. 38. № 4. P. 285–294.
Mill J. S. A system of logic, ratiocinative and inductive; being a connected view of the principles of evidence and the methods of scientific investigation. N. Y.: Harper & Brothers, 1848.
Ramsperger A. G. What Is Scientific Knowledge? // Philosophy of Science. 1939. V. 6. № 4. P. 390–403.
Saatsi J. What is theoretical progress of science? // Synthese. 2019. V. 196. № 2. P. 611–631.
Sarton G. The Study of the History of Science. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1936.
Skinner B. F. About behaviorism. N. Y.: Knopf, 1974.
Skolimowski H. The Structure of Thinking in Technology // Technology and Culture. 1966. V. 7. № 3. P. 371–383.
Smart J. J. C. Can Biology Be an Exact Science? // Synthese. 1959. V. 11. № 4. P. 359–368.
Stevens S. S. On the Theory of Scales of Measurement // Science. 1946. V. 103. № 2684. P. 677–680.
Stevens S. S. Measurement, psychophysics and utility // C. W. Churchman, P. Ratoosh (Eds). Measurement: definitions and theories. N. Y.: Wiley, 1959. P. 18–63.
Teigen K. H. One Hundred Years of Laws in Psychology // The American Journal of Psychology. 2002. V. 115. № 1. P. 103–118.
Thomson W. Popular lectures and addresses in three volumes. Vol. I. London: Macmillan, 1889.

О методологическом разнообразии психологического знания[1]

И. А. Мироненко

doi: 10.38098/thry_21_0434_002

Развитие психологии в качестве самостоятельной науки, рождение которой принято относить к последним десятилетиям XIX в., с самого начала было отмечено методологическим разнообразием. Перелом XIX–XX вв. характеризовался «взрывом» новых разнообразных теорий, уничтоживших доминирование «традиционной» психологии, которая вела свое начало от Декарта и в основу которой было положено единство предмета (сознание), метода (интроспекция) и теории (ассоцианизм). Произошедшая в точке рождения новой науки бифуркация направлений была следствием радикального обновления и расширения предметной области психологии и ее методов с наступлением эпохи модерна и становлением соответствующей реальности новой эпохи неклассической науки.

С развитием нашей науки, к огорчению тех, кто полагает ее наукой допарадигмальной и надеется на переход в статус единой парадигмы, методологическое разнообразие не уменьшалось, а, напротив, последовательно возрастало. Внутри школ происходило деление: из психоанализа выделился неофрейдизм, затем гуманистическая психология. Бихевиоризм также пошел по дивергентному пути развития. Возникали и принципиально новые мощные движения, такие как когнитивная психология. Дифференциация уверенно доминировала над интегративными тенденциями.

Сегодня психологическая наука вновь переживает период взрывного роста разнообразия в ходе глобализационных изменений как нового этапа цивилизационного развития и становления глобальной науки, в том числе психологической (Журавлев и др., 2018). Еще год назад казалось, что основой глобализации науки является прежде всего мобильность профессионального сообщества в мировом масштабе. Пандемия коронавируса стала преградой для живого обще-

1 Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-013-00260.

ния ученых, однако процессы развития глобальной науки не только не остановила, но и, благодаря переходу научного общения в онлайн-формат, явилась еще одним фактором, усиливающим наметившиеся ранее тенденции формирования глобального пространства современной науки. Многообразие школ, определивших развитие психологии в первом веке ее существования как академической дисциплины (с последних десятилетий XIX до последних десятилетий XX в.), расширено выходом в новое предметное пространство культурной специфичности объектов и субъектов психологического познания и имплицитных оснований теорий, укорененных в культуре народов, что обусловливает необходимость новой методологической рефлексии психологического познания, причем не только инструментов, обеспечивающих «понимание как знание», но и методов, с помощью которых в контексте локальных школ осуществляется «понимание как интерпретация», и «понимание как постижение» (Знаков, 2005, 2016). Становление *глобальной психологии* как нового этапа в развитии мировой науки (подробнее см.: Журавлев, 2019) происходит путем формирования новых научных центров, подчеркнуто отличающихся от мейнстрима второй половины XX в. как географически, так и в отношении методологических ориентиров, сопровождается ростом разнообразия теорий и методологии психологии.

В то же время на фоне неизменной тенденции к росту теоретико-методологического разнообразия в методологии психологии на всем протяжении ее истории доминирует негативное отношение к многообразию существующих школ (парадигм, империй). На протяжении всего XX в. методологи оплакивали так называемый «кризис психологии», основным проявлением которого является отсутствие единой общепринятой теории и единых критериев научности знания. В период становления глобальной науки, когда в психологических исследованиях на первый план выступили вопросы культурных различий, надежды методологов мирового мейнстрима обращены к возможности создания *«универсальной» психологии,* которая вскроет единые для всех людей, независимо от их культурной принадлежности, законы психического, по отношению к которым культурные особенности играют ту же роль, что и программное обеспечение для компьютера, не затрагивая, собственно, его аппаратное обеспечение («железо»).

Разделяя точку зрения А. В. Юревича, что переход от монистических моделей интеграции психологического знания к плюралистическим уже происходит и является проявлением эволюции методологии психологии (Юревич, 2010), полагаю все же, что сторонники

методологического плюрализма пока еще в меньшинстве и попытка добавить аргументы в пользу такого взгляда не будет лишней.

Следует ли считать симптомом «болезни» свойство, которое характеризует все время жизнедеятельности системы? Конечно, жизнь несет в себе свойство умирания, но без умирания нет и самой жизни. Возможно, есть смысл посмотреть на множественность методологических систем психологии как на явление естественное, имманентно присущее нашей науке в силу особенности ее предмета, более того – полезное.

О вечной дихотомии описательного и объяснительного подходов

Предмет психологии качественно отличается от предметной области всех остальных наук тем, что, будучи реальным проявлением бытия, он не относится к сфере объективной реальности. Психическое субъективно по своей природе. Поэтому стремление к его научному познанию неизбежно, так как наука не может вынести за скобки существенную, даже существеннейшую для себя[1], сферу реальности, и в то же время обречено оставаться недостижимым идеалом.

Прежде всего в истории психологии неизменно присутствует дихотомия описательного и объяснительного подходов к формированию психологического знания, которые производят разные его типы.

В описательной парадигме, представленной еще Дильтеем и им же противопоставленной психологии «объяснительной», критика «объяснительной» психологии и призывы к выходу за ее рамки в первую очередь относятся к тому, как в последней представлен предмет исследования на исходном этапе анализа. В рамках объяснительной методологической традиции предполагается причинно-следственная детерминация событий объективной реальности, что и позволяет сформулировать научную (т.е. рациональную) гипотезу и произвести опытную проверку. Неприемлемость такого «объективного» исходного описания предмета исследования для психологии является постоянным аргументом критики объяснительной психоло-

---

1 В своей нобелевской речи И.П. Павлов говорил: «В сущности нас интересует в жизни только одно – наше психическое содержание. Его механизм, однако, и был, и сейчас еще окутан для нас глубоким мраком. Все ресурсы человека: искусство, религия, литература, философия и исторические науки – все это объединилось, чтобы пролить свет на эту тьму. Но в распоряжении человека есть еще один могучий ресурс – естествознание с его строго объективными методами...».

гии. Именно невозможность подойти к анализу психической реальности в ее истинной сущности и феноменологическом богатстве при использовании рационального объяснительного метода традиционно служит обоснованием обращения к методу описательному.

Альтернативой объяснительной является *парадигма описательная,* в русле которой психика как предмет анализа выступает во всем богатстве своей феноменологии. Здесь принимаются в расчет не только те характеристики предмета, которые укладываются в рациональную детерминистскую причинно-следственную картину, но и все те, которые открыты непосредственному переживанию субъекта, интуитивно постигаемы, однако недоступны рациональному анализу и объяснению.

Известная слабость описательного подхода во всех его вариантах заключается в сомнительности соответствия порождаемых теоретических моделей требованиям научности, т. е. детерминизма и рациональности. Слабость *объяснительной парадигмы* – в исходном описании предмета. Это приводит к тому, что в русле описательной психологии оказываются неприемлемыми исходные постулаты объяснительной психологии, а в русле объяснительной отвергаются итоговые теоретические модели описательной.

Как сказано в статье В. П. Зинченко и М. К. Мамардашвили, «либо объективность метода достигается ценой отказа от понимания психической реальности, либо сохранение психического достигается ценой отказа от объективности анализа» (Зинченко, Мамардашвили, 2005, с. 62).

Как известно, описательная методология в большей степени характерна для «гуманитарной» парадигмы, в рамках которой психология сотрудничает с гуманитарными же науками и психологи задаются вопросами в большей степени «зачем», чем «отчего», т. е. телеологический подход доминирует над каузальным. Объяснительная методология доминирует в естественно-научной психологии, с присущей последней каузальной ориентацией. В рамках настоящего анализа мы не будем специально останавливаться на соотношении гуманитарной и естественно-научной парадигм, полагая, что здесь первично скорее деление по предметной области исследований.

Споры между сторонниками описательной и объяснительной парадигмы то затихают, то приобретают жаркий и непримиримый характер. Достаточно вспомнить призыв Л. С. Выготского «вынести за скобки» психологической науки ее „описательную“, „понимающую“ часть: эта часть психологии должна быть отдана области

искусства, она и так все больше уходит в роман <...> в метафизику» (Выготский, 1982, с. 427). Именно бескомпромиссный разрыв с описательной психологией Л.С. Выготский полагал путем выхода из кризиса психологии, к преодолению растущего раскола направлений и школ в 1920-х годах. «Создание общей психологии есть дело не соглашения, а разрыва» (там же, с. 381). В постсоветской российской психологии противостояние названных парадигм было не менее жестким, что отражено, в частности, в статье А. В. Юревича «Естественно-научная и гуманитарная парадигмы в психологии, или раскачанный маятник», в которой положение естественно-научной (объяснительной) парадигмы характеризуется как «осадное» (Юревич, 2005, с. 147). Представляется, что определенное снижение накала этих споров сегодня обусловлено, прежде всего, тем, что и в отдельно взятых «лагерях» сторонников объяснительной и описательной методологии нет консенсуса и доминирует *тенденция дивергенции*.

Такова реальность современной психологии, но мечта о единой «правильной» методологии продолжает волновать методологов, и в свете этого недостижимого идеала методологическое разнообразие психологии не только не уменьшающееся, но растущее, представляется болезнью, лекарство от которой подобрать никак не удается: «Психологическое знание – это тоже Знание... но, во-первых, знание плохо организованное...» (Юревич, 2010, с. 36). Анализируя состояние психологического знания, А. В. Юревич заключает: «У озабоченных состоянием психологического знания имеются три варианта... либо смириться с «вечным кризисом» психологической науки, воспринимая ее как науку, находящуюся на допарадигмальной стадии развития и списывая все ее недостатки на ее недоразвитость; либо ждать как манны небесной формирования единой парадигмы, о которой давно вожделеет психологическое сообщество, которая объединит эту науку и придаст психологическому знанию организованный, устойчивый и надситуативный характер; либо попытаться найти нетрадиционные варианты организации психологического знания, не глядя с перманентной завистью вослед точным наукам...» (там же, с. 37).

О типах ценностных оснований методологии психологии

Выбирая последний из предложенных вариантов отношения к состоянию современного психологического знания и полагая, что «всё к лучшему в этом лучшем из миров», я хочу в целом подвергнуть со-

мнению вредоносность методологического многообразия в психологии.

Когда мы судим о том, хорошо или плохо что-либо для психологической науки, мы руководствуемся некоторым представлением о том, что эта наука собой представляет, чем она в реальности является и чем, по нашему мнению, должна была бы быть. Это представление, лишь отчасти осознанное, прежде всего, включает в себя и целевую функцию психологии, то, для чего существует и чему служит психология, – откуда следуют и представления о «терминальных» и «инструментальных» для психологии ценностях[1]. Возьму на себя смелость утверждать, что чем уже и определеннее представление о предназначении психологии, тем с большей страстью его носитель отрицает саму возможность иного взгляда, иного варианта понимания психологии, ее сущности, целей, служения и, соответственно, критериев, в соответствии с которыми какое-либо знание к ней относится или не относится и, если относится, то по которым оно здесь оценивается, – т.е. критериев, которые должны быть предъявлены к психологическому знанию. А варианты возможны. Попробуем наметить некоторые классификации понимания психологической науки и соответствующие им ценностные ориентации и критерии, применяемые в отношении психологического знания (см. также: Новые тенденции..., 2019; Психологическое знание, 2018; Теория и методология..., 2007; и др.).

Возьмем за основу классификации *характер деятельности,* которой занимается ученый-психолог, что предполагает те или иные мотивы ученого и его ориентацию на определенные ценности науки.

Традиционно выделяют следующие виды деятельности: игра, познание (учеба), труд. К какому из этих видов подсознательно относит свои занятия ученый? Чем для него является психология? Не вызывает сомнения то, что профессиональная деятельность как существеннейшая часть жизни ученого с неизбежностью включает элементы как игры, так и труда и, конечно, познания, поэтому речь пойдет лишь о доминировании того или иного вида деятельности (мы пока не обсуждаем проблемы познания, учебы). Представляется возможным разделить ученых на тех, кто видит в науке прежде всего игру, и тех, кто рассматривает ее прежде всего как труд.

---

1 «Одним из краеугольных камней научного познания принято считать его ценностную нейтральность, направленность на открытие истины, а не служение ценностям. Вместе с тем давно подмечено, что само научное познание превратилось в ценность» (Юревич, 2010, с. 190).

Игра

Основными характеристиками игры, если судить по определениям, даваемым ей словарями и энциклопедиями, являются следующие:

- форма деятельности в условных ситуациях;
- игра осуществляется по определенным заявленным правилам;
- вид непродуктивной деятельности, мотив которой заключается не в результатах, а в самом процессе. В этом смысле игру противопоставляют труду.

В своем фундаментальном исследовании «Человек играющий» (1938) И. Хейзинга предложил следующее определение игры: «Игра есть добровольное действие либо занятие, совершаемое внутри установленных границ места и времени по добровольно принятым, но абсолютно обязательным правилам с целью, заключенной в нем самом, сопровождаемое чувством напряжения и радости, а также сознанием „иного бытия“, нежели „обыденная“ жизнь» (Хейзинга, 1992, с. 41).

Какие особенности можно приписать методологическим ориентирам тех ученых, которые склонны понимать занятия психологией как игровую деятельность?

Прежде всего естественное и абсолютное принятие условности ситуации исследования, т. е. готовность использовать в качестве исходной точки анализа упрощенное, одностороннее, заведомо неполное представление о предмете, лабораторную его модель, выстроенную в соответствии с логикой имеющихся теоретических представлений в большей степени, чем с реальностью. Среди этих людей мы вряд ли встретим сторонников описательного подхода, ориентация, конечно же, на объяснительный. И, конечно, на наличие четких правил и их неукоснительное исполнение.

«Мечта любой науки состоит в том, чтобы представить все дисциплинарное знание в виде системы законов. <...> В то же время возможности психологии в плане выявления и формулирования общих законов нельзя и недооценивать: существует немало психологических закономерностей, которые можно сформулировать в виде общих законов. А одним из главных препятствий этому служит близость научного и обыденного психологического познания, *стремление психологии ради сохранения статуса науки провести с ним демаркационную линию и, соответственно, избегание ею утверждений, которые могут звучать слишком тривиально*» (Юревич, 2010, с. 21, курсив мой. – *И. М.*) – это сказано именно об этих людях и отражает важнейшие ценностные ориентации в их деятельности.

Применительно к этой группе попробуем рассмотреть и ранжировать внутринаучные ценности, выделяемые А. В. Юревичем с оговоркой, что ценностное поле науки «включает большое количество ценностей, образующих сложное переплетение» (там же, с. 197). Пребывая в сложном переплетении, по всей видимости, одни ценности легко могут вступать в противоречие с другими, а какие-то тесно связаны между собой в силу их общей природы:

Общенаучные ценности психологии:

- ценность научной истины и ее объективного постижения;
- объяснение мира;
- обретение возможностей его предсказания и контроля над ним;
- производство нового знания;
- построение его системы, соответствующей определенным критериям (упорядоченность, непротиворечивость и др.).

Специфические ценности психологии как социогуманитарной науки:

- стремление не просто познать человека и общество, но и сделать их лучше, усовершенствовать общество и человеческую природу;
- практическая направленность;
- социальная релевантность производимого знания, а также того знания, которым они обладают, не сами его производя, и умение его преподносить. Превращается в ценность харизматичность и «заметность» самих социогуманитариев.

Внутридисциплинарные ценности психологии:

- быть похожей на точные науки;
- не быть похожей на точные науки;
- ценность самобытности, уникальности психологической науки.

Какие общенаучные ценности доминируют у ученых «игровой» ориентации? Иными словами, каким ценностям в ситуации возможного конфликта другие ценности могут быть принесены в жертву? Доминантными для них представляются ценности: а) научной истины и ее объективного постижения, б) построения системы знания, соответствующей определенным критериям (упорядоченность, непротиворечивость и др.). Оставшиеся общенаучные ценности ставятся в зависимость от доминантных и принимаются в расчет только в той мере, в какой они соответствуют первым.

Специфические ценности психологии как социогуманитарной науки в том виде, в каком они представлены выше, особого веса во-

обще не имеют, поскольку входят в противоречие с высокозначимой ценностью из следующей группы внутридисциплинарных ценностей психологии: быть похожей на точные науки.

Таким образом, явно выделяется триумвират тесно связанных между собой ценностей, по отношению к которым все остальные оказываются существенно ниже рангом и в высокой степени зависимыми:

- ценность научной истины и ее объективного постижения;
- построение системы знания, соответствующей определенным критериям (упорядоченность, непротиворечивость и др.);
- быть похожей на точные науки.

Если говорить о приоритете одной из этих трех ценностей, о придании ей терминального характера таким образом, что остальные две станут инструментальными, пожалуй, вторая ценность – построение системы знания, соответствующей определенным критериям (упорядоченность, непротиворечивость и др.) – может претендовать на статус абсолютного и высшего блага.

Труд

Для тех, кто рассматривает занятия психологией прежде всего как труд, приоритеты и ориентации будут иными. Для труда важен результат, т. е. полезность исследований. О том, насколько распространен подобный взгляд среди ученых, принадлежащих к тем или иным «школам» психологии, можно судить по тому, насколько в рамках той или иной школы связаны теория и практика (см.: Взаимоотношения..., 2015; Галкина, Журавлев, 2019; и др.). Известный и непреодолимый схизис проявляется неравномерно. Выскажу предположение, что отрицательное мнение практиков менее выражено по отношению к глубинной психологии, чем по отношению к когнитивизму с его компьютерной метафорой.

Игра и труд недаром противопоставлены как виды деятельности. Идеальное и полное знание – недостижимый идеал. Реальное психологическое знание, как и вообще научное знание, всегда в чем-то ошибочно, ущербно, что-то в нем не учтено, чем-то пренебрегли... И тут одни говорят: «Какая разница, что методология, с помощью которой получено некоторое знание, не совершенна, не соответствует строгим критериям научности! Пусть что-то чему-то противоречит в посылках, выборки не вполне репрезентативны и расчеты сомнительны, – важно, что оно работает!». Другие: «Какая разница,

что оно работает, если оно не соответствует критериям научности!». Возможность использования «ненаучного» или недостаточно научного знания воспринимается как опасность, так как «близость и богатые возможности обыденной психологии в качестве источника психологического знания создают опасность для научной психологии, заключая в себе постоянную угрозу ее статусу как науки и заставляя ее постоянно отвечать на вопрос: „Чем научное психологическое познание отличается от обыденного и зачем нужны профессиональные психологи, если каждый человек – психолог?“ Это вынуждает научную психологию постоянно поддерживать дистанцию с психологией обыденной, трактовать ее наблюдения и обобщения как ненаучные» (Юревич, 2010, с. 47).

В рассуждениях ученых, для которых главной ценностью является соответствие знания критериям научности, мне видится определенное логическое противоречие. Аргументируя необходимость строго следовать критериям научности, они делают упор именно на том, что наука – наиболее действенный, эффективный вид познания, непосредственно влияющий на жизненные реалии, с чем не поспоришь. При этом в зону слепого пятна методологов уходит практическая бесполезность львиной доли психологического знания, полученного с учетом этих критериев. Именно такие исследования порождают те горы фактов, которые наполняют страницы тысяч психологических журналов во всем мире, ничем не способствуя ни практике, ни продвижению в понимании сущности психического: «Типовой продукт исследования, выполненного в русле академической психологии, – это коэффициенты корреляции между переменными, демонстрирующие, „что на что влияет“, и имеющие весьма отдаленное отношение к потребностям практической психологии» (Юревич, 2010, с. 42).

Может быть, что-то не так с критериями?

Как же мы можем описать ценностные ориентации тех, кто видит в занятиях психологией трудовую деятельность, деятельность ради результата?

Среди общенаучных ценностей психологии доминируют как раз те, что оказались второстепенными в случае «игровой» ориентации: объяснение мира, обретение возможностей его предсказания и контроля над ним, а также производство нового знания. С этими ценностями ставятся в зависимость и ценность научной истины и ее объективного постижения, и построения системы знания, соответствующей определенным критериям (упорядоченность, непротиворечивость и др.). Картина получается зеркальная по сравнению с первой описанной группой.

Специфические ценности психологии как социогуманитарной науки здесь обретают огромную значимость, становятся главными и ведущими во всей системе ценностей. Среди внутридисциплинарных ценностей психологии представляется более других значимой ценность самобытности, уникальности психологической науки, необходимая для обоснования разнообразия психологической практики.

Таким образом, имеется иерархия, где специфические ценности психологии как социогуманитарной науки, тесно связанные между собой, имеют максимальную значимость, выступают в качестве своего рода терминальных ценностей. Система обозначенных выше общенаучных ценностей выступает в качестве инструментальной подсистемы, куда мы отнесем и ценность самобытности, уникальности психологической науки.

В нашем анализе мы временно отложили вариант деятельности ученого, для которого ведущей ценностью являлось бы познание как таковое. Отложили в силу того, что сама научная деятельность предполагает эту доминанту. Применительно к рассмотренным выше вариантам научное познание выступает как игра или же как труд. Основные функции науки: объяснение мира, обретение возможностей его предсказания и контроля над ним — в рассмотренных системах ценностей играют подчиненную роль. Могут ли эти ценности быть приоритетными? Как соотносились бы с ними при этом остальные виды ценностей?

Если в абсолютном приоритете взаимосвязанные ценности объяснения мира, обретения возможностей предсказания его изменений и контроля над ними, то все остальные (общенаучные и ценности психологии как социогуманитарной науки, внутридисциплинарные, ценности объективности познания и его соответствия каким-либо критериям и практической полезности, релевантности запросу момента, похожесть-непохожесть на другие науки) имеют инструментальный характер и *обусловлены ситуативно, т.е. значимы в той мере, в какой они работают на главные в конкретной ситуации.*

Основываясь на таких посылках, мы приходим к достаточно тривиальному утверждению: методология науки как познания должна прежде всего соответствовать предмету последней, чтобы получаемое психологическое знание обеспечивало его адекватное отражение.

О многомерности предмета психологии

Принимая определение предмета психологии как «мир наших душевных явлений» (А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский), «наш вну-

тренний мир» (В. Д. Шадриков, В. А. Мазилов), «наше психическое содержание» (по словам И. П. Павлова), мы не можем не признать бесплодной любую попытку выстроить адекватную, целостную и полную, теоретическую модель путем проекции на какую-либо одну «методологическую плоскость».

Психическое субъективно по своей природе, но не однородно. Мир наших душевных явлений имеет сложное строение. Важным прорывом в методологии психологии может стать предложенная В. В. Знаковым трехуровневая модель человеческого понимания (Знаков, 2016), где выделены три типа «жизненных миров» человека, в каждом из которых действует своя логика, свои законы и типы понимания (см. таблицу 1).

Принимая столь сложную, неоднородную структуру «внутреннего мира человека», можем ли мы надеяться выстроить адекватное предмету его объяснение, предсказание и контроль, оставаясь в пределах одной логики, одной системы законов и критериев познания? Мечта о такой единой системе до сегодняшнего дня будоражит умы теоретиков (Mammen, 2017), однако, на мой взгляд, она принципиально неосуществима, по своей природе носит редукционистский характер.

Таким образом, представляется целесообразным даже в пределах феноменологической реальности психического рассматривать возможность и даже необходимость плюрализма методологических подходов.

Таблица 1

Понимание субъектом реальностей мира человека (Знаков, 2016, с. 48)

Теоретические основания понимания	**Три реальности мира человека**		
	Эмпирическая	**Социокультурная**	**Экзистенциальная**
Традиция психологических исследований	Когнитивная	Герменевтическая	Экзистенциальная
Способ понимания мира	Парадигматический	Нарративный	Тезаурусный
Основания понимания	Знание и значение	Мнение и смысл	Переживание и опыт
Тип понимания	Понимание-знание	Понимание-интерпретация	Понимание-постижение

Но самой важной, сложной, актуальной и болезненной представляется проблема реализации *принципа методологического* плюрализма в контексте «вертикальной интеграции» психологии (Юревич, 2010), т.е. интеграции психологического знания о феноменологической субъективной представленности психического и знания о сторонах и аспектах существования психического в его соотношении и взаимодействии с объективной реальностью. Эта проблема включает в себя уже описанное выше противостояние объяснительной и описательной парадигм, но этим противостоянием не исчерпывается.

О «вертикальной» интеграции психологии

В русле разработки «проекта научной психологии», т.е. знания, построенного на основе принципов объективности, детерминизма и рациональности, веками и даже тысячелетиями разрабатывались и разрабатываются сегодня учеными линии объяснения психического через его «объективное» содержание – психическое как образ мира (психофизическая проблема), и через «носителя» психического – организм (психофизиологическая проблема). На основе и в русле этих линий научного поиска сформирован массив фундаментального и достаточно достоверного психологического знания, составляющий содержание дисциплины «Общая психология» в профессиональном психологическом образовании. Психолог, обладающий этим знанием, хотя бы до известной степени имеющий в голове «карту» предметной области психологии, где отмечены соответствующие области психологического знания, по-другому смотрит и на те области, которые непосредственно к психофизической и психофизиологической проблемам не относятся, прежде всего, например, на фокусные для современной российской психологии проблемы личности. Поиному их видит тот, кому и в голову не приходит как-то соотносить проблемы психологии личности с массивом научного общепсихологического знания о процессах и состояниях. И это отсутствие принятия во внимание знания о процессах и состояниях при анализе проблем личности – тоже своего рода редукционизм, хотя, на первый взгляд, речь не идет о сведении сложного к более простому и рационально понятному. Здесь есть актуальная методологическая проблема психологии, принципиально важная для перспектив ее современного развития.

Приведу пример из собственной преподавательской практики. Юноша-магистр с законченным высшим образованием в области математики поступил на обучение по специальности «Психология

личности». Подобно многим, он часто сетовал на несовершенство психологического знания. Однажды он мне сказал, что в психологии нет фундаментальных теорий. На этом основании он уже разработал некий план спасения нашей науки. Я закончила факультет психологии ЛГУ им. А. А. Жданова по специализации «Общая психология», здесь же защитила кандидатскую и докторскую диссертации, тоже по общей психологии. Я пыталась осознать то, что он сказал, в контексте своей картины науки. И тут мне вспомнился другой эпизод, который для меня стал объяснением происходящего и одновременно в новом свете высветил, что происходит с наукой. В 2006 г. мне довелось участвовать в международном форуме «Образ российской психологии в регионах страны и в мире». В своем выступлении коллега из Сибири доказывал необходимость включения дисциплины «Общая психология» в учебный план подготовки психологов. Поскольку для меня вопрос был самоочевиден, я подошла к докладчику и спросила: а в чем, собственно, проблема? Он ответил, что подготовку по психологии их университет открыл, а среди преподавателей нет ни одного с психологическим образованием. Возникают большие проблемы с тем, чтобы читать общую психологию. С другими дисциплинами справляются, а эту – не могут. Вот и возникло уже мнение – убрать ее из учебного плана. Я много раз приводила этот эпизод как пример абсурдности происходящего с психологией после перестройки. И вот в разговоре с сегодняшним магистром я осознала, что психолог, не обремененный знанием общей психологии, – это не абсурд, не шутка, это реальность современной российской психологии, современного профессионального образования. То немногое из психологического знания, что я вижу в своей картине психологической науки даже не как верхушку айсберга, а как небольшой рукав, маленькое ответвление великой реки, юноша считает тем целым, которое является психологией. «И состоит сегодня слон из одного хвоста»... Юноша не знает, не осознает, не принимает в расчет всего, что называют общей психологией. Возможно, вообще не подозревает о существовании этого массива психологического знания. Бакалавриат по психологии он не заканчивал. А магистром психологии сегодня можно стать, познакомившись с отдельно взятым ее кусочком, будь то хвост, хобот или ухо – в зависимости от учебной программы. И это одно из закономерных проявлений стремления к методологическому монизму – через «вынесение за скобки» всего, что в этот монизм не укладывается.

Массив имеющегося психологического знания огромен, никто не может охватить его полностью, это тривиально. Однако психолог

должен иметь хотя бы общее представление о предметной области своей науки, о ее структуре и о содержании имеющегося психологического знания. Пусть в его представлениях все это не будет интегрировано рационально, логично и последовательно, возможности понимания не исчерпываются рациональным познанием и при этом приносят свои результаты. Даже если «психологи, в своем профессиональном мышлении воспроизводящие общие закономерности человеческого мышления, проявляют отчетливо выраженную нетерпимость к подобной – «параллельной» – детерминации явлений» (Юревич, 2010, с. 150).

Как убедительно показано А. В. Юревичем, «горизонтальная интеграция» психологии сегодня успешно осуществляется, «диагональная» также не вызывает тревоги (там же). Беспокойство вызывает то, что в части «вертикальной» интеграции доминируют практически безраздельно монистические устремления: либо к поглощению соседней области (типично для объяснительных вариантов методологии естественнонаучного образца), либо к игнорированию соседа, «вынесению его за скобки» (типично для психологии «сложных контекстуально опосредованных явлений» феноменологического плана).

Представляется, что оба варианта монизма смертельно опасны для психологической науки, чреваты деградацией и обесцениванием психологического знания, производимого школами, идущими по такому пути, потому что «понять и объяснить психику можно, только рассматривая ее одновременно и как порождение социума, и как функцию нейронов, и как многообразие нашего феноменального мира, и в других ипостасях» (там же, с. 149).

Методология психологии в изменяющемся мире

А. В. Юревич характеризует психологическое знание как «знание «скользящее», изменяющееся вслед за его постоянно изменяющимся объектом» (Юревич, 2010, с. 36). Эта особенность представляется в максимальной степени полезной и востребованной в современном мире, который уже привычно называют изменяющимся. Человек изменяет мир и себя как часть его с нарастающей скоростью. Ярким примером радикального изменения мира стала пандемия COVID-19, принесшая в жизнь каждого из людей перемены такого масштаба и направленности, каких никто не ожидал. Не повторяя ставшие тривиальными фразы о текучей и непредсказуемой реальности современного мира, отметим, что в этом изменяющемся мире полю-

сом, средоточием, узлом, источником и генератором изменений является как раз предмет нашей науки.

Во всех областях жизни, в науке и практике, возникают новые задачи, и рождаются новые острые запросы к психологии. Обновляющаяся реальность требует появления новых психологических теорий для ее отражения. Так, в свое время компьютерная революция породила не только когнитивную психологию с ее компьютерной метафорой, но и теории креативности – качества интеллекта, которое компьютеры не могли взять на свои плечи, когда они, войдя повсеместно в жизнь, обесценили частично для практики качества, до того времени высоко ценимые и находящиеся в центре внимания психологов, исследовавших интеллект: способность быстро и безошибочно обрабатывать большие массивы информации. Когда в последних десятилетиях XX в. профессии «человек–человек» стали самыми массовыми в развитых странах и возник спрос на способности понимать людей и управлять ими, появились теории социально-эмоционального интеллекта. Нет оснований сомневаться, что в современном стремительно обновляющемся мире возникнут и уже возникают принципиально новые запросы человеческой практики (так, например, уже началось и, несомненно, продолжится «слияние» человека и машины), которые потребуют от психологии новых теорий и подходов.

Психологическое знание в высокой и возрастающей с ускорением темпов изменения мира степени исторично. Теории, широко применяемые, адекватные своему времени вместе со своим временем уходят (что пока не стало предметом большого внимания психологов, но широко обсуждается социологами). В то же время идеи, имеющиеся в истории психологии, но не получившие еще широкого распространения, приобретают шанс на иррадиацию в изменившемся мире, подобный тому, который получили первые млекопитающие после того, как динозавры не справились с изменившейся в результате катаклизма средой обитания. Развитие новых технологий представляется возможным рассматривать как фактор продолжающейся и ускоряющейся биологической эволюции человека (Мироненко, Журавлев, 2019), что придает новую актуальность идеям, высказанным ранее Б. Г. Ананьевым (1977), и в целом теоретической модели человека, заложенной в российской советской психологии, отличающейся от представлений, доминировавших в западноцентрическом мейнстриме XX в. (Мироненко, Журавлев, 2019; Мироненко 2019).

Новые актуальные направления и порождаются новейшими технологическими изменениями (см., например: Нестик, Журавлев, 2019

и др.), и возвращаются к новой жизни из наследия психологической науки. Психологическое знание живет, разрастается и дифференцируется вслед за своим изменяющимся предметом.

В поиске путей «вертикальной» интеграции растущего и дифференцирующегося психологического знания в современном мире мне представляется крайне важным *сохранение ориентации на исторически сложившуюся традицию,* воплощенную в двух психологических дисциплинах: общей психологии и истории психологии. При всех имеющихся национальных и локальных особенностях в строении и содержании этих дисциплин все же достаточно много общего. Массив накопленного психологической наукой знания уже интегрирован в них в той форме, которая оказалась такой, какой она только и может быть – плюралистической. Такая организация психологического знания естественна, как организация любой естественной науки, структура и методология которой определяются ее предметом. Этот предмет она призвана объяснить, предсказать и контролировать. Попытки «монистов» переструктурировать этот массив грозят лишь изуродовать естественно сложившуюся систему, лишить ее жизненно важных частей, добавить же что-либо полезное они вряд ли способны.

Естественно сложившаяся в процессе исторического развития дисциплины, полипарадигмальная, плюралистическая система психологического знания, обладающая потенциалом методологического разнообразия, подобно складному ножу, адекватна предмету и задачам психологии. Методологическое *многообразие* психологии – не болезнь, а *потенциал* ее развития.

Литература

Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977.

Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.

Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Л.С. Выготский. Собр. соч. В 6 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1982. С. 291–436.

Галкина Т.В., Журавлев А.Л. Развитие научных идей Я.А. Пономарева: от теории и методологии к практико-ориентированной психологии // Взаимодействие академической и практико-ориентированной психологии в сфере образования: Материалы II

национальной научно-практической конференции / Под науч. ред. В.А. Мазилова. Ярославль, 2019. С. 13–15.

Журавлев А.Л. Глобальная психология и глобалистика: попытка науковедческого анализа // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества / Под общ. ред. А.Н. Савенкова. М., 2019.

Журавлев А.Л., Мироненко И.А., Юревич А.В. Психологическая наука в глобальном мире: вызовы и перспективы // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 2. С. 58–71.

Зинченко В.П., Мамардашвили М.К. Проблема объективного метода в психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 3. Метод психологии. Ярославль: МАПН, 2005.

Знаков В.В. Психология понимания: Проблемы и перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.

Знаков В.В. Психология понимания многомерного мира человека // Вестник СПбГУ. Сер. 16. 2016. Вып. 1. С. 47–57.

Мироненко И.А. Биосоциальная проблема и становление глобальной психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019а.

Мироненко И.А., Журавлев А.Л. Биосоциальная проблема в контексте глобальной психологической науки: об универсальных характеристиках человека // Психологический журнал. 2019б. Т. 40. № 6. С. 87–98.

Нестик Т.А., Журавлев А.Л. Социально-психологические последствия внедрения новых технологий: перспективные направления исследований. Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 5. С. 35–47.

Новые тенденции и перспективы психологической науки / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019.

Психологическое знание: современное состояние и перспективы развития / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.

Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.

Хейзинга И. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992.

Юревич А.В. Естественнонаучная и гуманитарная парадигмы в психологии, или Раскачанный маятник // Вопросы психологии. 2005. № 2. С. 147–151.

Юревич А.В. Методология и социология психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.

Mammen J.S. A New Logical Foundation for Psychology. Springer, 2017.

Проблема систематизации и мониторинга видов научного психологического знания

С. В. Фролова

doi: 10.38098/thry_21_0434_003

Современное научно-психологическое знание представляет собой разветвленную, многослойную, изменяющуюся мегасистему, состоящую из множества систем и подсистем. Это проявляется, например, в том, что предметом научного анализа все чаще становятся не отдельные направления психологической мысли, а целые множества систем психологии (Прохазка, Норкросс, 2007; Смит, 2003). В связи с быстрым накоплением и разрастанием психологического знания выделяются внутренний и внешний виды интегративных процессов (Бэрон, Бирн, Джонсон, 2003). На основе внешней интеграции психологии с другими науками возникают новые, порой очень сложно устроенные области междисциплинарного знания, например, психонейроэндокриноиммунология (Смит, 2003, с. 17). Внутренняя интеграция в психологии возникает на основе взаимодействия различных ее отраслей, теорий и подходов. Как показал наш недавний наукометрический анализ, достаточно большое число современных эмпирических исследований в психологии происходит на пересечении проблемных полей нескольких ее отраслевых дисциплин (Фролова, 2019, с. 248, 259). Это приводит к формированию таких внутренне интегрированных систем знания, как, например, социально-когнитивная возрастная психология (Jarcho, Davis, Shechner et al., 2016), кросс-культурная экономическая психогенетика (Tucker-Drob, Bates, 2016) и др.

Однако в научном психологическом знании сегодня, наряду с тенденциями синтеза (Марцинковская, 2002, с. 10; Смит, 2003, с. 17), внешней и внутренней интеграции (Бэрон, Бирн, Джонсон, 2003) в целостные системы и подсистемы, появляется и тенденция изоляционизма (Мироненко, 2019). Как отметили А. Л. Журавлев и А. В. Юревич, для психологической науки характерно устойчивое сочетание процессов дифференциации и интеграции (Журавлев, Юревич, 2019, с. 6). К такому выводу ученые пришли на основе анализа результатов

сопоставления двух «срезов» видения основных тенденций в психологии с интервалом в тридцать лет (1989–2019).

Постоянное разрастание психологического знания за счет выстраивания новых внутренних и внешних связей, одновременно усиливающих как тенденцию к интеграции, так и тенденцию к дифференциации, приводит к тому, что оно может восприниматься как пестрое «лоскутное одеяло» (там же, с. 8). Научная рефлексия такого многообразия в психологическом знании закономерно вызывает потребность тщательного упорядочивания и структурной организации (см., например: Психологическое знание..., 2018). Эффективным способом логической организации совместного действия разнонаправленных процессов дифференциации и интеграции знания является процедура его систематизации и видовой классификации на основе осмысления и описания разнообразных по форме и содержанию критериальных признаков. Для выделения видов научного знания в психологии полезным может оказаться опыт философского анализа строения и развития науки, осмысления ее различных программ и уровней знания, особенностей взаимодействия ее традиций и новаций.

Эмпирическое, теоретическое, инструментальное и эпистемологическое знание в психологии

По мнению философа М.А. Розова с соавт., одним из оснований для классификации научных программ могут служить их функции в системе науки (Степин, Горохов, Розов, 1995, с. 89–106). По данному основанию ими предложено выделять исследовательские и коллекторские научные программы: одни задают способы получения знаний, другие служат постановке новых вопросов, отбору, организации и систематизации знаний.

Специфика методов и характер предмета исследования, по мнению известного философа В.С. Степина, могут выступать основанием для выделения двух основных уровней научного познания и соответствующих им типов исследовательской деятельности – теоретического и эмпирического (там же, с. 179–226). Эмпирическое исследование стремится изучать явления и зависимости между ними. Теоретическое познание ориентировано на выделение сущностных связей и законов, которым подчиняется изучаемый объект. Результатами реализации исследовательских, коллекторских программ, производства знания на эмпирическом и теоретическом уровнях могут становиться различные структурные компоненты в пространстве

научного знания – методы исследования, научные факты и теории (Веракса, 2013, с. 138). На наш взгляд, в соответствии с теми структурными компонентами, которые оказываются главными результатами производства знания, можно выделить *эмпирический, теоретический* и *инструментальный* виды научного психологического знания. *Эмпирическое психологическое знание* предполагает анализ отдельных явлений и связей между ними, наблюдаемых непосредственно или регистрируемых с помощью особых психометрических средств с целью установления научных фактов, фиксируемых в знаково-символических формах. *Теоретическое психологическое знание* предполагает использование сложных абстрактно-логических форм обобщения научных фактов с целью построения внутренне непротиворечивой системы знаний о сущностных связях и законах, которым подчиняется изучаемая часть психической реальности. Данная система знаний позволяет с единых позиций объяснять структурные, функциональные, генетические особенности исследуемой психической реальности и прогнозировать ее изменения. *Инструментальное психологическое знание* стремится к производству способов, методов, методик, технических средств и технологий получения знаний и преобразования изучаемой реальности. Данный вид психологического знания ориентирован на разработку и усовершенствование методов сбора, обработки и анализа эмпирических данных, методов построения психологических теорий, моделирования психических процессов, методов формирования и преобразования психологических и социально-психологических состояний и процессов. Этот вид знания предполагает достаточно широкий спектр актов научного производства: создание сценариев и моделей констатирующих и формирующих экспериментов, вербализованных инструкций, задающих методику проведения исследований, образцы тестовых и экспериментальных задач, разработку специального психодиагностического и экспериментального оборудования, конструирование психотехнологий для саморегуляции и психокоррекции и мн. др.

В один ряд с эмпирическим, теоретическим и инструментальным видами психологического знания, различающимися не только по характеру производимого структурного компонента научного знания, но и по его объекту, на наш взгляд, следует поставить такой вид, как *эпистемологическое знание.* Под эпистемологией (*гр.* наука о знаниях, от ἐπιστήμη – «знание», λόγος – «учение») в широком значении этого термина понимается теория научного познания, а в узком – «философско-методологическая дисциплина, в которой исследуется знание как таковое, его строение, структура, функционирование

и развитие» (Новейший философский словарь, 2003, с. 1232). Объектом эпистемологии является само научное знание, а ее главные вопросы связаны с тем, как устроено и развивается знание, каковы механизмы его реализации в научно-теоретической и практической деятельности. В эпистемологии разрабатываются особые аналитические, операциональные, структурно-функциональные, нормативные методы исследования знания. Целью и результатом производства эпистемологического знания в психологии становится установление особенностей и закономерностей строения, структуры, функционирования и развития психологического знания, а также прогнозирование его динамики и построение перспектив и программ будущего эффективного развития. Достаточно существенным аргументом в пользу выделения эпистемологического знания в психологии является возрастающее количество исследовательских работ, объектами которых являются генезис тех или иных теорий и научных школ, а также прогнозирование дальнейшего развития психологической науки. Так, например, в 2016 г. выход в свет статьи А.Л. Журавлева, Т.А. Нестика и А.В. Юревича в «Психологическом журнале» было положено начало изучения относительно новой проблемы, посвященной современному прогнозу развития психологической науки и практики. Науковедческому анализу основных тенденций в психологии в последнее время посвящено достаточно много работ отечественных ученых (Новые тенденции..., 2019; Парадигмы в психологии..., 2012; Прогресс психологии..., 2009; Теория и методология..., 2007; и др.). С 2006 г. выходит в свет специальный журнал «Perspectives on Psychological Science» («Перспективы психологической науки»), издаваемый международной ассоциацией ученых-психологов «Association for Psychological Science», публикующий работы ученых разных стран, посвященные философии науки, прогнозированию перспективных направлений психологии, построению программ совершенствования исследовательской практики, планируемым теоретическим проектам, результатам использования широких интегративных обзоров и метаанализа в психологии.

Эпистемология пользуется понятием научной рефлексии, понимаемой М.А. Розовым с соавт. как способность рефлексирующей системы научного знания к описанию своего поведения и целенаправленному использованию данного описания в качестве правил и алгоритмов дальнейших действий (Степин, Горохов, Розов, 1995, с. 153–163). *Научная рефлексия* рассматривается в качестве базового механизма, конструирующего и определяющего процесс производства знания. Рефлексия учеными содержания и продуктов своей

профессиональной деятельности, наряду с осмыслением основных достижений прошлого, становится одним их важнейших механизмов развития научной системы, позволяя оптимизировать дальнейшую активность и научные поиски.

Итак, эмпирический, теоретический, инструментальный и эпистемологический виды психологического знания различаются по критерию содержания конкретного производимого результата и соответствующего структурного компонента в системе научного знания. Эмпирическое знание служит обнаружению научных фактов, теоретическое – установлению научных законов, объясняющих сущностные связи выявленных фактов об изучаемой психической реальности, инструментальное – разработке способов, методов и технических средств получения знаний и преобразования изучаемой реальности, эпистемологическое – изучению строения, структуры, функционирования, производства, развития и прогнозирования процесса построения психологического знания.

Трансмиссионное, инкрементальное, прогностическое и действенно-преобразующее психологическое знание

В качестве еще одного важного критерия для выделения видов научного психологического знания, по нашему мнению, может служить характер и степень выраженности их новационности и способности получения преобразующих социально значимых эффектов. Однако любые новации, как правило, базируются на уже созданном и проверенном временем научном фундаменте. Научное знание рассматривается М. А. Розовым с соавт. как взаимодействие традиций и новаций (там же, с. 66–152). Наука не только служит производству знаний, но и является особым механизмом централизованной социальной памяти. Научное производство, как и функционирование социальной памяти, невозможно без традиций в организации знания, в постановке его задач, в управлении процессом его получения в соответствии с ценностными ориентирами. Многие научные результаты возникают в рамках вполне традиционной работы.

Как заметил М. А. Розов, впервые в качестве основного конституирующего фактора научного развития традиции стали рассматриваться Т. Куном (см.: Розов, 2019). Развитие науки происходит не вопреки традициям, а благодаря свойственной ей традиционности.. *Традиция* стала пониматься не как тормозящий фактор, а как условие быстрого накопления знания, как основа для будущих исследований. Научное познание сопряжено со сложным многообрази-

ем традиций, различающихся по содержанию: управляющие ходом научного исследования, служащие образцом для построения новых теоретических проектов, определяющие форму фиксации полученных данных, задающие принципы организации и систематизации знания и т. д.

Традиции различаются не только по содержанию, но и по способу воспроизведения. Как показал известный химик и философ М. Полани, ряд традиций в науке не носит явного, вербализованного характера (там же). Это, например, относится к ценностям, логическим формам мышления, здравому смыслу, научной интуиции и образцам решения некоторых научных задач, которые не могут быть переданы посредством формулировок в тексте, а нуждаются в непосредственной демонстрации и со-переживании для их передачи. Явные же, вербализованные, традиции могут успешно передаваться посредством научных текстов. Некоторые историко-психологические работы способны выполнять преимущественно задачу передачи знаний более молодым поколениям ученых. Для обозначения механизма передачи культуры и определенных черт поведения от одних поколений другим с использованием познания и обучения в психологической антропологии и кросс-культурной психологии сегодня активно используется термин культурной трансмиссии (Берри и др., 2007, с. 31; Лебедева, Лепшокова, Галяпина, 2016). На наш взгляд, вид научного знания, решающий задачи сохранения, распространения и передачи определенных традиций, принципов и способов организации научной деятельности в сообществе ученых, может называться *трансмиссионным*. Подобно тому как Дж. Берри выделил вертикальную (от одного поколения к другому) и горизонтальную (между сверстниками) культурную трансмиссию (Берри и др., 2007, с. 32), в процессе построения профессиональной деятельности ученых можно различать научно-историческую (временну́ю) и научно-географическую (пространственную) трансмиссии. В случае исторической трансмиссии происходит передача знаний, накопленных предыдущими поколениями; в случае географической – знания, полученные исследователями-современниками, представляющими деятельность других национальных школ. Трансмиссионное психологическое знание не является новационным, поскольку само не производит ничего нового, осуществляя функции сохранения традиций и передачи информации о профессиональной деятельности в научном сообществе. По критерию степени выраженности новационности трансмиссионное знание может быть помещено на самой первой ступени развития этого свойства научной деятельности (см.

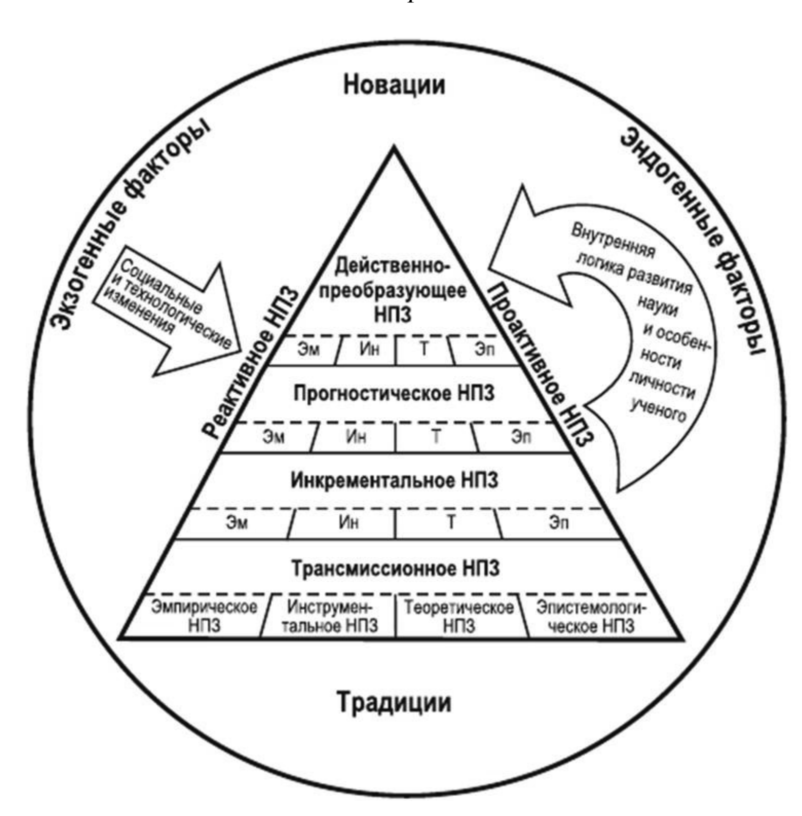

Рис. 1. Модель системы основных видов научного психологического знания.
НПЗ – научно психологическое знание, Эм – эмпирическое знание, Ин – инструментальное знание, Т – теоретическое знание, Эп – эпистемологическое знание

модель системы основных видов научного психологического знания на рисунке 1).

Отметим, что историко-психологическое знание не всегда будет полностью трансмиссионным. Ретроспективное исследование может служить также построению реноваций в психологическом знании для продолжения уже сформировавшихся направлений исследований. Так, например, в одной из статей Л. М. Попова, Е. Н. Ибрагимовой и П. Н. Устина был осуществлен ретроспективный анализ концепции психологии творчества Я. А. Пономарева и намечены широкие перспективы ее использования в новых условиях развития знания для изучения психологии саморазвития (Попов, Ибрагимова, Устин, 2016). Как показало одно из предыдущих наших исследований, по-

священных образу будущего науки, построение перспектив психологии далеко не всегда связано с появлением принципиально новых разработок. Одной из характерных черт значительной части представляемых учеными перспектив психологии, которые освещаются в научных публикациях, является их *реновационность*. В частности, это проявляется в мыслях современных ученых о том, что будущее психологии будет связано в первую очередь с усовершенствованием точности и организации уже сформировавшихся областей знания (Фролова, 2019, с. 266–267).

Новации в научном знании могут быть выделены в связи с различными критериями: степенью новизны, преобразующим новационным потенциалом, характером тех изменений в наукообразующих программах, которые они вызывают (в постановке новых проблем, в разработке новых направлений и методов, в создании новых теорий, в обнаружении новых явлений и др.). Однако, как отметили М. А. Розов с соавт., основная масса повседневно производимых знаний в рамках существующих научных программ по существу ничего в них не меняет (Степин, Горохов, Розов, 1995, с. 108). Новационность данного типа знаний носит относительный характер, но именно подобные, вполне традиционные, процессы повседневного накопления знаний часто приводят к качественным изменениям в научных программах. Данный вид научного знания можно назвать накопительным, или *инкрементальным* (термин С. Р. Яголковского – Яголковский, 2011, с. 23). Инкрементальность (от *лат.* incrementum – рост, увеличение) означает постепенный процесс увеличения чего-либо посредством очень малых приращений.

Посредством инкрементального вида знания психологическая наука может постепенно развиваться, накапливая огромный объем информации и опыт решения задач. Но, не будучи еще доведенным до какого-либо явного результата, получения продукта, удовлетворяющего определенным требованиям, или завершения целостного процесса, инкрементальное знание не дает возможности его использования для преобразований в социальной практике. Большая часть публикуемых результатов эмпирических исследований в психологии носит инкрементальный характер. Авторы подобного рода работ могут отмечать, например, ограничения в использовании полученных данных, связанные с недостаточной репрезентативностью выборки, с особыми условиями проводимых исследований (см., напр.: Мирошник, Щербакова, 2020) и обусловленности экспериментальных результатов возможным действием определенных социально-психологических механизмов (установками, аттитюда-

ми, эффектом Пигмалиона и т. д. – Годфруа, 1992, с. 125–126), искажающих восприятие испытуемых и экспериментаторов.

Достаточно яркими примерами таких инкрементальных работ являются репликационные исследования, представляющие собой повторение, копирование прошлых исследований с целью подтверждения или опровержения выявленных научных фактов. Как показал наш наукометрический анализ (Фролова, 2019, с. 256, 292), репликационные исследования становятся достаточно широко распространенным явлением в современной зарубежной психологии. По критерию степени выраженности такого свойства научной деятельности, как новационность, инкрементальное знание может быть помещено на ступень выше, чем трансмиссионное (см. модель системы основных видов научного психологического знания на рисунке 1).

Следующая ступень развития новационности в научном производстве, на наш взгляд, связана с завершением целостного процесса или отдельного этапа в построении той или иной области знания и с удовлетворением определенных нормативных требований, позволяющих использовать полученные результаты для прогнозирования изменений в изучаемой психологической реальности и их последствий для социальной практики. Данный вид знания может быть назван *прогностическим* в связи с теми основными функциями, которые им осуществляются, и с тем предназначением, которому он служит. Прогностическое знание в психологии может быть представлено получением проверенных эмпирических данных о закономерно проявляющихся связях между изучаемыми психологическими явлениями, созданием новых надежных и валидных психодиагностических комплексов, разработкой теоретических моделей и практических программ прогнозирования развития микро-, мезо- и макропсихологических явлений, построением прогнозов для развития научного знания. Успешное решение прогностических задач является достаточно сложным видом деятельности для научного знания, и в особенности – для психологии, поскольку практически любые психологические и социально-психологические явления полидетерминированы и обладают в той или иной степени возможностями пластичности и саморазвития. Решение сложных прогностических задач не позволяет использовать весь возможный новационный потенциал научного знания. Прогностическое знание способно предсказывать изменения, но не создает инструментов и способов для управления ими.

Наиболее высоким уровнем использования новационного потенциала обладает *преобразующее,* или *действенно-преобразующее* (Пономарев, 1983)*,* психологическое знание, способное создавать тео-

ретические, методологические, эмпирические и инструментальные основания для преобразования отдельных психологических и социально-психологических процессов и состояний с целью разрешения актуальных и социально значимых проблем. Здесь необходимо обратиться к теории этапов развития научного (в том числе научно-психологического) знания, созданной Я. А. Пономаревым и оказавшейся в фокусе особо пристального, творческого внимания А. Л. Журавлева и Т. В. Галкиной (Галкина, Журавлев, 2018, 2020). Согласно теории Я. А. Пономарева, процесс развития общественного познания представляет собой закономерное прохождение трех основных этапов с формирующимися на них особыми типами знаний: 1) созерцательно-объяснительного, 2) эмпирического и 3) действенно-преобразующего (Пономарев, 1983, 2006). Формирование действенно-преобразующего знания сопряжено, по мнению Я. А. Пономарева, с использованием комплексного, системного, интегративного и междисциплинарного подходов, при тесном взаимодействии фундаментальной и исследовательской психологии с практикой, с развитием экспериментальной методологии (Галкина, Журавлев, 2020, с. 8–9; Пономарев, 1983, 2006, с. 283). Однако проблема взаимодействия академической, исследовательской и практической психологии в общем ходе ее развития является до сих пор одной из самых сложных, на что указывает целый ряд авторов (Мазилов, 2015; Ушаков, Журавлев, 2012; и др.).

Формирование действенно-преобразующего знания, на наш взгляд, может быть связано с решением целого класса других сложных вопросов, этических, мировоззренческих, ценностных, а также проблем, касающихся социальных ожиданий и запросов. Действенно-преобразующее психологическое знание, находясь на самой высокой ступени развития новационного потенциала, способного запускать изменения, служащие решению актуальных практических задач, сталкивается с рядом особых требований к его производству. На наш взгляд, сложность производства действенно-преобразующего научного продукта будет отражаться в наименьшем объеме его представленности в системе всего разнообразия видов знания в психологии (см. модель системы основных видов научно-психологического знания на рисунке 1).

Реактивное и проактивное психологическое знание

Еще одним важным критерием для выделения видов научного психологического знания может являться источник, или причина, их возникновения. Процесс разработки научного знания, замысла прове-

дения исследования может запускаться внешними (экзогенными) или внутренними (эндогенными) факторами. К *внешним* факторам развития психологии традиционно относится социальная ситуация развития науки (Марцинковская, 2002, с. 12). К этой группе факторов могут быть отнесены резко возникающие технологические и социальные изменения (например, пандемия коронавируса в 2020 г.), существенно меняющие характер жизни общества, глобальные цивилизационные вызовы, адресуемые научному сообществу запросы со стороны общественной практики в связи с необходимостью решения актуальных проблем. Вид научного знания, началом для построения которого служат резкие социальные и технологические изменения, может быть назван *реактивным*. Такое знание представляет собой своего рода реакцию на возникающие в обществе новообразования и нововведения.

К *внутренним* факторам инициации процесса разработки психологического знания может быть отнесена внутренняя логика развития науки (Марцинковская, 2002, с. 14), определяемая актуальным проблемным полем, изменением предмета и методов и парадигмальными трансформациями (Журавлев, Купрейченко, 2012). Внутренними детерминантами развития знания могут становиться свойства и состояния индивидуальных и групповых субъектов научной деятельности. В психологии, например, изучаются особенности мотивации научной деятельности, несущей в себе энергию для интеллектуальной активности ученого (Ильин, 2003, с. 281–283). Научное знание, построение которого инициируется его внутренними факторами, может быть названо *проактивным*. Понятие проактивности отражает представление о свободной независимой воле, свойственной психике человека; в первую очередь оно характерно для гуманистической психологии и использовалось В. Франклом при создании теории логотерапии (Франкл, 1990). Проактивное мышление может служить одной из важнейших характеристик проявления субъектности, рассматривавшейся К. А. Абульхановой, А. В. Брушлинским, С. Л. Рубинштейном в тесной связи со способностью к избирательной активности, самодетерминации и автономности (Абульханова, 2014; Брушлинский, 2003, с. 21; Рубинштейн, 1986). Проактивность позволяет субъекту считать себя причиной своего поведения, помогает управлять им и принимать за это ответственность на себя в любых ситуациях.

Для развития научного знания важны и проактивный, и реактивный варианты его детерминации. И проактивность, и реактивность могут быть рассмотрены как два важнейших ресурса в производстве социально значимого знания. Реактивность может проявляться

как развитая способность реагировать и откликаться на возникающие в обществе проблемы. Проактивность может становиться важнейшим потенциалом в разработке и реализации долгосрочных стратегий производства нового научного знания.

Система основных видов научного психологического знания

Выделенные нами виды научного психологического знания в соответствии с такими критериями, как основной производимый компонент в структуре научного знания, выраженность новационно-преобразующего потенциала и источник возникновения, нуждаются в соотнесении и включении в единую систему. Предпринятая нами попытка объединения всех выделенных классификационных групп в целостную картину завершилась построением модели системы основных видов научного психологического знания, представленной на рисунке 1.

Геометрически модель представляет собой устремленный вершиной ввысь треугольник с широким основанием внизу – фундаментом научного знания. Этот фундамент строится во многом на тех научных традициях, без которых невозможен процесс организации производства научного знания. Сохранению и распространению этих традиций в психологической науке служит трансмиссионное знание. С опорой на традиционный фундамент, поддерживаемый механизмом трансмиссии, строится накопительное – инкрементальное – знание, не производящее ничего радикально нового, но являющееся «питательной средой» для формирования видов научного знания более завершенных форм, способных создавать новые инструменты надежного прогнозирования (при разработке прогностического знания) и существенного преобразования реальности с целью разрешения возникающих актуальных проблем (при производстве действенно-преобразующего знания). Каждый расположенный выше вид знания является более сложным по своей организации, уровню развития, новационному потенциалу и силе производимого преобразующего социально-значимого эффекта. Треугольная форма модели, устремленная вверх, может ассоциироваться с иерархически устроенной системой, в которой расположенные внизу виды знания подчиняются видам знаний на верхних «этажах». На самом же деле каждый из видов знания выполняет свои уникальные функции для существования и развития системы.

Каждый из видов знаний, различающихся по выраженности своего новационного и преобразующего потенциала, может быть нацелен на развитие того или иного структурного компонента научного знания –

системы научных фактов, научных теорий, методов или технологий собственного саморазвития. В результате сочетания двух классификационных групп знаний на основе критериальных признаков – выраженности новационного потенциала и производимого структурного компонента научного знания – образуются 16 типов научно-психологического знания: трансмиссионно-эмпирическое, трансмиссионно-инструментальное, трансмиссионно-теоретическое, трансмиссионно-эпистемологическое, инкрементально-эмпирическое, инкрементально-инструментальное, инкрементально-теоретическое, инкрементально-эпистемологическое, прогностически-эмпирическое, прогностически- инструментальное, прогностически-теоретическое, прогностически-эпистемологическое, преобразующе-эмпирическое, преобразующе-инструментальное, преобразующе-теоретическое, преобразующе-эпистемологическое. Каждый из этих 16 типов может быть дополнен характеристиками реактивности/проактивности в процессе получения знания, в результате чего число выделяемых типов научно-психологического знания может возрасти до 32.

Предложенная в данной работе модель системы видов научного психологического знания не может претендовать на полную завершенность. Она может быть одним из вариантов решения проблемы систематизации видов научного психологического знания. Данная модель впоследствии может быть дополнена видами знания, выделяемыми в соответствии с другими признаками. Например, еще одним важным дифференцирующим критерием может стать характер временнóй направленности для получения нужной информации, в связи с которым представляется возможным рассмотрение *ретроспективного, проприоспективного и проспективного* знания.

Ретроспективное знание опирается на получение или восстановление информации о событиях или научных фактах, имевших место в прошлом. Ретроспективная логика исследования может быть незаменима для проверки этиологических гипотез. Производство такого вида знания может становиться результатом исследований в области истории психологии или исторической психологии.

Проприоспективное (одно из значений *ит.* proprio – сейчас, в настоящем времени) знание может становиться результатом констатирующих исследований, направленных на получение информации о событиях, явлениях и научных фактах, имеющих место в настоящем времени. Особенно ценным может оказаться использование данной логики получения знания при изучении особенных явлений, уникальных и неповторимых событий, возможно, характерных только для данного, настоящего, момента или периода.

Проспективное (*лат.* prospectio – смотреть вдаль, в будущее) научно-психологическое знание направлено в будущее, устремлено на получение информации, способствующей прогнозированию процессов развития и изменения изучаемых явлений, предупреждению их возможных рисков и их эффективному преобразованию. Ретроспективное, проприоспективное и проспективное знание могут быть взаимосвязаны друг с другом, дополнять друг друга или вытекать одно из другого. Так, например, ретроспективное знание может давать материал для построения знания проспективного. А отдельные элементы проприоспективного знания, постепенно накапливаясь, могут служить дальнейшему ретроспективному анализу, обобщению, осмыслению и построению проспективных проектов, устремленных в будущее.

Историко-психологическое знание может представлять собой результат ретроспективного исследования, позволяющего выстраивать этиологические закономерности развития науки, способные служить прогнозу дальнейшего процесса производства знания. В этом случае мы будем иметь дело уже с новационным ретро-проспективным исследованием, путь построения знаний в котором лежит из настоящего в будущее через прошлое. На наш взгляд, примером ретро-проспективного исследования может являться работа А. Л. Журавлева и В. П. Познякова, посвященная анализу теории психологических отношений В. Н. Мясищева для развития современной социальной психологии, содержащая фактически программу для разработки новых научных направлений (Журавлев, Позняков, 2018).

Предложенный вариант модели системы научно-психологического знания на рисунке 1, хотя и не является абсолютно бесспорным и всеобъемлющим, уже на данном этапе может быть использован в качестве инструмента для мониторинга актуального состояния развития научного психологического знания и дальнейшего осмысления его внутренней логики развития, определения его ресурсности, потенциальных возможностей и проектирования будущих исследовательских научных программ.

Контент-анализ представленности видов научного психологического знания в современных периодических изданиях

С целью изучения представленности различных видов научного психологического знания в современных периодических изданиях нами было предпринято исследование с использованием метода кон-

тент-анализа (подробнее о методе см.: Психология, 2000; Социальная психология, 2002; и др.). Материалом для анализа послужили 197 научных статей, опубликованных в течение 2020 г. в «Психологическом журнале» (72 статьи), издаваемом Институтом психологии Российской академии наук, и в международном журнале «Psychological Science» («Психологическая наука», 125 статей). Оба журнала соответствуют таким критериям деятельности научных периодических изданий, как 1) открытость материалов для широкой научной аудитории посредством включенности в международные научные реферативные базы данных и системы цитирования, 2) предоставление возможностей для освещения результатов исследований, выполненных в самых разнообразных областях психологической науки. Журнал «Psychological Science» издается международной ассоциацией ученых-психологов «Association for Psychological Science» и является доступным для публикаций психологов-исследователей со всего мира. Его авторами являются представители научных психологических школ различных континентов: Северной и Южной Америки, Европы, Азии, Австралии.

Применение метода контент-анализ позволило выявить неравномерность представленности выделенных нами видов научного психологического знания и типов их сочетания в современных публикациях (см. таблицы 1–2). Среди видов, выделяемых по критерию основного производимого структурного компонента, преобладает эмпирическое знание. Однако, если в российских публикациях эмпирическое знание стремится быть уравновешенным с остальными видами, различаемыми по данному критерию (инструментальным, теоретическим, эпистемологическим), то для публикаций в международном издании оно является тотально доминирующим. Это может свидетельствовать о том, что установление научных фактов становится наиболее часто получаемым продуктом производства знания в психологии, что связано с достаточно хорошо разработанной технологической базой для проведения различного рода эмпирических исследований, накопленным богатым арсеналом методов сбора и обработки данных, доступностью использования индуктивной логики при получении результатов интеллектуальной деятельности.

Согласно полученным данным, можно констатировать, что для российских авторов более характерно внимание к проблемам разработки новых методов исследования (см., напр.: Угланова, Орёл, Брун, 2020), к построению теоретического знания и его научной рефлексии (см., напр.: Галкина, Журавлев, 2020). Данное обстоятельст-

Таблица 1

Результаты контент-анализа представленности видов научного психологического знания в периодических изданиях

№	Виды научного знания	Частота встречаемости (%)	
		в российском издании	в международном издании
1	Виды знания, различаемые по критерию производимого структурного компонента		
1.1	Эмпирическое	30,5	98,4
1.2	Инструментальное	22,2	–
1.3	Теоретическое	22,2	–
1.4	Эпистемологическое	25	1,6
2	Виды знания, различаемые по критерию новационности и преобразующему потенциалу		
2.1	Трансмиссионное	26,4	1,6
2.2	Инкрементальное	57	86,4
2.3	Прогностическое	8,3	6,4
2.4	Действенно-преобразующее	8,3	5,6
3	Виды знания, различаемые по критерию источника причин его возникновения		
3.1	Реактивное	6,9	5,6
3.2	Проактивное	93,1	94,4

во может быть связано со сложившимися традициями производства знания в отечественной психологии, поддерживаемыми, в первую очередь, академическим научным сообществом. С этим обстоятельством может быть связано и то, что трансмиссионное знание, направленное на сохранение и передачу традиций, более представленным оказывается также в публикациях российских авторов, что, возможно, отражает ценностные особенности отечественной психологической школы.

Среди выделенных по критерию новационности и преобразующего потенциала лидирует инкрементальный – накопительный – вид знания. Инкрементальное знание обладает некоторым уровнем новизны, но еще не является вполне завершенным для того, чтобы служить достаточным и надежным основанием для прогнозирования динамики изучаемых явлений и формирования программ их дейст-

Таблица 2

Результаты контент-анализа представленности типов научного психологического знания в периодических изданиях

№	Тип (сочетания видов) научного знания	Частота встречаемости (%)	
		в российском издании	в международном издании
1	Реактивный трансмиссионно-эпистемологический	–	1,6
2	Проактивный трансмиссионно-эмпирический	1,4	–
3	Проактивный трансмиссионно-инструментальный	6,9	–
4	Проактивный трансмиссионно-теоретический	1,4	–
5.1	Проактивный трансмиссионно-эпистемологический (исторический)	9,7	–
5.2	Проактивный трансмиссионно-эпистемологический (пространственный)	9,7	–
6	Реактивный инкрементально-эмпирический	2,8	4
7	Реактивный инкрементально-эпистемологический	1,4	–
8	Проактивный инкрементально-эмпирический	29	82,4
9	Проактивный инкрементально-инструментальный	4,2	–
10	Проактивный инкрементально-теоретический	13,9	–
11	Проактивный инкрементально-эпистемологический	4,2	–
12	Проактивный прогностически-эмпирический	1,4	6,4
13	Проактивный прогностически-инструментальный	2,8	–
14	Проактивный прогностически-теоретический	4,2	–
15	Проактивный преобразующе-эмпирический	–	5,6
16	Проактивный преобразующе-инструментальный	4,2	–
17	Проактивный преобразующе-теоретический	2,8	–

венного преобразования. Авторы инкрементальных исследований, как правило, констатируют обнаруженные научные факты или выявленные закономерности, но не предлагают способы, рекомендации, варианты или технологии их использования для дальнейшего прогнозирования изучаемых объектов или разработки действенно-преобразующих практик, способствующих разрешению тех или иных социально значимых проблем (см., напр.: Волобуев, Леви, Савчен-

ко, 2020; Axt, Landau, Kay, 2020, Bicknell, Levy, Rayner, 2020; Biderman, Shir, Mudrik, 2020; Palmer, Clifford, 2020; и мн. др.). Прогностическое и действенно-преобразующее знание на данном этапе развития психологической науки пока еще не достигают такой степени выраженности и силы, чтобы приобретать статус характерных тенденций.

Преобладающее большинство публикаций носит проактивный характер, хотя 2020 г. ознаменован появлением социально значимых исследований, возникших как реактивный отклик на глобальные изменения в жизни общества, вызванные эпидемией COVID-19 (Журавлев, Китова, 2020; Ушаков, Юревич, Нестик и др., 2020; Юревич, Ушаков, Юревич, 2020; Pfattheicher et al., 2020; Williamson, 2020).

Сочетание трех наиболее выраженных видов знания образует соответствующий доминирующий тип – проактивный инкрементально-эмпирический, характеризующийся постепенным накоплением научных фактов в соответствии с внутренней логикой развития науки и стратегическими планами ученых (см. таблицу 2).

В таблице 2 представлены не все 32 теоретически выделенных типа научного психологического знания, а только те из них, которые были применены в анализируемых публикациях российского и международного психологических журналов. В рассматриваемых научных работах пока не нашли отражения, например, такие типы знания, как реактивный инкрементально-инструментальный, реактивный и проактивный прогностически-эпистемологический, реактивный и проактивный преобразующе-эпистемологический.

Проведенное наукометрическое исследование позволяет выявить проявления доминирующих, актуальных тенденциий и обнаружить пока еще мало представленные виды и типы современного научно-психологического знания.

Заключение

Поступательное накопление научных фактов, теорий, методов и отраслевых исследовательских программ в психологическом знании приводит к его постоянному разрастанию. Наряду с возникновением новых внутренних и внешних интегративных связей, в современной психологии проявляется и тенденция изоляционизма, осложняющая восприятие ее в качестве единой системы.

Научная рефлексия увеличивающегося многообразия в психологическом знании закономерно вызывает потребность в его структурной организации и главное – в поиске и понимании сущностной, смысловой направленности его развития. Эффективными способа-

ми логического упорядочивания устойчивого взаимодействия процессов дифференциации и интеграции в психологической науке являются процедуры ее систематизации и видовой классификации с помощью выделения разнообразных по форме и содержанию критериальных признаков.

Как показал предпринятый нами логико-смысловой анализ, критерии для выделения видов научного психологического знания могут быть извлечены из опыта постижения структуры научного знания, его уровневой организации, факторов развития, взаимодействия в нем традиций и новаций. В предпринятой нами работе была предложена модель систематизации видов научного психологического знания, основаниями для классификации которых послужили следующие критерии: 1) содержание производимого структурного компонента научного знания, 2) характер, степень выраженности новационности и способности получения преобразующих социально значимых эффектов, 3) источник, или причина, возникновения знания.

В соответствии с производимым структурным компонентом научного знания – научным фактом, теорией, методом, рефлексирующей психотехнологией получения знания – можно выделять эмпирический, теоретический, инструментальный и эпистемологический виды научного психологического знания. В зависимости от степени выраженности новационности и получения преобразующих социально значимых эффектов можно различать трансмиссионное, инкрементальное, прогностическое и действенно-преобразующее психологическое знание. По критерию источника, или причины, возникновения можно выделить реактивное (способное реагировать и откликаться на возникающие в обществе проблемы) и проактивное (служащее реализации долгосрочных стратегий развития) психологическое знание.

Виды трех выделенных классов научного психологического знания взаимосвязаны между собой и организуются в единую систему, в которой выполняют свои уникальные функции для существования и развития целостного знания. В результате взаимодействия трех классов видов знания образуются 32 качественно-специфических типа научного психологического знания, различающихся по комплексу таких показателей, как содержание производимого результата, новационно-преобразующий потенциал и локус детерминации.

Предложенная в данной работе модель систематизации видов научного психологического знания может быть полезна в качестве инструмента для мониторинга его актуального состояния с целью

определения и осмысления зон его дефицитарности и ресурсности, ближайшего и долгосрочного развития.

Предпринятое нами наукометрическое исследование позволяет заключить, что наиболее дефицитарными на данном этапе оказываются виды психологического знания, способные к производству прогностически и действенно-преобразующе ценных результатов научной деятельности. Это может объясняться достаточно большой сложностью производства данных видов знания, требующих конструирования новых валидных и надежных диагностических инструментов, моделей прогнозирования, создания новых экспериментальных сценариев, формирующих психотехнологий, а также привлечения особого творчески-преобразующего типа мышления психолога-исследователя. Получение результатов подобного наукометрического анализа может служить основой для построения программ развития и оптимизации будущего научного психологического знания.

Литература

Абульханова К.А. Методологический принцип субъекта: исследование жизненного пути личности // Психологический журнал. 2014. № 2. С. 5–18.

Берри Дж. В., Пуртинга А.Х., Сигалл М.Х., Дасен П. Р. Кросс-культурная психология. Исследования и применение. Харьков: Гуманитарный центр, 2007.

Брушлинский А. В. Психология субъекта. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; СПб.: Алетейя, 2003.

Бэрон Р., Бирн Д., Джонсон Б. Социальная психология: ключевые идеи. СПб.: Питер, 2003.

Веракса Н. Е. Методологические основы психологии: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2013.

Волобуев Я. В., Леви Т. С., Савченко Т. Н. Межличностные отношения супругов с разными типами психологических границ // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 6. С. 14–25.

Галкина Т. В., Журавлев А.Л. Проблема типов психологического знания в трудах Я.А. Пономарева // Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 246–274.

Галкина Т. В., Журавлев А.Л. Вклад Я.А. Пономарева в развитие методологических и теоретических вопросов психологической науки // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 6. С. 5–13.

Годфруа Ж. Что такое психология: В 2 т. Т. 1. М.: Мир, 1992.

Журавлев А. Л., Китова Д. А. Отношение жителей России к информации о пандемии коронавируса (на примере пользователей поисковых систем интернета) // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 4. С. 5–18.

Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Парадигмальные изменения в психологических исследованиях личности и группы // Парадигмы в психологии: науковедческий анализ / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Т. В. Корнилова, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 217–239.

Журавлев А. Л., Нестик Т. А., Юревич А. В. Прогноз развития психологической науки и практики к 2030 г. // Психологический журнал. 2016. № 5. С. 45–64.

Журавлев А. Л., Позняков В. П. Значение работ В. Н. Мясищева для развития социальной психологии // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 5. С. 59–68.

Журавлев А. Л., Юревич А. В. Вместо введения: Основные типы тенденций развития психологии // Новые тенденции и перспективы психологической науки / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. С. 5–8.

Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2003.

Лебедева Н. М., Лепшокова З. Х., Галяпина В. Н. Культурно-психологические факторы межпоколенной трансмиссии ценностей у русских на Северном Кавказе // Вопросы психологии. 2016. № 5. С. 47–60.

Мазилов В. А. Психология академическая и практическая: Актуальное сосуществование и перспективы // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 3. С. 81–90.

Марцинковская Т. Д. История психологии: Учеб. пособие для студ. выс. учеб. заведений. М.: Академия, 2002.

Мироненко И. А. Интегративные и изоляционистские тенденции в современной российской психологии: истоки и перспективы // Новые тенденции и перспективы психологической науки / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. С. 196–219.

Мирошник К. Г., Щербакова О. В. Психологические исследования креативности в России (2000–2017 гг.). Часть II. Методические рекомендации для исследователей // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 3. С. 32–42.

Новейший философский словарь. Минск: Книжный Дом, 2003.

Новые тенденции и перспективы психологической науки / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019.

Парадигмы в психологии: науковедческий анализ / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Т. В. Корнилова, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.

Пономарев Я. А. Методологическое введение в психологию. М.: Наука, 1983.

Пономарев Я. А. Перспективы развития психологии творчества // Психология творчества: школа Я. А. Пономарева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 145–283.

Попов Л. М., Ибрагимова Е. Н., Устин П. Н. Концепция психологии творчества Я. А. Пономарева и ее применение в изучении саморазвития // Психологический журнал. 2016. № 1. С. 35–47.

Прогресс психологии: Критерии и признаки / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. Д. Марцинковской, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

Прохазка Дж., Норкросс Дж. Системы психотерапии. Для консультантов, психотерапевтов и психологов. СПб.: Прайм-Еврознак, 2007.

Психологическое знание: современное состояние и перспективы развития / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.

Психология: Учебник для технических вузов / Под ред. В. Н. Дружинина. СПб.: Питер, 2000.

Розов М. А. Традиции и новации в развитии науки // Философия и методология науки / Под ред. В. И. Купцова. М.: Юрайт, 2019. С. 160–184.

Рубинштейн С. Л. Принцип творческой самодеятельности (К философским основам современной педагогики) // Вопросы психологии. 1986. № 4. С. 101–109.

Смит Н. Современные системы психологии. СПб.: Прайм-Еврознак, 2003.

Социальная психология: Учебное пособие для вузов / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: Пер Сэ, 2002.

Степин В. С., Горохов В. Г., Розов М. А. Философия науки и техники: учеб. пособие для вузов. М.: Контакт-Альфа, 1995.

Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.

Угланова И. Л., Орел Е. А., Брун И. В. Измерение креативности и критического мышления в начальной школе // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 6. С. 96–107.

Ушаков Д. В., Журавлев А. Л. Теория и практика: взгляды с разных сторон (ответ на комментарии) // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 2. С. 127–132.

Ушаков Д. В., Юревич А. В., Нестик Т. А., Юревич М. А. Социально-психологические аспекты пандемии COVID-19: результаты экспертного опроса российских психологов // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 5. С. 5–17.

Франкл В. Человек в поисках смысла / Пер. с англ. и нем.; общ. ред. Л. Я. Гозмана, Д. А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990.

Фролова С. В. Актуальное проблемное поле и перспективы психологии в публикациях одного года // Новые тенденции и перспективы психологической науки / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. С. 242–296.

Юревич А. В., Ушаков Д. В., Юревич М. А. COVID-19: результаты второго экспертного опроса // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 6. С. 78–85.

Яголковский С. Р. Психология инноваций: подходы, модели, процессы. М.: ИД Высшей школы экономики, 2011.

Axt J. R., Landau M. J., Kay A. C. The psychological appeal of fake-news attributions // Psychological science. 2020. V. 31. Iss. 7. P. 848–857.

Bicknell K., Levy R., Rayner K. Ongoing cognitive processing influences precise eye-movement targets in reading // Psychological science. 2020. V. 31. Iss. 5. P. 351–362.

Biderman D., Shir Y., Mudrik L. B or 13? Unconscious top-down contextual effects at the categorical but not the lexical level // Psychological science. 2020. V. 31. Is. 6. P. 663–677.

Jarcho J. M., Davis M. M., Shechner T., Degnan K. A., Henderson H. A., Stoddard J., Fox N. A., Leibenluft E., Pine D. S., Nelson E. E. Early-childhood social reticence predicts brain function in pre-adolescent youths during distinct forms of peer evaluation // Psychological Science. 2016. V. 27 (6). P. 821–835.

Palmer C. J., Clifford C. W. Face pareidolia recruits mechanisms for detecting human social attention // Psychological science. 2020. V. 31. Iss. 8. P. 1001–1012.

Tucker-Drob E. M., Bates T. C. Large cross-national differences in gene × socioeconomic status interaction on intelligence // Psychological Science. 2016. V. 27. Iss. 2. P. 138–149.

Pfattheicher S., Nockur L., Böhm R., Sassenrath C., Petersen M. B. The emotional path to action: empathy promotes physical distancing and wearing of face masks during the COVID-19 pandemic // Psychological science. 2020. V. 31. Iss. 11. P. 1363–1373.

Williamson H. C. Early effects of the COVID-19 pandemic on relationship satisfaction and attributions // Psychological science. 2020. V. 31. Iss. 12. P. 1479–1487.

Объяснение и психологическое знание[1]

Н. Е. Харламенкова

doi: 10.38098/thry_21_0434_004

Посвящается моему отцу Е. П. Никитину

Объяснение есть точное знание...

П. А. Флоренский. У водоразделов мысли

Объяснение – функция науки (Никитин, 1970, 2004). С этим утверждением трудно не согласиться. Тем не менее уверенность в необходимости его фальсификации возникала довольно часто, особенно в тех случаях, когда речь заходила об обосновании *философского знания*. Анализируя работы Огюста Конта и его последователей (представителей «второго позитивизма»), Е. П. Никитин отмечал, что, согласно данному подходу, «научное объяснение оказывается неотличимым от описания и не заслуживающим статуса особой функции науки...» (Никитин, 2004, с. 57). Основными аргументами в пользу этого вывода считали недостаточность понимания объяснения как процедуры подведения какого-либо факта или явления под общий закон, поскольку утверждалось, что законы «являются знаниями того же («эмпирического) рода, что и единичные факты» (там же, с. 56).

Несмотря на серьезную критику в адрес положения об объяснении как особой функции науки, оно продолжало вызывать у исследователей большой интерес, который проявлялся в виде формулировки следующих вопросов: как следует подходить к решению проблемы интерпретации эмпирического знания, можно ли рассматривать объяснение как процедуру, имеющую свою особую структуру, допустимо ли соотносить элементы этой структуры «посредством отношения логического следования» (там же, с. 75).

Постепенно сомнения в том, что объяснение может быть рассмотрено в качестве особой функции науки, стали менее явными,

1 Статья подготовлена по Госзаданию № 0138-2021-0005.

а на смену оценки научного, и в большей степени – философского объяснения как пустой, бессодержательной процедуры пришло понимание того, что аргументы против последнего (философского объяснения) – отсутствие возможности опытной проверки знания, взаимопротиворечивость и множественность объяснений и др., не имеют достаточного основания (Никитин, 1972).

Дискуссии по поводу научного объяснения тех или иных фактов касались в основном естественно-научного знания – математики, физики, астрономии и др. (см., например: Флоренский, 1990, с. 109–124). Для *психологии* принципиально важным оставался вопрос о подтверждении ее статуса как науки. С.Л. Рубинштейн писал: «Соотношение сознания, мысли, вообще психических явлений и материального мира – одна из труднейших и острейших... из всех проблем, которые когда-либо стояли перед человеческой мыслью... Трудность решения этой проблемы связана с тем, что мысль человека, обращенная на природу, на материальный мир, должна сделать самое себя объектом своего исследования, определить свою собственную природу, свое отношение к другим явлениям материального мира, свое место в нем» (Рубинштейн, 1959, с. 7). Нельзя при этом не согласиться с тем, что процедура объяснения данных, безусловно, является составной частью обсуждения более общей проблемы – научности/ненаучности знания. Допустимость процедуры объяснения по отношению к *специальным* (например, психологическим) научным данным, а, возможно, и анализ проблемы общего и особенного в оценке важности этой процедуры для конкретной дисциплины в совокупности с другими критериями, определяют статус данной системы знаний как *научной*.

В последнее время ученые-методологи все чаще обращаются к анализу проблемы *объяснения в психологии* (Мазилов, 2006, 2019, 2020а, б; Юревич, 2006, 2008). Размышления по этому поводу неизбежно ведут к анализу и пересмотру методологических оснований психологии, к обсуждению ее предмета. Отмечается, что «преодоление методологического кризиса психологической науки с освоением ключевых идей, выработанных в процессе становления постнеклассической парадигмы научного познания» требует пересмотра предмета психологии и возвращения «в нее методологии объяснения, включая причинно-следственное объяснение» (Мазилов, 2020в, с. 64).

Если подойти к анализу проблемы объяснения в науке, в частности, в психологии с *формальной точки зрения,* то будет достаточно упомянуть о требованиях, которые обычно предъявляются к научным публикациям, к тому, как правильно организовать материал

в статье. В качестве непременных условий подготовки статьи к публикации называются такие, как формулировка цели, задач, гипотез исследования, необходимость описания выборки и методов, анализ результатов, а также их обсуждение. Предполагается, что в разделе «Обсуждение результатов» будет, в частности, дано *объяснение* представленной фактологии. По мнению многих ученых, объяснение результатов это – их сравнение с данными других исследований, «сопоставление *нового факта* с другими возможными, в том числе и конкурирующими, объяснениями полученных результатов», приведение «доказательства наибольшего правдоподобия того объяснения, которого придерживается автор» (Правила подготовки рукописей..., 2015, с. 125).

Для молодого ученого объяснение конкретных данных оказывается самым трудным этапом работы над текстом статьи, диссертации, книги и др. Таким же трудным представляется объяснение научного факта, которое ждет аудитория от докладчика, предлагающего в своем выступлении на конференции, научном съезде, конгрессе и др. доказательства в пользу или против выдвигаемой гипотезы. Впрочем, и для маститого ученого процедуры объяснения и обоснования остаются не менее трудоемкими, чем формулировка гипотез, выбор методов исследования и сбор научных данных.

Разобраться в том, почему процедура объяснения результатов вызывает у исследователя большие трудности и в чем именно она состоит, прежде всего, относительно *психологического знания,* составляет *цель* настоящей статьи.

Описание как научная процедура. Описание в психологии

При сравнении описания и объяснения первое из них чаще всего проигрывает в «споре» за право называться истинным методом научного познания. Недоверие к описанию как к познавательному методу вызвано упрощенным пониманием научной процедуры, а также рядом других причин, среди которых ведущей может оказаться намерение достигнуть «согласия между природою и нашим духом...» (Флоренский, 1990, с. 111), сохранить в теоретико-эмпирических моделях то, что называется «сырым фактом», «описанием действительности» (там же, с. 119), не потерять вследствие обобщения данных ощущение реальности. П.А. Флоренский пишет, что в этом случае описание приспосабливают под собственные, удобные для исследователя умственные схемы, лишают его признаков, присущих объективному научному методу.

Научное описание, представляя действительность средствами языка, не буквально и механистично, но, реализуясь посредством образов и символов позволяет понять, что наука (речь идет преимущественно о физике) есть «система образов и символов, система систем образов и символов, система систем систем и т. д. и т. д., т. е. в предельном счете – слова и сочетания слов» (там же, с. 123). Все науки, пишет Флоренский, включая психологию, «имеют возрастающую степень явной *описательности* (курсив мой. – *Н. Х.*)», но «если в них усматривается еще сторона *объяснительная* (курсив мой. – *Н. Х.*)... то, кажется, таковая вполне разрешается в соответствующую меру вторжения физики в ряд этих наук» (там же, с. 124). Думается, что физику Флоренский соотносит с некоторым эталоном, благодаря которому *объяснение* трактуется как способ, ведущий к «точному знанию», являющийся по своей сути «аподиктичным» (т. е. не гипотетичным), «притязает на единственность» и не допускает «беспредельного выбора» (там же, с. 118).

Благодаря описанию исследователь осуществляет первичную систематизацию и обобщение данных, анализируя их в категориях полученной фактологии. Отличительной особенностью описания является обращение к идиографическому методу, к анализу единичного, особенного, уникального.

Описание по принципу *последовательного* изложения результатов исследования строится таким образом, чтобы максимально охарактеризовать весь эмпирический материал, не придерживаясь какой-либо схемы, плана, структуры «обработки» данных. Так, при анализе защитных механизмов личности исследователь может начать с описания любого механизма, не задумываясь над тем, какие из них желательно отметить в первую очередь, а какие – во вторую, третью и т. д. Произвольность расположения исходного материала имеет смысл, который состоит в возможности увидеть нечто новое, следуя при этом основным правилам проведения научного исследования.

Описание по принципу *структурной организации* материала требует систематизированного обобщения данных, проведенного на основе уже существующей схемы анализа результатов, или в соответствии с предлагаемой автором оригинальной эмпирической моделью. В структурном описании просматривается логика организации предметного поля исследования, а также авторский взгляд на проблему. Аналогом подобного описания может быть предлагаемое О. Кернбергом структурное интервью, которое отличается от стандартного сбора данных тем, что проводится по определенному плану. Керн-

берг пишет, что описательный подход к пациентам, особенно к пациентам с пограничными расстройствами, может привести к ошибочным выводам. «Структурный подход... помогает яснее понять взаимосвязь различных симптомов» (Кернберг, 2000, с. 14), успешнее провести «дифференциальный анализ», построить более точный прогноз и сформулировать «показания к психотерапии».

Описательный метод в психологии играет значительную роль в интеграции идиографического и номотетического подходов, в сохранении единства между общим и особенным, типичным и атипичным; он является основой перехода от анализа «сырого факта» к обобщению, от обобщения к формулировке вывода о наличии закономерности между переменными, от закономерности к закону.

Кроме приемов описания выборочных данных, качественным методом считается *метод анализа единичного случая* (case study). Одно из направлений его применения – иллюстрация какой-либо общей закономерности с помощью конкретного примера. Иллюстрирование примером предполагает анализ множества деталей с учетом времени и контекста. Использование метода анализа единичного случая в исследовательских целях требует от ученого соблюдения целого ряда правил, которыми являются четкое определение предмета (темы) исследования, границ анализа случая, приемов сбора данных, принципа их объединения – обобщения материала и его интерпретации (Simons, 2014).

В практической работе клинического психолога анализ случая выступает одним из востребованных методов работы, способом обсуждения конкретного примера в группе экспертов (супервизиров). Для решения задач психологического исследования, проверки диагностического приема на валидность метод используется реже (Zeligman, 2020) и в основном – для иллюстрации тех или иных выводов автора, для верификации эффективности/неэффективности психотерапевтического приема или подхода (Pinheiro, Mendes, Silva et al., 2018; Markin, McCarthy, 2020).

Описание случая – это не простое перечисление признаков объекта исследования без соотнесения конкретных данных с имеющимися нормами; оно не ограничивается поиском соответствия или несоответствия индивидуальных показателей показателям выборки стандартизации, но предполагает гипотетическое построение закономерной связи между переменными, которая в дальнейшем проверяется на выборочных данных (Харламенкова, 2014, 2019). Прямое обобщение данных кейс-стади (КС) нередко приводит к ошибочным выводам, поэтому именно *описание случая* (в том числе и структури-

рованное) рассматривается в качестве адекватного подхода к качественному методу. «Обобщать КС часто трудно, особенно когда речь идет о процессе, и в меньшей мере результате случая. Но проблемы с обобщением КС чаще бывают вызваны свойствами реальности, чем методом исследования. Часто нежелательно подводить итоги и обобщать КС. Хорошие исследования следует читать как нарративы – целиком» (Фливберг, 2004, с. 17).

От описания к интерпретации

Понятие «интерпретация» ассоциируется с самыми разными познавательными процедурами, и может быть, с одной стороны, отнесена к более простым приемам, близким тому, что называют анализом результатов, описанием данных, а, с другой стороны – к приемам, идентичным объяснению. Хелена Симонс, однако, пишет: «Когда возникает необходимость в том, чтобы осмыслить данные, я склонна отличать формальный индуктивный процесс анализа результатов, который направлен на то, чтобы их объяснить, от интерпретации как интуитивного процесса, который помогает понять данные на основе их целостного видения, при этом допустимо, что оба вида анализа реализуются совместно и пересекаются на разных этапах исследования» (Simons, 2014, p. 464). Автор, как можно заметить, идентифицирует объяснение с описанием, а интерпретацию рассматривает как познавательную процедуру, направленную на поиск глубинного смысла.

Действительно, выстроить познавательные процедуры в порядке строгого следования по принципу «одна за другой» – значит подойти к процессу конструирования научного (в том числе, психологического знания) как к работе хорошо отлаженного механизма. Но это ошибочное мнение. Формирование знания – путь постоянной реконструкции познанного с привлечением системы научных методов, с «тестированием» этого знания в соответствии с новыми научными открытиями и изменением «жизненной мироориентации людей»: «Говоря... о научном знании или, более широко, о рациональном знании как факторе мироориентации, мироотношения, выявляя условия реализации его конструктивных возможностей и отмечая... существующие опасности деструкции этих конструктивных возможностей, необходимо учитывать различные варианты отношения к самому этому знанию, различные способы работы со знанием... различные „практики“ этой работы» (Швырев, 1996, с. 38).

По мнению К.А. Абульхановой-Славской, интерпретация (наряду с проблематизацией и категоризацией) выступает в качестве одной из процедур социального мышления. Благодаря интерпретации раскрывается смысл изучаемой проблемы, достигается ее понимание, групповой и индивидуальный субъекты приобретают определенные знания, сведения, информацию и включают их в контекст своего мышления (Абульханова-Славская, 1991). Интерпретация предполагает разное толкование одних и тех же результатов в зависимости от активности субъекта, его личностной и социальной позиции, общего уровня знаний, уровня осведомленности об обсуждаемом предмете или явлении, жизненного опыта и социального контекста. В процедуре интерпретации интегрированы объективная оценка явления и его индивидуальное видение; интерпретация является маркером активности и познавательной направленности субъекта, его способности выражать самостоятельную точку зрения на предмет анализа. В этом смысле интерпретация – это не только осведомленность в чем-то, но и показатель компетентности человека, его ума и объема знаний.

«Интерпретация – *способность индивидуального* сознания личности постоянно вырабатывать определенные смысловые жизненные композиции, схемы, „версии“, мнения, объяснения, новые резюме из „мозаики“ и динамики жизни при изменяющейся жизненной позиции для достижения стабильности, уверенности» (Славская, 2004, с. 13).

В традициях классической научной парадигмы интерпретация рассматривалась как процедура, типичная для гуманитарных наук; в постнеклассической научной парадигме все активнее происходит внедрение интерпретации в область естественных наук, традиционно претендовавших на формулировку научных законов. Указанная трансформация стала возможной вследствие преодоления «субъектно-объектного дуализма в познании», когда происходит не отказ от объективности, а новое его понимание. Потребность естествознания в интерпретации также обусловлена «природой научного познания, в котором факты науки суть высказывания, требующие определенной обработки и толкования информации... ролью восприятия – фундаментального акта познания, который трактуется в эволюционной теории познания как интерпретация чувственных данных», пониманием процесса познания как конструктивистского истолкования реальности, мира, а также «обращением современной науки к исследованию нелинейности, самоорганизации, эволюции в рамках парадигмы сложности» (Черникова, 2017, с. 110).

Конструирование *психологического знания* невозможно представить без интерпретации данных, без размышления над выявленными эмпирическими зависимостями. Допустимость и даже необходимость интерпретации в психологии основана на том, что в зависимости от тех или иных дополнительных переменных характер связей между независимой и зависимой переменной может меняться. Интерпретация позволяет прокомментировать актуально полученный факт, показав при этом, что за этим фактом стоит явный, а также скрытый смысл происходящего. *Специфика интерпретации* в психологии, с нашей точки зрения, состоит в демонстрации многоаспектности, «многослойности» психического, его динамичности («психическое как процесс»), а также системного характера, полидетерминированности психики, вариативности последствий. Интерпретация, выходящая за границы фактического материала, но учитывающая другое знание, когда-либо полученное о нем, позволяет уйти от «упрощенного, редуцированного представления психики человека», соединить описание явлений и объяснение зависимостей (Розин, 2005, с. 79), корректно перейти от уровня эмпирических данных к уровню теоретического обобщения.

Психологическая интерпретация важна при *анализе случая,* но, в отличие от описания, позволяет сформулировать предположение о причинах актуального состояния человека, основываясь на уже существующем знании об анализируемых феноменах, а также используя информацию, полученную в беседе с клиентом.

Любая интерпретация включает в себя процедуру построения прогноза; *психологическая интерпретация* характеризуется *вариативностью* прогноза. Эту особенность интерпретации в психологии следует не соотносить с невозможностью формулировки зависимостей в категориях причинно-следственных связей, а рассматривать ее в качестве одного из специфических признаков конструирования психологического знания и особенностей его объяснения (Корнилова, 2018).

Объяснение как научная процедура

В одном из диалогов, который состоялся между Сократом и Теэтетом поднимается тема знания и его понимания. В самом начале диалога Теэтет вспоминает, что слышал от кого-то следующие слова: «Знание – это истинное мнение с объяснением, а мнение без объяснения находится за пределами знания»; то, что «не имеет объяснения, то непознаваемо... а то, что его имеет, познаваемо» (Платон, 1970, с. 305).

В ходе диалога возникает вопрос о различиях между познаваемым и непознаваемым, об истине и знании, о «первоначалах», которые не поддаются объяснению, так как «просты и неделимы», но могут «только называться, носить какое-то имя» (там же, с. 305). Обсуждая эту проблему собеседники касаются вопроса о разных трактовках знания, однако в качестве наиболее правдоподобной выбирают следующую: знание – «это правильное мнение со знанием отличительного признака» (там же, с. 317). В этом случае объяснить – значит «подметить отличительный признак отдельной вещи – чем она отличается от прочих вещей» (там же, с. 315), причем не просто иметь мнение об этом признаке, а «схватывать мыслью» эти различия, постигать и знать их.

Краткое изложение диалога раскрывает всю сложность проблемы объяснения, неоднозначность ее толкования, но вместе с тем и понимание существования неразрывной связи между *объяснением* и *знанием*. Однако так ли просто понять, что такое объяснение, можно ли «объяснить объяснение» через апелляцию к отличительному признаку того или иного явления? Сомнительно, ведь в данном случае мы, скорее всего, остаемся в контексте *процедуры описания,* нежели объяснения, причем описания явлений с точки зрения *поиска различий* между ними. И все-таки, возможен ли другой (по сравнению с описанием) вариант толкования объяснения через поиск отличительного признака? Оказывается возможен, если при этом допустить, что природа объяснения более сложна, чем это может показаться на первый взгляд.

Известно, что любое объяснение состоит из двух частей: одна часть – это то, *что* именно надлежит объяснить («языковое отображение объясняемого объекта»), *эксплanандум,* другая – то, *с помощью чего* объясняется объект («совокупность объясняющих положений»), *эксплананс* (Никитин, 1970, с. 32–33). В логике этих рассуждений объяснение можно классифицировать по характеру эксплананса и экспланандума, а также по характеру их соотношения («отношения логического следования»). Основным правилом объяснения является подведение факта, теории и др. под закон. В этом смысле обоснование по принципу поиска «отличительного признака» следует рассматривать как частный случай этой научной процедуры, т. е. как *атрибутивное объяснение,* благодаря которому раскрывается одна из существенных характеристик изучаемого объекта и в какой-то мере – особенности его функционирования (там же, с. 81–82). Наряду с указанными возможностями атрибутивного объяснения оно не предполагает изучения и обоснования того, как организо-

ван данный объект (какова его структура) и каким образом происходит его развитие (генезис). В связи с этим соотносить объяснение как научную процедуру только с «поиском отличительного признака» объекта – значит существенно упрощать его понимание, игнорируя причастность объяснения к производству *знания*.

Подобные сомнения становятся еще более значительными при рассмотрении разных «объясняемых объектов», каковыми могут быть не только факты, эмпирические данные (фактологическое объяснение), но и законы науки (номологическое объяснение), теории (теориологическое объяснение) (там же, с. 111). Разнообразие типов и видов объяснения, их особенности, допустимость и даже необходимость совместного использования отдельных (специализированных) процедур объяснения со всей очевидностью доказывают, что наряду с другими научными процедурами объяснение имеет самое непосредственное отношение к развитию научного знания. «Вследствие того, что объяснительная функция является одной из основных функций закона науки, сам процесс *открытия* закона или процесс построения теории есть в то же время процесс объяснения тех объектов, которые принадлежат к области действия соответствующих объективных законов» (там же, с. 53).

Принцип «подведения факта под закон» можно соотнести с определенным этапом проведения научного исследования, на котором полученные ученым данные следует объяснить не на языке факта, а на языке той теории, в контексте которой реализуются поставленные задачи. Поиск аналогий между процедурой обобщения данных и их объяснением может помочь лишь до некоторой степени: объяснение включает в себя обобщение, а вот обобщение не всегда может выполнять объяснительную функцию. Это значит, что объяснение – это больше, чем просто «скачок в обобщении»; это особая познавательная стратегия (в широком смысле этого слова), направленная на *осмысление* фактического материала в контексте определенной концепции, а также на *систематизацию теоретического знания в целом* (Знание как предмет..., 2011).

Непосредственно обращаясь к теме знания и определяя историко-научный контекст изучения этой проблемы, В. А. Лекторский пишет, что в философском понимании знание трактуется как «истинное представление о мире», а анализ познания осуществляется «с точки зрения того, насколько когнитивный процесс может породить знание» и способствовать пониманию «того, что имеет место на самом деле» (Лекторский, 2011, с. 5). Убежденность исследователя в истинности знания основана на уверенности в соответствии

знания действительности, а также в «обоснованности этой истинности», поскольку «обоснование является необходимым компонентом знания» (там же, с. 8).

Подобное «содружество» знания и его объяснения продолжает оставаться одним из главных условий понимания процесса порождения знания и поиска критериев его истинности. В качестве относительно новой проблемы, появившейся в результате интенсивного развития информационных технологий, называется проблема «ложного знания», сознательной «фабрикации заблуждений» и «неверных мнений». Рассматривая этот вопрос с научной точки зрения, следует отличать задачу, направленную на решение технических вопросов – как «бороться» с откровенной ложью, отслеживать фэйковые новости, блокировать фальшивую информацию, от понимания сугубо научной проблемы – причин и механизмов нарушения баланса между истинным и неистинным знанием. Отдельное внимание уделяется подмене реального объекта исследования иллюзорным, т.е. не имеющим прямого отношения к действительности. В качестве примера подобного исследования нередко называется психологический эксперимент, и, соответственно, получаемое в результате его проведения психологическое знание. Эта тема имеет для нас особую ценность, поэтому на ее анализе остановимся подробнее, но немного позже.

При обсуждении проблемы знания предметом интереса для современных исследований становятся социокультурные аспекты научно-познавательной деятельности (Пружинин, 2011, с. 73), при этом в философско-методологическом и конкретно-научном подходах к пониманию знания продолжает сохраняться мнение относительно соотносимости истинного знания и «информации о мире». Уточняется, что «всегда, помимо соответствия знания объективному положению дел, идея истинности знания, так или иначе указывала и на специфичность способа представления бытия именно в знании, фиксировала знание как самоценный способ сопричастности познающего познаваемому бытию... выражала смысл именно *познавательной активности человека* (курсив мой. – *Н.Х.*)» (там же, с. 75). Знание конструируется благодаря использованию исследователем особых приемов, методов и процедур, в результате чего появляется возможность различать истинные и ложные утверждения, информацию, которая соответствует или не соответствует реальности.

Наряду с проблемой объяснения и обоснования знания обсуждается тема *философско-методологической рефлексии,* фиксирующая «формы (способы и процедуры), в которых содержание знания со-

относится субъектом познания с объективной реальностью... определяет нормы конституирования знания как духовно-личностного феномена и удерживает знание как феномен культурный» (там же, с. 84). Обсуждение проблемы знания как словесного феномена, его фиксации с помощью языковых форм подтверждает положение о том, что без объяснения формирование и систематизация научного знания, определение перспектив его развития невозможны.

В рамках эпистемологии как философско-методологической дисциплины, исследующей порождение, развитие, принципы структурной организации знания, его функции, обсуждаются самые общие вопросы, касающиеся этой предметной области, а также вопросы формирования знания в области естественных и гуманитарных наук.

Нас, безусловно, интересует возможность обратиться к анализу проблемы психологического знания, если, конечно, правомерно говорить о нем как об отдельном виде знания. Полагаю, что высказанные выше суждения относительно неистинности психологического эксперимента, средствами которого якобы исследуются не реальные психические процессы, а некий вымышленный мир, не имеющий никакого отношения к действительности, могут быть отнесены к любой науке. Однако тогда под сомнение ставится истинность научного знания вообще.

Чтобы не вступать в подобного рода дискуссии, оставим за рамками обсуждения критические замечания, высказываемые представителями эпистемологического конструктивизма в адрес подлинности научного знания, и предпримем попытку обсудить проблему единства объяснения и знания в психологии.

Объяснение и психологическое знание

В период становления психологии как науки одним из наиболее острых вопросов, стоявших на повестке дня, был вопрос об отделении психологии от философии. Ожидалось, что вследствие этого отделения психология сможет заявить о себе как о самостоятельной науке, а философия – избавиться от всевозрастающего в недрах ее епархии интереса к эксперименту, который рассматривался как несовместимый с философско-методологическим знанием. Оказалось, однако, что в этой борьбе, как писал Вильгельм Вундт, пострадают, скорее всего, обе стороны – «когда развод этот осуществится, то философия больше потеряет, чем выиграет, а психологии будет нанесен очень сильный удар» (Вундт, 2017, с. 57), «философ станет абстракт-

ным гносеологом» (там же, с. 78), а «экспериментальный психолог... в лучшем случае научно образованным ремесленником...» (там же, с. 63). Несмотря на довольно резкое размежевание экспериментальной психологии и психологии народов, которые, по мнению Вундта, пользуются разными методами, он уверенно заявлял о том, что «психология относится к философским дисциплинам и что таковой она останется и после превращения в самостоятельную науку, так как, в конце концов, в основе такой самостоятельной науки могут лежать только метафизические воззрения скрытые и – если отделившиеся от философии психологи не будут обладать более или менее основательным философским образованием – незрелые», а «тот упрек, который некоторые философы выдвигают против нее в настоящее время без всякого основания, а именно, что она скорее техническая, чем чисто научная дисциплина, может тогда в ужасающих размерах превратиться в действительность» (там же, с. 73). Несмотря на то, что эти идеи были высказаны Вундтом более столетия назад (1913), они продолжают оставаться актуальными, поскольку касаются формулировки и соблюдения требований к проведению научного исследования. Таким же острым остается вопрос о принципах построения теоретического знания, подходах к объяснению эмпирических данных и их обоснованию в психологии (Максимова, Александров, 2016а, б).

Интересно отметить, что *объяснение* в психологии специфично тем, что оно выступает и в качестве процедуры *индивидуального и социального* мышления, и в качестве *научного метода* построения логического вывода. Пожалуй, только в этом можно усмотреть особенность психологического объяснения. Говоря об объяснении как об одной из сторон *мыслительной деятельности субъекта,* К.А. Абульханова-Славская пишет, что оно «является важнейшей процедурой социального мышления, дополняющей и уточняющей интерпретацию, поскольку... направлено на обоснование, доказательство истинности того, что сообщается» (Абульханова-Славская, 1991, с. 113).

В разных конкретно-научных областях знания (например, в психологии) объяснение как *научная процедура* выполняет ряд универсальных функций, которые лишь до некоторой степени могут быть специфичными:

1. Благодаря процедуре объяснения, которое, по нашему мнению, осуществляется на всех этапах научной деятельности, сохраняется принятая в науке логика исследования: от постановки проб-

лемы и формулировки теоретической гипотезы к ее операционализации в виде эмпирических гипотез, к анализу результатов и их обобщению, интерпретации и объяснению полученных фактов. В этом смысле объяснение выполняет функцию *построения «отношения логического следования».*

2. В отличие от интерпретации объяснение «подводит факт под закон», тем самым, благодаря правилу асимметрии вывода, способствует верификации или фальсификации теории, о чем уже было сказано выше, а также выполняет функцию *консолидации знания,* т. е. привлекает к обоснованию данных другие теоретические идеи, благодаря исследователю встраивает полученные сведения в систему психологического знания в целом. Таким образом, объяснение выступает одной из познавательных процедур, реализующих функцию систематизации знания, которое «видится» исследователем в качестве конкретного результата, в свою очередь, соотносимого не только с *близкими по тематике* работами, но и с *другими достижениями* в данной области знания. Еще раз процитируем Вундта: «Если же затем с прогрессивным разделением труда один психолог станет исключительно заниматься вопросами памяти и целесообразных методов заучивания наизусть, другой – опытами по различным реакциям и индивидуальным различиям в них, третий – определением порогов раздражения, четвертый – опытами по вопросам мышления и т. д., тогда, действительно, наступит пора, когда психологи превратятся в ремесленников, и ремесленников вовсе не самого полезного типа» (Вундт, 2017, с. 73).
3. Во многих науках точность формулировки знания определяется умением исследователя осуществлять контроль внутренней и внешней валидности научных данных, строить факторные эксперименты, в которых учитывается не одна причина, а целая система детерминант. Это верно и для психологии. Небольшое дополнение состоит в том, что для объяснения результатов многофакторных психологических экспериментов важно в каждом данном случае ранжировать факторы по степени значимости их вклада в ожидаемый эффект. Например, при оценке системы ресурсов совладания с трудной жизненной ситуацией и с учетом особенностей субъекта важно понимать, какой ресурс будет более, а какой – менее важным в достижении психологического благополучия. Иными словами, благодаря объяснению строится не одномерная, а *многомерная картина* психологического знания.

Итак, «сила и способность» объяснения (Никитин, 1970), в том числе и в психологии, состоит в реализации отношения логического вывода, в унификации и консолидации знания, в построении знания о многомерной картине мира. Объяснение в психологии выполняет функции, аналогичные научному объяснению. Можно ли то же самое сказать о знании?

Начнем с того, что использование понятия *психологическое знание* стало вполне привычным (Психологическое знание..., 2018), а круг рассматриваемых вопросов – обширным. Это, например, организация психологического знания, анализ его структуры – понятийного аппарата, законов и теорий, научных процедур, феноменов и фактов и т. д. (Журавлев и др., 2019; Журавлев, Сергиенко, 2018; Юревич, 2018). Серьезное внимание уделяется оценке современного состояния и перспектив развития психологического знания (Сергиенко, 2018), использованию в психологии объяснительных моделей (Ушаков, 2018), дискуссионной теме, связанной с принципиально важным для психологии вопросом, касающимся вывода о причинно-следственных зависимостях (Корнилова, 2018), и др.

Переживания по поводу недостаточной интеграции психологического знания, противоречивость высказываний об одном и том же предмете исследования (например, о влиянии мотивации на эффективность деятельности) или многократное воспроизведение известных и уже не вызывающих сомнения фактов (эффект Зейгарник и др.) свидетельствуют о недостаточной функциональности различных научных процедур.

Несомненно, что в упорядочивании фактов, систематизации теоретико-эмпирических результатов, в обосновании методологических предпосылок исследования, в целом в развитии психологического знания важную роль играет именно объяснение. Интересно, однако, что практически каждый более или менее опытный исследователь знает или догадывается о необходимости объяснения полученных им данных, но не каждый объясняет их. Подмена объяснения результатов интерпретацией ведет к *инкапсуляции информации* и образованию множества локальных, часто дублирующих друг друга «знаний».

Научное объяснение характеризуется тем, что осуществляется последовательно, в соответствии с выбранным типом или типами объяснительной модели. Для «производства» психологического знания обращаются ко всем его видам – субстанциональному и атрибутивному, генетическому и структурному, нередко рассматривая два последних в их неразрывном единстве (Пономарев, 2006).

С нашей точки зрения, объяснение реализует свои функции не только на этапе, которому предшествует анализ результатов, но и в ходе планирования и проведения исследования, при обсуждении эмпирического материала и формулировке выводов. Объяснение, представленное в виде текста и включенное в структуру статьи, отличается от объяснения полученных данных, которое дается докладчиком в ходе выступления на семинаре или конференции.

Следует думать, что в естественных науках объяснение по типу подведения факта под закон является более частым явлением. В области гуманитарных наук характер соотношения эксплананса и экспланандума разнообразнее.

Ощущение разрозненности *психологического знания* и его кажущаяся неупорядоченность, вероятнее всего, возникают вследствие того, что условием «подведения факта под закон» является, с одной стороны, обоснованность представления результата в виде *факта,* а с другой, знание *закона,* под который подводится факт. Возможно ли соблюдение подобных требований к объяснению данных в психологии? Полагаем, что возможно, но, в первую очередь, относительно того знания, которое формируется в естественно-научной области психологии. Для гуманитарного направления в психологии эмпирический материал может подводиться не под закон, а *под факт,* а уже затем – установленный факт будет «искать» объяснения в рамках существующей теории. Выделенное нами промежуточное звено в объяснении эмпирических результатов следует оценивать не как слабость законодательной базы в психологии, а как специфику психологического знания, причем специфику (как мы можем убедиться теперь в этом) объяснения в психологии. Причиной более сложной процедуры объяснения в психологии является процессуальный и системный характер психического, необходимость анализа дополнительных переменных при формулировке зависимостей. Вспомним случай с увольнением лаборанта Киннбрука, который работал в Гринвичской лаборатории. Лаборант был уволен за ошибку в расчетах времени прохождения звезды через визирную линию телескопа. Позднее было найдено объяснение «нерадивости» Киннбрука. Оказалось, что задержка при регистрации положения звезды относительно визирной линии была вызвана индивидуальной скоростью реакции. Этот случай произошел в конце XVIII в., но до сих пор может рассматриваться в качестве прототипа возникновения психологического факта, объяснение которого требует учета целой системы условий (системы дополнительных переменных).

Подведение факта под закон как следующий этап объяснения оказывается качественно иной ступенью в реализации этой процедуры, благодаря которой знание в психологии оказывается знанием не об одной стороне изучаемого явления, а о множестве его проявлений, раскрывающихся только при условии понимания психического как процесса в контексте его анализа с точки зрения принципов развития и взаимодействия. Переход от эмпирического знания к действенно-преобразующему способствует развитию абстрактно-аналитических исследований и возможности формулировки психологических законов (Пономарев, 1988, с. 197).

Необъяснимое и непостижимое

Проблема действительного и возможного, известного и неизвестного интересует ученых с давних пор.

Ссылаясь на С. Л. Рубинштейна, В. В. Знаков пишет, что уже в актуальном состоянии человека скрыто его будущее, т. е. «реальность человеческого бытия является и возможностью того, чем она станет» (Знаков, 2020б, с. 27). Наряду с *возможностью* человек способен переживать ощущение *невозможности* чего-либо, рассматриваемое в контексте «противоречия между логически допустимым и физически недопустимым» при понимании субъектом беспричинности события, бессмысленности ситуации невозможного и др. (там же, с. 28). Что-либо мыслимое как невозможное может со временем стать возможным.

Непостижимое, с одной стороны, связано с невозможностью предсказания некоторых событий, их «понимания и объяснения в терминах рациональных когнитивных схем», а с другой стороны, с характерным для «человеческого разума, пытающегося разгадать загадки сложного многомерного мира», стремлением преодолеть эти ограничения (Знаков, 2020а, с. 167–168).

Поднимаемый В. В. Знаковым круг вопросов, сопоставимый с психологией возможного, постижимого/непостижимого, невольно затрагивает и интересующую нас тему. *Непостижимое* касается более или менее ясно обозначенной проблемы, которая, однако, не может быть осмыслена и понята даже в самых общих чертах (в этом случае говорят: «уму непостижимо»). Непостижимое не идентично необъяснимому. Причинами невозможности что-либо постигнуть в науке являются: недостаточность знаний об этой проблеме или явлении; некорректность ее постановки (принципиальная непостижимость); отсутствие адекватных методов понимания проблемы и, конечно,

«слабость» объяснительных моделей или неспособность и неумение ученого что-либо прояснять и объяснять.

Типичных случаев, когда исследователь встречается с *необъяснимым* явлением, также может быть несколько. Один из них – получение побочного продукта научной деятельности, который не категоризируется в терминах выдвигаемых гипотез или контргипотез, т. е. не «вписывается» в контекст исходной теоретической модели. Другой – невозможность подвести эмпирический факт под закон вследствие отсутствия последнего. В некоторых случаях необъяснимое на самом деле означает необъясненное.

В целом причины оценивания чего-либо как необъяснимого и непостижимого в науке можно разделить на объективные и субъективные. Первые из них определяются достижениями науки, уровнем ее развития, соответствием поставленных задач используемым технологиям (теоретическим и эмпирическим методам), новейшим средствам и способам описания, обобщения, интерпретации и объяснения полученных данных, а вторые – индивидуальными особенностями ученого и некоторыми средовыми (например, профессиональными) факторами. Сходство причин, приводящих к пониманию чего-либо как непостижимого или необъяснимого, не означает, что последние идентичны. Непостижимое не поддается анализу и категоризации, оценивается как событие, выходящее за пределы привычного, переживается как *нереальное*. Необъяснимое трактуется как данность, факт, который невозможно представить в виде определенной закономерности; он «выпадает» из системы причинно-следственных связей и на данном этапе развития науки к нему неприменимы процедуры ретросказания и предсказания.

Научный прогресс предполагает все более активное устранение «белых пятен» в истинном представлении о мире, открытие новых фактов и их разумное объяснение. Можно сомневаться в интенсивности развития научного знания, но, полагаю, не следует отрицать роль субъекта познания в трансформации непостижимого в постижимое и необъяснимого в объяснимое, ведь «когда ум рассматривает предмет лишь в общих чертах, то в них видно только смещение непостижимых затруднений и неясностей. Но это лишь порождаемые ленью призраки, населяющие этот мрак. Внесите туда лучи размышления, и все, что было неясным, станет ясным» (Клод Гельвеций).

Заключение: избегая иллюзий

Завершая обсуждение проблемы объяснения и психологического знания, хотелось бы определить перспективы ее дальнейшего иссле-

дования. Следует сказать, что прогноз в области изучения конкретной научной проблемы, решение которой предполагается провести средствами теоретико-эмпирической проверки гипотез, строить гораздо проще, чем планировать изменения в сфере процедурного знания. Тем не менее наметить такие перспективы необходимо.

Избегая иллюзий относительно продвижения идеи объяснения в психологической науке, скажем, что реальной проблемой, которая требует своего решения, является вопрос о специфике интерпретации и ее связи с объяснением данных психологического исследования, а также о функциональной роли каждой из научных процедур в развитии научного знания.

Новым направлением анализа могло бы стать обсуждение такой поисковой темы как особенности процедуры объяснения на разных этапах проведения теоретико-эмпирического исследования. Данное направление работы существенно расширяет представление о научном объяснении и показывает, что оно применимо не только на этапе обсуждения результатов, но и на этапе планирования исследования. Разная роль объяснения в процессе постановки проблемы и проверки выдвинутых гипотез рассматривается нами в качестве актуальной научной задачи.

Объяснение дается как письменно (при подготовке научных публикаций), так и устно – в виде сообщения (доклада, выступления и др.) на научных семинарах, конференциях, съездах. Сведения о том, как строить процедуру объяснения при подготовке научной публикации, можно найти в требованиях к статьям, размещенным в периодических научных изданиях. Обычным стала рекомендация проводить сопоставление данных исследования с результатами других авторов. Устная форма объяснения строится иначе, поскольку предполагает участие докладчика в дискуссии. Постановка и решение задачи дифференциации разных видов объяснения в научной деятельности ученого будет способствовать лучшему пониманию этой научной процедуры в целом.

Сопоставление полученных данных с результатами других исследователей предлагается в качестве способа «операционализации» процедуры их объяснения, которая, по существу, равносильна подведению *факта под факт*. Частота реализации процедуры объяснения в таком формате ограничивает возможности формирования психологического знания, условием интеграции которого является объяснение по типу подведения факта под закон (теорию). Более серьезное обсуждение этой проблемы может стать стимулом для изменения отношения к реализации функций объяснения в психологии.

Объяснение находится в тесной связи с ретросказанием и предсказанием. Для психологического знания предсказание не менее важно, чем для любой другой науки, хотя именно в психологических исследованиях предсказание не всегда основывается на объяснении. Ошибочность предсказательных выводов, построенных не на объяснении, а на основе анализа данных, может привести к нежелательным последствиям. В связи с этим актуальным становится системное изучение научных процедур – объяснения и предсказания.

Научное объяснение как функция психологической науки – серьезная проблема, масштаб обсуждения которой в настоящей статье сопоставим с малой частью верхушки айсберга. Этот, казалось бы, неутешительный вывод не дает нам, однако, повода, усомниться в том, что говорить и писать о проблеме научного объяснения, думать над ее решением, дискутировать по самым разным ее аспектам – значит продвигаться в постижении того, что, на первый взгляд, может оказаться непостижимым, ведь, как мудро заметил Нильс Бор, «проблемы важнее решения. Решения могут устареть, а проблемы остаются».

Литература

Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.

Вундт В. Психология в борьбе за существование // Reflexio. 2017. Т. 10. № 2. С. 57–82.

Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А. Современные понятия в психологической науке: попытка анализа // Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. Е.А. Сергиенко, А.Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 5–60.

Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А., Харламенкова Н.Е., Виленская Г.А. Понятия современной психологии: содержание, взаимосвязи, место в системе (вместо предисловия) // Разработка понятий в современной психологии. Т. 2 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, Г.А. Виленская. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. С. 7–59.

Знаков В.В. Психология возможного. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020а.

Знаков В.В. Понимание невозможного и немыслимого // Ярославский психологический вестник. 2020б. № 3 (48). С. 17–25.

Знание как предмет эпистемологии / Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: ИФ РАН, 2011.

Кернберг О. Тяжелые личностные расстройства: Стратегии психотерапии. М.: Независимая фирма «Класс», 2000.

Корнилова Т. В. Представления о «каузальном инкрементализме» и психологической неопределенности как о перспективах развития объяснения в психологии // Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 368–284.

Лекторский В. А. Что есть знание? // Знание как предмет эпистемологии / Отв. ред. В. А. Лекторский. М.: ИФ РАН, 2011. С. 4–25.

Мазилов В. А. К проблеме объяснения в психологии // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2006. Вып. 2 (12). С. 9–19.

Мазилов В. А. Объяснение, понимание и интерпретация в научной психологи // Методология современной психологи. 2019. № 9. С. 143–174.

Мазилов В. А. Объяснение, понимание и психология: нерешенные и дискуссионные вопросы // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2020а. № 2 (40). С. 49–67.

Мазилов В. А. Предмет психологической науки и проблема объяснения в психологии. Статья первая: Трудности объяснения // Высшее образование сегодня. 2020б. № 6. С. 69–76.

Мазилов В. А. Предмет психологической науки и проблема объяснения в психологии. Статья вторая: На пути к разработке новой концепции объяснения // Высшее образование сегодня. 2020в. № 7. С. 59–65.

Максимова Н. Е., Александров И. О. Возможная траектория эволюционного развития психологии. Часть I. Экспериментальная методология как способ создания нового психологического знания в исследовании // Психологический журнал. 2016а. Т. 37. № 1. С. 5–15.

Максимова Н. Е., Александров И. О. Возможная траектория эволюционного развития психологии. Часть II. Организация предметной области психологии // Психологический журнал. 2016б. Т. 37. № 2. С. 5–18.

Никитин Е. П. Объяснение – функция науки. М.: Наука, 1970.

Никитин Е. П. Объяснение философское и объяснение научное // Философия, методология, наука / Отв. ред. В. А. Лекторский. М.: Наука, 1972. С. 129–157.

Никитин Е. П. Духовный мир: органичный космос или разбегающаяся вселенная? М.: «Российская политическая энциклопедия» (Росспэн), 2004.

Платон. Соч. В 3 т. Т. 2. М.: Мысль, 1970.

Пономарев Я. А. Закон в психологии // Категории материалистической диалектики в психологии / Отв. ред. Л. И. Анцыферова. М.: Наука, 1988.

Пономарев Я. А. Перспективы развития психологии творчества // Психология творчества Я. А. Пономарева / Под ред. Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 145–276.

Правила подготовки рукописей для публикации в «Психологическом журнале» // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 3. С. 119–140.

Пружинин Б. И. К определению понятия «научное знание» в культурно-исторической эпистемологии // Знание как предмет эпистемологии / Отв. ред. В. А. Лекторский. М.: ИФ РАН, 2011. С. 73–93.

Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.

Розин В. М. Природа и особенности гуманитарного познания и науки // Наука глазами гуманитария / Отв. ред. В. А. Лекторский. М.: Прогресс-Традиция, 2005. С. 59–93.

Рубинштейн С. Л. Принципы и пути развития психологии. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959.

Сергиенко Е. А. От дифференциации к интеграции подходов и категорий в современном психологическом знании // Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 308–331.

Славская А. Н. Личностная интерпретация правовых отношений в контексте российского менталитета // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 6. С. 12–20.

Ушаков Д. В. Анатомия психологического знания // Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 71–115.

Фливберг Б. Кейс-стади в контексте качественно-количественной проблематики // Социологические исследования. 2004. № 9. С. 15–19.

Флоренский П. А. У водоразделов мысли. Т. 2. М.: Правда, 1990.

Харламенкова Н. Е. Анализ единичного случая как метод исследования личности // Журнал практического психолога. 2014. № 2. С. 9–24.

Харламенкова Н. Е. Метод анализа единичного случая: история вопроса и перспективы разработки в психологии // Новые тенденции и перспективы психологической науки / Отв. ред. А. Л. Жу-

равлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. С. 485–509.

Черникова И. В. Процедура интерпретации в современном естествознании // Вестник Томск. гос. ун-та. 2017. № 425. С. 105–111. URL: http://doi: 10.17223/15617793/425/149.

Швырев В. С. Знание и мироотношение // Идеал, утопия и критическая рефлексия / Отв. ред. В. А. Лекторский. М.: Росспэн, 1996. С. 12–84.

Юревич А. В. Объяснение в психологии // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 1. С. 97–106.

Юревич А. В. Проблема объяснения в психологии // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. № 1. С. 74–87.

Юревич А. В. Вместо введения: Состав и структура психологического знания // Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 9–34.

Markin R. D., McCarthy K. S. The process and outcome of psychodynamic psychotherapy for pregnancy after loss: A case study analysis // Psychotherapy. 2020. V. 57 (2). P. 273–288. doi: 10.1037/pst0000249.

Pinheiro P., Mendes I., Silva S., Gonçalves M. M., Salgado J. Emotional processing and therapeutic change in depression: A case study // Psychotherapy. 2018. V. 55 (3). P. 263–274. doi: 10.1037/pst0000190.

Simons H. Case study research: In-depth understanding in context // The Oxford handbook of qualitative research / Ed. by P. Leavy. N. Y.: Oxford University Press, 2014. P. 455–470.

Zeligman R. A psychoanalytic conceptualization of human movement in the Rorschach: A case study of trauma // Psychoanalytic Psychology. 2020. V. 37 (3). 212–218. doi: 10.1037/pap0000250.

Феномен индоктринации: психологические подходы и современные направления исследований[1]

А. М. Двойнин, И. С. Буланова

doi: 10.38098/thry_21_0434_005

Обострение в современном глобальном мире «информационных войн» и совершенствование методов идеологического воздействия на человека и общество усиливают запрос на психологическое исследование феномена *индоктринации*. Термин «индоктринация», встречающийся в разнообразных по жанру информационных источниках – от журналистских передовиц и политической публицистики до пособий по маркетингу и академических исследований, – имеет латинское происхождение («in» – внутрь, «doctrina» – учение, доктрина, теория) и буквально означает «введение в доктрину». В старом французском языке термин «индоктринировать» означал: 1) давать указания, обеспечивать знания, преподавать науку, 2) заставить кого-либо придерживаться определенной точки зрения, мнения, принципов (Robert, 1957). В современном многоязычном дискурсе эти два значения термина в том или ином виде сохраняются до сих пор. Термин «индоктринация» синонимичен таким понятиям, как «идеологизация», «идеологическая обработка», «внушение идей», «вербовка», «пропаганда» и др. В некоторых контекстах слово «индоктринация» может означать «инструктирование», «обучение доктрине», «воспитание». Не вдаваясь в этимологические тонкости, можно сказать, что в обобщенном и нестрогом виде индоктринация – это внедрение в сознание индивида или группы определенных убеждений, ценностей и установок в обход критического восприятия реципиентов. Для позиций индоктринирующего и индоктринируемого в русском языке отсутствуют общепринятые обозначения. Мы предлагаем называть того, кто индоктрини-

1 Данная публикация представляет собой переработанную и дополненную версию статьи «Психология индоктринации: подходы и современные направления исследований» (Двойнин, Буланова, 2020). Представленное в настоящей публикации исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 19-113-50473.

рует, – «индоктринатор», а того, кто подвергается его воздействию, – «индоктрин».

В академической среде наибольшее распространение термин «индоктринация» получил в философской, педагогической и политологической литературе. Для психологии этот термин хоть и не нов, но используется достаточно редко (особенно в российской психологии). Вместе с тем психологические явления социального влияния, которые могут рассматриваться как проявления индоктринационного процесса, в той или иной мере охватываются психологией в иных терминах: процессы убеждения, внушения, формирования установок, манипулятивные технологии, контроль сознания, закрытое мышление, доверие к авторитету, групповое давление и др.

Психология индоктринации, хотя и не является содержательно полностью белым пятном на карте психологической науки, тем не менее номинально в качестве сложившейся области исследований на настоящий момент не представлена. Наша статья призвана способствовать оформлению данной области психологического знания.

Цель работы заключается в идентификации психологических подходов и современных направлений исследований феномена индоктринации, в которых представлен психологический аспект. В рамках обозначенной цели мы попытаемся ответить на методологически значимый вопрос: следует ли рассматривать индоктринацию в качестве самостоятельного психического явления или ее можно свести к известным социально-психологическим процессам влияния?

Методология исследования

Нами используется междисциплинарный анализ по следующим соображениям. Во-первых, собственно психологические исследования индоктринации весьма тесно связаны с исследованиями в других областях: философии, педагогике, политологии, религиоведениии др. Во-вторых, во многих непсихологических работах авторы используют психологические объяснения или делают психологические выводы. Также в качестве методологического инструментария нами используется уровневый подход к анализу исследований индоктринации, позволяющий систематизировать их в соответствии со степенью обобщенности трактовки индоктринации: 1) на уровне социальных систем и больших социальных групп; 2) на уровне взаимодействия социальных индивидов; 3) на уровне индивидуального сознания.

Социальные контексты проявления индоктринации

Многочисленные исследования в области индоктринации и идеологического влияния охватывают широкий спектр проблематики, анализ которой позволяет выделить ряд ключевых социальных контекстов, в которых проявляется и изучается индоктринация.

1. *Массовые коммуникации.* В данном контексте индоктринация рассматривается как вид информационного воздействия массмедиа и социальных медиа на общество (Медийная индоктринация..., 2018). Применительно к массмедиа исследователи информационного воздействия чаще используют понятие «пропаганда», которое по своему содержанию во многом схоже с понятием индоктринации. Пропаганда в ее классическом понимании – это способ управления общественным мнением; преднамеренное продвижение определенных мнений и установок в социальной коммуникации с целью оказания влияния на установки и убеждения реципиентов манипуляций (Bernays, 1928; Ellul, 1965). Целенаправленный и манипулятивный характер пропаганды и индоктринации создает трудности на пути их различения.
2. *Политический контекст.* Здесь индоктринация рассматривается в качестве способа продвижения определенных идеологий для решения политических задач. Данный контекст тесно связан как с массовыми коммуникациями, так и с образованием, поскольку эти сферы часто используются политическими акторами для продвижения идеологий. Индоктринация служит задаче рационализации политики, т. е. оправдания тех или иных политических действий элит (Савин, 2016). Общие же цели политической индоктринации – управление поведением социальных масс в интересах властных групп и поддержание лояльности населения к ним. Содержательной основой такой индоктринации служит политическая идеология – «набор убеждений о правильном устройстве общества и о том, как его можно достичь» (Erikson, Tedin, 2003, p. 64). С психологической точки зрения любая идеология имеет своей целью контроль сознания и поведения личности в обществе. При этом данный контроль может восприниматься обществом как необходимый, поскольку вносит в общественную жизнь порядок и наполняет жизни людей определенным смыслом (Zimbardo, 2002).
3. *Образование.* Изучение индоктринации в контексте образования идет по разным линиям: по линии философских и психолого-педагогических проблем образования, по линии политическо-

го влияния на образование и по линии проблемы религиозного образования. Началу обсуждения данной проблемы способствовало предпринятое Дж. Дьюи (1910) разграничение авторитарного и демократического стилей обучения. Индоктринация ассоциируется с авторитарным обучением, строящимся на послушании обучающихся и порождающим их пассивность. И напротив, образование, строящееся на демократической основе, должно обеспечивать условия для становления у учащихся критического мышления и способности к рациональному постижению действительности (Dewey, 1910). В настоящее время философские и психолого-педагогические изыскания в данной области сосредоточены вокруг решения проблемы индоктринации, с одной стороны, и морального воспитания, достижения свободы и автономии личности, развития способности человека к рациональному мышлению, с другой.

4. *Религиозный контекст*. Одно из изучаемых проявлений религиозной индоктринации касается психологических аспектов идеологической обработки членов религиозных групп и культов. Религиозные группы отличаются той или иной степенью закрытости от внешнего влияния. Наиболее сильно индоктринация выражена в закрытых группах, управляемых харизматическими лидерами. В этих группах, предполагающих достаточно устойчивое членство и жесткую регламентацию образа жизни, ограничение внешних социальных контактов, использование техник контроля сознания, облеченных в форму одобряемых группой религиозных практик, наблюдается наиболее сильные личностные и поведенческие изменения у членов группы[1]. Психологией накоплен достаточно обширный материал о социально-психологических процессах, протекающих в подобных группах и культах (Хассен, 2001; Conway, Siegelman, 1995; Dein, Barlow, 1999; Festinger, Riecken, Schachter, 1956; Galanter, 1999; Goldberg, 2006; Hardyck, Braden, 1962; Hassan, 1988; Ofshe, 1980; Singer, 1979; Singer, Lalich, 1995).

Другое проявление религиозной индоктринации связано с религиозным образованием: всегда ли оно предполагает индоктринирующее воздействие? Одна из позиций строится на аргументах, согласно которым религиозное образование осуществляется

1 Следует подчеркнуть, что данные группы не всегда являются сектантскими (т. е. находящимися в оппозиции к доминирующей религии), подобные эффекты индоктринации могут наблюдаться в религиозных группах доминирующих религий, например, в условиях их обособленного проживания (в монастыре и т. п.).

путем психологического воздействия в обход рациональных обоснований, т. е. посредством индоктринации, так как невозможно построить преподавание религии на основе прямых доказательств ее истинности (Hand, 2001)[1]. Другая позиция заключается в проведении различий между индоктринацией и религиозным образованием, в утверждении возможности осмысленного и автономного приобретения религиозной веры без ущерба развитию рациональности у ребенка (Laura, Leathy, 1989; McLaughlin, 1984; Schweitzer, 2010; Tan, 2004, 2008; Thiessen, 1993). Э. Дж. Тиссен отмечает, что посвящение ребенка на ранних стадиях его развития в определенное мировоззрение не является индоктринацией до тех пор, пока автономия ребенка не будет подавлена (Thiessen, 1993).

5. *Создание организаций.* В данном контексте индоктринация рассматривается на уровне воздействия малых групп на сознание индивидов и предстает как один из способов усиления социализации сотрудников организации (бизнес-организаций, государственных служб и др.). Индоктринация рассматривается в соотношении с обучением: если обучение – это процесс передачи знаний, рабочих умений и навыков, то индоктринация – это процесс трансляции организационных норм и ценностей. Посредством индоктринации организация подготавливает сотрудника к жизни в рабочем коллективе (разумеется, в соответствии с корпоративной выгодой) (Минцберг, 2004). Как правило, психологические механизмы индоктринации в организации тем сильнее, чем более в ее деятельности выражена корпоративная идеология. Значимость внутриорганизационной индоктринации особенно высока, если деятельность организации носит секретный характер. Индоктринация в подобных структурах носит характер первичного инструктажа перед предоставлением доступа к секретной информации.
6. *Психологические практики.* Индоктринация в контексте психологических практик проявляется двояко. С одной стороны, она является неотъемлемой формой психологического воздействия на членов различных психологических культов (например, групп личностного роста, психологических «марафонов») и последователей разных психолого-эзотерических учений. В этом случае

1 Позже М. Ханд вводит условие, при котором родителям все-таки доступна возможность передавать своим детям религиозные убеждения, не индоктринируя их: если дети воспринимают родителей в качестве «интеллектуальных авторитетов» в таких убеждениях (Hand, 2002).

механизмы идеологической обработки в подобных группах схожи с теми, которые «работают» в религиозных культах или в тоталитарных политических организациях (Hassan, 1988). С другой стороны, индоктринация вплетена в психотерапевтический процесс. Психотерапия как вид психологической практики содержит основания для идеологизации. Большинство установок и воззрений на поведение и внутренний мир человека, лежащих в основе психотерапии, не подтверждены эмпирически. Как правило, они основаны на клинической практике и убежденности их создателей и последователей в их истинности и действенности (Сосланд, 2004). Эти мировоззренческие установки определяют взаимоотношения «психотерапевт–пациент/клиент», которые, как подчеркивается во множестве определений психотерапии, являются основным содержанием и инструментом психотерапевтической работы (Lindley, Holmes, 1998). Действенность психотерапии связана с необходимостью принять систему психотерапевтических идей как истину. При этом теоретические идеи психотерапии, претендуя на объяснение не только психологических нарушений, но и всего функционирования человека в социуме, достаточно активно распространяются в культуре, приобретая мировоззренческий статус.

Индоктринация на уровне социальных систем и больших групп

На уровне социальных систем и больших групп индоктринация рассматривается как особый эволюционно или культурно значимый механизм взаимовлияния людей при объединении их в группы, поддерживающий функционирование человеческих сообществ. При этом исследователи в основном занимают две полярные позиции. Согласно первой позиции, индоктринация вполне естественна и эволюционно полезна для любой человеческой популяции (Гирц, 2004; Савенков, 2006а, б). Она обеспечивает «принятие групповых характеристик и идентификацию с ними… служит сплочению и демаркации „Мы – группа“» (Eibl-Eibesfeldt, 1998, с. 51). При этом для членов групп важной становится ясность и определенность групповых норм и убеждений, а не их истинность (Gambrill, 2012).

Другая позиция предполагает искусственный характер и негативный окрас индоктринации. Согласно ей, индоктринация является преднамеренным внедрением в сознание членов определенной социальной группы чужеродных идей, точек зрения с целью формирования определенной идентичности и выработки требуемых

моделей поведения. Как правило, подчеркивается принудительность, насильственность данного процесса, этическая неприемлемость методов (Палмер, Палмер, 2003; Salter, 1998). В данном ключе изучаются различные практики контроля сознания и изменения мышления в тоталитарных группах (политических, религиозных, группах личностного роста и др. (Baron, 2000; Conway, Siegelman, 1995; Galanter, 1999; Hassan, 1988; Lifton, 1961; Singer, 1979; Singer, Lalich, 1995; Winn, 2000).

Исследования индоктринации на уровне социальных систем и больших групп посвящены главным образом анализу идеологического влияния политической элиты на сознание масс посредством существующих социальных институтов: средств массовой информации, государственных и общественно-политических организаций, образовательных учреждений, армии, церкви и др.

Начиная с 1930-х годов, в литературе обсуждается практика идеологического воздействия на массы в тоталитарных государствах: СССР, нацистской Германии, ГДР, Китае и др. В ряде работ освещается деятельность массмедиа, а также специальных органов по агитации и пропаганде в СССР (Brandenberger, 2011; Gouré, 1973; Hollander, 1972), нацистской Германии (Doob, 1950; Hansen, 2013; Voigtländer, Voth, 2015; Yourman, 1939). Анализируются методы и средства политической индоктринации в армии, армейских организациях в государствах с разным политическим режимом: в СССР (Bobkova, 2014; Gouré, 1973), США (DeRosa, 2006), Израиле (Hazkani, 2015). Также обсуждаются разные аспекты политической индоктринации в образовании: проникновение политической повестки в учебные учреждения (Dey, 1997; Hess, Gatti, 2010; Horowitz, 2009), практика идеологического воспитания в тоталитарных системах образования (Lottich, 1963; Sudhalter, 1962; Vogel, 1959).

Для изучения методов и форм индоктринирующего воздействия на общество полезно обратиться к исследованиям феномена пропаганды. При этом надо учесть, что одни исследователи при анализе пропаганды практически не пользуются термином «индоктринация», говоря о манипулятивных пропагандистских приемах, методах убеждения и «промывки мозгов» (напр.: Black, 1977; Pratkanis, 2007); другие говорят об индоктринации как о составной части пропаганды (например: Hansen, 2013). Наиболее четкую дифференциацию индоктринации и пропаганды предложил П. Хеманус (Hemánus, 1973, 1974). В качестве основы такой дифференциации послужила теория власти Г. Голдхамера и Э. Шилса (Goldhamer, Shils, 1957), предполагающая существование трех форм власти: *сила* (force) – физическая

манипуляция с подчиненным, например, лишение свободы, нападение и др.; *доминирование* (domination) – высказывание другим людям того, чего от них хотят, например, требование, приказ; *манипуляция* (manipulation) – неявная форма воздействия посредством символов и совершаемых действий. Отмечая то, что для массмедиа доступны только доминирование и манипуляция, П. Хеманус предлагает использовать термин «пропаганда» для обозначения проявлений доминирования, а термин «индоктринация» – для проявлений манипуляции. Вместе с тем в реальной практике, как пишет автор, эти две формы ценностного посыла аудитории не всегда отчетливо можно различить, так как это различение зависит от самого реципиента: если он осознает ценностный посыл, то это – пропаганда, если нет, то – индоктринация (Hemánus, 1974).

Исследования пропаганды позволили выявить ряд методов и приемов убеждения, которые могут также рассматриваться как индоктринирующие вследствие их манипулятивного характера: обращение к авторитетам; представление мнения в качестве факта; выборочные акценты на том, что преподносится как истина; измышления каузальных связей и разрывы в них; вызов стереотипов; создание и многократное повторение запоминающихся слоганов; проекции и навешивание «ярлыков»; подчеркивание негативных сторон чего-либо; обращение к страхам; эмоциональные «качели» и др. (Black, 1977; Brown, 1963; Hansen, 2013; Pratkanis, 2007). Анализ пропагандистских стратегий в тоталитарных обществах показывает их сходство: нагнетание страха через создание образа внешнего врага и расправы над внутренним врагом; сакрализация символов, важных для идентификации; создание и восхваление героев в качестве значимых фигур для поклонения и идентификации; понуждение к активному участию в нужных для политических элит социальных процессах; формирование у реципиентов внутренних обязательств («перед предками», «будущими поколениями», «павшими героями» и т. п.) (Hansen, 2013).

Следует специально выделить эмпирические исследования идеологического влияния на общество, проводимые в рамках политической психологии. По их данным, большинство членов общества обнаруживает достаточно низкий уровень знаний о конкретном содержании конкурирующих идеологий, относительную неспособность интерпретировать политические события в терминах этих идеологий и низкий уровень последовательности по отношению к разным вопросам (Converse, 2000; Dalton, 2014; Stimson, 2015). Также, по-видимому, ключевым фактором, определяющим массовое

принятие идеологического содержания, является *внимание и понимание информации,* исходящей от политических элит (Bennett, 2006; Converse, 2000; Kuklinski, Quirk, Jerit, Rich, 2001). Важна роль и социально-экономического статуса: в демократическом обществе молодежь высшего сегмента среднего класса обладает большей активностью и «реалистичными» взглядами на политический процесс, подчеркивая значимую роль политического конфликта; молодежи, принадлежащей к рабочему классу, больше свойственны политическая пассивность и «идеалистический» взгляд на политический процесс, в котором они акцентируют политическую гармонию (Litt, 1963). Накоплены и факты, свидетельствующие о влиянии на выбор левых или правых идеологических позиций наследственности, детского темперамента, ситуационной и диспозиционной изменчивости в когнитивных, мотивационных образованиях и социальных потребностях для уменьшения степени неопределенности или угрозы (Jost, Amodio, 2012; Jost et al., 2009).

Индоктринация на уровне взаимодействия социальных индивидов

На данном уровне феномен индоктринации рассматривается как процесс социального влияния в межличностном взаимодействии или во взаимодействии личности и группы.

Отдельное направление составляют исследования фактов идеологической обработки в закрытых группах, в которых индивиды подвергаются насильственной индоктринации – в военно-политических движениях (Kelly, Branham, Decker, 2016), в лагерях для военнопленных (Kuznetsov, 1997; Lifton, 1961; Reiners, 1959; Sargant, 1957; Schein, 1956; Schein, Hill, Williams, Lubin, 1957; Schein, Schneier, Barker, 1961) и тюрьмах для политических заключенных (Hinkle, Wolff, 1956).

Другое направление исследований затрагивает психологические аспекты индоктринации в религиозных культах и психологических культах (Хассен, 2001; Conway, Siegelman, 1995; Dein, Barlow, 1999; Galanter, 1999; Goldberg, 2006; Hardyck, Braden, 1962; Hassan, 1988; Ofshe, 1980; Singer, 1979; Singer, Lalich, 1995).

Эти и подобные им исследования (например: Baron, 2000; Cushman, 1986) позволили сформировать представления о психологических факторах и механизмах индоктринации. Эти представления мы можем систематизировать в несколько ключевых подходов.

Поведенческий подход. В некоторых ранних исследованиях индоктринации в качестве объяснительных психологических меха-

низмов предлагаются известные законы поведения: классическое и оперантное обусловливание, викарное научение (Hemánus, 1973, 1974; Sargant, 1957). Вместе с тем большинство исследователей согласны в том, что начальные этапы идеологической обработки человека протекают на фоне переживаемого им напряжения/стресса, тревоги или дезориентации (Baron, 2000; Cushman, 1986; Lifton, 1961; Rudin, Rudin, 1980; Sargant, 1957; Schein et al., 1961; Singer, 1979). Таким образом, создаются оптимальные условия для выработки и закрепления желательных для индоктринатора поведенческих моделей индоктрина на неосознаваемом уровне и обеспечивается его лояльность группе.

Социально-когнитивный подход. В данном подходе акцент делается на социально-психологических факторах индоктринации: использовании группового давления и принуждения, манипулирования эмоциями, применении особых социальных практик реформирования мышления (thought-reform) и контроля сознания.

В социальных группах с принудительным членством в качестве конечной цели индоктринирующего воздействия выступает изменение идентичности ее члена, его Я-концепции (Lifton, 1961; Schein, 1956; Schein et al., 1961). В ходе индоктринационного процесса осуществляется манипулирование такими эмоциями индоктрина, как чувство вины, страх, стыд (Baron, 2000; Hassan, 1988; Lifton, 1961).

Р. Дж. Лифтон систематизировал основные социально-психологические техники и практики, которые используются в группах принуждения и создают благоприятную среду для реформирования мышления и трансформации идентичности:

1. *Контроль над средой* (milieu control) – физический контроль (еда, сон, сенсорная депривация и др.), контроль коммуникаций, включая коммуникацию с самим собой.
2. *Мистическое манипулирование* (mystical manipulation) – создание ощущения, что группа обладает сверхвозможностями и что к ней нельзя применять принципы обычной этики, повседневные законы социального взаимодействия и т. п.
3. *Требование чистоты* (the demand for purity) – требование недостижимой безупречности и совершенства, цель которого – вынудить индоктрина отвергнуть внутренние ресурсы как несовершенные и полностью довериться доктрине.
4. *Культ исповеди* (the cult of confession) – своеобразная «социальная стриптизация», ведущая к символическому изживанию своего Я.

5. *Создание священной науки* (the creation of a sacred science) – сакрализация доктрины, сомнение в которой трактуется как преступление, исходя из положений самой доктрины.
6. *Использование специального языка* (loading the language). Новый язык призван редуцировать сложность и многообразие миропонимания в короткие, легко запоминающиеся фразы и лозунги. Таким способом поддерживается ощущение взаимопонимания в группе, а доктрина защищается от критики и разногласий.
7. *Доктрина превыше человека* (doctrine over person) – ценностный приоритет доктрины над реальностью, человеческим опытом. Таким образом, возможно этическое оправдание насилия, жестокости и других форм негуманного поведения.
8. *Дозированное существование* (the dispensing of existence) – определение того, кто достоин жизни или привилегий в группе, а кто – не достоин. Членам группы на этапе реформирования мышления предоставляется возможность научиться и стать «настоящим» человеком, истинным приверженцем доктрины (Lifton, 1961).

Р. С. Бэрон, разделив процесс индоктринации на стадии, полагает, что этапы пересмотра индивидом своих старых убеждений и закрепления новых могут быть объяснены стандартными теориями социального влияния и убеждения (например, теорией Р. Чалдини), вероятностной моделью обработки информации Р. Петти и Дж. Качиоппо, теорией когнитивного диссонанса Л. Фестингера, а также многочисленными известными феноменами: стереотипизацией, эвристиками мышления, конформизмом, желанием группового принятия, групповой поляризацией и др. (Baron, 2000). Вместе с тем Р. С. Бэрон раскрывает то, что можно назвать *специфическим психологическим механизмом индоктринации:* внутренние состояния (стресс, страх, вина и др.), вызванные интенсивной индоктринацией, *ухудшают способность внимания,* тем самым резко повышая эффективность различных стандартных социально-психологических процессов (Baron, 2000). Мы полагаем, что данный механизм, делающий индоктринацию, по сути, самостоятельной формой социального влияния, может рассматриваться как процесс более высокого порядка по отношению к известным механизмам социального влияния.

Психодинамический подход. Исследования в русле психодинамического подхода направлены на изучение динамики внутренних состояний индоктринируемого индивида, в особенности его *самости.* П. Кушман предложил следующую схему, объясняющую индоктринацию. Различные культовые группы привлекают людей, которые

страдают от нарциссической травмы (ощущение того, что скрытое, истинное Я человека обнаружено, а его значимость поставлена под сомнение) или чьи нарциссические потребности фрустрированы в текущей ситуации. Используемые группой манипулятивные методы призваны атаковать чувство самости индоктринов посредством принуждения их к выполнению поведения, которое противоречит их самооценке, порождает внутренний конфликт, фрагментируя образ Я. Разрешение конфликта и обретение новой самости для индоктринов становится возможным при принятии новых ценностей и убеждений, которые предлагаются группой (Cushman, 1986).

Возвращаясь к обзору современных направлений исследований феномена индоктринации, необходимо отметить, что отдельную группу составляют исследования проблемы индоктринации в образовании. Исследователи полагают, что индоктринация повышает контроль над обучающимися, подавляет их свободу воли и мешает становлению их личностной автономии. Противостоять индоктринации можно, актуализируя чувство самоценности и критического мышления (Garnett, 2014, 2015; Yaffe, 2003). В литературе широкому обсуждению подвергся «парадокс индоктринации» (Двойнин, 2018; Garrison, 1986; Hanks, 2008), сформулированный Ч. Дж. Б. Макмилланом: желаемой целью образования в свободном обществе является развитие у обучающихся рационально обоснованной системы убеждений; однако для развития такой системы убеждений обучающемуся придется принять веру в рациональные методы познания; следовательно, для противодействия индоктринации обучающийся должен быть исходно индоктринирован (MacMillan, 1983).

В других работах обсуждается вопрос о том, возможно ли нравственное воспитание без индоктринации, если ребенок не способен рационально постигнуть смысл той или иной усваиваемой нравственной нормы (Hábl, 2017; Kwak, 2004; Sher, Bennett, 1982; Taylor, 1985).

Описываются индоктринирующие образовательные практики, строящиеся на использовании специальных психологических приемов: обучающимся не рекомендуется задавать критические вопросы; им предлагается воспринимать принятие целевых убеждений как вопрос о лояльности или преданности социальной группе; обучающимся предъявляются в качестве авторитетов те, которые поддерживают целевые убеждения; в преподавании используются стереотипные и «черно-белые» образы, противопоставление «мы – хорошие, они – плохие»; сомнительное содержание преподносится под видом научного; факты фальсифицируются для поддержки доктрины; осуществляется произвольный выбор отдельных частей учеб-

ного плана и мн. др. (Buchanan, 2004; DiPaolo, Simpson, 2016; Hansson, 2018; Reboul, 1977; Sudhalter, 1962).

Ставятся вопросы о том, что считать ключевым признаком (элементом) индоктринации в образовании: особые *методы, содержание* или наличие у учителя *намерения* индоктринировать? И. А. Снук и Дж. П. Уайт считают намерение ключевым элементом индоктринации в образовании (Snook, 1972, 2010; White 1972, 2010), тогда как Г. А. Мейнелл полагает таковым специфические методы обучения (Meynell, 1974). Р. С. Лаура при этом сомневается в том, что критерии намерения и содержания могут помочь отличить индоктринирующее образование от свободного (Laura, 1983).

М. Моману предложила обобщенную 4-уровневую модель, в соответствии с которой, индоктринация в обучении может быть выявлена при одновременном сочетании четырех условий:

1. Наличие у учителя *намерения* индоктринировать, т. е. сформировать у обучающихся особые убеждения.
2. Передача определенной идеологии/доктрины в качестве *содержания обучения*.
3. Использование принудительных и авторитарных *методов обучения*.
4. В качестве *конечной цели* обучения выступает формирование определенного типа личности, отвечающего идеалу общественной доктрины (Momanu, 2012).

Индоктринация на уровне индивидуального сознания

На уровне индивидуального сознания индоктринация изучается как когнитивный процесс и результат некритичного принятия личностью чужих идей, создающий иллюзию личного выбора (Савенков, 2006).

Наиболее близким понятием, описывающим проявление индоктринации на уровне индивидуального сознания, является введенное М. Рокичем понятие «открытое/закрытое мышление» (open/closed mind), которое относится к особенностям организации системы убеждений (Rokeach, 1960). Оно характеризует не столько свойство мышления, сколько особенности организации системы убеждений и знаний. Оценка ситуации человеком с закрытым (доктринальным) мышлением строится не на основе объективных требований самой ситуации, а на основе нерелевантных ей внутренних факторов (например, привычек, страхов, иррациональных убеждений) и внеш-

них условий (например, влияния авторитета, мнения референтной группы, социальных норм). Закрытая когнитивная система подразумевает неспособность различать информацию и ее источник. Внутри нее существует изоляция между убеждениями, которые усваиваются «оптом» и подтверждаются авторитетной фигурой. Изоляция убеждений в конечном счете приводит к самому очевидному признаку доктринального сознания – человек имеет определенную точку зрения, но при этом не допускает мысли о том, что эта точка зрения может быть ошибочной (Barrow, Woods, 1988). Индоктринированный человек обычно оказывается неспособным самостоятельно осознавать факт собственной индоктринации.

Мы полагаем, что проявления индоктринации на уровне индивидуального сознания можно концептуализировать на основе теории фреймов Д. Канемана и А. Тверски, согласно которой при оценке человеком новой информации он основывается на ранее сложившихся когнитивных репрезентациях (схемах), в контексте которых он выносит (формулирует/фреймирует) оценочное суждение. Индоктринация, таким образом, может проявляться как внедрение в сознание индивида определенных когнитивных схем и фреймов, в которые организовано содержание определенной доктрины.

Ключевой предпосылкой подверженности индоктринации, как мы полагаем, является состояние личной *неопределенности* (социальной, когнитивной). В этом состоянии человек ищет доступные культурные (мировоззренческие) средства для снижения неопределенности. Стройные в идейном отношении доктрины соблазнительны, поскольку дают однозначные и логические связные ответы на экзистенциальные вопросы и могут снять переживаемые противоречия. Этот тезис подтверждается рядом исследований. Установлено, что страхи по поводу вероятных потерь и социальной нестабильности, а также потребность в порядке связаны с поддержкой жестких идеологий (Kruglanski, 2004; Sibley, Duckitt, 2009). Исследования экстремизма показывают, что экстремистские группы со строгой доктриной, четкой цепочкой командования и строгой системой правил обращаются к тем, кто испытывает высокую степень неопределенности в вопросах личностной и социальной идентичности (Hogg, Blaylock, 2012; Roets, Van Hiel, 2006; van den Bos, 2009).

Когнитивная неопределенность является пусковым механизмом возникновения так называемой *потребности в когнитивной закрытости* – необходимости полагаться на однозначную, ясную и неизменную информацию и следовать ей (Kruglanski, 2004). В зарубежной психологии это, пожалуй, наиболее часто исследуемая предпосыл-

ка идеологического мышления. Люди с высокой потребностью в закрытости, как правило, находят неопределенность крайне тревожной и пытаются устранить ее как можно быстрее при помощи доступных им когнитивных средств. Исследования показывают, что потребность в когнитивной закрытости является значимым фактором актуализации стереотипов в отношении социальных групп (Bar-Tal, Labin, 2001; Dijksterhuiset al., 1996), а высокий уровень закрытости связан с одобрением консервативных идеологий (Golec de Zavala, Van Bergh, 2007; Jost et al., 2003; Kruglanski, 2004; Roets, Van Hiel, 2006). Потребность в когнитивной закрытости может быть проиллюстрирована на примере религиозного мышления, которое склонно объяснять многие события «Божьей волей» или действием злых сил без анализа естественных каузальных связей.

Заключение

На основе проведенного анализа можно заключить, что феномен индоктринации представляет собой особую форму социального влияния, направленную на глубинные и тотальные изменения в личности и ее поведении. Данный процесс носит комплексный характер, поскольку затрагивает разнообразные аспекты жизнедеятельности индивида: от ограничения базовых форм активности организма (сон, питание и т. п.) и регламентации социальных коммуникаций до реформирования мышления, убеждений, установок и Я-концепции.

Индоктринация является самостоятельным социально-психологическим явлением, не сводимым к известным социально-психологическим процессам влияния (групповому давлению, подчинению авторитету и др.). Последние могут интерпретироваться как частные социально-психологические механизмы, реализующие отдельные стороны индоктринационного процесса. Психологическое изучение индоктринации в целом требует выявления и концептуализации специальных психологических механизмов соответствующего уровня обобщенности.

Современные исследования индоктринации могут быть систематизированы по уровням изучения данного феномена. Индоктринация на уровне социальных систем и больших социальных групп рассматривается как специфический механизм социализации и инкультурации личности, способ вхождения в культуру. На данном уровне исследования индоктринации идут по двум линиям: рассмотрения ее как естественного эволюционного механизма группового сплочения индивидов или как искусственно используемого

способа преднамеренного воздействия группы на сознание ее членов с целью повышения выживаемости группы и ее усиления в процессе межгрупповой конкуренции и борьбы. Также на данном уровне индоктринация рассматривается в соотношении с информационной пропагандой, реализуемой в контексте общественно-политических задач той или иной социальной системы. Индоктринация на уровне взаимодействия социальных индивидов рассматривается как процесс социального влияния в межличностном взаимодействии или во взаимодействии личности и группы. В качестве отдельного направления выделяются исследования фактов идеологической обработки в закрытых группах: политических, военных организациях, тюрьмах, религиозных и психологических культах. Исследуются явления индоктринации в образовательном процессе. Индоктринация на уровне индивидуального сознания изучается как когнитивный процесс и результат некритичного принятия личностью чужих идей. Данные исследования сосредоточены вокруг изучения феноменов открытого и закрытого мышления, когнитивной неопределенности и когнитивной закрытости.

Проявления индоктринации можно зафиксировать в разных социальных контекстах: от массовых коммуникаций и образования до политических процессов и религиозных культов. Эти контексты отражают основные направления современных исследований индоктринации и позволяют выявить ключевые проблемные «зоны», требующие дальнейшего изучения их психологических аспектов: культурное и эволюционное значение индоктринации; идеологическое воздействие массмедиа на общество; использование идеологий как инструмента политики; идеологическая обработка членов закрытых социальных групп и культов (армия, полиция, тюрьма, религиозный культ, партийная организация и т. п.); соотношение свободного и индоктринирующего образования; предпосылки и проявления индоктринации на уровне личности (неосознаваемые и осознаваемые процессы, саморегуляция когнитивных процессов, мотивационные и эмоциональные факторы, личностные трансформации и др.).

В настоящее время можно говорить о сложившихся трех ключевых психологических подходах к объяснению феномена индоктринации: поведенческом, социально-когнитивном и психодинамическом. Однако предлагаемые исследователями психологические объяснения индоктринации в большей мере приложимы к интерпретации данного процесса в условиях закрытых и относительно изолированных групп, в которых индоктринация носит принудительный характер. В дальнейшем необходимо также обратиться к построению рабочих

моделей индоктринации, осуществляемой в условиях массового информационного воздействия в свободном обществе, в образовательных учреждениях, творческих группах и др.

Литература

Гирц К. Интерпретация культур. М.: Росспэн, 2004.

Двойнин А. М. Индоктринация в педагогическом контексте // Ребенок в современном образовательном пространстве мегаполиса: Материалы V Всеросс. науч.-практ. конф. (5–6 апреля 2018 г., г. Москва) / Ред.-сост. А. И. Савенков. М.: Известия ИППО, 2018. С. 42–47.

Двойнин А. М., Буланова И. С. Психология индоктринации: подходы и современные направления исследований // Вопросы психологии. 2020. № 4. С. 3–15.

Медийная индоктринация: антропологические исследования / Отв. ред. В. К. Малькова, В. А. Тишков. М.: ИЭА РАН, 2018.

Минцберг Г. Структура в кулаке: создание эффективной организации / Под ред. Ю. Н. Каптуревского. СПб.: Питер, 2004.

Палмер Д., Палмер Л. Эволюционная психология. Секреты поведения Homo sapiens. СПб.: Прайм-Еврознак, 2003.

Савенков А. И. Индоктринация личности // Развитие личности. 2006а. № 1. С. 53–61.

Савенков А. И. Индоктринация личности (окончание) // Развитие личности. 2006б. № 2. С. 46–60.

Савин Ю. В. Индоктринация и ее влияние на поведение людей // Труды Костромской гос. сельскохозяйственной академии. Вып. 84. Караваево: Костромская ГСХА, 2016. С. 82–87.

Сосланд А. И. Об идеологической сущности психотерапевтического сообщества // Консультативная психология и психотерапия. 2004. Т. 12. № 2. С. 5–25.

Хассен С. Освобождение от психологического насилия: деструктивные культы, контроль сознания, методы помощи. СПб.: Прайм-Еврознак, 2001.

Bar-Tal D., Labin D. The effect of a major event on stereotyping: terrorist attacks in Israel and Israeli adolescents' perceptions of Palestinians, Jordanians and Arabs // European Journal of Social Psychology. 2001. V. 31 (3). P. 265–280. doi: 10.1002/ejsp.43.

Baron R. S. Arousal, capacity and intense indoctrination // Personality and Social Psychology Review. 2000. V. 4 (3). P. 238–254. doi: 10.1207/S15327957PSPR0403_3.

Barrow R. S. C., Woods R. G. An introduction to the philosophy of education. 3rd Ed. London: Routledge, 1988.
Bennett S. E. Democratic competence, before converse and after // Critical Review. 2006. V. 18 (1–3). P. 105–141.
Bernays E. L. Propaganda. N. Y.: Horace Liveright, 1928.
Black J. Another perspective on mass media propaganda // General Semantics Bulletin. 1977. V. 44 (45). P. 92–104.
Bobkova E. Y. Reflection of party and state concept of political indoctrination of the Red Army contingent in the works of the soviet state military leadership // Middle East Journal of Scientific Research. 2014. V. 19 (4). P. 497–500.
Bos K. van den. Making sense of life: The existential Self trying to deal with personal uncertainty // Psychological Inquiry. 2009. V. 20 (4). P. 197–217. doi: 10.1080/10478400903333411.
Brandenberger D. Propaganda state in crisis: Soviet ideology, indoctrination and terror under Stalin, 1927–1941. New Haven–London: Yale University Press, 2011.
Brown J. A. C. Techniques of Persuasion: From Propaganda to Brainwashing. Baltimore: Penguin Books, 1963.
Buchanan A. Political liberalism and social epistemology // Philosophy & Public Affairs. 2004. V. 32 (2). P. 95–130.
Converse P. E. Assessing the capacity of mass electorates // Annual review of political science. 2000. V. 3 (1). P. 331–353.
Conway F., Siegelman J. Snapping: America's epidemic of sudden personality change. 2nd Ed. N. Y.: Stillpoint Press, 1995.
Cushman P. The Self besieged: Recruitment–indoctrination processes in restrictive groups // Journal for the Theory of Social Behavior. 1986. V. 16 (1). P. 1–32. doi: 10.1111/j.1468-5914.1986.tb00063.x.
Dalton R. J. Citizen politics: Public opinion and political parties in advanced industrial democracies. 6th Ed. Los Angeles: Sage–CQ Press, 2014.
Dein S., Barlow H. Why do people join the Hare Krishna Movement? Deprivation theory revisited // Mental Health, Religion & Culture. 1999. V. 2 (1). P. 75–84. doi: 10.1080/13674679908406334.
DeRosa C. S. Political indoctrination in the US Army from World War II to the Vietnam War. Lincoln–London: University of Nebraska Press, 2006.
Dewey J. How we think. Boston: D. C. Heath & Co., 1910.
Dey E. L. Undergraduate political attitudes: Peer influence in changing social contexts // The Journal of Higher Education. 1997. V. 68 (4). P. 398–413.

Dijksterhuis A., Van Knippenberg A., Kruglanski A. W., Schaper C. Motivated social cognition: Need for closure effects on memory and judgment // Journal of Experimental Social Psychology. 1996. V. 32 (3). P. 254–270. doi: 10.1006/jesp.1996.0012.

DiPaolo J., Simpson R. M. Indoctrination anxiety and the etiology of belief // Synthese. 2016. V. 193 (10). P. 3079–3098. doi: 10.1007/s11229-015-0919-6.

Doob L. W. Goebbels' principles of propaganda // The Public Opinion Quarterly. 1950. V. 14 (3). P. 419–442.

Eibl-Eibesfeldt I. Us and the others: The familial roots of ethnonationalism // I. Eibl-Eibesfeldt, F. K. Salter (Eds). Indoctrinability, ideology and warfare: Evolutionary perspectives. N. Y.–Oxford: Berghahn Books, 1998. P. 21–53.

Ellul J. Propaganda: The formation of men's attitudes. N. Y.: Vintage Books, 1965.

Erikson R. S., Tedin K. L. American public opinion: Its origins, content, and impact. V. 6. London: Longman, 2003.

Festinger L., Riecken H. W., Schachter S. When prophecy fails: A social and psychological study of modern group that predicted the destruction of the world. University of Minnesota Press, 1956. doi: 10.1037/10030-000.

Galanter M. Cults: Faith, healing and coercion. N. Y.: Oxford University Press, 1999.

Gambrill E. Propaganda in the helping professions. N. Y.: Oxford University Press, 2012.

Garnett M. The autonomous life: A pure social view // Australasian Journal of Philosophy. 2014. V. 92 (1). P. 143–158. doi: 10.1080/00048402.2013.765899.

Garnett M. VI – Freedom and indoctrination // Proceedings of the Aristotelean Society. 2015. V. 115 (2). P. 93–108. doi: 10.1111/j.1467-9264.2015.00386.x.

Garrison J. W. The paradox of indoctrination: A solution // Synthese. 1986. V. 68 (2). P. 261–273.

Goldberg L. Raised in cultic groups: The impact on the development of certain aspects of character // Cultic Studies Review. 2006. V. 5 (1). P. 1–28.

Goldhamer H., Shils E. A. Power and Status // L. A. Coser, B. Rosenberg (Eds). Sociological Theory: A Book of Readings. N. Y.: Macmillan, 1957. P. 134–142.

Golec de Zavala A., Bergh A. Van. Need for cognitive closure and conservative political beliefs: Differential mediation by personal worldviews // Political Psychology. 2007. V. 28 (5). P. 587–608.

Gouré L. The military indoctrination of Soviet youth. N. Y.: National Strategy Information Center, 1973.

Hábl J. The problem of indoctrination, with a focus on moral education // Ethics and Bioethics (in Central Europe). 2017. V. 7 (3–4). P. 187–198.

Hand M. Is religious education possible? An examination of the logical possibility of teaching for religious understanding without religious belief. 2001.

Hand M. Religious upbringing reconsidered // Journal of Philosophy of Education. 2002. V. 36 (4). P. 545–557. doi: 10.1111/1467-9752.00294.

Hanks C. Indoctrination and the space of reasons // Educational Theory. 2008. V. 58 (2). P. 193–212. doi: 10.1111/j.1741-5446.2008.00284.x.

Hansen W. G. Influence: theory and practice: Thesis. Monterey, 2013.

Hansson L. Science education, indoctrination and the hidden curriculum // M. Matthews (Ed.). History, philosophy and science teaching: New perspectives. Cham: Springer, 2018. P. 283–306. doi: 10.1007/978-3-319-62616-1.

Hardyck J. A., Braden M. Prophecy fails again: A report of a failure to replicate // The Journal of Abnormal and Social Psychology. 1962. V. 65 (2). P. 136–141.

Hassan S. Combating cult mind control. Rochester, VT: Park Street Press, 1988.

Hazkani S. Political indoctrination of soldiers in the IDF, 1948–1949 // Israel Studies Review. 2015. V. 30 (1). P. 20–41. doi: 10.3167/isr.2015.300103.

Hemánus P. Joukkotiedotus piilovaikuttajana (The mass media as hidden persuaders). Keuruu, 1973.

Hemánus P. Propaganda and indoctrination; a tentative concept analysis // Gazette (Leiden, Netherlands). 1974. V. 20 (4). P. 215–223.

Hess D., Gatti L. Putting politics where it belongs: In the classroom // New Directions for Higher Education. 2010. V. 152. P. 19–26.

Hinkle L. E., Wolff H. G. Communist interrogation and indoctrination of enemies of the states: Analysis of methods used by the Communist State Police (A special report) // Archives of Neurology & Psychiatry. 1956. V. 76 (2). P. 115–174.

Hogg M. A., Blaylock D. L. Extremism and the psychology of uncertainty. Malden, MA: Wiley–Blackwell, 2012.

Hollander G. D. Soviet political indoctrination: Developments in mass media and propaganda since Stalin. N. Y.: Praeger Publishers, 1972.

Horowitz D. Indoctrination U.: The left's war against academic freedom. N. Y.: Encounter Books, 2009.

Jost J. T., Amodio D. M. Political ideology as motivated social cognition: Behavioral and neuroscientific evidence // Motivation and Emotion. 2012. V. 36. P. 55–64. doi: 10.1007/s11031-011-9260-7.

Jost J. T., Federico C. M., Napier J. L. Political ideology: Its structure, functions and elective affinities // Annual Review of Psychology. 2009. V. 60. P. 307–337. doi: 10.1146/annurev.psych.60.110707.163600.

Jost J. T., Glaser J., Kruglanski A. W., Sulloway F. J. Political conservatism as motivated social cognition // Psychological Bulletin. 2003. V. 129 (3). P. 339–375. doi: 10.1037/0033-2909.129.3.339.

Kelly J. T. D., Branham L., Decker M. R. Abducted children and youth in Lord's Resistance Army in Northeastern Democratic Republic of the Congo (DRC): Mechanisms of indoctrination and control // Conflict and Health. 2016. V. 10 (1). P. 1–11. doi: 10.1186/s13031-016-0078-5.

Kruglanski A. W. The psychology of closed mindedness. N. Y.: Psychology Press, 2004.

Kuklinski J. H., Quirk P., Jerit J., Rich R. The political environment and decision-making: Information, motivation, and policy tradeoffs // American Journal of Political Science. 2001. V. 45. P. 410–425.

Kuznetsov S. I. The ideological indoctrination of Japanese prisoners of war in the Stalinist camps of the Soviet Union (1945–1956) // International Journal of Phytoremediation. 1997. V. 10 (4). P. 86–103. doi: 10.1080/13518049708430320.

Kwak D.-J. Indoctrination revisited: In search of a new source of teachers' moral authority // Higgins C. (Ed.). Philosophy of Education Archive. Urbana-Champaign, IL: Philosophy of Education Society, 2004. P. 92–100.

Laura R. S. To educate or to indoctrinate: That is still the question // Educational Philosophy and Theory. 1983. V. 15 (1). P. 43–55. doi: 10.1111/j.1469–5812.1983.tb00091.x.

Laura R. S., Leathy M. Religious upbringing and rational autonomy // Journal of Philosophy of Education. 1989. V. 23 (2). P. 253–265. doi: 10.1111/j.1467-9752.1989.tb00211.x.

Lifton R. J. Thought reform and the psychology of totalism: A study of "brainwashing" in China. N. Y.: W. W. Norton, 1961.

Lindley R., Holmes J. The values of psychotherapy. London: Karnac Books, 1998.

Litt E. Civic education, community norms, and political indoctrination // American Sociological Review. 1963. V. 28 (1). P. 69–75.

Lottich K. V. Extracurricular indoctrination in East Germany // Comparative Education Review. 1963. V. 6 (3). P. 209–211. doi: 10.1086/444937.

MacMillan C. J. B. On certainty and indoctrination // Synthese. 1983. V. 56 (3). P. 363–372.

McLaughlin T. H. Parental rights and the religious upbringing of children // Journal of Philosophy of Education. 1984. V. 18 (1). P. 75–83.

Meynell H. A. Moral Education and Indoctrination // Journal of Moral Education. 1974. V. 4 (1). P. 17–26. doi: 10.1080/0305724740040103.

Momanu M. The pedagogical dimension of indoctrination: Criticism of indoctrination and the constructivism in education // Meta. 2012. V. 4 (1). P. 88–105.

Ofshe R. The social development of the Synanon cult: The managerial strategy of organizational transformation // Sociological Analysis. 1980. V. 41. P. 109–127.

Pratkanis A. R. Winning hearts and minds: a social influence analysis // Arquilla J., Borer D. A. (Eds). Information strategy and warfare: A guide to theory and practice. N. Y.–London: Routledge, 2007. P. 56–85. doi: 10.4324/9780203945636.

Reboul O. L'endoctrinement. Paris: Universitaires de France, 1977.

Reiners W. O. Soviet indoctrination of German war prisoners, 1941–1956. Cambridge, Mass.: Center for International Studies, MIT, 1959.

Robert. P. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. V. II. Paris: Le Robert, 1957.

Roets A., Hiel A. Van. Need for closure relations with authoritarianism, conservative beliefs and racism: The impact of urgency and permanence tendencies // Psychologica Belgica. 2006. V. 46 (3). P. 235–252. doi: 10.5334/pb-46-3-235.

Rokeach M. (Ed.). The open and closed mind: Investigations into the nature of belief systems and personality systems. N. Y.: Basic Books, 1960.

Rudin A. J., Rudin M. R. Prison or paradise: The new religious cults. Philadelphia: Fortress Press, 1980.

Salter F. K. Indoctrination as institutionalized persuasion: Its limited variability and cross-cultural evolution // I. Eibl-Eibesfeldt, F. K. Salter (Eds). Indoctrinability, ideology and warfare: Evolutionary perspectives. N. Y.–Oxford: Berghahn Books, 1998. P. 325–343.

Sargant W. Battle for the mind: How evangelists, psychiatrists, politicians, and medicine men can change your beliefs and behavior. Garden City, N. Y.: Doubleday, 1957.

Schein E. H. The Chinese indoctrination program for prisoners of war: a study of attempted "brainwashing" // Psychiatry. 1956. V. 19 (2). P. 149–172. doi: 10.1080/00332747.1956.11023044.

Schein E. H., Hill W. F., Williams H. L., Lubin A. Distinguishing characteristics of collaborators and resisters among American prisoners of war // The Journal of Abnormal and Social Psychology. 1957. V. 55 (2). P. 197.

Schein E. H., Schneier I., Barker C. H. Coercive persuasion: A socio-psychological analysis of the "brainwashing" of American civilian prisoners by the Chinese communists. N. Y.: W. W. Norton & Co, 1961.

Schweitzer F. Children's right to religion and religious education // International handbook of inter-religious education. Dordrecht: Springer, 2010. P. 1071–1086. doi: 10.1007/978-1-4020-9260-2_63.

Sher G., Bennett W. J. Moral education and indoctrination // The Journal of Philosophy. 1982. V. 79 (11). P. 665–677.

Sibley C. G., Duckitt J. Big-Five personality, social worldviews, and ideological attitudes: Further tests of a dual process cognitive-motivational model // The Journal of Social Psychology. 2009. V. 149 (5). P. 545–561. doi: 10.1080/00224540903232308.

Singer M. T. Coming out of the cults // Psychology today. 1979. V. 12 (8). P. 72–82.

Singer M. T., Lalich J. Cults in our midst. Hoboken, N. J.: Jossey-Bass–Wiley, 1995.

Snook I. A. Indoctrination and education. London–Boston: Routledge–Kegan Paul, 1972.

Snook I. A. Indoctrination and moral responsibility // I. A. Snook (Ed.). Concepts of indoctrination: Philosophical essays. N. Y.: Routledge, 2010. P. 118–125.

Stimson J. A. Tides of consent: How public opinion shapes American politics. N. Y.: Cambridge University Press, 2015.

Sudhalter D. L. The political and psychological indoctrination of school children in the USSR: Thesis. Boston, 1962.

Tan C. Michael Hand, indoctrination and the inculcation of belief // Journal of Philosophy of Education. 2004. V. 38 (2). P. 257–267. doi: 10.1111/j.0309-8249.2004.00380.x.

Tan C. Religious education and indoctrination // C. Tan (Ed.). Philosophical Reflections for Educators. Singapore: Cengage Learning, 2008. P. 183–192.

Taylor M. Children and Other Barbarians // Southwest Philosophy Review. 1985. V. 2. P. 19–29.

Thiessen E. J. Teaching for commitment: Liberal education, indoctrination and Christian nurture. Montreal & Kingston: McGill-Queen's University Press, 1993.

Vogel A. W. Indoctrination of teachers of English in the Soviet pedagogical institute // Comparative Education Review. 1959. V. 3 (2). P. 32–35. doi: 10.1086/444804.

Voigtländer N., Voth H. J. Nazi indoctrination and anti-Semitic beliefs in Germany // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2015. V. 112 (26). P. 7931–7936. doi: 10.1073/pnas.1414822112.

Winn D. The manipulated mind: Brainwashing, conditioning and indoctrination. Cambridge, MA: Ishk, 2000.

White J. P. Indoctrination without doctrines? // I. A. Snook (Ed.). Concepts of indoctrination: Philosophical essays. London–Boston: Routledge–Kegan Paul, 1972. P. 190–201.

White J. P. Indoctrination and intentions // I. A. Snook (Ed.). Concepts of indoctrination: Philosophical essays. N. Y.: Routledge, 2010. P. 91–101.

Yaffe G. Indoctrination, coercion and freedom of will // Philosophy and Phenomenological Research. 2003. V. 67 (2). P. 335–356. doi: 10.1111/j.1933-1592.2003.tb00293.x.

Yourman J. Propaganda techniques within Nazi Germany // Journal of Educational Sociology. 1939. V. 13 (3). P. 148–163.

Zimbardo P. G. Mind control: psychological reality or mindless rhetoric? // Monitor on Psychology. 2002. V. 33 (10). URL: http://www.apa.org/monitor/nov02/pc (дата обращения: 01.06.2021).

К проблеме психосемантики сознательного и бессознательного знания[1]

В. Ф. Петренко

doi: 10.38098/thry_21_0434_006

То, что сознание тесно взаимосвязано с языком и определяет границы бытия, отмечали философы, лингвисты и психологи. Мартин Хайдеггер (1993) утверждает: «Язык – дом бытия». Людвиг Витгенштейн (2018) полагает: «Границы моего языка означают границы моего мира». А. Р. Лурия (2007) говорит об удвоении мира благодаря языку. Под языком при этом следует понимать не только естественный человеческий язык, но и любую систему значений, описывающую физическую реальность, психические образы и состояния или предписывающую некие действия и поведение. Можно говорить о языке мимики и жеста, танца и пантомимы, языке кино и театра, семиотике балета и архитектуры, дорожных знаков и одежды (см.: Лотман, 2000). Различные языки, в первую очередь естественный язык, служат для реализации мышления и коммуникации, самосознания и прогнозирования, рефлексии и саморефлексии. Л. С. Выготский (1934) рассматривал знак как психическое орудие, с помощью которого человек управляет собственным сознанием и поведением. Через языковое сознание выражаются «имплицитные модели» различных областей предметного, социального или внутреннего мира самосознания. Дж. Келли (2000) рассматривает познание любого человека по аналогии с познанием мира ученым. Он, опираясь на индивидуальный и коллективный опыт, строит гипотетические модели того или иного фрагмента реальности. Каждый из нас, совершая покупки и тратя деньги, является житейским экономистом, голосуя за те ли иные партии или их кандидатов, мы выступаем наивными политологами, посещая театры или музеи, мы являемся стихийными искусствоведами, строя свои отношения с другими людьми,

1 Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 19-013-00603. Содержание статьи было представлено в форме доклада в «Зимней психологической школе – 2019».

мы предстаем как житейские психологи и т. п. В то же время человек, не являясь профессионалом в той или иной области познания, как правило, плохо осознает эти имплицитные модели и их категориальную структуру. В лингвистики есть понятие «language competence» и «language performance» – знание языка и владение языком. Маленький ребенок может прекрасно говорить на своем родном языке («language performance»), не зная его грамматики и синтаксиса. А взрослый человек начинает изучать иностранный язык с формальных правил («language competence»), подчас так им и не овладев, чтобы говорить свободно. Аналогично наши имплицитные модели тех или иных фрагментов реальности могут работать в режиме употребления, но плохо рефлексироваться.

В то же время любой человек способен на основе имплицитных знаний придумать множество частных суждений, взаимосвязанных логикой имплицитных моделей. Выявить внутреннее содержание этих имплицитных моделей и описать их категориальную структуру – задача экспериментальной психосемантики. Предтечей экспериментальной психосемантики являются семантический дифференциал Ч. Осгуда и теория личностных конструктов Дж. Келли. Но как пишет известный американский психолог М. Коул в предисловии к статье «Значение как образующая сознания», опубликованной в журнале «Психология в России и Восточной Европе», «Петренко заимствует американский технологический инструментарий для решения традиционных российских проблем психологии, идущих от Л. С. Выготского» (Cole, 1993). Действительно, методологической основой, определяющей становление психосемантики, является школа Л. С. Выготского–А. Н. Леонтьева–А. Р. Лурии. Однако в отличие от «теории отражения» в нашем методологическом подходе сделан акцент на активности субъекта (конструктивистский подход), где субъект конструирует возможные и подчас альтернативные модели познаваемой им реальности (Петренко, 2002). Близкие идеи методологического либерализма и личностного знания представлены в работах Юревича (Юревич, 2005).

Используя, а также вводя новые методики построения семантических пространств как операциональных моделей категориальной структуры сознания, мы значительно расширили сферу их применения, используя в изучении сознания (Петренко, 1988, 1997; Петренко, Кучеренко, 2015) индивидуального и коллективного менталитета в кросс-культурной психологии (Петренко, Митина, 2001; Mitina, Petrenko, 2001), возрастной психологии (Петренко и др., 2016; Петренко, Митина, 2018а, б), гендерной психологии (Митина, Петрен-

ко, 2000), психологии искусства (Петренко, 2014) и политической психологии (Петренко, Митина, 2018а, б).

Параметры семантического пространства отражают когнитивную организация сознания. Так, количество выделяемых факторов отражает когнитивную сложность человека в данной содержательной области. Сознание человека гетерогенно, и оно может иметь высокую когнитивную сложность (количество выделяемых факторов), скажем, при восприятии футбольных команд, но низкую при восприятии политических партий; высокую в сфере экономики, но низкую в искусстве. Аффекты вызывают уплощение семантического пространства, а духовные озарения могут увеличивать. Мощность выделяемых факторов (или перцептуальная сила признака) свидетельствует о субъективной значимости данной категории и тесно связана с мотивационной сферой субъекта. Так, например, честолюбивый человек при оценке других людей выдаст высокую мощность фактора, связанного с их социальным статусом. Изменение коннотативных значений семантического пространства под влиянием определенного воздействия (например, психотерапии с помощью гипноза – см.: Петренко, Кучеренко, Вяльба, 2006) происходит не хаотично, а упорядоченно и поддается описанию с помощью моделей аффинных преобразований метрического пространства.

Интеркорреляции факторов свидетельствуют о взаимосвязи тех или иных категорий в человеческом сознании. Например, на заре христианства богатство отрицательно коррелировало с богоугодностью. «Легче верблюду (канату, по другой версии перевода библии) пройти через игольное ушко, чем богатому попасть в рай». Люди раздавали свое имущество и уходили в богоугодную нищету. Направление вектора «богоугодности» таким образом было противоположно направлению вектора богатства. Спустя тысячелетие в христианском протестантизме вектор «богоугодности» повернулся в противоположную сторону и богоугодными стали считаться преуспевающие зажиточные хозяева, а нищих и бродяг в викторианской Англии ждали работные дома. Наконец координаты анализируемых объектов в семантическом пространстве отражают так называемые коннотативные значения (нерасчлененные индивидуальные значения в единстве с их личностным смыслом) и характеризуют отношение субъекта к этим объектам.

Построение семантического пространства не является процедурой измерения, как в естественных науках. Система категориальных структур и коннотативных значений выступает скорее ориентировочной основой для эмпатии, встраивания в менталитет другого ин-

дивидуального или коллективного субъекта (или в свой собственный, если исследование направлено на самопонимание и рефлексию). В этом плане методы психосемантики родственны проективным методам психологии, но отличаются гораздо большей формализованностью, объективностью и доказуемостью.

В основе методов психосемантики лежат методы установления семантических связей между анализируемыми значениями слов, образов, символов, синкретов, т. е. тех знаковых форм, которые специфичны для данного уровня развития индивидуального или коллективного субъекта (см.: Виды обобщения по В. В. Давыдову). К методам установления семантических связей относятся ассоциативный эксперимент, метод субъективного шкалирования, семантический дифференциал Ч. Осгуда, семантический радикал А. Р. Лурии (когда по генерализации оборонительного рефлекса на сходные объекты устанавливается наличие и степень выраженности семантических связей), метод сортировки Дж. Миллера (когда мерой сходства выступает количество попаданий объектов в сходные классы) и т. п. На основании применения того или иного метода установления семантических связей строится матрица данных, которая обрабатывается с помощью факторного или кластерного анализа, многомерного шкалирования, структурного моделирования или иного метода многомерной статистики, а по полученным данным математической обработки строится семантическое пространства, выступающее операциональной моделью структур сознания и бессознательного. Можно придумать разные способы установления семантических связей. Приведу один из экзотических. Занимаясь гипнозом, мы обнаружили интересный феномен, когда запрет на осознание некого объекта приводит к его выпадению из поля сознания и объектов, семантически связанных с ним. Например, даешь запрет на виденье сигарет, а из поля восприятия и осознания выпадают и пепельница полная окурков, и спички (поскольку они связаны с прикуриванием) и даже зажигалка, которую «не видит» испытуемый. Вертит в руках «непонятный цилиндрик» и говорит, что это, наверное, тюбик из-под валидола, т. е. выпадает предметная функция, связанная с прикуриванием сигарет. Таким образом, для установления семантических связей можно использовать и метод гипноза, и разработанный нами (Петренко, Кучеренко, 2019) суггестивный метод сенсомоторного психосинтеза.

Но перейдем непосредственно к проблематике бессознательного. Как уже отмечалось, для осознания требуется некая знаковая форма. По мысли Л. С. Выготского, используя знак как орудие, человек

управляет своим поведением и своими мыслями. Для рационального мышления характерно использование понятий, дающих ясность осознания и порождающих тексты, вплоть до научных концепций. Для менее осознанных реалий используются символические и поэтические образы, образы сновидений, порождающих мифологемы, поэтические и религиозные притчи, пророчества. Понятен интерес К. Юнга к образной и мифологической сфере, к исследованию снов.

Рассмотрим в контексте проблемы бессознательного один из наиболее ярких снов Карла Юнга:

> «Я находился в незнакомом двухэтажном доме. Это был „мой дом". Я пребывал на втором этаже, в гостиной, обставленной изящной старинной мебелью стиля рококо. На стенах висело несколько прекрасных старых картин. Подивившись убранству своего дома, я подумал: „Вот это да!" – но потом вдруг сообразил, что не знаю, как выглядит нижний этаж.
>
> Я спустился по лестнице и обнаружил, что на нижнем этаже собраны значительно более старые вещи; судя по всему, часть этого дома восходила к пятнадцатому или шестнадцатому веку. Обстановка была средневековая, полы были выложены красным кирпичом. Вокруг царила полутьма. Переходя из одной комнаты в другую, я думал: „Сейчас я обследую все помещения этого дома". Подойдя к тяжелой двери, я открыл ее и обнаружил каменную лестницу, ведущую вниз, в погреб. Спустившись по ней, я оказался в помещении с красивыми сводами, которые показались мне невероятно древними. Исследуя стены, я обнаружил среди обыкновенных каменных блоков несколько слоев кирпича, а также кирпичные вкрапления в известковом растворе. Я сразу понял, что стены датируются римской эпохой. Мой интерес чрезвычайно возрос. Внимательно осмотрев пол, я нашел кольцо. Стоило мне потянуть кольцо, как плита отошла, и моему взору открылась еще одна узкая каменная лестница, которая вела куда-то далеко вниз. Я снова спустился и вошел в низкую пещеру. Пол был покрыт густым слоем пыли, в которой валялись кости и глиняные черепки, напоминающие останки какой-то первобытной культуры. Я обнаружил два человеческих черепа, явно очень старые и наполовину распавшихся. После этого я проснулся» (Юнг, 1997, с. 164).

Удивительный сон. Не сон, а прямо краткое изложение в метафорической форме концепции бессознательного Карла Юнга. Обычно сны достаточно сумбурны, плохо структурированы, а тут прямо маленькое литературное произведение. Однако, может быть, гениальные

люди, а таким бесспорно является Юнг, имеют более структурированное коллективное бессознательное и соответственно видят более четкие и логические сны. И в этом ключ к их гениальности? Кстати, сон Юнга иллюстрирует один важный момент. Как видим, бессознательное и его глубины у Юнга имеют культурно-европейское содержание. Тут и старинная мебель в стиле рококо, и глубже римские сводчатые потолки римского домуса, и еще глубже слои первобытной культуры с осколками древней керамики и двумя черепами. Наличие последних Зигмунд Фрейд проинтерпретировал как свидетельство неосознанной тяги Юнга к смерти. Юнг не был согласен с такой интерпретацией. Я бы позволил себе иную интерпретацию, полагая, что это мифологические черепа Адама и Евы. Аналогично этот сюжет мы можем наблюдать в храме Гроба Господня в Иерусалиме, где, по преданию, под Голгофой был похоронен Адам, прародитель рода человеческого, изгнанный из рая из-за грехопадения и передавший греховность всему человеческому роду. Прямо под Голгофой находится часовня Адама, где видна расщелина, образовавшаяся при землетрясении, через которую вместе с дождевой водой просочилась кровь Иисуса и омыла череп Адама.

Я остановился на этом сюжете, чтобы подчеркнуть, что коллективное бессознательное у Юнга отнюдь не универсально для всего рода человеческого. И коллективное бессознательное индуса или китайца, перса или индейца Южной Америки наполнено разными архетипическими образами. Но если мы будем двигаться вглубь древа эволюции, то обнаружим и пласты опыта наших животных предков (см.: Петренко, 2004).

Проблему приема и передачи целостных состояний на уровне бессознательного поставил еще Бергсон в книге «Творческая эволюция», где описал, как оса-наездник безошибочным уколом парализует гусеницу (Бергсон, 1998). Бергсон предположил, что оса безошибочно находит ганглии гусеницы не в результате научения (как позднее бихевиористы описывали формирование навыка путем «проб и ошибок»), а непосредственно ощущает ганглии гусеницы как бы в себе, средствами собственной психики. Такой механизм познания Анри Бергсон назвал творческой интуицией и полагал, что он присущ всем живым существам, поскольку они имеют общих предков. В современной психологии понятие интуиции имеет несколько иной смысл, связанный с выходом за рамки стереотипного мышления (см.: Асмолов, 1997; Пономарев, 1976). Предложенная же Бергсоном трактовка интуиции осталась практически не разработанной. Возможность интуитивной эмпатии русский философ Се-

ребряного века Н. О. Лосский (1992) объяснял координацией «субстанциональных субъектов» – своего рода резонансом душ живых существ. Применительно к общению людей эмпатическим камертоном взаимопонимания выступает эмоциональная близость. Так, опираясь на этнографические зарисовки южноафриканского писателя Л. Грина, психолог А. Г. Сулейманян (2000, 2003) обсуждает возможность телепатической связи между членами первобытного племени. По мнению Грина, «язык дымов» африканских бушменов и австралийских аборигенов, с помощью которого передаются довольно детальные сообщения, не является языком в собственном смысле слова, так как скорость передачи сообщений слишком велика для примитивной сигнальной системы. Костры – только стимул, призывающий туземцев настроиться на прием сообщения. «Я развожу костер для того, чтобы другие знали, что я уже начал думать– объяснял один австралийский абориген писателю, – И они тоже начинают думать, пока наши мысли не совпадают» (Грин, 1966, с. 43). Анализируя текст книги Грина, Сулейманян сопоставляет с психологической литературой по телепатии и связывает ее со способностью туземцев к крайнему сосредоточению внимания (присущему и животным), а также очень тесными и близкими отношениями между собой членов племени. Сходные телепатические феномены, по мнению автора, могут наблюдаться и у «цивилизованных людей» в экстраординарных обстоятельствах. Например, есть множество свидетельств того, что матери испытывают, казалось бы, беспричинную тревогу по поводу детей, находящихся за многие сотни километров и действительно попавших в это время в беду. Методы, обеспечивающие контролируемое сопереживание, разрабатывает гуманистическая психология, а конкретнее – групповая психотерапия в духе К. Роджерса. В ее рамках достигается так называемое измененное состояние сознания, своеобразное нервное возбуждение, в определенный момент охватывающее одновременно всех участников группы и ощущаемое как единое напряженное поле. Роджерс (2002) приводил самоотчеты участников психотерапевтической группы, говоривших о глубоком духовном переживании, ощущении единого духа группы. Люди дышали вместе, чувствовали вместе, даже говорили друг за друга, и ощущали мощь «жизненной силы» (чем бы она ни была), наполнявшей каждого. Стерлось привычное деление на «я» и «ты» – это было похоже на медитативное ощущение, когда каждый чувствовал себя центром сознания. И вместе с этим экстраординарным ощущением единства никогда еще так ясно не сохранялась настоящая отдельность каждого человека. В отличие от акцентуации цен-

ности и неповторимости бытия отдельной личности в философии экзистенциализма и гуманистической психологии, в восточной буддистской традиции культивируется идея ухода от «индивидуальной биографии», от уникальности личности к идее интеграции, близкой к соборности в христианской традиции. В дзен-буддизме возможность актуализации в сознании человека предыдущего исторического опыта связана с идеей иллюзорности бытия отдельной личности (принцип анатта) и идеей общности всего живого как форм воплощения единого духа.

Противопоставление «тварного» мира как пространственно-временного, в котором только и возможна история, сверхпространственному и сверхвременному «Я» – «субстанциональному деятелю» (в терминах Лосского) – присуще и русской религиозной и околорелигиозной философии бытия. «Так как субъект есть существо сверхвременное и сверхпространственное, – писал Лосский, исходя из представления о бессмертии души, – то и координация его с объектами не есть пространственная близость и не есть сосуществование во времени; это связь субъекта с миром, стоящая выше всякой пространственной и временной раздробленности. Поэтому возможно знание о предметах, далеких от моей теперешней жизни во времени. На этом основании может быть выработана интуитивистская теория памяти, согласно которой воспоминание есть интенциональный акт, направленный субъектом через пропасть времени прямо на событие, пережитое или воспринятое вчера или даже 20–30 лет тому назад; при этом акт воспоминания есть теперешнее событие, а вспоминаемое есть само прошлое в подлиннике, опять наличествующее в сознании» (Лосский, 1992, с. 151).

Историческая память на все события и все деяния человечества и отдельных индивидов заслуживает внимания (по крайней мере, в психотерапевтическом плане, так как обеспечивает если и не личное бессмертие, то, по крайней мере, все объёмную и бесконечную память о всем нашем бытии). Аргументами в пользу этой идеи могли бы быть следующие соображения. Индивидуальная человеческая память содержит, по мнению Лурии, практически все события, происшедшие с человеком в ходе его жизни. Эксперименты Х. Дельгадо по электростимуляции мозга позволили ему утверждать, что «нейроны сохраняют полную запись прошлых событий, включая всю сенсорную информацию (зрительную, слуховую, проприоцептивную и т.д.), а также эмоциональное звучание событий» (Дельгадо, 1971, с. 154). Созвучны этому выводу и результаты экспериментов Б. М. Величковского по определению объема долговременной памя-

ти визуального материала, и гипнотические опыты по извлечению из пассивной памяти свидетеля событий прошлого. Память интегрального сознания или Вселенной, эволюционирующей миллиарды лет, вполне могла бы содержать механизмы, обеспечивающие фиксацию и хранение всей информации обо всем произошедшем и пережитом. Вспомним, по сути, религиозное пророчество М.А. Булгакова: «Рукописи не горят».

Конечно, подобное допущение в науке, согласно принципу Оккама «Не умножать сущности без нужды», должно бы быть элиминировано. Но не укладываются в естественно-научную парадигму линейного времени «вещие сны», предчувствия и пророчества, ощущения присутствия в себе других личностей («вселение бесов»), парадоксальное ощущение – чувство менталитета – не высказавших своих переживаний, страданий других людей. Примером тому – переживания никогда не сидевшего А. Галича, остро чувствовавшего и описавшего мироощущение зеков, населявших ГУЛАГ; никогда не воевавшего В. Высоцкого, через военные песни которого возопили души гибнущих и погибших солдат; авторов высокохудожественных исторических романов, с удивительной достоверностью описывающих мироощущение людей из далеких исторических эпох. Какими средствами творческой эмпатии осуществляется подключение к этим историческим ментальным эгрегорам таких писателей, как А.С. Пушкин, Т. Манн, Л. Фейхтвангер или Л.Н. Толстой, мы еще не знаем. Перефразируя слова Тиля Уленшпигеля из романа Ш. де Костера – «Пепел прошлого стучит в наши сердца», вспомним, что белки и углеводы, из которых состоит наше тело, включают атомы тяжелых элементов, синтезированные в недрах давно взорвавшихся звезд первого поколения. Вещество нашей плоти настолько древнее, что мы не можем однозначно отрицать возможные адаптационные механизмы хранения информации этой материей, возникшие за миллиарды лет космической эволюции, или не допустить иных гипотетических механизмов памяти и самосознания Вселенной. Можно полагать, что в нашем подсознании присутствуют не только коллективные юнговские архетипы (экспериментально недоказанные, но широко используемые в теоретических построениях), но и другие формы эволюционной памяти и исторического опыта. Ключ, открывающий доступ к «генетической» памяти человечества, могут дать формы измененных состояний сознания (Кученко и др., 1998; Майков, Козлов 2000, 2007; Минделл, 2004; Спивак, 2000; Тарт, 2003; Феррер, 2004; Хант 2004) и, в частности, медитация (Конзе, 1993; Andresen, 2000). Обратив медитативный взгляд во внутрь

себя, реализовав призыв древних мыслителей «Познай самого себя» и осуществив своеобразную «ментальную археологию», мы обретем еще один ключ к познанию истории.

Такая интуиция присутствует в ситуации гипнотических сеансов. Позволю себе еще раз упомянуть случай гипнотерапевтического лечения больной нервной анорексией и булимией (Петренко, Кучеренко, 2008а, б). Пациентка Д. в молодости училась в балетной школе и, оставаясь изящной и стройной, имела тем не менее претензии к своей фигуре. Как выяснилось в ходе гипнотического сеанса, в далекой молодости пациентка Д. пережила психическую травму. Ее, тогда еще молодую девушку (почти девочку), партнер по балету застал за поеданием пирожных, которые им были строго запрещены. Парень, которому в процессе танца надо было поднимать партнершу, назвал ее жирной коровой и дал подзатыльник. В результате этого происшествия молодая девушка пережила жестокий стресс, проявившийся, в частности, в невозможности получить удовольствие и насыщение от пищи (булимия). Желая снять последствия булимии, имеющей в основе явный социальный запрет на насыщение, В. А. Кучеренко вводил пациентку в гипнозе в иные социальные ситуации, отличные об обычной жизни, в которых не действовали социальные запреты на получение удовольствия от пищи. То погружал ее в ситуацию римского пира, то в ситуацию русского барского застолья. Но все время находились какие-нибудь обстоятельства, не позволявшие пациентке получить удовольствие от пищи. Для невротика является типичным домыслить ситуацию в сновидениях или в гипнотическом видении так, чтобы ситуация приводила к привычному неуспеху. Например, в воображении, катаясь на лыжах, он непременно врежется в дерево; будучи погружен в образ могучего животного, он непременно увидит себя с больной лапой или проплешинами на шкуре. В нашем случае, будучи помещена в ситуацию охоты первобытного племени, завалившего мамонта, наша пациентка опять испытала неудачу. Кусок дымящейся, поджаренной на костре сочной „мамонтятины“ у нее грубо отобрал внезапно появившийся амбал в звериной шкуре, и ей осталось только жалобно скулить от незаслуженной обиды. Пережить радость насыщения пациентке удалось только тогда, когда Кучеренко поместил ее в тело доисторического животного – птеродактиля. Пациентка пережила ощущение радости свободного полета и чувство хищника, контролирующего свою территорию. Спланировав на перепончатых крыльях на какую-то гигантскую лягушку, она разорвала ее и впервые насытилась ее плотью. Социальный тормоз был снят пребыванием в теле животного,

лишенного человеческих норм и запретов, и пациентка насладилась удовольствием вкушения пищи. С этого момента она пошла на поправку. Но нас в данном случае интересует не психотерапия, а другой аспект исследования. Откуда в психике современного человека содержится опыт полета ископаемого животного? Видимо, человек помнит не только свое личное бессознательное, не только коллективное бессознательное своего рода и вида, но и бессознательное предыдущих ступеней эволюционного прошлого. Российский ученый Б. М. Величковский, известный специалист в области когнитивной психологии, многие годы возглавлявший Институт психологии Дрезденского университета и являющийся экспертом Комиссии Европейского Союза в области новых зарождающихся наук и технологий и менее всего подверженный восторженному дилетантизму, пишет: «На ранних этапах эволюционного развития превалировал тот или иной тип внимания. Наиболее примитивной формой считается амбьентное (пространственное) внимание, которое, как известно из палеоневрологии, впервые возникло у древнейших рептилий, динозавров и связано с локализацией объектов в пространстве. <...> Напрашивается вывод, что в организме человека есть потенциал восприятия, заложенный еще на заре эволюции» (Величковский, 2003, с. 89).

Не менее шокирующий опыт знания, полученный через какие-то иные источники, отличные от индивидуального обучения, дает гипнотическая практика. В разработанной Кучеренко программе лечения алкоголизма у пациентов вызывали не только страх перед употреблением алкоголя, но и давали множество положительных переживаний, чтобы поднять самооценку человека (Петренко, Кучеренко, Вяльба, 2006). Пациенты «летали в космос», «купались в волнах эфира» и т. п. Один из пациентов сообщил, что, когда он «летал» в звездном небе, его удивил образ точечных, но очень ярких звезд. Действительно, при отсутствии земной атмосферы и, соответственно, воздушной дифракции звезды не воспринимаются такими размытыми, как с Земли. Знать то, как они выглядят из космоса, наши пациенты вряд ли могли, хотя и не исключено, что они могли слышать об этом в какой-нибудь научно-популярной передаче. Но если этот фактор исключается, то такие единичные случаи свидетельствуют о возможности получения знания с позиции, которую человек в своей жизни никогда не занимал. Не этот ли феномен работает в случаях никогда не «сидевшего» Александра Галича, в стихах предельно точно описывающего безысходный трагизм переживаний заключенного, или никогда не воевавшего Владими-

ра Высотского, в военных песнях погружающего слушателя в предельно уплотненную и готовую к взрыву эмоциональную атмосферу? Не присутствует ли в упомянутых феноменах единый механизм извлечения опыта из коллективного бессознательного?

Но вернемся к буддийской форме обучения «личностному знанию» (Полани, 1985) через идентификацию с личностью учителя. В отечественной психологии сходный феномен влияния личности учителя на успехи ученика изучал В.А. Петровский (1985, 1992). Учащиеся должны были решать задачи или сдавать экзамены, в которых оценивались их успехи. При этом варьировались условия их экзаменования. В одном случае в комнате, где проводилось обследование, на стене висел портрет популярного у школьников педагога. В другом варианте в той же комнате висел портрет «нелюбимого» учителя. Обе выборки учащихся были уравновешены по уровню подготовки. Попавшие в ситуацию с ненавязчиво висевшим на стене портретом «любимого учителя» оказались гораздо более успешными, чем школьники в ситуации с «нелюбимым». Петровский назвал этот феномен влияния образа значимого другого на успешность творческой деятельности феноменом «отраженной субъектности». Результаты этого эксперимента могут быть распространены и на более широкую сферу. По этой логике, положительный эффект (и не только в образовании) должны давать портреты значимых для нас людей или, например, иконы чтимых святых. У меня дома висит репродукция любимой мной картины Крамского «Христос в пустыне», где погруженный в глубокие раздумья Христос выступает философом, осмысляющим и принимающим на себя весь трагизм бытия. Эта картина выступает для меня камертоном, настраивающим на работу с духом и поднимающим сознание на высоты трансцендентального.

Но возникает вопрос: а только ли образы значимых других, с которыми мы имели счастье (или несчастье) встретиться в жизни, могут оказывать влияние на наше состояние. Другая моя любимая картина, «Демон сидящий» Врубеля, изображает существо вымышленное, имеющее литературный прототип в поэме Лермонтова «Демон» («Печальный демон, дух изгнанья витал над грешною землей...») или у Пушкина («Дух отрицания, дух сомненья»). Она вообще не имеет «денотата» (в терминах У.О. Куайна) или «референта» в терминах Ч. Огдена и А.А. Ричардса, но имеет важный «личностный смысл» в подростковом возрасте, в период прохождения этапа самоутверждения и отрицания, примеривания себя к образу одинокой и непонятой «байронической личности». Важно, что и созданные воображением персонажи или иные сущности, не имею-

щие материального воплощения, могут, тем не менее, влиять на наше эмоциональное и духовное состояние. Образы значимых для нас людей, живописные портреты, литературные персонажи, с которыми мы хоть раз в жизни соприкоснулись, навсегда остаются в индивидуальном, а то и в коллективном бессознательном. Согласно теоретической модели голографической памяти К. Прибрама (1975), нейропсихологическим работам А. Р. Лурии (2007), сенсомоторным психологическим практикам В. В. Кучеренко, человек помнит практически все, с чем он сталкивался в жизни, и проблема только в том, чтобы извлечь эту информацию из бессознательного.

Извлечение информации из индивидуального или коллективного бессознательного имеет еще одну шокирующую черту. Бессознательное, согласно развиваемому нами представлению, в отличие от предметности сознания, не имеет пространственно-временных координат и описывается в гильбертовом пространстве, в отличие от пространства Минковского, специфического для сознания. Гильбертово пространство конституируется бесконечно мерными гармониками, имеющими волновую природу. Категории пространства и времени к ним и, соответственно, к гильбертову пространству неприложимы. Напомним, что еще Кант рассматривал категории пространства и времени не как базовые онтологические характеристики бытия, а как интуиции сознания. При этом в классической философии интенциональность сознания, т. е. направленность его на предметность мира, рассматривается как важнейшая характеристика сознания. Предметность, в свою очередь, при категоризации предполагает временную и пространственную отнесенность. Для бессознательного же нет ни времени, ни пространства. В совместной работе психолога Юнга и физика Паули в начале XX в. проводились идея общности квантового мира и коллективного бессознательного и предположение, что феномен синхронии, описанный Юнгом, имеет аналог в квантовой физике (Юнг, 1997; Линдорф, 2013).

В ряде наших публикаций (Петренко, Супрун, 2013, 2014а, б, 2015, 2016) обсуждается присущий квантовой физике феномен ЭПР, названный так по имени ученых его сформулировавших (Эйнштейн, Подольский, Розен). Этот феномен был описан в дискуссии Альберта Эйнштейна и Нильса Бора как то, «его быть не может», но исследования подтвердили существование этого феномена. Суть его в следующем. Для того чтобы описывать объект до его восприятия и осознания субъектом результата измерения (согласно Гейзенбергу, квантовые характеристики элементарных частиц не существуют до процесса их измерения и возникают в ходе его – см.: Гейзенберг,

1989), объект описывается как суперпозиция возможных состояний. Распад объекта приводит к образованию как минимум двух объектов с «перепутанными» (взаимосвязанными) состояниями, поскольку законы сохранения действуют таким образом, что сохраняется некая суммарная константа. Например, если распадается элементарная частица с измеренным нулевым спином, то образовавшиеся в ходе распада две частицы также должны иметь суммарный нулевой спин. Стоит наблюдателю по отношению к одной из частиц произвольно выбрать конкретное направление и измерить вдоль него спин этой частицы, то «мгновенно» ему будет известен и противоположный по знаку спин его «близнеца» по прошедшему распаду, независимо от расстояния между ними. Сверхсветовые скорости «передачи информации» приводят к нарушению принципа причинности и открывают возможности мгновенной телепортации состояний. Эксперименты А. Аспекта (Aspect, 2002) и Дж. Белла (Bell, 1964) эмпирически подтвердили существование этого феномена «нелокальности» бытия квантового мира.

Все это позволило Р. Пенроузу высказать мнение: «Коль скоро квантовая сцепленность не разрушается, мы, строго говоря, не можем полагать отдельным и независимым ни один объект во Вселенной. <...> Никто не может по-настоящему объяснить, не выходя за рамки стандартной теории, почему нам вовсе не обязательно представлять Вселенную в виде единого целого, этого невероятно сложного спутанного клубка, не имеющего ничего общего с тем классическим по виду миром, который мы в реальности наблюдаем» (Пенроуз, 2005, с. 464). Этот своеобразный вариант Всеединства бытия позволяет предположить, что феномены синхронии, предвидения и телепатии имеют основание в физике квантового мира. Кстати, и выдающийся российский психофизиолог Е. Н. Соколов (2010) был солидарен с идеей С. Хамероффа и Р. Пенроуза (Hameroff, Penrose, 1996) о существовании на молекулярном уровне нейронных трубочек, позволяющих человеческому мозгу работать как своеобразный квантовый компьютер. Идея нелокальности бытия и феномен квантовой сцепленности (перепутанности) позволяет выдвинуть еще одну фундаментальную гипотезу. Как известно, наша Вселенная насчитывает порядка тринадцати миллиардов лет, с начала так называемого Большого Взрыва, который представлял собой эволюцию материи и ее расширение из бесконечно малого объема. Солнечная система и сама наша Земля возникли порядка шести миллиардов лет назад, Солнце является вторичной звездой, возникшей в ходе космической эволюции. Первичные, более древние звезды, выгорая, коллапсиру-

ют, и в результате внутренней гравитации сжимаются до чудовищной плотности при сверхвысоких температурах. Далее они взрываются, образуя так называемые сверхновые. При этом образуются тяжелые элементы, которых нет на Солнце – там только гелий и водород. В нашем же организме присутствуют металлы и иные тяжелые элементы, образовавшиеся при взрыве сверхновых, которые были доставлены в Солнечную систему метеорами. Вновь обращаясь к словам Тиля Уленшпигеля из романа Шарля де Костера, можно сказать: «В нашем сердце стучит пепел погасших звезд».

Современная астрономия среди миллиардов звездных систем обнаружила уже сотни звездных систем, подобных Солнечной, в которых предположительно присутствует вода, необходимая для жизни живых существ, биологически подобных земным. Кстати, в рамках теории панспермии сама жизнь (в ее простейших формах) на Землю занесена из космоса и далее уже эволюционировала в земных условиях. Понятно, что временная фора в тысячелетия (мгновения, по космическим масштабам) приводит к колоссальным различиям в развитии цивилизаций – если только они не самоуничтожаются на определенных стадиях развития (что является одной из объяснительных причин Великого звездного молчания Вселенной) по аналогии с героем романа Джека Лондона «Мартин Иден», утратившим мотивацию жить при реализации его желаний. Как говорили древние, «любовь и голод правят миром». А что будет мотивировать человечество жить при удовлетворении базовых потребностей?

Поиски собратьев по разуму, анализ возможных сигналов из космоса, на мой взгляд, является экстраполяцией сегодняшней земной технологии на возможности опередивших нас в космической эволюции гипотетических разумных цивилизаций. И установление контакта (если он уже не существует на уровне, доступном человеческой психике), возможно, осуществится посредством глубокой медитации или практики иных измененных состояний сознания. Ведь принципы нелокальности бытия и феномены ЭПР, демонстрирующие отсутствие категорий пространства и времени для квантовой физики, и психологические феномены синхронии, не сводимые к отношениям детерминизма, демонстрирующие некие иные формы связности, открывают пусть гипотетическую, но потенциально возможную форму передачи даже не «информации» (в ее шенноновском варианте связанной с декомпозицией целостного текста) и даже не «передачу», а некий синхронический мгновенный резонанс состояний, одной из форм которых являются психические состояния живых существ.

Подводя итог, можно сделать несколько предварительных заключений. Перспективной линией развития психологии является движение в сторону личностного и коллективного бессознательного, к которым можно подступиться в результате создания целостных междисциплинарных теоретических моделей, включающих, как следствие, реализацию уникальных единичных случаев. Человеческое сознание имеет пространственно-временной, опосредованный системой значений (не только вербальных, но перцептивных эталонов) характер. Коллективное бессознательное имеет отличную от сознания природу (вне форм пространства и времени) и описывается на языке гильбертовых пространств. Имеется прямая аналогия методологии квантовой физики (включая такие феномены, как ЭПР, нелокальность бытия и его системная связность) и методологии бессознательного (включая феномены синхроничности, телепатии и предвидения). Человечество (а значит, и психология как наука о человеческой психике) стоит на пороге глобальной полифуркации («Движение 2045»), включающей выход на «сингурярность» Р. Курцвейла или «вертикаль Снукса–Панова» (см.: Назаретян, 2014), связанные с переходом от чисто земной эволюции к космической, включающей выход на контакты с иными разумными цивилизациями.

Литература

Асмолов А. Г. У порога неклассической релятивистской психологии // Сибирский психологический журнал. 1997. № 7. С. 24–39.

Бергсон А. Творческая эволюция / Пер с фр. В. А. Флеровой. М.: Канон-пресс–Кучково поле, 1998.

Величковский Б. М. Успехи когнитивных наук. Технологии, внимательные к вниманию человека // В мире науки. 2003. № 12. С. 87–93.

Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: АСТ, 2018.

Выготский Л. С. Мышление и речь. М., 1934

Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. М.: Наука, 1989.

Грин Л. Последние тайны старой Африки. М.: Мысль, 1966.

Дельгадо Х. М. Р. Мозг и сознание. М.: Мир, 1971.

Роджерс К. Искусство консультирования и терапии. М.: Эксмо, 2002.

Келли Дж. Теория личности. Психология личностных конструктов. СПб.: Речь, 2000.

Конзе Э. Буддийская медитация: благочестивые упражнения, внимательность, транс, мудрость. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993.

Кучеренко В. В., Петренко В. Ф., Россохин А. В. Измененные состояния сознания: психологический анализ // Вопросы психологии. 1998. № 3. С. 70–78.
Линдорф Д. Юнг и Паули: встреча двух великих умов. М.: Касталия, 2013.
Лосский Н. О. Учение о перевоплощении. Интуитивизм. М.: ИГ «Прогресс», 1992.
Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство, 2000.
Лурия А. Р. Маленькая книжка о большой памяти. М.: Молодая гвардия, 1979.
Лурия А. Р. Основы нейропсихологии. М.: Академия, 2007.
Майков В. В., Козлов В. В. Основы трансперсональной психологии. М.: Изд-во Института трансперсональной психологии, 2000.
Майков В. В., Козлов В. В. Трансперсональный проект: психология, антропология, духовные традиции. Том I. Мировой трансперсональный проект. М., 2007.
Минделл А. Ученик создателя сновидений. Использование более высоких состояний сознания для интерпретации сновидений. М.: АСТ, 2004.
Митина О. В., Петренко В. Ф. Кросскультурное исследование стереотипов женского поведения (в России и США) // Вопросы психологии. 2000. № 1. С. 68–86.
Назаретян А. П. Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании. М.: Аргамак-Медиа, 2014.
Пенроуз Р. Тени разума. В поисках науки о сознании. М. – Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2005.
Петренко В. Ф. Психосемантика сознания. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988.
Петренко В. Ф. Психосемантика сознания. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997.
Петренко В. Ф. Конструктивистская парадигма в психологии // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 3. С. 113–121.
Петренко В. Ф. Психосемантическая трансформация ментальности в условиях массовых коммуникациях // Менталитет и коммуникативная среда в транзитивном обществе. Томск: Томск. гос. ун-т, 2004. С. 77–95.
Петренко В. Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М.: Эксмо, 2013.
Петренко В. Ф. Психосемантика искусства. М.: Макс-Пресс, 2014.
Петренко В. Ф., Кучеренко В. В. Медитация как форма неопосредованного познания // Вопросы философии. 2008а. № 8. С. 83.

Петренко В. Ф., Кучеренко В. В. Психологические аспекты медитации // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. «Психология». 2008б. № 1. С. 68–96.

Петренко В. Ф., Кучеренко В. В. Судьба как цитата, жизнь как нарратив // Психология сознания. Этнопсихологические, религиозные, правовые и регулятивные аспекты. Самара ПГСГА, 2015. С. 101–105.

Петренко В. Ф., Кучеренко В. В. Теория и практика сенсомоторного психосинтеза // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89. № 2. С. 147–156.

Петренко В. Ф., Кучеренко В. В., Вяльба Ю. А. Психосемантика измененных состояний сознания (на материале гипнотерапии алкоголизма) // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 5. С. 16–27.

Петренко В. Ф., Митина О. В. Россиянки и американки: стереотипы поведения (психосемантический анализ) // *Социс*. 2001. № 8. С. 70–81.

Петренко В. Ф., Митина О. В. Методика «Сказочный семантический дифференциал»: диагностические возможности // Психологическая наука и образование. 2018а. Том 23. № 6.

Петренко В. Ф., Митина О. В. Политическая психология: психосемантический подход. М.: Социум, 2018б.

Петренко В. Ф., Митина О. В., Гамбарян М. П., Менчук Т. И. Сказочный Семантический Дифференциал // Вопросы психологии. 2016. № 4. С. 148–161.

Петренко В. Ф., Супрун А. П. Человек в предметном и ментальном мире. Существует ли «объективная действительность»? Неоконченный спор Бора с Эйнштейном // Известия Иркутск. гос. ун-та. Сер. «Психология». 2013. Т. 2. С. 62–82.

Петренко В. Ф., Супрун А. П. Взаимосвязь квантовой физики и психологии сознания // Психологический журнал. 2014а. Т. 35. № 6. С. 69–87.

Петренко В. Ф., Супрун А. П. Классическая и квантовая физика на языке сознания и бессознательного – постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2014б. № 9. С. 76–90.

Петренко В. Ф., Супрун А. П. Сознание и реальность в западной и восточной традиции: взаимоотношение человека и космоса // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер. «Психология». 2015. Т. 9. № 1. С. 99–123.

Петренко В. Ф., Супрун А. П. Методологический манифест психосемантики // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 3. С. 5

Петровский В. А. Принцип отраженной субъектности в психологическом исследовании личности // Вопросы психологии. 1985. № 4. С. 17–30.

Петровский В.А. Психология неадаптивной активности. М.: Горбунок, 1992.

Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985.

Пономарев Я.А. Психология творчества. М.: Наука, 1976.

Прибрам К. Языки мозга. С предисловием А. Р. Лурии. М.: Прогресс, 1975.

Роджерс К. Клиент-центрированная психотерапия. М.: Эксмо, 2002.

Соколов Е. Н. Очерки по психофизиологии сознания. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010.

Спивак Д.Л. Измененные состояния сознания: психология и лингвистика. СПб.: Ювента–Филологический ф-т СПбГУ, 2000.

Сулейманян А. Г. О «языке дымов» бушменов // Человек. 2000. № 1.

Сулейманян А. Г. О телепатии. М.: РИП холдинг, 2003. С. 96–103.

Тарт Ч. Измененные состояния сознания / Пер. с англ. Е. Филиной, Г. Закарян. М.: Эксмо, 2003.

Феррер Х. Новый взгляд на трансперсональную теорию. М.: АСТ, 2004.

Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993.

Хант Г. Природа сознания с когнитивной, феноменологической и трансперсональной точек зрения. М.: АСТ и др., 2004.

Юнг К. Г. Синхронистичность. М.–Киев: Рефлбук–Ваклер, 1997.

Юревич А. В. Психология и методология. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.

Aspect A. Bell's theorem: the naïve view of an experimentalist // Quantum [Un]speakables / R.A. Bertlmann, A. Zeilinger (Eds). Berlin–Heidelberg–N.Y.: Springer, 1992, P. 119–153.

Andresen J. Meditation Meets Behavioural Medicine: The Story of Experimental Research on Meditation // K. C. Robert (Ed.). Cognitive Models and Spiritual Maps. N.Y.: Bowling Green, 2000. P. 43–55

Bell J. S. On the Einstein Podolsky Rosen Paradox // Phys. Phys. Fiz. / P.W. Anderson, B.T. Matthias (Eds). Pergamon Press, 1964. V. 1. Iss. 3. P. 195–200.

Cole M. Introduction// Journal of Russian and East European Psychology. 1993. V. 31. № 2.

Mitina O.V., Petrenko V.F. A cross-cultural study of stereotypes of female behavior (in russia and the united states) // Russian Social Science Review. 2001. V. 42. № 6. P. 60–92.

Hameroff S. R., Penrose R. Conscious events as orchestrated spacetime selections // Journal of Consciousness Studies, 1996. V. 3. № 1. P. 36–53.

Раздел II

ПУТИ ПОСТРОЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Разнообразие психологических данных и проблема систематизации видов психологического знания

Т. В. Зеленкова

doi: 10.38098/thry_21_0434_007

Теории приходят и уходят, а примеры остаются.

И. М. Гельфанд

Современная эпоха, характеризующаяся глобальными социально-экономическими рисками, резко возрастающей неопределенностью, колоссальным разнообразием и сложностью социокультурного пространства, с необходимостью требует обновления, расширения и углубления всей системы психологических знаний о человеке.

Сложностные аспекты психологических данных

Знание, полученное в результате изучения той или иной проблемы, – это, в первую очередь, сжатое (краткое, компактное) описание всей совокупности имеющихся данных, полученных при ее исследовании. Это концентрированное описание, позволяющее вскрыть закономерности, присутствующие в данных в скрытом виде, экспликация скрытых закономерностей. Можно сказать, что данные – это потенциальные знания, а знания – раскрытые потенциалы данных. Чем более глубокие закономерности обнаружены (глубина, как правило, определяется компактностью), тем больше возможностей объединить эти знания с другими, тем больше они подготовлены к встраиванию в общую систему знаний. Другими словами, чем компактнее знания, тем выше их интеграционная способность.

Компактность, в свою очередь, определяется не только степенью сжатости результатов описания по сравнению с первоначальными данными, но и максимальным сохранением их информационного содержания. При этом, однако, чем сложнее исходные данные, тем менее компактными становятся знания (например, случайная последовательность чисел не допускает никакого сокращенного опи-

сания по сравнению с ней самой). Согласно теории А. Н. Колмогорова, существует объективная характеристика, указывающая на простоту или сложность знания. Сложность определяется длиной текста, предназначенного для полноценного описания исходных данных. Простые данные описываются коротким текстом, при возрастании сложности текст для их описания будет увеличиваться. В психологии сложность знания проявляется еще и в том, что для получения научной картины того или иного психологического явления эмпирические и ментальные (полученные логическим путем) данные требуют интеграции: эмпирические данные обеспечивают точность получаемых знаний, а теоретические – их полноту. Сложность называют сейчас «символом познания человека в современном мире» (Асмолов и др., 2020, с. 14).

На современном этапе развития науки наблюдается как резкое возрастание сложности данных, так и появление их новых видов, связанных со способом получения данных. Так, например, в квантовой механике принципиально невозможно регистрировать исходные данные об исследуемых объектах микромира с помощью органов чувств. Увидеть напрямую, как выглядит микромир, человеку не дано даже с помощью мощнейших искусственных приборов и оптических средств, расширяющих возможности восприятия человека. Мы можем увидеть только конечные результаты воздействия микромира на макромир (например, в камере Вильсона). Поэтому сбор данных о микромире напоминает своеобразный диалог, в котором человек «задает вопрос», например, разгоняя частицы в ускорителе, и получает результат в виде ответного косвенного воздействия микрочастиц на измерительный прибор.

Таким образом, это уже совершенно иной вид данных, полученных человеком. Такие экспериментальные данные впоследствии описываются математическими уравнениями, представляющими собой первичные знания, которые затем позволяют выдвигать разнообразные гипотезы. Эти гипотезы в дальнейшем служат основой большого количества интерпретационных моделей, которые, рассматриваемые совместно, дают наиболее полную и точную картину квантовой реальности.

В современных психологических исследованиях сложность связана прежде всего с появлением и возможностью использовать технологии Big Data, что позволяет обрабатывать неограниченное количество данных и сохранять их для последующих исследований, поскольку открывается возможность вновь обратиться к этим данным при появлении новых методов обработки.

Технологии Big Data – ключевое направление современной науки, появившееся в результате развития интернета, широкого распространения электронных устройств и возрастания роли цифровых методов получения данных о поведении человека в социальных сетях и интернет-среде. Благодаря этой технологии стало возможным собирать огромные, практически неограниченные массивы разнообразной информации, включающей сведения обо всех сферах жизнедеятельности человека, а появление новых алгоритмов работы с такими данными позволяет с большой скоростью выполнять их эффективную обработку. С одной стороны, это открывает для психологии большие возможности, которые уже находят применение в современных психологических исследованиях: использование для анализа предварительно структурированных с помощью компьютерных технологий данных; соотнесение цифровых данных с данными стандартизированных опросников; анализ данных без проведения опросов; возможность организации сбора данных в процессе естественного эксперимента. На основе больших данных намечаются перспективные направления социально-психологических исследований, связанных с групповой динамикой (Нестик, Журавлев, 2019).

С другой стороны, использование в виде психологических данных только «цифровых следов» поведения людей в интернет-среде создает риск потерять самого человека, его внутренний мир, с чем психология уже неоднократно встречалась в своей истории.

Одна из отличительных особенностей технологий Big Data, связанная с их колоссальным объемом, состоит в том, что такие данные в обязательном порядке должны быть предварительно обработаны компьютерными алгоритмами, и психолог работает уже не с первоначальными сырыми данными, а с их структурированным представлением в форме первичного знания.

От данных к знаниям

В психологические данные всегда заложен метод, с помощью которого они добываются, поэтому вид данных в значительной мере определяется способом их получения. К примеру, данные могут быть: количественными (измеряемыми, объективными) или качественными (субъективными, требующими интерпретации); полученными монологическим или диалогическим способом. В свою очередь, вид психологических знаний будет определяться как видом данных, так и способом преобразования данных в знания (рисунок 1).

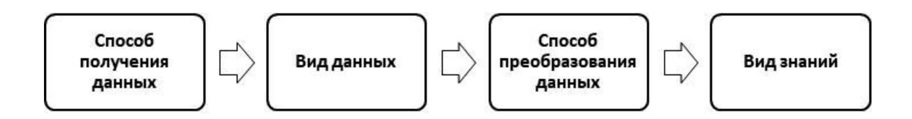

Рис. 1. Общая схема превращения данных в знания

Однако между видами данных и видами знания связь неоднозначна: в общем случае она имеет сетевую структуру взаимодействий (рисунок 2). Один и тот же вид данных в зависимости от способа его интерпретации может включаться в различные виды знаний, и наоборот, один вид знания может основываться на нескольких видах данных.

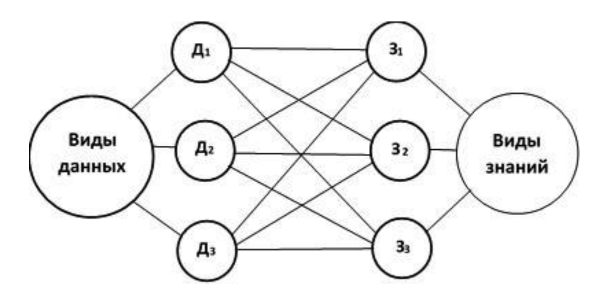

Рис. 2. Сетевая структура взаимодействий между данными и знаниями

Так, например, объективные данные могут стать основой как репрезентирующих (количественных), так и интерпретационных (качественных) знаний (в современной квантовой механике существует до 20 различных интерпретаций объективных экспериментальных данных). Субъективные данные могут также порождать репрезентирующие знания, если способ преобразования данных основан на применении точных методов обработки, или интерпретационные знания, если они опираются на герменевтические подходы. Но в любом случае конечной целью должно быть построение объяснительной модели для данных.

Возможности современных цифровых технологий часто приводят к тому, что вся цепочка, представленная на рисунке 1, существенно усложняется. Исследования Б. М. Величковского (2019) в области нейросемантики служат прекрасной иллюстрацией этого процесса. Способ получения данных представляет здесь целую систему действий, включающую: нетрадиционный диалог «машина–человек» (человек дает нейрофизиологический ответ на аудиозапись че-

ловеческой речи), обычный диалог «человек–человек» (устные ответы на вопросы экспериментатора), анкетирование (письменные ответы на вопросы) и оценку испытуемыми правильности своих ответов. При этом одновременно фиксировалась активность индивидуальных анатомических особенностей мозга испытуемых (объективные, «монологические» данные).

Устройство (запись голоса) передавало испытуемым стимульный материал (текст) для активного слушания, во время которого регистрировалась мозговая активность испытуемых на слова. Контроль надежности полученных данных осуществлялся с помощью сопоставления ответов, данных экспериментатору и представленных в анкете, и подкреплялся сознательной оценкой испытуемыми их правильности. Для удобства работы стимульные тексты с помощью компьютерной обработки были преобразованы в семантические данные, представленные в виде многомерных векторов.

Далее, с помощью специальных компьютерных алгоритмов эти семантические и нейрофизиологические данные преобразовывались в различные первичные виды знания. И только после этого осуществлялась интерпретация этих видов знаний исследователем. Операции с семантическими векторами и нейрофизиологическими данными, использование модели word2vec позволили дополнить субъективную психосемантику объективной (нейросемантикой) и интегрировать оба этих подхода в новый вид психологического знания.

Это открывает новые перспективы в исследовании психической реальности, позволяет получать новые источники данных более высокого уровня, дает возможность расширить и углубить имеющиеся знания, снять кажущийся хаос психологических данных на текущем уровне. Мы всегда должны учитывать, что сложность данных, проявляющаяся в неопределенности, нестабильности и недетерминированности психических явлений, на самом деле, согласно известной теореме Геделя, является, как правило, проявлением порядка (нового вида знания) более высокого уровня, который в свою очередь также определяется способом его получения.

Так, Ж. Адамар описывает два пути получения новых видов знания из данных.

1. От цели к средству, от вопроса к решению; это практические приложения знаний. Сюда относятся методы, средства решения какой-либо практической задачи. У знания этого рода достаточно узкая и конкретная специализация. Потом, возможно, на основе этих практических приложений возникнет и новая теория.

2. От средства к цели, от научного открытия (создания теории) к возможности его применения, т. е. сначала исследование идет ради открытия нового знания без планирования его практического применения, а потом уже ищут, где и как его применить. Этот путь «становится всё более общим по мере развития науки» – писал Адамар (Адамар, 1970). В методологии первого пути отложено во времени теоретическое обобщение, а второго – возможность практического применения.

Например, в квантовой физике в начале XX в. было накоплено множество экспериментальных данных по изучению микромира, которые нуждались в объяснении их природы. В. Гейзенберг пошел по первому пути. Он нашел метод объединения этих данных – изобрел для своих физических идей новый математический аппарат и применил его для объяснения существующих экспериментальных данных. Э. Шредингер пошел по второму пути. Он опирался на классическую теорию волновых явлений и, развивая ее идеи, вывел знаменитое волновое уравнение, с помощью которого можно было описывать разные состояния атомов и планировать будущие эксперименты.

Ж. Адамар писал, что «чаще всего практические вопросы решаются с помощью существующих теорий: практические приложения открытий чистой науки, как бы важны они ни были, приходят обычно гораздо позднее... Чаще всего исследователи руководствовались общим мотивом всякой научной работы – желанием знать и понимать» (там же, с. 117). И только потом проясняются сферы (иногда неожиданные) применения результатов этого открытия, причем они могут вовсе не проявиться или проявиться через много лет. Для развития психологического знания необходимы оба эти пути. Второй (от теории) является источником полноты психологического знания, первый (от практики) – источником его точности и проверки его непротиворечивости.

Об объективности психологического знания

Таким образом, мы имеем две основные характеристики психологического знания, обеспечивающие его качество – полноту и точность. Еще одной ключевой характеристикой является объективность знания. Соотношение между субъективностью и объективностью психологического знания – один из наиболее болезненных вопросов в психологии. Попытки отдельных школ в объяснении всех сущест-

вующих психологических явлений, их претензии на универсальность свидетельствуют о росте субъективности психологического знания, способом утверждения которого часто является деконструктивная критика других школ. Для объективации психологического знания требуется, прежде всего, очертить границы применимости знания, полученного в каждой школе, и определить зоны их возможной интеграции.

Но в целом, на наш взгляд, объективность и качество психологического знания определяется тремя основными критериями:

1) непрерывностью исторического процесса формирования этого знания (исторической преемственностью);
2) согласованностью позиций разных исследователей (знание разделяется большинством из психологического сообщества);
3) непротиворечивостью его результатов результатам, полученным в соседних областях.

Нарушение хотя бы одного из них ведет к снижению вероятности получения достоверного знания. Пример такой согласованности приводит М. Коул, отмечая, что данные, собранные исследователями в русле идей Пиаже, позволили практически всем исследователям сделать одни и те же выводы о том, что во многих культурах стадия формальных операций массово не достигается (Коул, 1997, с. 109).

Одной из ключевых особенностей психологического знания, связанной с чрезвычайной сложностью его предмета исследования, является необходимость множественной интерпретации исходных данных. Именно это позволяет получить более полное, точное и, самое главное, более объективное и взаимосогласованное знание.

Дифференциация видов знаний как условие интеграции

Современное психологическое знание очень неоднородно, и порой невозможно понять, как его можно согласовать с другими видами знания, насколько вообще уместно искать какие-либо корреляты. Постмодернистская раздробленность знания остается сегодня большим препятствием на пути к дальнейшему развитию психологии. Проявляющиеся в последнее время интегративные тенденции практически не могут сдвинуться с места из-за отсутствия какого-либо порядка в постоянно растущем объеме концепций, подходов, методов: «Интеграция психологического знания едва ли возможна без его систематизации, позволяющей навести хотя бы минимальный порядок в психологическом „хозяйстве“» (Юревич, 2005, с. 120).

Разрозненность знаний препятствует открытию их новых видов. Для преодоления такой раздробленности необходимо упорядочивание этих знаний с последующей обязательной интеграцией. В истории науки это наиболее ярко иллюстрирует периодическая система Д. И. Менделеева, автор которой сначала систематизировал то, что было открыто, а затем интегрировал элементы в единую систему, незаполненные места которой показали направления научного поиска новых знаний (целенаправленного открытия новых элементов). Но и современная наука также предоставляет нам содержательные примеры классификации видов знания, на которые мы могли бы опереться в психологии.

Выступая против позитивизма в экспериментальных исследованиях, Д. Дойч дифференцирует виды знания по критерию глубины с одновременным возрастанием сложности, различая описательное, предсказательное и объяснительное знание. Описательное знание лишь структурирует данные, выявляет первичные закономерности, на основании которых строятся предсказательные модели, предостерегающие исследователя от использования ложных путей, но этот вид знания не способен заменить объяснение (Дойч, 2001). Объяснительные формы знания затрагивают «внутреннюю суть дел; описывают реальное, а не кажущееся состояние вещей... определяют законы природы, а не эмпирические зависимости» (там же, с. 17).

В качестве другого примера, вслед за М. Полани, мы можем различать явное и неявное знание. Явное знание передается образами-знаками (значениями). Неявное – образами-символами (смыслами).

Психологическое знание также принято дифференцировать и систематизировать. Известны различные классификационные основы такого деления: традиционно различают научное и житейское знание, теоретическое и практическое, научное и прикладное и пр. Между ними существуют довольно нечеткие границы, часто одно переходит в другое или одно существует под внешней оболочкой другого. Такие классификации имеют довольно упрощенный вид, скрывая действительные оттенки и многообразие психологических знаний и существенно обедняя их потенциал. Более того, часто происходит подмена понятий, связанная с неразличением данных и знаний. Так, например, индивидуальный психотерапевтический опыт часто относят к знаниям, но, пока он не обобщен и не удовлетворяет критериям знания, обозначенным нами выше, он является всего лишь психологическими данными.

Или, к примеру, некоторые авторы выделяют искусство как вид психологического знания (Карандашев, 2000), что, на наш взгляд,

является методологической ошибкой. Художественное произведение может быть источником только психологических данных, но не знаний, поскольку автор ставит своей целью, прежде всего, создание художественного образа, а не открытие новых знаний. Об этом писал еще Б. М. Эйхенбаум: «Мы очень любим почему-то „психологии“ и „характеристики“. Наивно думаем, что художник пишет для того, чтобы „изобразить“ психологию или характер... На самом деле художник ничего такого не изображает, потому что не занят вопросами психологии, да и мы не для того смотрим „Гамлета“, чтобы изучить психологию...» (Эйхенбаум, 1924, с. 78).

Заслуга художника – это типизация психологических данных, которые, прежде чем превратиться в знания, должны быть интерпретированы и представлены в сжатом, компактном и категоризуемом виде. Другими словами, художник фактически, с точки зрения психолога, выполняет предварительную обработку психологических данных для последующего анализа и интерпретации. Конечно, данные, которые художник представляет нам в художественном произведении, отличаются от эмпирических и экспериментальных данных исследователя. Если последние являются данными, полученными естественным путем и достаточно зашумленными до того, как подвергаются обработке и систематизации, то данные, которые предоставляет нам произведение искусства, созданы искусственно, они уже рафинированы, собраны в конкретный эмоционально переживаемый образ и отражают определенную форму существования культуры, в которой были собраны. Именно это облегчает психологу задачи интерпретации и преобразования этих данных в знания.

И еще одно важное замечание. Психологические данные, которые скрываются внутри произведения искусства, обычно представлены в виде образов-символов, поэтому без учета психологических особенностей личности художника, его индивидуальной истории, неосознаваемых мотивов и контекста, в котором создавалось произведение, их интерпретации могут быть ошибочны. Укажем на известный пример такой ошибочной интерпретации М. Хайдеггером картины Ван Гога «Башмаки», смысл которой он увидел в символизации тяжелой жизни молодой крестьянки. М. Шапиро, включив в интерпретацию обстоятельства личной жизни художника и воспоминания П. Гогена, пришел к другим, более точным смыслам: башмаки были священной реликвией для Ван Гога, связанной с переживанием видения воскресшего Христа в период оказания помощи безнадежно больному человеку (Шапиро, 2001).

Эволюционный подход к систематизации психологического знания

Существуют и более дифференцированные классификации видов психологического знания, включающие научное теоретическое, научное практическое, научное прикладное, вненаучное практическое и обыденное психологическое знание (Зеленкова, 2015; Карицкий, 2002). В этом случае виды знаний более четко структурированы, однако такие подходы страдают некоторой статичностью, не показывая разделения знаний по уровню их эволюционной сложности. На наш взгляд, в систематизацию видов знаний необходимо дополнительно включить временной компонент, связанный с определенной «системой отсчета», в которой получены психологические данные. Эта система содержит две основные координаты: генетическую (диахроническую) и функциональную (синхроническую).

Рассмотрим первую координату. Выше нами было отмечено, что в процессе развития психологии сложность данных и знаний возрастает, что связано с появлением новых средств получения данных и способов их преобразования в знания. Однако не только это играет роль в развитии психологического знания. С точки зрения эволюционного подхода сложность психологического знания неизбежно возрастает по мере включения знаний, полученных на предыдущих этапах. Прежде всего возрастает сложность психологических данных, поскольку в них интегрируются знания и данные всех предыдущих уровней (рисунок 3).

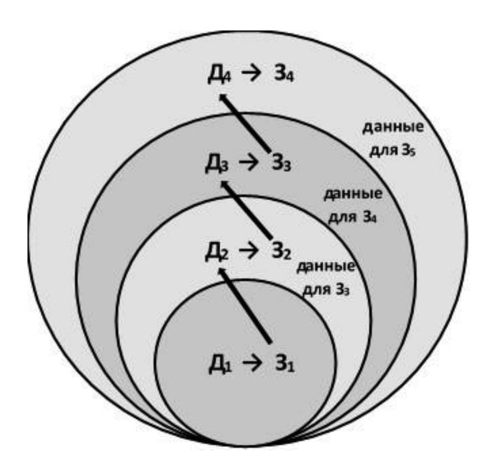

Рис. 3. Возрастание сложности данных и знаний

Когда знания переходят на более высокий уровень, они становятся данными (потенциалами) для знаний следующего более высокого уровня: знания предыдущего уровня включаются как данные, уточняются и дополняются, поскольку становятся видны те их стороны, которых раньше не замечали. Подобные мысли высказывал Д. Дойч, замечая, что, если новые теории «заменяют старые, последние не забываются навсегда», они становятся историческими фактами (данными) для построения нового знания (Дойч, 2001, с. 16). На более высоком уровне увеличивается полнота психологических знаний. При этом каждая из более глубоких теорий «объясняет больше (охватывает большее понимание) чем ее предшественники, вместе взятые» (там же, с. 20). Переход на новый уровень «зависит от уникальной человеческой способности мыслить творчески» (там же, с. 17).

Исходя из уровневого подхода по критерию сложности, мы уже можем, как минимум, обозначить три вида психологических знаний: 1) знание простое – основано только на эмпирических данных; 2) знание сложное – основано на сложных данных (данные + знания предыдущих уровней); 3) методологическое знание – основано только на знаниях, которые для методологии приобретают вид ментальных данных.

Сложность знаний также зависит от сложности ядерных структур образа мира исследователя. Поскольку образ мира, как показано нами в предыдущих работах, имеет рекурсивную структуру, сложность которой возрастает, то, соответственно, сложность и многообразие психологических данных и знаний также рекурсивно возрастают (Зеленкова, 2019, 2020). В этом смысле «оптика сложности не просто позволяет нам увидеть разные грани человеческой природы, а в известном смысле, если следовать логике умеренного конструктивизма, форматирует исследуемые реальности» (Асмолов и др., 2020, с. 14).

Поскольку психологические данные дают нам репрезентирующую (отражательную) основу исследовательской модели, а знания – как репрезентирующую, так и конструктивистскую, то на каждом уровне соотношение отражательного и конструктивистского компонентов в области данных и знаний может меняться. Как правило, с повышением уровня значимость данных (отражательного или объективного компонента) возрастает, поскольку эти данные уже включают знания, полученные на предыдущих уровнях. В то же время значимость конструктивного (субъективного) компонента снижается: «Мы достигли настоящего уровня знаний не потому, что собрали

много теорий, подобных той, что была известна древнему строителю. Наше знание, явное и неявное, не просто больше, оно отличается по своей структуре... Современных теорий меньше, но они более обобщенные и более глубокие... их объяснительная способность придает им такие качества, как красота, внутренняя логика и связь с другими предметами, благодаря которым эти теории проще изучать» (Дойч, 2001, с. 21).

Дискретность психологических данных и непрерывность знаний

Итак, мы уже отметили, что данные и знания – относительные понятия: знания, полученные на первоначальном этапе, становятся данными для нового, более глубокого знания на последующих этапах. Поэтому их функциональное значение для построения целостной системы психологического знания различно. Прежде всего, данные, на наш взгляд, гораздо важнее знаний, поскольку данные имеют абсолютную ценность, а знания – историческую (они могут устаревать). Мы можем обратиться к ранее полученным данным на любом вышележащем уровне и, применяя новые средства работы с ними, извлечь другие знания. Поэтому в плане исторического времени данные имеют дискретную форму. Для знания же нужна преемственность, непрерывность, которые необходимы для его постоянного расширения и углубления.

Разные свойства данных и знаний (дискретность данных и непрерывность знаний) проявляются в функциональном и генетическом аспектах: 1) данные, полученные в разных областях психологии, обособленны, что связано со способом их получения, а знания – взаимодействуют, поскольку их важнейшая задача – объективация, т. е. получение объяснения, не противоречащего другим областям; 2) данные всегда привязаны к определенному уровню знаний, они синхроничны и дискретны. Знания непрерывны и интегрированы друг в друга, опираются на предыдущие уровни. Поэтому знания, полученные ранее, нельзя отвергать, но и нельзя абсолютизировать.

Через цепочку знаний данные и знания всех предыдущих уровней включены в текущий уровень. Каждый уровень становится более полным и более точным по отношению к знаниям – расширяет их, порождает новый взгляд на реальность и одновременно уточняет, углубляет знания предыдущего уровня, что обеспечивает как преемственность знаний, так и сохранение данных. Данные могут иметь как эмпирический, так и ментальный характер, а знания – только ментальный.

Систематизация психологических знаний по генетическому признаку

Для систематизации видов знаний по генетическому признаку целесообразно перейти к более крупным единицам и обозначить уровни развития знаний. Для этого обратимся к проведенному Е. А. Климовым анализу исторических этапов развития психологического знания (Климов, 1992). Поскольку эти этапы существенно коррелируют с описанием филогенетических стадий развития сознания в классификации одного из основателей интегрального подхода Ж. Гебсера, воспользуемся для наших целей их известными обозначениями (Гаськова, 2007). По отношению к психологическим данным и знаниям мы можем, как минимум, обозначить четыре основных уровня: магический, мифический, рациональный и интегральный. Знания каждого уровня уникальны, с точки зрения эволюционного подхода они имеют особую ценность, поскольку являются источником психологических данных, на которых строятся знания других уровней.

Как уже было отмечено выше, на каждом уровне соотношение отражательного и конструктивистского компонентов в области данных и знаний меняется. Например, для магического уровня, как правило, возможны по преимуществу только конструктивистские знания, мифический уровень уже опирается на знания мыслителей Древней Греции и знания, полученные в рамках религиозных представлений. Знания рационального уровня содержат еще больше отражательного компонента, делаются попытки построить психологию по типу естественных наук, опирающуюся на строгие доказательные основы, и создать единую научную теорию. Как реакция на попытку изгнания конструктивизма с позиции рационализма возникает радикальный конструктивизм, отрицающий объективность данных и знаний и признающий только интерпретации.

Рассмотрим основные характеристики вышеперечисленных уровней. Для магического уровня характерны: постепенное выделение сознания отдельного человека из группового; появление языка и способности к самоосознаванию; вера в магические действия, заклинания, амулеты; эмоционально насыщенное ощущение власти над миром; неспособность встать на точку зрения другого.

Конечно, психологические данные этого уровня, полученные шаманами или жрецами, не могли преобразовываться в строго научное знание в современном понимании. Это были данные, которые становились магическим знанием, передаваемым от поколения к поколению, и которое служило практическим целям, например,

управлению людьми, подчинению власти, лечению, формированию жизненной картины мира. Это знание основывалось на многолетней практике, и его непреходящая ценность, в соответствии с «гипотезой метелки», состоит в том, что оно послужило основой всех без исключения последующих видов психологических знаний. С точки зрения магического уровня оно было вполне научным, поскольку удовлетворяло основным критериям «научности» того времени: соответствовало уровню развития общества, адекватно описывало представления о психической реальности того времени, могло удовлетворительно объяснять мир, было получено опытным путем, передавалось и сохранялось, имело прикладное значение.

У современного человека остатки этого знания проявляются в виде суеверий, веры в таинства, интереса к парапсихологическим феноменам и пр. Об этом свидетельствует известный ответ Н. Бора журналисту на вопрос о подкове: «Конечно, я не верю в приметы, но люди говорят, что подкова приносит счастье даже тем, кто в нее не верит» (Гейзенберг, 1990, с. 217). Житейская психология также относится к архаико-магическому уровню. То, что она проявляется у современного человека, свидетельствует о том, что этот уровень интегрирован в систему психологического знания. Данные и знания этого уровня могут быть получены при проведении межкультурных исследований, при исследовании обществ, сохранивших остатки родоплеменного строя.

На мифическом уровне доминирует образный, художественный способ познания психической реальности. Для него характерны конформизм и этноцентризм, принадлежность к какой-либо социальной группе или общности и принятым в ней правилам, стремление отстаивать не собственные интересы, а интересы группы. Психологическое знание этого уровня является в основном умозрительным, теоретическим, выводимым из религиозных текстов или мистических откровений, отражающим церковные представления о мире и человеке и определяемым мифологическими догмами и свидетельствами авторитетов, не допускающих никаких экспериментальных проверок и критики.

У современного рационального, как правило, нерелигиозного человека эти знания неявно проявляются в парадоксальном следовании иррациональным формам поведения, связанным с церковными обрядами и праздниками. В настоящее время данные и знания этого уровня могут быть получены при исследовании различных религиозных объединений, обществ, построенных на принципах фундаментализма и т. п.

Для рационального уровня характерно стремление развивать психологическую науку на экспериментальной основе и строить универсальные теоретические обобщения. «Одновременно это сопровождается некоторым (пусть неявным, но фактически достаточно последовательным) небрежением к отдельному человеку, его личным проблемам; отсюда неразработанность практических психологических техник, известного рода физикалистская модель «хорошего» психологического исследования, доминирование убежденности в том, что проблемы каждого решаются на основе решения общих проблем» (Климов, 1992, с. 9). Исследователь способен принимать объективную, научную точку зрения, оперировать собственным мышлением, рефлексировать собственную позицию, подвергать критике взгляды и мнения других.

Интегральный (по Гебсеру) уровень имеет черты постмодерна и постнеклассического типа рациональности. Эта стадия характеризуется развитием психопрактического знания, признанием различных, но в равной степени важных подходов к исследованию психологической реальности, убежденности в том, что всякое знание отчасти культурно сконструировано, зависит от контекста и каких-либо универсальных истин не существует.

На каждом уровне исследователи воспринимают одну и ту же реальность по-разному, и соответственно порождаются адекватные этому уровню данные и знания. Каждый уровень определяется триадой субъект знания (кто получает данные) – объект (что и у кого изучается) – способ получения данных (как получают данные). Данные превращаются в знания в процессе научного творчества исследователя. Если способ получения данных не соответствует уровню, то получают недостоверные данные, соответственно – недостоверное знание.

Таким образом, при получении данных нужно учитывать тот уровень психической реальности, которую могут воспринимать носители психологических данных. Недостаточный учет этого условия приводит к получению некорректных данных и вытекающих из них выводов, как, например, в случае известной поездки группы исследователей во главе с А. Р. Лурией в Узбекистан. Уровень развития психологических знаний испытуемых узбеков в то время фактически соответствовал магическому уровню, а экспериментальные пробы, несмотря на попытки исследователей приблизить, приспособить условия их проведения к условиям быта испытуемых, соответствовали экспериментальной науке рационального уровня (Лурия, 1992; Ясницкий, 2013). Позже, в предисловии к книге М. Коула

и С. Скрибнер «Культура и мышление» А. Р. Лурия пишет о недопустимости применения к испытуемым – представителям различных культур (народов, живущих в условиях отсталых культур) – общепринятых тестов, выработанных для исследования современных детей: «Совершенно очевидно, что применение тестов для оценки познавательных способностей народностей, живущих в совершенно иных социально-экономических условиях, не могло дать результатов, сколько-нибудь отражающих их действительные познавательные возможности, и факт глубокого отличия тех данных, которые получались при применении этих тестов, от тех особенностей, которые проявлялись у этих народностей в условиях их практической жизни, не нашел должного объяснения» (Лурия, 1997, с. 3).

М. Коул описывает варианты более корректных экспериментов зарубежных исследователей, проведенные в рамках культур одного уровня (культуры народов хауса, майя, жителей отдаленных деревень на Гавайях) для испытуемых разных возрастов. В этих экспериментах использовалась область родовых отношений, которая являлась жизнеобразующей для этих народов. В результате были получены исходные данные, хорошо согласующиеся с представлениями теории стадий развития по Ж. Пиаже, «вплоть до приближения к нормативным срокам наступления соответствующих этапов» (Коул, 1997, с. 112). В связи с этим М. Коул пишет, что для получения достоверных данных необходимо найти «подходящую версию соответствующих задач», содержание которых связано с ценностями данной культуры и плотностью практического опыта.

Однако если при получении данных нужно учитывать уровень, на котором живут носители психологических данных, то преобразование этих данных в знания требует учета уровня, на котором находится исследователь, поскольку «в представлении разных исследователей диапазоны пространств психической реальности не совпадают» (Мазилов, 2007, с. 7).

Недостаток современных технологий Big Data состоит в том, что люди, которые служат источниками исходных данных, довольно часто находятся на разных уровнях, а эти данные для последующей обработки объединяются в одно множество. В результате данные получаются не вполне достоверные, и возникает систематическая ошибка. Поэтому необходимо находить информационные маркеры разных уровней и учитывать их при проведении исследований. Кроме того, «большой объем данных создает иллюзию их полноты, тогда как на самом деле они не обеспечивают репрезентативности и регулярности охвата» (Нестик, Журавлев, 2019, с. 6).

Систематизация психологических знаний по функциональному признаку

Итак, мы рассмотрели первую, генетическую координату из двух обозначенных выше координат для систематизации видов знаний. Вторая координата – функциональная – дифференцирует виды психологических знаний в пределах одного уровня и достаточно полно описывается четырьмя видами знаний, которые можно обозначить в соответствии с четырехсекторной классификационной основой К. Уилбера: интраобъективные, интрасубъективные, интерсубъективные и интеробъективные знания. Эти знания, с разных сторон характеризуя психическую реальность, интегрируются в целостное представление, включая как теоретические, так и практические аспекты (Уилбер, 2004).

К интраобъективным относятся знания, полученные объективными методами (с позиции беспристрастного и научного рассмотрения объектов), например, психофизиологические, нейропсихологические, поведенческие и др.

Интрасубъективные – это психологические знания, полученные с помощью самоотчетов (с позиции Я). Сюда можно отнести различные формы исследования сознания, когнитивного и аффективного развития, психоаналитические, патопсихологические знания, медитативные практики и др.

К интерсубъективным относятся знания, полученные в результате диалогического взаимодействия исследователя и испытуемых (с позиций Ты и Мы) и обусловленные культурным развитием человека. К ним относятся, к примеру, культурно-историческая теория, социально-психологическое знание, педагогическая психология и др.

Интеробъективные – обобщенные, интегрирующие знания, полученные в результате теоретико-системного познавания (с позиции 3-го лица). Например, деятельностная парадигма, методология психологии.

Каждый из этих видов знания, несомненно, имеет важное значение для решения теоретических и практических задач психологии, но, взятый отдельно, любой из них не может дать полную картину всего психологического знания. Максимум, что он может дать, – объяснительную модель в рамках своей области. Когда исследователи начинают абсолютизировать знания только одного вида и считать это знание единственно верным, распространяя его объяснительную модель на другие сферы, они совершают методологическую ошибку и приходят к редукционизму. Примером такого подхода являют-

ся, на наш взгляд, познавательные модели Т. В. Черниговской, которая интраобъективные знания, полученные при исследовании мозга, пытается распространять на все сектора.

При интеграции видов знаний их полнота, как правило, увеличивается. Этому процессу обычно всегда предшествует дифференциация, которая помогает определить границы того или иного вида знаний и области их взаимодействия. Пример такой двухсекторной интеграции психологических знаний (на рациональном уровне с точки зрения предложенной выше классификации) в русле нового направления нейросемантики мы видим в исследовании Б. М. Величковского, в котором представлен метод картирования семантических репрезентаций, объединяющий интраобъективные и интрасубъективные данные (Величковский, 2019).

Семиотическая составляющая в классификации видов психологического знания

В соответствии с рассмотренным выше координатным пространством, основой которого являются как минимум четыре генетических уровня и четыре сектора внутри каждого уровня, мы можем систематизировать виды психологических знаний по их содержанию, обозначая 16 видов знаний. Каждый из них будет характеризоваться определенным уровнем и сектором.

Однако внутри этой классификации возможна еще более тонкая дифференциация, если описанное координатное пространство рассматривать как трехмерное и включить третью составляющую — семиотическую, поскольку знание обычно выражается в знаковой форме. Эта третья составляющая условно разделяет виды психологического знания на синтаксические (структурные) и семантические (смысловые). Синтаксические знания определяют знание со стороны его строения, они направлены на объяснение устройства, структуры явления, представляют «взгляд снаружи», результатом которого выступают ядерные, обобщенные, схемы, общие законы развития психического явления во времени. Этот вид знаний обеспечивает его согласованность и возможность его последующей интеграции с другими видами знаний.

Семантические виды направлены на объяснение состояния явления при «взгляде изнутри», в аспекте его понимания и переживания самим субъектом, что дает возможность включения в классификацию психопрактических видов знаний. Таким образом, семиотический подход к дифференциации психологического знания позволяет

уточнить характеристику конкретного вида знания и сделать систематизацию более точной.

Аналогию такого подхода мы видим у В.А. Мазилова, который разделяет психологическое знание по наличию соответствующих проблем на феноменологический и теоретический уровни, первый из которых проявляется в «определении пространств психической реальности», второй связан с «объяснением психических феноменов» (Мазилов, 2007, с. 7).

Для иллюстрации вышеизложенного приведем краткие примеры каждого из четырех рассмотренных в предыдущем разделе видов знания, относящихся к разным эволюционным уровням. Например, в интерсубъективном секторе знания о высших психических функциях Л.С. Выготского относятся к синтаксическим, а описательная и понимающая психология В. Дильтея – к семантическим. В области интеробъективного знания, с учетом классических высказываний о детерминации психического А.Н. Леонтьева и С.Л. Рубинштейна «внутреннее через внешнее» и «внешнее через внутреннее», отнесем позицию А.Н. Леонтьева к виду синтаксического знания, а С.Л. Рубинштейна – к семантическому виду. Интрасубъективное знание в теории Ж. Пиаже носит синтаксический характер, а знание У. Джемса о психологическом переживании религиозного опыта – семантический. И, наконец, в секторе интраобъективного знания учение А.Р. Лурии о динамической локализации высших психических функций является синтаксическим знанием, а знание, полученное Б.М. Величковским (которое обсуждалось выше), – к семантическим.

Таким образом, мы получаем классификацию видов психологического знания в пространстве трех координат: генетической, функциональной и семиотической.

Заключение

Проблема интеграции психологического знания сегодня далеко уже не нова, она постоянно поднимается во многих методологических исследованиях, однако реальные шаги к ее решению тормозятся хаотическим нагромождением уже имеющихся и новых видов психологических знаний, подходов, концепций, практик. Попытки их детальной классификации достаточно редки. Кроме того, вопрос осложняется частым смешением понятий «данные» и «знания», которое приводит к еще большему хаосу в поле психологических видов знаний и методологическим ошибкам. Учитывая реалии современности, проявляющиеся в возрастании сложности, разнообразия

и неопределенности социокультурного пространства, можно с высокой вероятностью предположить, что без всесторонней систематизации видов психологического знания дальнейшее продвижение к их интеграции может встретиться со значительными трудностями.

В настоящей статье мы попытались дифференцировать понятия психологических данных и знаний, обозначить сетевую структуру взаимодействий между ними. Данные представляются более ценными, чем знания, поскольку они фиксированы во времени и определенном социокультурном пространстве, что позволяет обратиться к ним в любой последующий период, что очень метко выразил Марк Твен: «Прежде всего нужны факты, а уж потом можно делать с ними, что хочешь» (Твен, 2013, с. 6).

Данные и знания – это категории относительные. Одна и та же психологическая структура может служить источником данных для одного уровня и одновременно являться знанием для другого.

Мы предлагаем трехмерную классификацию видов психологического знания, ограничивая ее основными уровнями эволюционного развития и основываясь на возрастании сложности и разнообразия психологических данных. Отличительными особенностями данной систематизации являются: а) включение эволюционного (генетического) компонента, поскольку интеграция идет по пути включения нижележащих уровней данных и знаний; б) разделение психологических знаний по функциональному признаку, что обеспечивает полноту учета психологических данных; в) различение структурных и смысловых (понимающих) видов знаний, что позволяет учитывать психопрактические знания.

Одна из целей классификации состоит в том, чтобы облегчить задачу последующей интеграции видов психологического знания, и чем более она способна дифференцировать и систематизировать виды психологических знаний, тем больше ее интеграционная способность.

В действительности видов психологического знания может быть бесконечно много, поскольку психологическая реальность непрерывно меняется. Каждое новое знание открывает другую психическую реальность, создавая, с одной стороны, множество контекстов для интерпретаций уже имеющихся психологических данных, и с другой стороны – открывая потенциальные пространства для исследования вновь возникшей психической реальности. Поэтому не только знания порождаются на основе данных, но и новые данные могут открываться на основе полученных знаний, которые актуализируют новую психическую реальность.

Литература

Адамар Ж. Исследование психологии процесса изобретения в области математики. М.: Советское радио, 1970.

Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М. Сложность как символ познания человека: от постулата к предмету исследования // Вопросы психологии. 2020. № 1. С. 3–18.

Величковский Б. М. Нейросемантика – новое направление междисциплинарных исследований // Вопросы психологии. 2019. № 6. С. 3–18.

Гаськова М. И. Интегральные подходы в теории организации // Регион: экономика и социология. 2007. № 2. С. 239–251.

Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. М.: Наука, 1990.

Дойч Д. Структура реальности. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2001.

Зеленкова Т. В. Исследовательская и практическая психология: на пути от «схизиса» к «схезису» // Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 265–308.

Зеленкова Т. В. Образ мира в контексте позитивного постмодернизма // Новые тенденции и перспективы психологической науки / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. С. 170–195.

Зеленкова Т. В. К проблеме рекурсивности структуры образа мира // Наука как общественное благо: сборник научных статей / Научн. ред. и сост. И. Т. Касавин, Л. В. Шиповалова. В 7 т. Т. 2. М.: Русское общество истории и философии науки, 2020. С. 103–106.

Карандашев В. Н. Психология: введение в профессию. М.: Смысл, 2000.

Карицкий И. Н. Теоретико-методологическое исследование социально-психологических практик. М.–Челябинск: Социум, 2002.

Климов Е. А. Гипотеза «метелок» и развитие профессии психолога // Вестник МГУ. Сер. 14. «Психология». 1992. № 3. С. 3–12.

Коул М. Культурно-историческая психология: наука будущего. М.: Когито-Центр–Изд-во «Институт психологии РАН», 1997.

Лурия А. Р. Предисловие редактора русского издания // М. Коул, С. Скрибнер. Культура и мышление: Психологический очерк. М.: Прогресс, 1997. С. 5–9.

Лурия Е. А. «Фергана, милая Фергана...» // Вестник МГУ. Сер. 14. «Психология». 1992. № 2. С. 27–37.

Мазилов В. А. Методология психологии: Учебное пособие. Ярославль: МАПН, 2007.

Нестик Т.А., Журавлев А.Л. Анализ больших данных в психологии и социогуманитарных науках: перспективные направления исследований // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 6. С. 5–14.
Твен М. Самые остроумные афоризмы и цитаты. М.: АСТ, 2013.
Уилбер К. Интегральная психология. М.: АСТ и др., 2004.
Шапиро М. Натюрморт как личный объект: заметки о Хайдеггере и Ван Гоге (1968) // Топос. 2001. № 2–3 (5). С. 28–39.
Эйхенбаум Б. М. Сквозь литературу. Л.: Academia, 1924.
Юревич А. В. Психология и методология. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
Ясницкий А. Курт Коффка: «У узбеков ЕСТЬ иллюзий!» Заочная полемика между Лурией и Коффкой // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2013. № 3. С. 1–25. URL: https://docplayer.ru/27262337-Kurt-koffka-the-uzbeks-do-have-illusions-the-luria-koffka-controversy.html (дата обращения: 05.01.2021).

Опасность междисциплинарных исследований и ее преодоление[1]

Ю. И. Александров

doi: 10.38098/thry_21_0434_008

В чем опасность «обычных» междисциплинарных исследований?

Все более популярные представления о важности и эффективности мульти- и междисциплинарных[2] подходов, реализуемых коллективами и отдельными учеными как в фундаментальных, так и в прикладных исследованиях (см.: Аршинов и др., 2016), подходы, кажущиеся, возможно, кому-то новыми «веяниями», уже в XVII в. были вполне четко сформулированы человеком, оказавшим глубочайшее влияние на все развитие науки, на ее методологию и методику. Этот человек – Рене Декарт (Картезий). В сочинении «Правила для руководства ума» он писал: «Все науки настолько взаимосвязаны, что гораздо эффективней изучать их вместе, чем изолировать одну от другой. Следовательно, тот, кто серьезно стремится к познанию истины, не должен избирать какую-нибудь одну науку... Вскоре он удивится тому, что продвинулся гораздо далее, нежели те люди, которые занимаются отдельными [дисциплинами], и достиг не только тех результатов, которых они хотели бы добиться, но и других, более ценных, о которых он не смел и мечтать» (Декарт, 2011, с. 23). Он специально подчеркивает: «Мы ставим настоящее правило во главе всех других» – и придает этому правилу в ряду всех им приведенных номер 1.

Возможно, сама интеллектуальная среда декартовских времен и непосредственно предшествующего им Средневековья в какой-то степени способствовала такому подходу. «Наблюдатель средневековья был синтетиком по необходимости: он наблюдал всегда только цельный организм, – пишет П. К. Анохин, – ибо рассечение его гро-

1 Статья подготовлена по Госзаданию Минобрнауки РФ № 0138-2021-0002.

2 Меж- и мультидисциплинарность – понятия, значения которых не полностью перекрывается (см., напр.: Александров, Кирдина, 2012), но для целей настоящего анализа учет их различий не обязателен.

зило ему целым рядом жизненных осложнений» (Анохин, 1945, с. 37). Может быть, понимание подобных угроз и было одной из мотиваций подобных утверждений, но, исходя из содержания приведенного отрывка, можно полагать – для Декарта не главной мотивацией. Главной, наверное, было все-таки осознание и признание именно эффективности мультидисциплинарности в изучении целого, причем целого, имеющего множество аспектов рассмотрения и относящихся к достижению множества разных целей общества, разнообразие которых и отражается в разнообразии наук (Midgley, 2000)[1].

В новые времена мощным методологическим обоснованием междисциплинарной парадигмы явилась философская разработка холистической парадигмы, тесно связанной с родственной идеей – теорией эволюции (Smuts, 1926). В России особое влияние на движение мысли в этом направлении оказали идеи В. И. Вернадского. Владимир Иванович подчеркивал, что «проблемы, которые его [исследователя] занимают, всё чаще не укладываются в рамки отдельной, определенной, сложившейся науки. Мы специализируемся не по наукам, а по проблемам». Интересно, что автор специально подчеркивает неизбежность и эффективность междисциплинарности для наук, связанных с человеком: «Чем ближе научный охват реальности к человеку, тем объем, разнообразие, углубленность научного знания *неизбежно* увеличиваются»; автор имеет в виду, в частности, «науки *о мозге* и органах чувств, *проблемах психологии* или логики... сюда войдут и *социальные и духовные проявления человека, которые неразрывно связаны с биологическими основами человеческого организма*»[2] (Вернадский, 2004, с. 194, 196, 198, 233; курсив мой. – *Ю. А.*).

---

1 Дифференциация этих целей в связи с постоянно растущей общей дифференциацией культуры (Александров, Александрова, 2009) определяет особенно интенсивно идущее с прошлого века дробление традиционных дисциплин на тысячи исследовательских полей (Jenkins, 2007). Поэтому сегодня «идентифицировать человека как биолога, химика или геолога – значит не сказать ничего» (Hurd, 1997, p. 36). Тем более важно, оказывается, интегрировать исследования целого, разворачивающиеся в рамках этих тысяч полей. Тем более важно осознать, что изоляция какой-либо дисциплины может быть рассмотрена как показатель ее ненаучности (Bunge, 1990).

2 Действительно, очевидно, например, что разработка такой крупной проблемы, как проблема развития не может быть эффективна при ограничении исследования «каким-то одним доменом или уровнем развивающейся системы, будь то гены, физиология... социальные факторы или культура» (Lickliter, 2000, p. 330). Что касается психологии, многи-

Настаивая на необходимости рассмотрения именно целостности, а не отдельных, пусть важных, ее «частей» или «аспектов», В. И. Вернадский в качестве наиболее яркой, привлекающей наибольшее внимание философской системы, создаваемой в то время, называет «философию холизма с ее новым пониманием живого организма как единого целого в биосфере» (там же, с. 239) и ссылается при этом на книгу «Holism and evolution», написанную цитированным выше Я. Х. Сматс (Smuts, 1926). Термин «Holism» (от «whole») вводится Сматсом для обозначения «фундаментального фактора, имеющего отношению к формированию целостностей во вселенной», а также обусловливающего существование принципа «целое... больше суммы его частей» (ibid., p. 86). Сегодня, почти через 100 лет, эта формулировка может выглядеть как трюизм.

Именно с этой книгой связывается внедрение термина «холизм» (Poynton, 2014), указывающего на принципиальную важность отказа от концентрации всего внимания на отдельных частях, на необходимость рассмотрения именно целостностей, в результате чего может быть достигнут идеал всех научных и философских объяснений – монистичность. Пойнтон подчеркивает тупиковость все большего дробления познания на множественные самостоятельные и локальные «поля», выражает надежду, что исследователи не будут концентрировать свое внимание на подобных локальных областях, но перейдут к формулировке более широких взглядов, к сожалению, «находящих все меньшее применение с великих времен Дарвина» (см.: Smuts, 1926, p. 5, 108)[1].

ми авторами подчеркивалось, что реализация ее задач включает интеграцию знаний, полученных на разных уровнях, в разных дисциплинах и проблемных полях (Абульханова и др., 1996; Александров, Александрова, 2009; Велихов и др., 2018; Журавлев, 2003; Знаков, 2020; Ломов, 2003; Черниговская, 2021; Швырков, 2006; и др.).

1 В России в этот период довольно близкие взгляды высказывал П. К. Анохин, настаивая на необходимости рассмотрения «целостностей» и обращаясь к термину «холизм»: «Одним из характернейших штрихов современной физиологии, – пишет он, – является [то, что]... холизм... (от *англ.* whole)... стремится заменить господство аналитизма в естествознании господством целостного проявления всех процессов природы» (Анохин, 1975, с. 63). Позже им была точно охарактеризована тенденция сведения сложных закономерностей к предположительно более простым, «базовым». Он отмечает, что «перед нейрофизиологом-аналитиком вопрос о том, зачем нужны те тонкие процессы, которые он изучает», не возникал. «Считалось само собой разумеющимся, что аналитически из-

С книгой Я. Х. Сматса связана значительная литература. Остановимся на тех работах, которые концентрируются на анализе роли представлений Сматса в последние годы (десятилетия) развития науки, и даже названиями статей авторы подчеркивают именно этот фокус внимания.

Г. Ярош (Járos, 2002) замечает, что проблема с широким принятием идей Сматса, предвосхитившим системное мышление (и на десятилетия опередившим Берталанфи), состояла в том, что аудитория была к ним не очень готова. Идеи Сматса, – пишет Ярош, – «просто слишком опередили свое время», но теперь время вернуться к этим идеям, переоткрыть их (2002, p. 13). Пойнтон (2014) отмечает, что *холистический* подход рассматривается часто как синонимичный *системному* (особенно последние десятилетия) и даже как замененный последним в современной науке. Причем оба подхода противопоставляются Пойнтоном (конечно, не только этим автором; см.: Лекторский, 1979) редукционизму[1]. Именно язык системного подхода (на-

---

учаемые нервные процессы – это и есть те самые процессы, которые непосредственно участвуют в работе центральной нервной системы, создавая приспособительные реакции *целого организма*» (там же, с. 227; курсив мой. – *Ю. А.*). В последнее время наблюдается следующая, сходная фаза цикла познания – переход от аналитической к холистической его стадии (о стадиях см. также в примечании 3 к с. 177): «Принципиально меняется подход к организации исследовательской работы – от узкоспециального мы должны перейти к междисциплинарному методу проведения научных исследований» (Ковальчук, 2011, с. 16; см. также: Знаков, 2020). «В естествознании XXI в. складывается новая научная картина мира, в рамках которой... аналитической подход к познанию структуры материи сменился синтетическим, доминируют междисциплинарные исследования» (см.: Аршинов и др., 2016, с. 28). Это изменение означает «возврат к единой целостной картине мира» (Ковальчук, 2011, с. 16). Волны антиредукционизма в указанные периоды отмечены также в работе Н. Мёрфи (Murphy, 2011).

1 Говоря о такой замене в методологических рассуждениях, надо заметить, что термин «холизм» остается и по сей день очень распространенным в психологии, в том числе кросс-культурной, при противопоставлении «западного», аналитического, и «незападного», холистического *мышления* (см., например, обзор: Henrich et al., 2010). Оказывается, что эти два типа мышления различаются и для разных социокультурных групп *внутри* одной культуры. *Целостный* индивидуальный опыт ученого включает, кроме собственно-научной части, значительную часть культуроспецифичного обыденного знания (см.: Лекторский, 1979; Полани, 1995). Отсюда при анализе единой мировой науки, являющейся

ряду с синергетикой и теорией сложности) правомерно оценивается как *«единый язык»* эффективной междисциплинарной коммуникации (Аршинов и др., 2016, с. 16; курсив мой. – *Ю. А.*).

В. И. Вернадский не ссылается еще на одного современного ему автора, хотя и он также довольно близко подошел к пониманию как необходимости холистической междисциплинарной перспективы, так и узости аналитической монодисциплинарности. Это Людвик Флек. Его очень мало кому известная в то время (но не сейчас)[1] книга «Genesis and Development of a Scientific Fact», вышедшая в 1935 г., содержала утверждение о том, что становление научной специализации ученого, совершенствование его в узком проблемном поле, традиционный путь и по сегодняшний день может быть рассмотрено,

---

компонентом культуры, следует предположение и о возможной связи предрасположенности к разным типам научного (и обыденного) мышления в разных культурах. Автор данной работы (как и ряд других авторов; см., напр.: Грэхэм, 1991; Клайн, 1984; Тулмин, 1981; Шишкин, 2006; Юревич, Цапенко, 2001; Ярошевский, 1996; Gavin, Blakeley, 1976; Graham, Kantor, 2006; Wilson, 1998; Holden, 1978) считает, что имеются серьезные аргументы в пользу того, что так оно и есть (см.: Александров, Александрова, 2010а, б). В качестве примера: выше мы приводили мнения авторов, которые сопоставляя идеи Сматса с научным фоном современной его книге науки, утверждали, что книга намного опередила развитие известных им системных представлений. Замечу, однако, что фундаментальное произведение А. А. Богданова «Тектология» (1913–1917), которое представляет собой развернутое описание системной парадигмы, вышло существенно раньше, а уже в начале 1930-х годов были опубликованы системные представления П. К. Анохина, являющиеся серьезным продвижением системной парадигмы в конкретно-научной области. В связи с указанными различиями и выраженность антиредукционизма также оказывается разной в науках разных стран (подробнее см.: Александров, 2005; Александров, Александрова, 2010а, б).

1 Эта книга вышла небольшим тиражом (около 600 экземпляров), да и тот остался нераспроданным (продано было только 200 экземпляров). Лишь гораздо позже ее переиздали, вступление написал всем известный Томас Кун, и она приобрела своего читателя. Сейчас, например, только в академическом Гугле приведено почти пять тысяч ссылок на нее. Томас Кун же отмечает, что в 1948 г. он знал только двух человек, которые о ней слышали. Так что упрек В. И. в том, что он не процитировал Людвика Флека, не может быть сделан. Но пожалеть, что он не прочел книгу, можно: содержание книги Людвика Флека таково, что, учитывая выраженные науковедческие интересы (и много текстов на эту тему) В. И., можно быть уверенным в том, что она была бы ему очень интересна.

по существу, как «ослепляющая (blinding) специализация». В то же время, именно узкая специализация является ценной (и, следовательно, подкрепляемой) для эффективного функционирования «научного конвейера», пригодного для решения «научных головоломок» «нормальной науки»[1] (Кун, 1975). В особенности для решения конкретных субпроблем узкой предметной области, в частности – практико-ориентированных, и это – то фокусирование внимания, которое может приносить определенную пользу обществу. Однако для решения крупных проблем, о которых писал В. И. Вернадский, исследователь, страдающий ослепляющей специализацией, может быть полезен, как правило, лишь в качестве «привлеченного исполнителя».

Почему приходится через 300, 100, 70 лет не только возвращаться к обоснованию значения междисциплинарности как «ключевой концепции» снова (см.: Аршинов и др., 2016), публиковать специальные статьи в журналах, издаваемых государственными фондами, в задачи которых входит путем специального финансирования поддерживать междисциплинарные исследования (см., напр.: Абульханова, Александров, Брушлинский, 1996)[2], но также и обсуждать методологию подобных исследований? Потому, в частности, что следование по этому пути не только необходимо, но и, как я полагаю, опасно. И опасности возникают не только по организационным причинам разного рода (см.: Аршинов и др., 2016), но и из-за недостаточного методологического обеспечения функционирования междисциплинарных контактов, которые (по выражению В. Б. Швыркова, 2006) «искрят». Главным образом с последней опасностью я и буду иметь дело в настоящей работе. Но скажу кратко в конце работы и о некоторых других.

---

1 Подобная научная деятельность, вернее, эта ее стадия, может быть даже автоматизирована, доверена ИИ, успешно осуществляющему формулировку гипотезы, проведение экспериментального тестирования гипотезы, интерпретацию результатов, формулировку следующего вопроса (King et al., 2009). К этой стадии, конечно, трудно отнести следующее понимание науки: «Научная работа, по существу, всегда есть искание чего-нибудь нового в природе, того… о чем можно только *приблизительно догадываться чутьем»* (Капица, 1990, с. 16; курсив мой. – *Ю. А.*).

2 Общеизвестно, сколько специально поддерживаемых междисциплинарных программ осуществляется в РФФИ, а ранее осуществлялось и в РГНФ. Можно даже сказать, что «междисциплинарность стала одним из основных принципов организации научных исследований уже к середине XX века» (Аршинов и др., 2016, с. 12).

Переформулируем только что заданный вопрос: почему в этом отношении – сдвиг к мультидисциплинарным исследованиям, – влияние Р. Декарта на науку, которое во всех остальных отношениях трудно переоценить, здесь – сдерживалось? Оно сдерживалось тем, что часто результаты междисциплинарного синтеза разочаровывали. К. А. Абульханова с соавт. подчеркивают, что «в рамках стратегии прямых корреляций суммирование знаний о человеке, полученных в разных дисциплинах, приводит не к познанию целостного человека, а накоплению фрагментарных и эклектичных описаний существенных и несущественных свойств, отношений и связей, к механическому соединению разнородных данных о человеке» (Абульханова и др., 1996, с. 14). А также тем, что картезианская редукционисткая программа, которая получила обоснованную отрицательную оценку у философов[1] и специалистов в других областях знания (см.: Микешина, 2013), поскольку, стремясь свести сложное к простому, один уровень организации к другому, теряла специфику последних (Рузавин, 1978) и входила с явно высказанными пожеланиями мультидисциплинарности в определенное противоречие. Вернее, использование мультидисциплинарного подхода вместе с редукционисткимдискредитировало первый и вело к опасностям, которые уже упоминались выше. Если можно (и даже необходимо – в этом-то ведь наука и состоит, как думает редукционист) свести более «мягкие» науки к более «твердым», если для того, чтобы изучить сложное, надо раздробить его на более простые части и анализировать их по отдельности, то междисциплинарность ежели и нужна, то лишь на стартовом этапе исследования, а заканчиваться такое исследование должно именно как монодисциплинарное, сведенное к «базовой» дисциплине и ее теориям (см. ниже об элиминативизме, а также о позиции А. Р. Лурии).

Говоря не об отдельном исследовании, а о макроинтервалах времени научного познания К. Фишер и Т. Биделл отмечают, что «картезианская интеллектуальная традиция была полезна на начальных этапах развития естественных наук [инициируя междисциплинарные контакты], но она препятствует пониманию сложных систем» (Fisher, Bidell, 2006, p. 336). Препятствует потому что *теоретический редукционизм*[2]

---

1 «Как хорошо известно, редукционизм как философско-методологическая концепция единодушно подвергается решительной критике сторонниками самых различных философских направлений» (Садовский, 1983, с. 45; см. также: Лекторский, 1978).

2 Под теоретическим редукционизмом (Dudai, 2004) обычно понимается применение концепций и законов «более фундаментальной» редуци-

рующей теории для объяснения феноменов, описываемых «менее фундаментально» редуцируемой теорией (см. также: Murphy, 2011); а также взгляд, согласно которому мир может быть разбит на части, каждая из них изучена в отдельности и на основании результатов этого изучения сделан вывод о закономерностях функционирования целого. Такое разбиение, называемое также «атомизицией», рассматривается как одна из важных характеристик картезианской позиции и «западного стиля мышления» вообще (см.: Александров, Александрова, 2010а, б; Грэхэм, 1991; Роуз, 1995; Шишкин, 2006; Юревич, Цапенко, 2001, с. 131; Lewontin, Levins, 1988; Wilson, 1998). Анализ «западной» литературы показывает определенные сдвиги от картезианского «стимульного» к «целевому» и «холистическому» детерминизму (см., напр.: Александров, 2009а; а также: Murphy, 2011). Появляются оптимистические заключения о том, что «наука Запада уходит от удобного механистического мировоззрения» (de Waal, 1996, p. 4). Но следует учесть, что особенности «западной» ментальности, проявляющиеся, конечно, не только в обыденной науке (folk science), но и, как уже было отмечено выше, в связанной с ней собственно науке, продолжают фиксироваться и ныне (см. обзор: Henrich et al., 2010). Хотя ментальность, характеризующая данную культуру, может, как и культура в целом (Триандис, 2007), демонстрировать определенную динамику, в частности, в связи с глобальными социоэкономическими сдвигами. Имеются данные о сдвигах ментальности «незападных» стран, например, России и Японии, в «западном» направлении (Александров, Александрова, 2009; Журавлева, 2006; Ogihara, 2017). Но по прошествии некоторого времени при анализе российской выборки может регистрироваться обратное (возвратное) движение к относительно стабильному «ядру» социальных представлений (Александрова, Александров, 2012). При изучении динамики ментальности в Японии также обращается внимание на факторы, действующие в направлении, обратном «вестернизирующему» направлению, и в результате оказывается, что «во многих отношениях японская корпоративная культура остается такой же, какой была» (Rear, 2020, p. 16). Специальный анализ показывает, что различия между «западной» и «незападной» ментальностями (имевшиеся в древности и выявляемые при сравнении философских концепций и литературы древних Греции и Китая) сохраняются поныне (Nisbett et al., 2001). В связи со сказанным не удивляют межкультурные различия в отношении исследователей к тем или иным теориям. Так, «социализация ученых в среде других – западных традиций (механистичность, редукционизм в отличие от восточной холистической, диалектической модели) становится серьезным препятствием для понимания этой теории» (Raudsepp, 2005, p. 456; имеется в виду теория социальных представлений С. Московиси). Также и В. Гейзенберг утверждает, что «большой научный вклад в теорию физики, сделанный в Японии после войны,

картезианской парадигмы[1] является антитезой холистического, междисциплинарного описания сложных целостностей (см.: Verschuren, 2001; Murphy, 2011). И это редукционистское сведение и есть одна из самых серьезных опасностей методологически слабо обеспечен-

---

может рассматриваться как признак определенной взаимосвязи традиционных представлений Дальнего Востока с философской сущностью квантовой теории. Вероятно, легче привыкнуть к понятию реальности в квантовой теории в том случае, если нет привычки к наивному материалистическому образу мыслей, господствовавшему в Европе...» (Гейзенберг, 1989, с. 127–128).

1 Если иметь в виду редукционистскую традицию картезианского подхода (Wilson, 1998), можно отметить, что в согласии с только что отмеченной позиций Фишера и Биделла находится точка зрения известного нейрофизиолога Э. Канделя, который пишет: «Поскольку современная наука есть редукционистское, аналитическое представление о сложных явлениях, а субъективная природа сознания не поддается упрощению... теория [сознания] находится для нас вне пределов досягаемости» (Кандел, 2012, с. 551). Очень близкие утверждения высказывал Ф. Фукуяма, описывая «классические редукционистские методы современной науки» следующим образом: «Любой вид высшего поведения или свойство, например язык или агрессивность, можно проследить через срабатывание нейронов до биохимических основ работы мозга, которые можно понять через еще более простую химию органических соединений, составляющих мозг». Он подчеркивал, что «область, в которой наиболее ярко проявляется неспособность современной редукционистской науки объяснить наблюдаемые явления, – это вопрос человеческого сознания» (Фукуяма, 2004, с. 231, 326). Действительно, несмотря на критику механистических объяснений, линейной причинности, редукционизма, картезианский подход оказывается позицией, которую, как, увы, верно замечает Д. Деннетт, никто, казалось бы, не поддерживает, но почти все мыслят в ее терминах (Dennett, 1993). В последнее время вряд ли кто-то будет утверждать, как З. Куо, что «закономерности, объясняющие поведение камня, вполне пригодны для объяснения поведения человека [и эти закономерности есть] связи между стимулом и реакцией» (Kuo, 1928, p. 417; это писалось в те же годы, в которые вышла упомянутая выше книга Сматса, что характеризует состояние научной среды, в которой формулировал свои идеи последний). Напротив, тривиальным покажется утверждение о том, что хотя «движение... камней объясняется внешними силами... „причинами“», однако движения людей, в отличие от движения камней, мы описываем «как „действия“, направленные на достижение цели» (Schall, 2001, p. 33). Но все же редукционизм по-прежнему крайне распространен в биологии, нейробиологии и в когнитивных науках (Greenspan, Baars, 2005, p. 228).

ных междисциплинарных подходов, особенно в дисциплинах, само название которых междисциплинарно.

Если говорить о традиционной психофизиологии, то психологов законно настораживает не только сведение сложнейших психологических, социально-психологических, культурологических и других описаний к клеточным, субклеточным, молекулярным с рассмотрением последних в качестве «действительно научных» механизмов этих «мягких» описаний. Так, например, А. Р. Лурия в своей последней, посмертно опубликованной статье («антиредукционистском манифесте», как ее назвал В. П. Зинченко) бескомпромиссно выступал против «механистических попыток свести... [психические] явления к элементарным физиологическим процессам... элементарным процессам мозга», каковое сведение он считал ошибочным путем, связанным с «рефлексологией»[1] (Лурия, 1977, с. 71).

1 Говоря об интерпретации психологических феноменов, А. Р. Лурия далее пишет: «Авторы, примыкающие к этому направлению, считают возможным выразить все, в том числе и сложнейшие психические процессы, в терминах тех механизмов, которыми обладает нервная система» (Лурия, 1977, с. 72). Ярким примером формулировки «сведения» психологического к физиологическому является известное утверждение И. П. Павлова, которое правомерно рассматривать в качестве фундаментального положения физиологии высшей нервной деятельности: «Важнейшей современной научной задачей» является проведение исследований, позволяющих слить, отождествить физиологическое с психологическим» (Павлов, 1951, с. 153). Подчеркну, что точка зрения А. Р. Лурии, отрицающая с системных позиций правомерность редукционистского сведения психологии к физиологии мозга, принадлежит выдающемуся *нейропсихологу,* в фокусе внимания которого находилась динамика именно мозговой активности, сопоставляемая с той или иной симптоматикой, характеризующей нарушения психических процессов. Отрицая редукционизм, он считал, что «отрывать психологию от законов работы мозга значило бы делать не меньшую ошибку» (Лурия, 1977, с. 75), и настаивал на необходимости учета в интерпретации данных психологии и физиологии мозга «функциональных систем», имеющих отношение к общественной жизни (там же, с. 76; об отличии понимания функциональных систем у А. Р. Лурии и П. К. Анохина см. примечание 1 к с. 172). Можно отметить, что и через десятилетия к сходным заключениям приходит автор, также имеющий отношение и к психологии, и к нейронаукам – С. М. Косслин: «Цель состоит не в том, чтобы заменить описание психических явлений описанием активности мозга. Это было то же самое, что заменить архитектурное описание описанием строительного материала» (Kosslyn, Koenig, 1992, p. 4; см. также: Miller, 2010).

Естественно, психологов может настораживать еще в большей степени и то, что подобная редукция сопряжена элиминативизмом, который предполагает поэтапное *замещение* психологии нейробиологией (см.: Churchland, Churchland, 1994)[1]. Элиминативизм вытекает

1 Специфику отношения психологов к редукционизму юмористически отразила М. Миджли: «Конечно, гораздо приятней редуцировать, чем быть редуцируемым» (Midgley, 1994, p. 38). Позиции «редуцирующих» и «редуцируемых» хорошо иллюстрирует противопоставление их позиций, данное в книге Леду (LeDoux, 2015): «Как нейробиолог я предполагаю, что механизмы мозга, которые лежат в основе сознания, чем бы они ни были, – это все, что необходимо для объяснения сознания». «Поскольку само сознание не является физическим явлением, – комментирует Д. Чалмерс (Chalmers, 2015), – изучение мозга не раскрывает сущности субъективного опыта. Исследование мозга может выявить нейронные корреляты сознания, но не само сознание» (LeDoux, 2015, p. 157). Не странно, что в материалах, розданных участникам симпозиума (среди которых была и М. Миджли) «Rationale of the symposium "Perils and prospects of tne new brain sciences"» (Stockholm, September 15–19, 2001) констатируется: «Преобладающая тенденция среди нейробиологов – строго редукционистская, в то время как среди психологов [и философов], напротив, остаются сильные антиредукционистские пристрастия». Характеризуя позиции представителей биологических дисциплин, авторы, готовившие материалы, вероятно, не в последнюю очередь ориентировались на позиции таких ведущих представителей биологии, как Дж. Эдельман, который, поясняя, что он имеет в виду, говоря о «научной теории психики», писал: «Под „научным"... я имею в виду описание, основанное на нейрональной и фенотипической организации человека и сформулированное исключительно в терминах физических и химических механизмов, приводящих к этой организации» (Edelman, 1989, p. 8–9), а также Ф. Крик, который в согласии с этим указывал: «Нашу психику – поведение нашего мозга – можно объяснить через взаимодействие нервных клеток (и других клеток) и молекул, связанных с ними» (Crick, 1994, p. 7). См. также позицию мягкого, «романтического» редукционизма К. Кох (2012), сводящего психическое к нейронам и межнейронным синаптическим связям, но учитывающего (и в этом – мягкость) и фактор объединения нейронов в сложные сети: причем, чем больше и сложней организация сетей, тем «выше уровень сознания». Данная позиция, может быть, логично связана с положением (отсылающим к функционализму) о том, что «если аксоны, синапсы и нервные клетки в моем мозгу заменить проводами, транзисторами и электронными сетями, осуществляющими точно те же функции [что реальные нейроны], моя психика останется той же [что у индивида – обладателя нейронов]» (Koch, 2012, p. 120). (По этому поводу Т. В. Черниговская справедливо

а) либо из представления о «правильности» психологии, «нефундаментальные термины» которой должны быть сведены к «более фун-

---

и одновременно довольно оптимистично замечает: «Практически вся экспериментальная нейронаука, хотя и чувствует некоторую неловкость, но подразумевает, вслед за Криком и Кохом... что, если бы нам удалось узнать все свойства нейронов и взаимодействия между ними, мы могли бы объяснить, что такое дух» (2021, с. 21, 22). Оптимизм Татьяны Владимировны, как мне представляется, состоит в утверждении, согласно которому «неловкость», хоть и «некоторая», у значительного числа придерживающихся такой позиции действительно присутствует на детектируемом уровне.) Физиологи, биологи могут быть не в роли «редуцирующих», но «редуцируемых». Тогда окажется, что, в свою очередь, к ним будет отнесена характеристика их знания – биологического – как «менее развитого, менее строгого, менее обоснованного... чем знание физико-химическое». Отсюда последует убежденность в том, что «магистральный путь развития биологического познания» – сведение его к знанию физическому и химическому», в направлении «физической редукции». И тогда приходится защищаться от редукции с помощью аргументов в пользу того, что «методологические особенности, присущие биологическому познанию, отражают его качественное своеобразие, а не его ущербность по отношению к физическому познанию» и что первое от второго отличается «по самому типу вопросов, на которое оно стремиться дать ответ» (Юдин, 1983, с. 69, 74–75). Хотелось бы завершить изложение точек зрения редуцируемых и редуцирующих исследователей позицией автора, который, хотя и принадлежит к наиболее базовой дисциплине – физике (конечный пункт редуцирования), но, говоря об отношениях психологии и наук о мозге, выступает против редукционистских позиций. В. Гейзенберг пишет об ученых, полагающих, что «факты психологии могут быть в конечном счете объяснены физикой и химией человеческого мозга. С точки зрения квантовой механики для таких предположений нет больше никаких оснований, – подчеркивает он. – Хотя в мозге физические процессы имеют отношение к психическим, все же нельзя предположить, что эти физические процессы достаточны для объяснения психических процессов. Мы, естественно, не стали бы сомневаться в том, что мозг ведет себя как физико-химический механизм, если его рассматривают в качестве такового» (Гейзенберг, 1989, с. 61; см. также антифизикалистскую позицию: Fodor, 1999). Неудивительно, что такую точку зрения выказывает выдающийся исследователь в области квантовой физики, базирующейся на идеях, характеризующихся индетерминизмом и антимеханицизмом. Специально подчеркивается, что революция в физике нанесла «сильнейший удар по редукционистской программе» (Рузавин, 1978, с. 117; Микешина, 2013).

даментальному» уровню нейробиологии»[1], б) либо из рассмотрения психологии как «ошибочного» описания, которое по этой причине должно быть заменено «правильным» нейробиологическим (см.: Gold, Stoljar, 1999).

В качестве яркого примера подобного хода мысли (я бы сказал даже, в качестве антиутопии – «мечта элиминативиста») можно привести слова одного из видных представителей физиологии высшей нервной деятельности А. Г. Иванова-Смоленского:[2] «Представьте себе, что на необитаемом острове устроена детская колония, куда дети привезены еще в младенческом возрасте и где уход за ними, воспитание и обучение их поручено специально подготовленному персоналу, которому строго-настрого запрещается употреблять психологические термины, заменяя их соответственными биологическими и физиологическими понятиями. Для таких детей «психическая деятельность» вообще не существовала бы, и все свои отношения к окружающей среде они определяли бы как мозговую деятельность, как реакции того или другого отдела нервной системы, как тот или иной физиологический процесс» (Иванов-Смоленский, 1929, с. 127).

Отмеченную опасность теоретического редукционизма можно устранить следующими путями: а) устранить редукционизм; б) устранить мульти- и междисциплинарные исследования. Вторую возможность реализовывать неэффективно, последние столетия явно демонстрируют неизбежность подобных исследований, постоянное к ним возвращение. Я опишу первую возможность, тем более что путь устранения очевиден и уже был выше неоднократно назван в качестве антитезы редукционистских и элиминативистских путей исследования: холистический, системный подход. Это подход не только позволяет использовать достаточно разработанную методологическую базу и единый язык нередукционистского описания феноменов, выявляемых при решении принципиально мультидисциплинарных проблем, но и формулирует специальные, дополнительные внутрипарадигмальные проблемы (а значит, и задает новые пути исследования) которые выступают в качестве дополнительных междисциплинарных «связок».

---

1 Заметим, что редукция и элиминация – не разные взгляды, а два полюса одного континуума (Gold, Stoljar, 1999).

2 Благодарю Давида Израилевича Дубровского, известного исследователя в области философии сознания, за то, что он ознакомил меня с этим текстом.

Одной из таких проблем оказывается, в частности, проблема *комплементарности, взаимодополнительности,* по которой существует значительная литература (в том числе о «генетических» связях этой проблемы с боровской проблематикой принципа дополнительности). Применение системного описания приводит к рассмотрению *разнообразия* компонентов системы как основы взаимодействия этих компонентов, реализующих, согласующих для успешного развертывания системы *разные* степени свободы. Так, авторы четко формулируют междисциплинарный характер данной системной проблематики: «Объединяющая сила модели... комплементарности заключается в ее силе соединять несвязанные понятия и отношения. Изоморфизм здесь относится к тому, что демонстрируется сходство модели комплементарности во многих дисциплинах и системах. Модель имеет эвристическую ценность, поскольку она обусловливает возникновение интересных вопросов во многих дисциплинах» (Xu, Li, 1989, p. 101).

Системно-эволюционный путь «неопасного» междисциплинарного исследования

Указание на системность как антиредукционизм, как правило, не вызывает возражений. Однако необходимо уточнение, какой именно вариант системного подхода имеется в виду, потому, что системный подход не гомогенен[2]. Внутренняя согласованность и проработан-

2 Системный подход – не новость в науке, в частности в психологии. И до начала 1960–1970-х годов он присутствовал, часто в имплицитной форме, в теориях, моделях, влиял на формирование научных программ. В то же время очевидно, что понимание системности изменялось на последовательных этапах развития науки (Огурцов, 1974); не одинаково оно и для разных вариантов системного подхода, существующих на одном и том же этапе (Анохин, 1975). Так, системный подход, развитый А. Р. Лурией (1973) и его учениками и использующий идеи Л. С. Выготского и Н. А. Бернштейна, подход, который оказал, как известно, серьезнейшее влияние на развитие фундаментальной и прикладной психологии в нашей стране и за рубежом, существенно отличался, например, в одном из своих центральных положений от другого, также весьма влиятельного варианта системного подхода, развитого в школе П. К. Анохина. А. Р. Лурия подчеркивал справедливость утверждения о том, что на основании описания последствий локального поражения мозговой структуры мы можем локализовать симптом, а не функцию. Это справедливо и с позиций понимания функции как общеорганизменной системы, направленной на достижение конкретного резуль-

ность подходов – разная. Я представлю здесь системно-эволюционный его вариант, который, с одной стороны, имеет длительную историю экспериментально-теоретической разработки (десятилетия), а с другой – является примером эффективной интеграции данных, полученных методами разных дисциплин, представляющих разные уровни анализа, но интерпретированных с единых позиций, с использованием единого языка систем и межсистемных отношений для описания закономерностей индивидуального и коллективного познания.

Системно-эволюционная методология, на основе которой сформулировано новое проблемное поле в психологии – системная психофизиология, – не просто допускает, но, более того, предполагает реализацию многоуровневого, мультидисциплинарного подход к анализу закономерностей формирования и актуализации структур субъективного опыта (см., напр.: Абульханова и др., 1996; Швырков, 2006; Alexandrov, 2018). Принципиально важным этапом в развитии данного направления, в частности определяющим междисциплинарный характер подхода, было системное решение психофизиологической проблемы. Необходимый *алфавит* для этого решения был создан П. К. Анохиным, проанализировавшим роль «концептуального моста» – системных механизмов поведения, введение которых позволяет заполнить «огромный разрыв между тончайшей нейрофизиологией... и законами работы целого мозга и психической деятельностью» (Анохин, 2018, с. 23).

Конкретная же *формулировка решения,* данного В. Б. Швырковым (см.: Швырков, 2006) в рамках системно-эволюционной парадигмы, может быть представлена следующим положением. Психические процессы, характеризующие организм и поведенческий акт как целое, и нейрофизиологические процессы, протекающие на уровне отдельных элементов, сопоставимы только через информационные системные процессы, т. е. процессы организации элементарных

тата, принятого в теории функциональных систем. Но все же луриевские системы – именно *мозговые* (а не *общеорганизменные,* как в теории функциональных систем) и отдельные структуры наделены специфическими, присущими им функциями (пусть не статически, а динамически). Понятно, что такое понимание, будучи весьма эффективным в диагностике поражений мозга (а также и сегодня – для трактовки данных, полученных при функциональном картировании активности мозга в когнитивной нейронауке), обусловливало вместе с тем весьма отличное от теории функциональных систем понимание роли мозга и соматических клеток в обеспечении поведения.

механизмов в функциональную систему. Иначе говоря, *психические явления не могут быть не только сведены к локальным физиологическим процессам, но даже напрямую сопоставлены с ними* (как это делается в традиционной физиологии, психологии и смежных дисциплинах). При этом психологическое и физиологическое описание поведения оказываются *частными описаниями одних и тех же системных процессов.*

Системное решение психофизиологической проблемы может быть сопоставлено с такими решениями, как гегелевский «нейтральный монизм» (см.: Прист, 2000), в соответствии с которым духовное и физическое – два аспекта некоей лежащей в основе реальности, или представлениями о соотношении психологического и физиологического у Л. С. Выготского, который считал, что «психику следует рассматривать не как особые процессы, добавочно существующие поверх и помимо мозговых процессов, где-то над или между ними, а как субъективное выражение тех же самых процессов, как особую сторону, особую качественную характеристику высших функций мозга», и поэтому «мы должны изучать не отдельные вырванные из единства психические и физиологические процессы», а «целостный процесс поведения, который... имеет свою психологическую и свою физиологическую стороны» (Выготский, 1982, с. 137, 139). При этом автор заключал, что, хотя «предмет психологии – целостный психофизиологический процесс», мы называем «процессы, изучаемые психологией», не психофизиологическими, а психологическими, так как «подчеркиваем этим возможность и необходимость единого целостного предмета психологии как науки», понимая под «психологической физиологией или физиологической психологией» науку, «которая ставит своей специальной задачей установление связей и зависимостей, существующих между одним и другим родом явлений» (там же, с. 138, 141).

Может быть также отмечено соответствие между системным решением психофизиологической проблемы и «принципом двух аспектов». Так, согласно Д. Чалмерсу, физическое (мозговые процессы) и психическое рассматриваются как два базовых аспекта единого информационного состояния, по крайней мере, *«некоторого* информационного состояния» (Chalmers, 1995, p. 215). Однако при анализе этого представления возникает закономерный вопрос: *какой именно информационный процесс* обладает таким свойством? И этот вопрос оценивается как не менее трудный, чем сама исходная психофизиологическая проблема (Crick, Koch, 1990). В согласии с такой оценкой находится заключение С. Приста (2000), который утверж-

дает, что «нейтральный монизм» и «принцип двух аспектов» имеют очень важное преимущество: они лишены недостатков, присущих другим вариантам решения психофизиологической проблемы, и имеют *лишь один* собственный недостаток: неясно, что за сущности ими постулируются.

Преимущество системного решения состоит в том, что оно избавлено от упомянутого единственного недостатка. Это решение оперирует не какими-то «сущностями» или «*некоторыми* информационными процессами», но *совершенно определенными информационными системными процессами* (являющимися компонентами функциональной системы), которые изучались и изучаются в многочисленных экспериментальных исследованиях психологами, психофизиологами, физиологами, биохимиками и молекулярными биологами.

Томас Нагель, философ (автор, вероятно, одной из самых известных статей в методологии психологии – «What Is It Like to Be a Bat?»), анализируя способы решения психофизиологической проблемы, пишет: «Аналитический психофизический редукционизм ложен. <...> Мое предположение состоит в том, что ментальные состояния могут иметь тройственную сущность – феноменологическую, функциональную и физиологическую, но мы все еще не понимаем, как это может быть. <...> Правильной была бы такая точка зрения, которая... включала бы в себя и субъективность, и пространственно-временную структуру, так, чтобы все ее описания подразумевали обе эти вещи сразу... не параллельно, а одновременно... и оба ряда понятий были бы частичными в своем охвате. <...> В настоящее время такое решение проблемы духа и тела в буквальном смысле невообразимо, но оно может быть не невозможным» (Нагель, 2001, с. 108, 110–112).

Как нам представляется, *имеющееся* системное решение психофизиологической проблемы хорошо соответствует «правильному» и «невообразимому» способу решения в интерпретации Т. Нагеля.

Таким образом, с позиций системного решения психофизиологической проблемы психическое и физиологическое сопоставляются не напрямую (что вело бы к редукционизму и связанному с ним «помещению» психических функций в отдельные мозговые структуры, или в отдельные нейроны, или в субклеточные структуры (см., например, о том, как «квантовые вычисления в микротрубочках нейронов объясняют сознание», которое определяется «квантовым состоянием электронов»: Hameroff, Penrose, 2014, Highlights; Hameroff

et al., 2002, p. 152), а только через упомянутые системные процессы[1], организующие элементарные механизмы в *общеорганизменную* функциональную систему[2].

Приведенное решение психофизиологической проблемы позволяет избавить психологию (и физиологию) от редукции психического к физиологическому[3]. Специфические задачи системной пси-

---

1 В качестве основного препятствия на пути к синтезу психологического и физиологического знания может рассматриваться эмерджентность психического, т. е. появление на уровне психического таких специфических качеств, которыми не обладает физиологическое (Churchland, 1986). Системное решение психофизиологической проблемы, основывающееся на представлении о качественной специфике общеорганизменных системных процессов в сравнении с локальными физиологическими процессами (см.: Швырков, 2006), превращает эмерджентность из пропасти в «конецптуальный мост», соединяющий психическое и физиологическое.

2 Пример сопоставления физиологического и психологического (сознание и эмоции) через системное с позиций рассматриваемого решения психофизиологической проблемы см., напр.: Александров, 2006б; Alexandrov, Sams, 2005.

3 Интересно и важно в связи с анализом значения системного решения психофизиологической проблемы для обеспечения методологически безопасных «контактов» между психологией и физиологией указать на неординарное рассмотрение редукционизма (см. раздел «Апология редукционизма» в: Юревич, 2010). Автор отмечает, что в подавляющем большинстве психологических трудов редукционизм расценивается как один из самых недопустимых «методологических грехов». В то же время, считает он, это обвинение слишком сильное, оно упускает, что у редукционисткого подхода есть и вполне «невинный», даже важный для любого объяснения смысл, – выход за пределы объясняемого проблемного поля. Более того, А. В. Юревич подчеркивает, что такой «выход» необходим науке. Он обеспечивает для психолога признание не только существования мозга как субстрата психического, но и необходимости использования данных нейронаук в психологии. Трудно не согласиться с этой стратегий научного действия. Она как раз неразрывно связана с обсуждаемой в настоящей работе неизбежностью стратегии междисциплинарного подхода. Таким образом, относительно стратегии исследования у нас нет расхождений. Они есть, скорее, в области обсуждения тактики. Автор полагает, что редукция и есть упомянутый «выход», поэтому научный подход – неизбежно редукционистский. Как нам представляется, в рамках изложенного системного решения психофизиологической проблемы «выход» достигается нередукционистким путем: не прямым сопоставлением психологических

хофизиологии, в отличие от задач традиционной психофизиологии (заключающихся в выявлении физиологических коррелятов психических процессов и состояний), состоят в изучении закономерностей формирования и реализации систем, их таксономии, динамики межсистемных отношений в поведении.

В известной притче слепые мудрецы ощупывают слона и описывают совершенно по-разному в зависимости от того, с какой стороны к слону подошли. Этим слоном, образно говоря, и являются для исследователей системные процессы. Знают ли представители разных дисциплин об их существовании или нет, но они описывают с помощью теорий и методов этих дисциплин именно эти процессы, их структуру и динамику. С позиций системного решения психофизиологической проблемы и во исполнение задач системной психофизиологии очевидно, что наиболее полное описание «слона» требует подхода к нему с разных сторон-дисциплин. В связи с этим для решения сформулированной выше задачи системной психофизиологии применяется широчайшее разнообразие методов разных

и физиологических феноменов и описаний, что ведет к редукционизму в общепринятом смысле этого термина, а их сопоставлением как разных описаний, разных аспектов единых системных процессов. Добавлю также, давая мягкую версии «апологии», что для решения определенных задач, как правило, прикладных, не направленных на разработку новых фундаментальных проблем науки, редукция (в том ординарном смысле, который вкладывается в этот термин в настоящей работе) может оказаться приемлемой (менее опасной), во всяком случае удовлетворительно работающей (Barton, Haslett, 2007; Odum, 1977) для достижения «локальных» целей. Т. е. если рассмотреть познание как состоящее из двух стадий, соответствующих содержательно холистической и аналитической (см., напр.: Борзенков, 2011; Пономарев, 1999; Селье, 1987, с. 75, 82–84; Barton, Haslett, 2007; Bechara et al., 1997), редукционистские подходы могут быть относительно более приемлемыми лишь на последней из них –аналитической (предваряющей следующую первую – холистическую) (Александров, Александрова, 2010а, б) в непрерывном континууме познания. В. Н. Садовский отмечает, что «классический редукционистский подход» неизменно критикуется философами и имеет в основе «принципы механистического мировоззрения». При этом он обосновывает позицию, в некотором смысле соответствующую представленному выше рассмотрению двух стадий познания. В. Н. Садовский полагает, что редукция (сведение) предполагает «обратный», антиредукционистский процесс (деривация). И лишь в этой связке, при этом необходимом сочетании, т. е. в этих специальных условиях, может быть использована (Садовский, 1983, с. 46–47).

дисциплин, используемых как в экспериментах с участием испытуемых, так и в опытах на животных разных видов. Несмотря на разнообразие, отдельные исследования являются взаимозависимыми и взаимодополняющими, образуя целостную исследовательскую программу, в основе которой находится уже упоминавшаяся единая методологическая база системной психофизиологии.

Как выглядят результаты этих исследований, будет кратко представлено ниже. Поскольку, как уже говорилось, в фокусе исследовательского интереса находится субъективный опыт, введем основные понятия. Системогенез – формирование новой системы – рассматривается как формирование нового элемента индивидуального (субъективного) опыта в процессе научения. В основе формирования новых функциональных систем при научении лежит селекция нейронов из «резерва», представленного разнообразием *преспециализированных* клеток, образованных в раннем онтогенезе. Из набора этих клеток в процессе научения отбираются те, которые *специализируются* относительно системы формируемого индивидуально-специфического (даже если он появляется у всех особей данного вида) поведенческого акта. Т. е. их активации обеспечивают развертывание данного акта и достижение его результата. Специализация нейронов относительно вновь формируемых систем – системная специализация – постоянна. Таким образом, новая система оказывается «добавкой» к ранее сформированным, «наслаиваясь» на них. А структура опыта, таким образом, представлена «пластами», сформированными на последовательных этапах индивидуального развития.

Рассмотрение этих и ряда других фактов в связи с данными и концепциями *психологии, физиологии, этологии, генетики, социологии* и др. привело к формулировке ряда положений системно-эволюционной теории[1]. Ниже будут очень кратко приведены репрезентатив-

---

1 Положения этой теории, сформулированные в теоретических и экспериментальных работах В. Б. Швыркова и коллектива нашей лаборатории, включают: определение соотношения поведения индивида со средой в связи с реализацией генетической программы жизненного цикла; рассмотрение нервной системы как «субъективного экрана», образованного в эволюции в качестве компонента опосредующего связь генетической программы и телесных процессов, а нейрона – как организма, обеспечивающего потребности своей генетической программы за счет метаболитов, поступающих от других элементов; представления о системно-селекционных механизмах системогенеза (см. выше); описание структуры субъективного мира индивида через набор накопленных в эволюции и в истории индивидуальной жизни систем поведенчес-

ные примеры разработки этих представлений в наших исследованиях, демонстрирующие, как на едином системном языке интерпретируются результаты разноуровневых исследований. Эти интерпретации не используют теоретический редукционизм. В то же время все они, к какому бы проблемному или дисциплинарному полю ни относились, направлены на достижение единой цели – разработки системно-эволюционного описания закономерностей формирования и актуализации структуры субъективного опыта.

Введем еще два понятия, используемые в системной психофизиологии, которые нужны для понимания результатов, изложенных ниже. Под *субъектом поведения* понимается весь набор функциональных систем (элементов субъективного опыта), из которых состоит память, а под *состоянием субъекта поведения* – совокупность функциональных систем разного онтогенетического «возраста», актуализированных во время осуществления конкретного поведенческого акта (см.: Швырков, 2006; Alexandrov, 2018).

В результате исследования нейрогенетического обеспечения формирования структуры опыта мы показали, что признаком процесса образования специализаций нейронов в отношении систем, включающихся в результате научения в структуру опыта, характеризующую субъект поведения, может служить экспрессия ранних генов, в частности, раннего гена *c-fos*. Было установлено, что распределение в мозге животных продукта экспрессии данного гена (белка c-Fos – транскрипционного фактора, индуцирующего изменение экспрессии других генов и приводящего к изменению белкового фенотипа нейрона) соответствует распределению нейронов, специализированных относительно приобретаемого элемента опыта сложного инструментального поведения (Svarnik et al., 2005). При этом было выявлено, что организация опыта, сформированного до данного эпизода научения, модифицируется при научении за счет процессов аккомодационной (приспособительной) реконсолидации (Сварник и др., 2014; Alexandrov et al., 2001). Таким образом, обнаружено, что субъект поведения при научении модифицируется как целое и за счет включения в его состав новых систем и за счет реорганизации систем, сформированных на предыдущих этапах индивидуального развития.

В исследованиях формирования структуры субъективного опыта в стратегической игре двух партнеров с нулевой суммой и полной

ких актов; изложение системного понимания сознания человека. Подробное изложение этих положений см.: Александров, 1995а.

информацией были выделены две группы отношений между компонентами опыта. Первая группа отношений обеспечивает последовательность актуализации компонентов, связывая их в «семантическую пропозициональную сеть» (СПС), это отношения «строгого порядка», образующие на СПС устойчивые линейные последовательности и отношения «нестрогого порядка», создающие на СПС петли и циклы (Александров, 2006а). Отношения второй группы образуют «семантическую ассоциативную сеть» (САС); они связывают компоненты в группы или определяют демаркации между наборами компонентов, ограничивают или запрещают одновременную актуализацию некоторых из этих наборов. Установлено, что процессы формирования СПС и САС асинхронны. Исследования показывают, что в сходных поведенческих ситуациях последовательно образуются различные состояния субъекта поведения и порядок смены этих состояний у лиц, склонных к преимущественно «рациональному» или «интуитивному» способу решения тестовых задач, разный (Максимова и др., 2001).

Используя метод регистрации электрической активности отдельных нейронов, мы проверяли, насколько стабильно состояние субъекта поведения в последовательных реализациях внешне одинакового поведения. По активности нейрона в поведении можно установить, к какой системе он принадлежит. Следовательно, регистрируя активность нейронов в поведении, можно определить, какие именно системы актуализируются при его реализации. Нами было обнаружено, что процессам реализации одиночного акта поведения соответствует сложная и динамичная системная структура, представленная как системами, которые неизменно вовлекаются в его осуществление, так и системами, набор которых модифицируется от реализации к реализации данного акта, но которые неизменно вовлекаются в реализацию каких-либо других актов. Модификация набора определяется невозможностью полного воспроизведения в повторных реализациях акта структуры межсистемных отношений[1]. Каждый последующий акт отличается от предыдущего хотя бы уже потому, что ему предшествует большее количество реализованных актов, а следовательно, он может характеризоваться иным уровнем мотивации, степени автоматизированности и т. п. Модификация набора актуализированных систем определяет изменчивость субъективного мира при повторных реализациях внешне (перспектива третье-

1 Даже самые простые акты, реализуемые друг за другом, являются «повторением без повторения» (Бернштейн, 1990).

го лица) «одного и того же» действия. Изучение нейронной активности позволило придти к выводу о том, что степень изменчивости состояния субъекта поведения от реализации к реализации одного и того же (по критерию достигаемого результата) поведения зависит от истории формирования этого поведения и в ситуации смены одного поведения на другое касается в большей мере «новых», т. е. сформированных на более поздних стадиях индивидуального развития, систем (Александров и др., 1999).

При исследовании связи особенностей истории обучения с характеристиками состояния субъекта поведения нами было обнаружено, что при разных последовательностях формирования актов одного и того же сложного инструментального поведения (т. е. при разном порядке обучения отдельным актам этого поведения) состояния субъекта поведения различаются. Результаты показали, что эти различия касаются упомянутой выше динамики межсистемных отношений, в данном случае – отношений между системами совершаемого в данный момент поведения и системами других поведений, реализуемых в той же среде. Показано, что в неспецифической активности специализированных нейронов (отражающей указанные межсистемные отношения) фиксируется история формирования поведения, т. е. эта активность (а значит, и межсистемные отношения) различается при сравнении животных, результирующее поведение которых (внешне сходное) имеет разную историю формирования (Горкин, Шевченко, 1995; Aleksandrov, 2008). В других экспериментах было обнаружено, что характеристики состояния субъекта поведения связаны с тем, каким образом обучается животное данному (внешне одному и тому же) поведению: за один или за много этапов. И здесь обнаружилось, что мозговая организация внешне одного и того же поведения оказывается разной, если разной была история обучения этому поведению (Kuzina, Aleksandrov, 2020).

Исследование доменной структуры субъективного опыта проводилось нами как в исследованиях на животных, так и с участием человека. В специальных экспериментах, проведенных с регистрацией активности нейронов у животных, мы анализировали отношения между разными доменами индивидуального опыта (под которыми мы понимали наборы систем, связанных общностью достигаемых результатов). Обнаружено, что системы из домена одной формы поведения могут актуализироваться при выполнении актов другого домена. Выявлены различия в количестве отношений между системами одного домена индивидуального опыта и системами, при-

надлежащими к другим, разным доменам (Горкин и др., 2015). Таким образом, подтверждено, что в состояние субъекта поведения входят в актуализированном виде наряду с системами актов данной, реализуемой формы поведения также и системы актов других форм поведения. Отношения между разными доменами опыта были изучены нами и у человека: в экспериментах с семантическим праймингом (Безденежных, Марченко, 2008). Показано, в частности, что существенным фактором, определяющим характеристики состояния субъекта поведения, является число систем в том домене опыта, элементы которого актуализируются в составе данного состояния (см.: Александров, 2009).

Теоретико-экспериментальный анализ актуализации систем разного «возраста» (т. е. сформированных на разных этапах индивидуального развития), входящих в структуру состояния субъекта поведения, в том числе особенностей нейронного обеспечения и психологической характеристики этих систем, привели к формулировке единой концепции сознания и эмоций (Александров, 1995б, 2006б; Alexandrov, 1999a, b; Alexandrov, Sams, 2005). Единая концепция сознания и эмоций использует недизъюнктивный подход к анализу проблемы сознания и эмоций. В основу концепции положено обоснованное во многих работах нами и другими авторами представление о том, что формирование новых систем в процессе индивидуального развития обусловливает прогрессивное увеличение дифференцированности в соотношении организма и среды. Нами приведены аргументы в пользу следующего центрального положения концепции: сознание и эмоции являются характеристиками разных, одновременно актуализируемых в составе состояния субъекта поведения систем, которые принадлежат разным уровням системной организации поведения. Эти уровни представляют собой трансформированные этапы развития и соответствуют различным уровням системной дифференциации. При этом эмоции характеризуют реализацию систем, формирующихся на самых ранних этапах индивидуального развития и обеспечивающих минимальный уровень дифференциации («хорошо–плохо»). Сознание – реализацию систем, формирование которых на более поздних этапах развития обусловливает прогрессивное увеличение дифференцированности в соотношении организма и среды. В ряде экспериментов было показано, что изменение представленности в состоянии субъекта поведения более и менее дифференцированных систем ведет к соответствующим изменениям выраженности указанных характеристик.

Эта концепция на протяжении более 20 лет применяется нами для формулировки гипотез и интерпретации результатов в самых разных проблемных полях психологии. Примером ее применения в исследовании связи языка, развития поведения в онтогенезе и эмоций является цикл работ (Александров, 2009; Колбенева, Александров, 2010; Kolbeneva, Aleksandrov, 2016), в которых показано, что, если человеку предложить представить (мысленно реализовать) рано сформированные виды поведения, например, связанные с обонятельными и вкусовыми ощущениями или ощущениями кожи тела, он будет оценивать возникающие у него при этом эмоции как более интенсивные, чем тогда, когда представляет поздно сформированные виды поведения, связанные со зрительными, слуховыми или осязательными ощущениями. Различие связывается с разным вкладом (бо́льшим для видов поведения первой группы) низкодифференцированных систем в состояние субъекта поведения, связанное с актуализацией опыта во внутреннем плане. Кроме того, время принятия решения при оценке представляемого поведения также соответствовало характеристикам состояния субъекта поведения: если человек представлял рано сформированные виды поведения, он оценивал их быстрее, чем поздно сформированные. Такая закономерность обусловлена, вероятно, тем, что рано формируемые виды поведения обеспечиваются меньшим числом функциональных систем, чем поздно формируемые, а актуализация меньшего числа систем занимает меньше времени.

Другим примером развития указанных представлений является формулировка нами представлений о системной основе регрессии. Под регрессией обычно понимается понижение «уровня организации» поведения, что *феноменологически* может выглядеть как возвращение его на более ранние стадии развития. Результаты теоретического и экспериментального анализа динамики субъективного опыта (от генетической и импульсной активности нейронов животных до просоциального поведения здоровых людей разного возраста и людей, страдающих хроническим заболеванием) в ситуациях, при которых может быть отмечена регрессия, в частности, стресс, болезнь, научение, эмоциональные состояния (Александров, 2009, 2016; Александров и др., 2017; Alexandrov et al., 2020a, b), позволили выявить сходство системной динамики, лежащей в основе развертывания регрессии в этих ситуациях. Во всех указанных ситуациях состояние субъекта поведения могло быть описано как *обратимая* дедифференциация – преходящее относительное увеличение представленности в актуализированном опыте низкодифференци-

рованных систем. Мы привели аргументы в пользу того, что именно системогенетическое («развитийное») значение дедифференциации, феноменологически описываемой как регрессия и являющейся общим механизмом перестройки взаимодействия организма со средой в разных ситуациях, в которых прошлые модели поведения стали малоэффективными, оказывается наиболее существенным фактором не только закрепления ее в эволюции как компонента стрессовой адаптации, но и вообще ее возникновения в тех ситуациях, которые предполагают формирование новых и масштабную модификацию имеющихся адаптаций в условиях значительного изменения внешней и/или внутренней среды.

Исследование холистичности и аналитичности мышления как культуроспецифичных характеристик состояний субъектов поведения, а также рассмотрение коэволюци типов ментальности и институциональных матриц позволило получить аргументы в пользу преимущественного развития холистических стратегий в незападных странах, в которых преобладают кооперативные формы взаимодействия, и аналитических – в западных, с преобладанием конкурентных форм взаимодействия (см.: Александров, Кирдина, 2012; Alexandrov, Kirdina, 2013; см. также текст Е. А. Мамчур: Аршинов и др., 2016, с. 20). Нами было показано, что системная организация поведения, связанного с конкурентными и кооперативными формами социального взаимодействия, различна для субъектов с аналитическим и холистическим мышлением. Обнаружена бóльшая чувствительность межсистемных отношений у холистичных субъектов к разным формам социального взаимодействия (Апанович и др., 2016; Apanovich et al., 2018). Выявлено, что для субъектов с аналитическим мышлением процесс актуализации систем в рамках состояния субъекта поведения происходит быстрее при конкурентных формах взаимодействия, а у субъектов с холистическим мышлением – в кооперативных.

Моральная оценка действий является важной составляющей адаптивного поведения человека в обществе и рассматривается нами как специальная характеристика целостного поведения индивида (Александров, Александрова, 2009). Особенности моральной оценки определяются набором систем, составляющих структуру опыта субъекта, и межсистемными отношениями, которые связаны с оценкой (самоотчетом) им собственного поведения с позиций «наблюдающего» за ним общества. Моральные оценки меняются с возрастом и обладают спецификой у мужчин и женщин, а также представителей разных культур (Арутюнова, Александров, 2016; Arutyunova et al.,

2016). Полученные нами результаты указывают на то, что моральная оценка осуществляется на основе актуализации систем разного возраста и степени дифференцированности: интуитивная оценка действий, которой субъект обучается с раннего возраста, основана на актуализации преимущественно низкодифференцированного опыта и протекает в сходной форме у представителей разных социокультурных групп; рациональная оценка действий обеспечивается преимущественно актуализацией высокодифференцированного опыта, сформированного на более поздних стадиях индивидуального развития субъекта, и обладает выраженной социокультурной спецификой. Мы показали, что моральная оценка осуществляется главным образом интуитивно на основе актуализации низкодифференцированных систем: алкоголь (который, как мы показали в ряде работ, в большей степени блокирует наиболее новые, дифференцированные системы) в первую очередь угнетает процессы рационального рассуждения, не нарушая интуитивную оценку действий (Арутюнова и др., 2017). Кроме того, в ситуации моральной оценки прием алкоголя был связан с изменением динамики сердечного ритма (рост частоты сердечных сокращений и снижение вариабельности RR-интервалов), уменьшением выборочной энтропии, что может рассматриваться как физиологический индикатор системной дедифференциации (регрессии) – обратимого снижения вклада активности высокодифференцированных систем в обеспечение поведения (Бахчина, Александров, 2107; Bakhchina et al., 2018)[1]. Также с помощью оценки динамики сердечного ритма было показано, что разные типы морального решения (действовать/не действовать) обеспечиваются актуализацией индивидуального опыта разной сложности (Arutyunova et al., 2020).

Мы проанализировали в терминах изменения состояний субъекта поведения и становление чувства справедливости у детей 4–11 лет. Анализ проведен на основе результатов исследования решений моральных дилемм «свой»–«чужой» в ситуации реализации поведения, направленного на согласование оппонентных целей: оказание необязательной помощи члену своей группы, потому что он – «свой», и жизненно необходимой помощи члену чужой группы. Приведены аргументы в пользу того, что решение в пользу «своего» основа-

1 Результаты системного анализа механизмов моральной оценки действий недавно суммированы нами в книге «Мораль и субъективный опыт» (Арутюнова, Александров, 2019), важной частью которой является послесловие ведущего специалиста в области философии морали, заведующего сектором этики Ин-та философии РАН Р. Г. Апресяна.

но на актуализации более древних систем, лежащих в основе парохиального альтруизма, непотизма и т. д., тогда как в основе выбора помощи «чужому» лежит актуализация более поздно сформированных систем. В пользу этого предположения свидетельствуют данные о том, что старшие дети достоверно чаще предпочитают помогать «чужому», нежели младшие дети (Sozinova et al., 2017). Состояние субъекта поведения при реализация более поздно сформированного поведения (решение в пользу «чужого») характеризуется выраженным «межсистемным рассогласованием», которое проявляется в большем значении индекса вегетативного баланса у детей, чаще встающих на сторону «чужого», чем у детей, чаще встающих на сторону «своего». Вероятно, это рассогласование отражает процессы научения и обусловлено реализацией вновь сформированного поведения, обеспечиваемого актуализацией систем разного возраста, направленных на достижение ранее не согласованных целей (Созинова и др., 2017). Можно полагать, что важную роль в актуальном состоянии субъекта поведения играет сознательный контроль собственного поведения, т. е. внутренний отчет «перед обществом» о соблюдении моральных норм, т. е. о соответствии достигаемого индивидом результата «коллективному результату» социума (Александров, Александрова, 2009). Так, снижение уровня сознательного контроля собственного поведения при отсутствии видимого внешнего контроля в лице экспериментатора во время решения моральных дилемм приводит к реализации более рано сформированного поведения, увеличению доли поддержки «своего» (Созинова и др., 2018). Кроме того, стресс, при котором блокируется актуализация в большей степени дифференцированных систем сравнительно поздно сформированного поведения (Александров и др., 2017), обусловливает регрессию взрослых людей, как правило, в контроле выбирающих вариант жизненно необходимой помощи члену чужой группы — «чужому», к «детскому» способу решения: «свой всегда прав» (Знаменская и др., 2016).

***

В рамках изложенных выше представлений, развитых в системной психофизиологии, оказывается, что молекулярная биология, физиология, психофизиология, психология, социология, культурология и другие дисциплины рассматривают закономерности, характеризующие разные звенья и стороны единого цикла: от структуры субъективного опыта к структуре сообщества; затем через совместную деятельность и достижение коллективных результатов к структуре культуры; от нее через «культурно-комплементарные» геномы сооб-

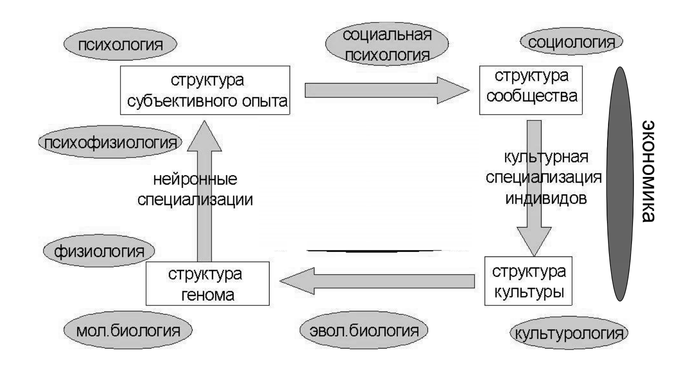

Рис. 1. Исследовательские проблемные поля и *некоторые* дисциплины, связанные с ними

щества[1] к индивидуальным нейронным специализациям, и от последних – к структуре субъективного опыта (см. рисунок 1, а также: Крылов, Александров, 2008).

При этом в качестве междисциплинарной нередукционистской методологии, в качестве «концептуального моста» (по выражению П. К. Анохина, 1984) для этих взаимосвязанных и взаимозависимых дисциплин может быть использована методология теории функциональных систем, в частности системно-эволюционная парадигма[2].

Та опасность междисциплинарных исследований, о которой шла речь выше, может быть названа «методологической». Пути ее преодоления, как было показано, имеются. Но она не является единственной. Кроме уже упомянутых выше («организационных»), есть еще и опасность уменьшения глубины, современности исследований в интегрируемых направлениях. Эта проблема решаема широкой междисциплинарной кооперацией и такой же экспертизой.

1 Здесь комплементарность означает, что генетические предиспозиции и связанные с ними «культурные специализации» индивидов согласованны и взаимодополнительны внутри данного сообщества. См. о формировании комплементарного генома сообщества в процессе ген-культурной коэволюции: Александров, Александров, 2009.

2 Системно-эволюционная парадигма, оперирующая представлениями об «исторически развивающихся системах», может рассматриваться в качестве междисциплинарной; она продолжает соответствовать «современным тенденциям синтеза научных знаний... на основе принципов универсального эволюционизма, объединяющих в единое целое идеи системного и эволюционного подходов» (Степин, Кузнецова, 1994, с. 196).

Есть и такая опасность, которую можно условно назвать «личностной». На эту опасность обратил внимание И. С. Кон: «Междисциплинарность имеет и личностный аспект. Если твоя проблематика представляет широкий общественный интерес, это приносит [скорее, может приносить] популярность, но одновременно обрекает на интеллектуальное одиночество. Хотя тебя все вроде бы знают, ты везде остаешься более или менее посторонним. <…> С возрастом чувство посторонности генерализуется и усиливается» (Кон, 2008, с. 392). Намеревающийся сконцентрироваться на междисциплинарных проблемных полях должен иметь в виду вероятность возникновения такой неприятной проблемы. Здесь есть, правда, одно важное отличие от двух других опасностей: столкновение с этой опасностью не останется для исследователя незамеченным.

Литература

Абульханова К. А., Александров Ю. И., Брушлинский А. В. Комплексное изучение человека // Вестник РГНФ. 1996. № 3. С. 11–19

Александров И. О. Формирование структуры индивидуального знания. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006а.

Александров Ю. И. Предисловие // В. Б. Швырков. Введение в объективную психологию. Нейрональные основы психики / Под ред. Ю. И. Александрова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1995а. С. 7–12.

Александров Ю. И. Сознание и эмоции // Теория деятельности и социальная практика. 3-й международный конгресс. М.: Физкультура, образование, наука, 1995б. С. 5–6.

Александров Ю. И. О «затухающих» парадигмах, телеологии, «каузализме» и особенностях отечественной науки // Вопросы психологии. 2005. № 5. С. 155–158.

Александров Ю. И. От эмоций к сознанию// Психология творчества: школа Я. А. Пономарева / Под ред. Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006б. С. 293–328.

Александров Ю. И. Дифференциация и развитие // Теория развития: Дифференционно-интеграционная парадигма. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 19–28.

Александров Ю. И. Системно-эволюционный подход: наука и образование // Культурно-историческая психология. 2009а. № 4. С. 33–42.

Александров Ю. И. Регрессия // 7-я международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов / Отв. ред. Ю. И. Алек-

сандров, К. В. Анохин. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 100–101.

Александров Ю. И., Александрова Н. Л. Комплементарность культуроспецифичных типов познания // Теоретические и эмпирические исследования // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. «Психология». 2010а. № 1. С. 22–35.

Александров Ю. И., Александрова Н. Л. Комплементарность культуроспецифичных типов познания // Теоретические и эмпирические исследования // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. «Психология». 2010б. № 3. С. 18–34.

Александров Ю. И., Александрова Н. Л. Субъективный опыт, культура и социальные представления. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

Александров Ю. И., Кирдина С. Г. Типы ментальности и институциональные матрицы: мультидисциплинарный подход // Социологические исследования. 2012. № 8. С. 3–12.

Александров Ю. И., Сварник О. Е., Знаменская И. И., Колбенева М. Г., Арутюнова К. Р., Крылов А. К., Булава А. И. Регрессия как этап развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.

Александров Ю. И., Шевченко Д. Г., Горкин А. Г., Гринченко Ю. В. Динамика системной организации поведения в его последовательных реализациях // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 2. С. 82–89.

Александрова Н. Л., Александров Ю. И. Вестернизация и девестернизация социальных представлений: российская выборка // Развитие психологии в системе комплексного человекознания. Часть 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 178–181

Анохин П. К. От Декарта до Павлова. М.: Медгиз, 1945.

Анохин П. К. Очерки по физиологии функциональных систем. М.: Медицина, 1975.

Анохин П. К. Идеи и факты в разработке теории функциональных систем // Психологический журнал. 1984. Т. 5. № 2. С. 107–108.

Анохин П. К. Проблема центра и периферии в современной физиологии нервной деятельности // П. К. Анохин. Очерки по физиологии функциональных систем. М.: Медицина, 1975. С. 63–107.

Анохин П. К. Роль системного аспекта в разработке пограничных проблем нейрофизиологии и психологии // Биомашсистемы. 2018. Т. 2. № 4. С. 22–30.

Апанович В. В., Безденежных Б. Н., Знаков В. В., Самс М., Яаскелайнен И., Александров Ю. И. Различия мозгового обеспечения индивидуального, кооперативного и конкурентного поведения у субъек-

тов с аналитическим и холистическим когнитивными стилями // Экспериментальная психология. 2016. Т. 9. № 2. С. 5–22. doi: 10.17759/exppsy.2016090202.

Арутюнова К. Р., Александров Ю. И. Факторы пола и возраста в моральной оценке действий // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 2. С. 79–91. doi: 10.7868/S0205959217050075.

Арутюнова К. Р., Александров Ю. И. Мораль и субъективный опыт. М.: Изд-во «Института психологии РАН», 2019.

Арутюнова К. Р., Бахчина А. В., Александров Ю. И. Воздействие алкоголя на сердечный ритм и оценку действий при решении моральных дилемм // Экспериментальная психология. 2017. Т. 10. № 1. С. 5–22. doi: 10.17759/exppsy.2017100102.

Аршинов В. И., Буданов В. Г., Горохов В. Г., Киселева М. С., Киященко Л. П., Кузнецов В. Ю., Лапин Н. И., Лекторский В. А., Мамчур Е. А., Никольский С. А., Пирожкова С. В., Розин В. М., Степин В. С., Юдин Б. Г., Ярославцева Е. И., Бургете Аяла М. Р. Проблема междисциплинарности в контексте реформ российской науки. Материалы «Круглого стола» // Философия науки и техники. 2016. Т. 21. № 1. С. 5–35.

Бахчина А. В., Александров Ю. И. Сложность сердечного ритма при временной системной дедифференциации // Экспериментальная психология. 2017. Т. 10. № 2. С. 114–130. doi: 10.17759/exppsy.2017100210.

Безденежных Б. Н., Марченко О. П. Категоризация слов как способ изучения межсистемных отношений // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 3. С. 77–85.

Бернштейн Н. А. Физиология движений и активность. М.: Наука, 1990.

Богданов А. А. Всеобщая организационная наука (тектология). М.: Т-во «Книгоиздательство писателей в Москве», 1913–1917. Т. 1–2.

Борзенков В. Г. Имеется ли будущее у редукции как основания научного знания // Будущее фундаментальной науки: Концептуальные, философские и социальные аспекты проблемы / Под ред. А. А. Крушанова, Е. А. Мамчур. 2011. М.: Красанд. С. 109–131.

Глаголев М. В., Фастовец И. А. Апология редукционизма (редукционизм – как мировоззренческая основа математического моделирования) // Динамика окружающей среды и глобальные изменения климата. 2012. Т. 3. № 2 (6). С. 1–24.

Велихов Е. П., Котов А. А., Лекторский В. А., Величковский Б. М. Междисциплинарные исследования сознания: 30 лет спустя // Вопросы философии. 2018. № 12. С. 5–17.

Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера / Предисловие Р. К. Баландина. М.: Айрис-Пресс, 2004.

Выготский Л. С. Собрание сочинений. М.: Педагогика, 1982. Т. 1.

Гейзенберг В. Физика и философия. М.: Наука, 1989.

Горкин А. Г., Рождествин А. В., Чистова Ю. Р. Реконструкция отношений компонентов субъективного опыта по активности специализированных нейронов // Нейрокомпьютеры: разработка, применение. 2015. № 4. С. 29–30.

Горкин А. Г., Шевченко Д. Г. Различия в активности нейронов лимбической коры кроликов при разных стратегиях обучения // Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова. 1995. Т. 45. № 1. С. 90–100.

Грэхэм Л. Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М.: Изд-во политической лит-ры, 1991.

Декарт Р. Рассуждение о методе. М.: Академический проект, 2011.

Журавлев А. Л. Особенности междисциплинарных исследований в психологической науке // Психология. Современные направления междисциплинарных исследований / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. В. Тарабриной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003. С. 7–20.

Журавлева Н. А. Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.

Знаков В. В. Психология возможного. Новое направление исследований понимания. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020.

Знаменская И. И., Марков А. В., Бахчина А. В., Александров Ю. И. Отношение к «чужим» при стрессе: системная дедифференциация // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 4. С. 44–58.

Иванов-Смоленский А. Г. Естествознание и наука о поведении человека. Учение об условных рефлексах и психология. М.: Работник просвещения, 1929.

Кандель Э. В поисках памяти. М.: Астрель, 2012.

Капица П. Л. О науке и власти. Письма. М.: Правда, 1990.

Клайн М. Математика, утрата определенности. М.: Мир, 1984.

Ковальчук М. В. Конвергенция наук и технологий – прорыв в будущее // Российские нанотехнологии. 2011. Т. 6. № 1–2. С. 13–23.

Колбенева М. Г., Александров Ю. И. Органы чувств, эмоции и прилагательные русского языка. Лингво-психологический словарь. М.: Языки славянских культур, 2010.

Кон И. С. 80 лет одиночества. М.: Время, 2008.

Крылов А. К., Александров Ю. И. Парадигма активности: от методологии эксперимента к системному описанию сознания и культуры // Компьютеры, мозг, познание: успехи когнитивных наук / Отв. ред. Б. М. Величковский, В. Д. Соловьев. М.: Наука, 2008. С. 133–160.

Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975.

Лекторский В. А. «Альтернативные миры» и проблема непрерывности опыта // Природа научного знания: Логико-методологический аспект / Под ред. М. А. Ельяшевича и др. Минск, 1979. С. 57–105.

Ломов Б. Ф. Системность в психологии // Избранные психологические труды / Под ред. В. А. Барабанщикова, Д. Н. Завалишиной, В. А. Пономаренко. М.: Московский психосоциальный институт; Воронеж: НПО «Модэк», 2003.

Лурия А. Р. Основы нейропсихологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973.

Лурия А. Р. О месте психологии в ряду социальных и биологических наук // Вопросы философии. 1977. № 9. С. 68–76.

Максимова Н. Е., Александров И. О., Тихомирова И. В., Филиппова Е. В. Типология интуитивного, рационального и формирование структуры индивидуального знания // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 1. С. 43–60.

Микешина Л. А. Редукционизм как проблема философии науки и эпистемологии // Эпистемология и философия науки. 2013. Т.37. № 3. С. 5–13.

Нагел Т. Мыслимость невозможного и проблема духа и тела // Вопросы философии. 2001. № 8. С. 101–112.

Огурцов А. П. Этапы интерпретации системности научного знания (античность и новое время) // Системные исследования. М.: Наука, 1974. С. 154–186.

Павлов И. П. Полное собрание сочинений. Т. 3. Кн. 2. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1951.

Полани М. Личностное знание: на пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985.

Пономарев Я. А. Психология творения. М.: Московский психосоциальный институт; Воронеж: НПО «Модэк», 1999.

Прист С. Теории сознания. М.: Идея-Пресс, 2000.

Роуз С. Устройство памяти от молекул к сознанию. М.: Мир, 1995.

Рузавин Г. И. Научная теория: логический и методологический анализ. М.: Мысль, 1978.

Садовский В. Н. Модели научного познания и их философские интерпретации // Вопросы философии. 1983. № 6. С. 38–48.

Сварник О. Е., Анохин К. В., Александров Ю. И. Опыт первого, «вибриссного», навыка влияет на индукцию экспрессии c-Fos в нейронах бочонкового поля соматосенсорной коры крыс при обучении второму, «невибриссному», навыку // Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова. 2014. Т. 64. № 1. С. 77–81. doi: 10.7868/S0044467713060178.

Селье Г. От мечты к открытию: Как стать ученым. Послесловие М. Г. Ярошевского, И. С. Хорола. М.: Прогресс, 1987.

Созинова И. М., Бахчина А. В., Александров Ю. И. Изменение показателей сердечного ритма до, во время и после решения моральных дилемм детьми 4–11 лет // Экспериментальная психология. 2017. Т. 10. № 3. С. 97–109. doi: 10.17759/exppsy.2017100307.

Созинова И. М., Пескова П. А., Александров Ю. И. Решение моральных дилемм «свой»–«чужой» детьми 4–11 лет при отсутствии видимого внешнего контроля // Вопросы психологии. 2018. № 2. С. 53–63.

Степин В. С., Кузнецова Л. Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М.: Изд-во «Институт философии РАН», 1994.

Триандис Г. К. Культура и социальное поведение. М.: Форум, 2007.

Тулмин С. Моцарт в психологии. 1981. № 10. С. 127–137.

Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции / Пер. с англ. М. Б. Левина. М.: АСТ–Люкс, 2004.

Черниговская Т. В. Нейронаука в поисках смыслов: мозг как барокко? // Вопросы философии. 2021. № 1. С. 17–26.

Швырков В. Б. Введение в объективную психологию. Нейрональные основы психики. Избранные труды / Под. ред. Ю. И. Александрова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.

Шишкин М. А. Индивидуальное развитие и уроки эволюционизма // Онтогенез. 2006. Т. 37. № 3. С. 179–198.

Юдин Б. Г. Единство и многообразие биологического познания // Вопросы философии. 1983. № 6. С. 69–79.

Юревич А. В. Методология и социология психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.

Юревич А. В., Цапенко И. П. Нужны ли России ученые? М.: Эдиториал УРСС, 2001.

Ярошевский М. Г. Наука о поведении: русский путь. М.: Институт практической психологии, 1996.

Aleksandrov Yu. I. How we fragment the world: the view from inside versus the view from outside // Social Science Information. Spec. issue: Cognitive technologies. 2008. V. 47. P. 419–457.

Alexandrov Yu. I. Psychophysiological regularities of the dynamics of individual experience and the "stream of consciousness" // Neuronal bases and psychological aspects of consciousness / C. Teddei-Ferretti, C. Musio (Eds). Singapour–N. Y.–London–Hong-Kong: World Scientific, 1999a. P. 201–219. doi: 10.1142/9789814313254_0017.

Alexandrov Yu. I. Comparative description of consciousness and emotions in the framework of systemic understanding of behavioral continuum and individual development // Neuronal bases and psychological aspects of consciousness / C. Teddei-Ferretti, C. Musio (Eds). Singapour–N. Y.–London–Hong-Kong: World Scientific, 1999b. P. 220–235. doi: 10.1142/9789814313254_0018.

Alexandrov Yu. I. The subject of behavior and dynamics of its states // Russian Psychological Journal. 2018. V. 15. № 2/1. P. 131–150. doi: 10.21702/rpj.2018.2.1.8.

Alexandrov Y., Feldman B., Svarnik O., Znamenskaya I., Kolbeneva M., Arutyunova K., Krylov A., Bulava A. Regression I. Experimental approaches to regression // Journal of Analytical Psychology. 2020a. V. 65. P. 345–365. doi: 10.1111/1468–5922.12580.

Alexandrov Y., Feldman B., Svarnik O., Znamenskaya I., Kolbeneva M., Arutyunova K., Krylov A., Bulava A. Regression II. Development through regression // Journal of Analytical Psychology. 2020b. V. 65. P. 476–496. doi: 10.1111/1468-5922.12596.

Alexandrov Y. I., Grinchenko Yu. V., Shevchenko D. G., Averkin R. G., Matz V. N., Laukka S., Korpusova A. V. A subset of cingulate cortical neurons is specifically activated during alcohol-acquisition behavior // Acta Physiologica Scandinavica. 2001. V. 171. P. 87–97. doi: 10.1046/j.1365-201X.2001.00787.x.

Alexandrov Y., Kirdina S. Toward integration of social mental and institutional models: systemic approach // Montenegrin Journal of Economics. 2013. V. 9. P. 7–15. URL: http://repec.mnje.com/mje/2013/v09-n01/mje_2013_v09-n01-a11.html (дата обращения: 21.07.2015).

Alexandrov Y. I., Sams M. E. Emotion and consciousness: Ends of a continuum // Cognitive Brain Research. 2005. V. 25. P. 387–405. doi: 10.1016/j.cogbrainres.2005.08.006.

Apanovich V. V., Bezdenezhnykh B. N., Sams M., Jääskeläinen I. P., Alexandrov Yu. I. Event-related potentials during individual, cooperative and competitive task performance differ in subjects with analytic vs holistic thinking // International Journal of Psychophysiology. 2018. V. 123. P. 136–142. doi: 10.1016/j.ijpsycho.2017.10.001.

Arutyunova K. R., Alexandrov Yu. I., Hauser M. D. Sociocultural influences on moral judgments: East–West, male–female and young–old // Frontiers in Psychology. 2016. V. 7. 1334. P. 1–15. doi: 10.3389/fpsyg.2016.01334.

Arutyunova K. R., Bakhchina A. V., Sozinova I. M., Alexandrov Y. I. Complexity of heart rate variability during moral judgement of actions and omissions // Heliyon. 2020. V. 6. e05394. P. 1–8. doi: 10.1016/j.heliyon.2020.e05394.

Bakhchina A. V., Arutyunova K. R., Sozinov A. A., Demidovsky A. V., Alexandrov Y. I. Sample entropy of the heart rate reflects properties of the system organization of behavior // Entropy. 2018. V. 20. 449. P. 1–22. doi: 10.3390/e20060449.

Barton J., Haslett T. Analysis, synthesis, systems thinking and the scientific method: rediscovering the importance of open systems // Systems Research and Behavioral Science: The Official Journal of the International Federation for Systems Research. 2007. V. 24. P. 143–155.

Bechara A., Damasio H., Tranel D., Damasio A. R. Deciding advantageously before knowing the advantageous strategy // Science. 1997. V. 275. P. 1293–1295.

Bunge M. What kind of discipline is psychology: autonomous or dependent, humanistic or scientific, biological or sociological // New ideas in psychology. 1990. V. 8. P. 121–137.

Chalmers D. J. Facing up to the problem of consciousness // Journal of Consciousness Studies. 1995. V. 2. P. 200–219.

Chalmers D. J. E-mail to J. LeDoux on Febraury 19, 2015.

Churchland P. M., Churchland P. S. Intertheoretic reduction: A neuroscientist's field guide // The Mind–Body Problem / R. Warner, T. Szubka (Eds). Oxford: Blackwell, 1994.

Churchland P. S. Neurophilosophy. Toward a unified science of the mind–brain. London: A Bradford Book, 1986.

Crick F. The Astonishing Hypothesis. N. Y.: Charles Scribner's Sons, 1994.

Crick F., Koch Ch. Towards a neurobiological theory of consciousness // Seminars in the Neuroscience. 1990. V. 2. P. 263–275

Dennett D. C. Consciousness explained. UK: Penguin, 1993.

Dudai Y. Memory from A to Z. Keywords, Concepts and Beyond. N. Y.: Oxford University Press, 2004.

Edelman G. M. The remembered Present. N. Y.: Basic Books, 1989.

Fischer K. W., Bidell T. R. Dynamic development of action, thought and emotion // W. Damon, R. M. Lerner (Eds). Theoretical models of human development. Handbook of child psychology. 6th ed. V. 1. N. Y.: Wiley, 2006. P. 313–399.

Fleck L. Genesis and development of a scientific fact / T. J. Trenn, R. K. Merton (Eds). Chicago: The University of Chicago Press, 1979 (orig. publ. in German, 1935).

Fodor J. A critique of physiological reductionism // Scientific inquiry. Readings in philosophy of science / Ed. by R. Klee. N. Y.–Oxford: Oxford University Press. 1999. P. 131–141.

Gavin W. J., Blakeley T. J. Russia and America: A philosophical comparison. Development and change of outlook from the 19th to the 20th century.

Dordrecht, Holland/Doston, U. S. A.: D. Reidel publishing company, 1976.

Gold I., Stoljar D. A neuron doctrine in the philosophy of neuroscience // Behavioral and Brain Sciences. 1999. V. 22. P. 809–869.

Graham L., Kantor J.-M. A comparison of two cultural approaches to mathematics. France and Russia, 1890–1930 // Journal of The History of Science Society. 2006. V. 97. P. 56–74.

Greenspan R. J., Baars B. J. Consciousness eclipsed: Jacques Loeb, Ivan P. Pavlov and the rise of reductionistic biology after 1900 // Consciousness and Cognition. 2005. V. 14. P. 219–230.

Hameroff S., Nip A., Porter M., Tuszynski J. Conduction pathways in microtubules, biological quantum computation and consciousness // Biosystems. 2002. V. 64. P. 149–168. doi: 10.1016/s0303-2647(01)00183-6.

Hameroff S., Penrose R. Consciousness in the universe: A review of the 'Orch OR' theory // Physics of life reviews. 2014. V. 11. P. 39–78. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1571064513001188 (дата обращения: 21.07.2015).

Henrich J., Heine S. J., Norenzayan A. The weirdest people in the world?// Behavioral and Brain Sciences. 2010. V. 33. P. 61–83.

Holden C. Russians and Americans gather to talk psychobiology // Science. 1978. V. 200. P. 631–634.

Hurd P. D. H. Inventing Science Education for the New Millennium. N. Y.: Teachers College Press, 1997.

Jenkins E. School science: a questionable construct? // Journal of Curriculum Studies. 2007. V. 39. P. 265–282.

Járos G. Holism revisited: Its principles 75 years on // World Futures: The Journal of General Evolution. 2002. V. 58. P. 13–32.

King R. D., Rowland J., Oliver S. G., Young M., Aubrey W., Byrne E., Liakata M., Markham M., Pir P., Soldatova L. N., Sparkes A., Whelan K. E., Clare A. The automation of science // Science. 2009. 324. P. 85–89. doi: 10.1126/science.1165620.

Koch C. Consciousness: confessions of a romantic reductionist. Cambridge–London: The MIT Press, 2012.

Kolbeneva M. G., Aleksandrov Yu. I. Mental reactivation and pleasantness judgment of experience related to vision, hearing, skin sensations, taste and olfaction // PLoS ONE. 2016. V. 11. e0159036. doi: 10.1371/journal.pone.0159036.

Kosslyn S. M., Koenig O. Wet mind: The new cognitive neuroscience. N. Y.: Free Press, 1992.

Kuo Z. Y. The fundamental error of the concept of purpose and the trial and error fallacy // Psychological Review. 1928. V. 35. P. 414–433.

Kuzina E.A., Aleksandrov Y.I. Characteristics of the neuronal support for operative behavior formed by mono- and multistep methods // Neuroscience and Behavioral Physiology. 2020. V. 50. P. 710–721. doi: 10.1007/s11055-020-00959-2.

LeDoux J. Anxious. Using the brain to understand and treat fear and anxiety. N.Y.: Viking, 2015.

Lewontin R.C., Levins R. Aspects of wholes and parts in population biology// Evolution of social behavior and integrative levels. The T.C. Schneirla Conference Series. V. 3 / Eds G. Greenberg, E. Tobach. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 1988. P. 31–52.

Lickliter R. An ecological approach to behavioral development: insights from comparative psychology // Ecological psychology. 2000. V. 14. P. 319–334.

Midgley M. The ethical primate. Humans, Freedom and Morality. London–N.Y.: Routledge. 1994.

Midgley M. Why memes? // Alas, poor Darwin: Arguments against evolutionary psychology / H. Rose, S. Rose (Eds). London: Jonathan Cape, 2000. P. 67–84. http://hdl.handle.net/10822/546593.

Miller G.A. Mistreating psychology in the decades of the brain // Perspectives on Psychological Science. 2010. V. 5. P. 716–743.

Murphy N. Avoiding neurobiological reductionism: the role of downward causation in complex systems // Moral Behavior and Free Will. A Neurological and Philosophical Approach / J. Juan, A. Sanguineti, J. Acerbi, A. Lombo (Eds). Vatican City: IF Press, 2011. P. 200–222.

Nisbett R.E., Peng K., Choi I., Norenzayan A. Culture and systems of thought: Holistic vs analytic cognition // Psychological Review. 2001. V. 108. P. 291–310.

Odum E.P. The emergence of ecology as a new integrative discipline // Science. 1977. V. 195. P. 1289–1293.

Ogihara Y. Temporal changes in individualism and their ramification in Japan: rising individualism and conflicts with persisting collectivism // Frontiers in Psychology. 2017. V. 8. Article 695. doi: 10.3389/fpsyg.2017.00695.

Poynton J.C. Smuts's holism and evolution sixty years on // Transactions of the Royal Society of South Africa. 1987. V. 46. P. 181–190. doi: 10.1080/00359198709520121.

Raudsepp M. Why is it so difficult to understand the theory of social representations? // Culture & Psychology. 2005. V. 11. P. 455–468.

Rear D. Persisting values in the Japanese workplace: managerial attitudes towards work skills // Routledge, Japan Forum. P. 1–21. doi: 10.1080/09555803.2020.1726434.

Schall J.D. Neural basis of deciding, choosing and acting // Nature Review Neuroscience. 2001. V. 2. P. 33–42.

Smuts J. C. Holism and evolution. N. Y.: The Macmillan Company, 1926.
Sozinova I. M., Sozinov A. A., Laukka S. J., Alexandrov Yu. I. The prerequisites of pro-social behavior in human ontogeny // International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education (IJCRSEE). 2017. V. 5. P. 57–63. doi: 10.5937/IJCRSEE1701057S.
Svarnik O. E., Alexandrov Yu. I., Gavrilov V. V., Grinchenko Yu. V., Anokhin K. V. Fos expression and task-related neuronal activity in rat cerebral cortex after instrumental learning // Neuroscience. 2005. V. 136. P. 33–42. doi: 10.1016/j.neuroscience.2005.07.038.
Xu L. D., Li L. X. Complementary opposition as a systems concept // Systems Research. 1989. V. 6. P. 91–101. doi: 10.1002/sres.3850060202.
Verschuren P. J. M. Holism versus reductionism in modern social science research // Quality and Quantity. 2001. V. 35. P. 389–405. doi: 10.1023/A:1012242620544.
Wilson E. O. Consilience. The unity of knowledge. N. Y.: A. A. Knoff, 1998.

Роль дискуссии в развитии научного знания

А. Н. Лебедев

doi: 10.38098/thry_21_0434_009

Qui nimium probat, nihil probat[1].

Фраза, приведенная в качестве эпиграфа, является весьма спорной (дискуссионной). Суть дискуссии – альтернативность мнений. Термин *«дискуссия»* образован от слова *discussio,* что означает «рассмотрение, исследование». В первооснове это не спор, а именно «исследование». Считается, что дискуссией нужно называть только тот способ обмена противоположными мнениями (аргументами), который основан на корректном отношении спорящих друг к другу. Некоторые авторы утверждают, что отличительной чертой дискуссии является отсутствие четкого тезиса, т. е. однозначно сформулированного суждения, которое обосновывается в процессе аргументации и сохраняется на всем протяжении спора – обсуждается лишь некая тема. Другие, наоборот, настаивают на том, что тезис и антитезис обязательны для спора, который можно назвать дискуссией (Novikoff, 2013).

На практике, однако, отличия между понятиями дискуссии, спора, диспута, полемики, дебатов, прений, форума и другими подобными весьма условны. Признак четкого сформулированного тезиса или его отсутствия сегодня уже не характеризует именно дискуссию или какой-либо иной вид спора. Опираясь на классификацию аргументации Аристотеля, некоторые авторы предлагают различать: аподиктическую, эристическую, софистическую и диалектическую дискуссию (Кубракова, 2006).

Так, аподиктическая и диалектическая дискуссии предполагают формулирование тезиса и антитезиса, наличие аргументов, отсутствие противоречий в рассуждениях. Эти виды дискуссии требуют точных определений, фактов и обоснованных доказательств. Участники дискуссии осуществляют взаимную проверку досто-

1 Кто слишком много доказывает, тот ничего не доказывает (*лат.*).

верности аргументов. При этом отсутствует атмосфера враждебности.

Цель эристической и софистической дискуссий состоит не в достижении истины, а в том, чтобы сделать противника единомышленником, любыми средствами убедить его в своей правоте, заставить признать поражение. При таких спорах часто происходит подмена понятий, игнорируются очевидные истины и факты. Более того, при таких дискуссиях истина спорящих чаще всего не интересует. Составной частью эристики является рабулистика – искусство изощренной аргументации и манипулирования собеседником (Шопенгауэр, 1900).

Отношение к дискуссионности общения во многом характеризует отношение ученого или философа к пониманию сущности сознания. Те, кто утверждают, что сознание способно усматривать суть и сущность вещей, например, до опыта или даже вне его, обычно не принимают дискуссию как метод получения нового знания. Те же, кто не уверен в совершенстве индивидуального сознания, обычно вслед за Сократом утверждают, что лишь «в споре рождается истина». Хотя, по свидетельству историков, сам Сократ использовал это изречение в другом смысле – призывал не доказывать собственную точку зрения, а внимательно слушать собеседника и искать противоречия в том, что тот говорит. Именно Сократа многие считают родоначальником диалектической дискуссии (Novikoff, 2013).

Роль дискуссии в истории науки

Известно, что появлению современной экспериментальной науки человечество обязано дискуссии между Галилеем и схоластами, т. е. последователями греческого философа Аристотеля, который жил за 2000 лет до него. Если бы Галилей руководствовался правилом, в соответствии с которым новое знание, подход или метод обязательно должны рождаться в рамках некоей научной традиции или школы, он никогда бы не сформулировал теоретические основы экспериментальной физики и научной космологии и тем самым – всей современной науки в целом (Зубов, 2009).

Эксперименты Галилея опровергли умозрительные идеи Аристотеля о том, что предметы падают на землю пропорционально их массе, концепцию Птолемея о том, что Земля находится в центре Вселенной, а сама Вселенная вращается вокруг Земли и др. Самостоятельно сконструировав телескоп, Галилей обнаружил спутники у Юпитера, пятна на Солнце, движение планет вокруг собственных

осей, эмпирически доказал гелиоцентрическую теорию Коперника и мн. др.

Следует отметить, что дискуссии, в которых участвовал Галилей, с его стороны подкреплялись научными фактами, результатами экспериментальных исследований с приборами, которые он сам создавал. В 1611 г. Галилей отправился в Рим, чтобы убедить Папу Павла V в том, что идеи Коперника вполне совместимы с католицизмом. Однако аргументы и доказательства Галилея были неубедительными для тех, кто верил лишь Аристотелю и Священному Писанию, поэтому 5 марта 1616 г. Рим официально объявил гелиоцентризм опасной ересью, а Галилей чудом избежал смертной казни на костре (Шрейдер, 1993).

Католическая церковь признала, что была неправа, лишь 31 октября 1992 г. Папа Иоанн Павел II официально заявил, что инквизиция в 1633 г. совершила ошибку, когда заставила Галилея отречься от теории Коперника и своих аргументов. Получается, что Галилей победил в дискуссии, но на это ушло более 300 лет.

По мнению некоторых авторов, желание дискутировать у Галилея определялось не только логикой исследований, но и его личностными особенностями – Галилей терпеть не мог схоластов (Кирсанов, 1987). Действительно, на практике психологическая основа дискуссии – это зачастую нежелание определенного круга лиц следовать сложившимся стереотипам, традициям, устаревшим понятиям и пр. Такие люди выступают инициаторами дискуссий. Они часто сомневаются в истинности существующих знаний, не доверяют авторитетам и не преклоняются перед ними, обладают способностью видеть противоречия, проблемы, сомневаться и задавать неудобные вопросы. Разумеется, эти люди не всегда правы, однако их отсутствие неизбежно приводит к застойным явлениям в любых сферах жизни и особенно в науке.

В современной отечественной психологии, по-видимому, были и есть два типа ученых. Ученые первого типа обладают яркой индивидуальностью, не боятся новых идей и критики, проявляют творческую инициативу и активность. В психологии к ним можно отнести Л. С. Выготского, Д. Н. Узнадзе и Б. Ф. Ломова. Л. С. Выготский дискутировал с Ж. Пиаже, Д. Н. Узнадзе и Б. Ф. Ломов с А. Н. Леонтьевым.

Ученые второго типа не верят в научные революции, считают, что наука развивается эволюционно, а революции – это некий миф, дань моде. В этом случае ценным оказывается любое авторитетное мнение, очень часто даже такое, которое было опровергнуто последующим развитием науки. Вторых большинство, но именно это и де-

лает необходимым и важным наличие научных дискуссий. Такие ученые любят цитировать И. Ньютона: «Если я видел дальше других, то потому, что стоял на плечах гигантов».

Здесь возникает вопрос: правомерно ли в дискуссиях ссылаться на высказывания знаменитых людей, которые жили столетия или даже тысячелетия назад? Ведь очень часто спорщики, доказывая правоту своей позиции, приводят в качестве аргументов идеи выдающихся мыслителей и ученых прошлого, которые были выдвинуты, когда представления о мире принципиально отличались от современных. В этом случае использование заимствованных цитат из философских и других источников без ссылок на эпоху и без указания дат вполне может рассматриваться как прием недобросовестной дискуссии и манипулирования противником, т. е. как прием рабулистики.

Еще несколько десятилетий назад ссылки на работы К. Маркса и В. И. Ленина были обязательными для любой научной статьи, публикуемой в СССР. Это требование выполнялось и в психологии. Причем в списках литературы к научным статям, как помнят многие, эти фамилии должны были стоять на первых местах, остальные – по алфавиту. Такой порядок являлся мощным инструментом идеологического давления, не предполагающего никакой противоположной точки зрения и тем более дискуссии. Однако и сегодня найдется немало людей, которые будут доказывать, что классики марксизма-ленинизма еще актуальны.

Одной из наиболее известных и резонансных дискуссией на эту тему, вызвавших интерес мировой общественности, оказалась дискуссия между польским философом Славой Жижеком и канадским клиническим психологом Джорданом Питерсоном. Журналисты не раз называли ее «дебатами века». Дискуссия под названием: «Счастье: капитализм против марксизма» состоялась в Торонто весной 2020 г. на огромной сцене, на которой обычно выступают знаменитые рок-звезды и долго обсуждалась в интернете.

С. Жижек – марксист, который позитивно относится к психоанализу и постмодернизму. Дж. Питерсон выступает против постмодерниского неомарксизма и «социальной справедливости» как обязанности общества поддерживать «угнетаемые группы» населения (женщин, цветных, представителей различных меньшинств и т. п.).

Дискуссия моментально разделила аудиторию на сторонников и противников каждого из выступающих. Очевидно, что она не привела к конкретным выводам и решениям, но, без всякого сомнения, заставила многих задуматься над аргументами оппонентов, посмотреть на проблему с позиции современной науки.

Очевидно также, что существуют проблемы, которые не решаются в процессе дискуссий, даже очень длительных; к ним можно отнести психофизиологическую, психофизическую и психосоциальную проблемы; но они стимулируют ученых, побуждают к поиску ответов на нерешенные вопросы, а значит, являются инструментом в получении новых научных знаний. Одна из основных задач дискуссии – это формирование мотивации исследователей. Поэтому сегодня, впрочем, как и всегда, дискуссия – это мощный психологический фактор управления познанием.

Особенность современных дискуссий в связи с появлением интернета состоит в том, что по определенным проблемам и темам они ведутся не только отдельными людьми, но и большими группами. Например, в Фейсбуке участниками дискуссии могут оказаться сотни человек, а если она растягивается во времени или затрагивает наиболее важные проблемы общества, то и тысячи. Дискуссии в интернете могут принимать довольно жесткую, нелицеприятную и даже оскорбительную форму, что было невозможно, например, в СССР. Однако самое важное для социальной психологии – это понять, почему появляются ситуации, которые, очевидно, требуют дискуссий, но дискуссии не возникают, а разные точки зрения не обсуждаются и существуют в неизменном виде в течение многих лет.

Одна из причин может получить объяснение на основе теории личностной и социальной идентичности Тэджфелла и Тернера (Turner, Giles, 1981). Особенно уместным становится термин, появившийся в рамках этой теории, – «ингрупповой фаворитизм». В этой связи показательны позиции двух авторов. Это советский психолог-марксист Л. С. Выготский и когнитивный психолог и психолингвист из США Н. Хомский. В отношении понимания врожденности речи и речевого мышления у этих авторов сложились во многом диаметрально противоположные точки зрения (Выготский, 1999; Хомский, 1972).

Однако, если Л. С. Выготского знает любой российский психолог-практик, то с трудами Н. Хомского многие российские психологи в деталях не знакомы. Также многие не знакомы с дискуссией Н. Хомского и Б. Скиннера, в которой Н. Хомский выступает с критикой теории условных рефлексов в отношении овладения языками. Учитывая, что Л. С. Выготский – фактичекски основатель советской марксистской психологии, а Н. Хомский самый цитируемый ученый в мире, такая дискуссия была бы вполне уместной.

Не исключено, что многие аргументы Н. Хомского должны быть приняты во внимание и учтены, а это неизбежно ставит под сомнение абсолютную точность основных положений культурно-истори-

ческой теории Л. С. Выготского, которые принимаются большинством российских ученых безоговорочно.

Действительно, по Л. С. Выготскому, ребенка нужно научить говорить и думать – эти способности не являются врожденными (Выготский, 1999). По Н. Хомскому, способности к речи и речевому мышлению заданы генетически – ребенок в процессе социализации усваивает только лексические единицы (слова) и морфемы. Все языки имеют общую структуру в соответствии с трансформационной (порождающей) грамматикой. При этом все дети в процессе овладения языками делают очень похожие ошибки.

Поскольку на основе конечного набора грамматических правил и понятий люди могут создать неограниченное количество предложений, утверждает Н. Хомский, они способны формулировать предложения, которые ранее никем не произносились. А это, по мнению Н. Хомского, доказывает врожденную способность к речевому общению и мышлению. Об этом же, по мнению автора, свидетельствует стремительное усвоение языков детьми в возрасте 2–5 лет, а также наличие единственно стабильных в мозге областей, отвечающих за умение говорить и понимать речь. Это зона Брока и зона Верни-ке (вокруг левой височной извилины).

Таким образом, возникает проблема субъектности. По Л. С. Выготскому, мышление и речь – продукты социализации и интериоризации. По Н. Хомскому, человек – субъект от природы, который пользуется языком как инструментом для выражения собственных мыслей и чувств.

Следует отметить, что Н. Хомский – ученый, который постоянно дискутирует с коллегами, единомышленниками и противниками. Он также постоянно вступает как в научные, так и в политические дискуссии и считает это обязательным условием эффективной работы любого современного ученого. На его официальном сайте есть специальная рубрика, которая посвящена дискуссиям (Хомский, 1972).

Социально-психологические проблемы организации дискуссий

Одно из препятствий для дискуссий – это страх критики и возможных последствий, разрушающих доброжелательные отношения между людьми. В прикладной психологии неоднократно предпринимались попытки разработать правила и методы, которые снижали бы уровень критики в процессе решения каких-либо научных или технических задач при сохранении психологически комфортной атмосферы для творчества. Например, именно на это был направлен метод

мозгового штурма, предложенный в конце 1930-х годов специалистом в области психологии рекламы и одним из основателей крупнейшего сегодня рекламного агентства «BBDO» Алексом Осборном в книге «Прикладное воображение» (Diehl, Stroebe, 1987; Osborn, 1963).

Однако то, что применимо для решения творческих задач по созданию чего-либо нового, не имеющего аналогов в культуре, часто не работает при необходимости решать проблемы в сферах, где свободное и ничем не ограниченное творчество может выступать нежелательным фактором, где творческий произвол освобождается от какой-либо критики. Также это неприемлемо в тех случаях, когда игнорируется мнение специалистов с низким групповым статусом, а основным критерием принимаемых решений становится лишь накопленный опыт авторитетов, квалификация и социальный статус.

Очевидно, что в условиях промышленного производства или в сфере государственного управления человек, который считает другого менее компетентным, не станет дискутировать на равных – это не принято и традиционно рассматривается людьми как низкий уровень профессиональной компетенции авторитетного специалиста или руководителя. Скорее всего, человек с высоким статусом либо откажется от спора, либо начнет применять «силовые методы», выходящие за рамки конструктивной дискуссии, попытается «научить» противника тому, чего тот «не знает». Однако всегда ли следует игнорировать мнение тех, кто в силу незначительного опыта работы или других причин обладает низким внутригрупповым статусом?

В середине 1980-х годов нами было проведено исследование по проблеме группового планирования совместной деятельности (Лебедев, 1986). Исследование проводилось в бригадах строителей береговых сооружений, причалов, портов на берегу Черного моря в г. Севастополе и г. Ялте. В советские годы в социальной психологии и психологии управления была популярна идея социалистического коллектива и бригадной формы организации труда.

Бытовало представление о том, что если группа работников трансформируется в коллектив, то она будет способна самостоятельно планировать свою работу, добиваясь высоких производственных показателей. Также предполагалось, что умение совместно планировать работу может оказаться фактором, сплачивающим профессиональную группу работников и тем самым способствовать ее развитию как коллектива (Лебедев, 1991).

Исследование проводилось по методике PERT (Program Evaluation and Review Technique), модифицированной для социально-психологического эксперимента. PERT – метод сетевого планирования

и управления совместной производственной деятельностью. В процессе разработки сетевого графика, т. е. планирования работ, они обозначаются стрелками. Достигнутые результаты (события) – кружками. Появляется визуализированная схема совместной деятельности в виде ориентированного сетевого графа. При этом выделялся некий «критический путь» – последовательность работ, которая определяет общее время выполнения всего проекта.

В условиях полевого эксперимента рабочим 12 строительных бригад численностью от 4 до 12 человек предлагалось на отдельных бланках индивидуально оценить сетевой план – график предстоящего выполнения бригадой производственного задания по строительству объектов. Сетевой план-график разрабатывался совместно с руководителем бригады, а затем рабочим индивидуально на отдельных распечатанных бланках предлагалось сделать прогноз о том, сколько времени, по мнению того или иного работника, уйдет на выполнение каждой работы. После этого проводилось коллективное групповое обсуждение всего графика. Принятые решения вносились в окончательный план-график, в соответствии с которым реально работала бригада. После того как проект выполнялся, определялась точность прогнозов каждого работника и общего плана.

На определенном этапе группового планирования экспериментатор включался в обсуждение, но фактически ни в одной группе ему не удавалось убедить ее членов в том, что предложения (прогнозы) работников с низким внутригрупповым статусом, в частности наиболее молодых, являются достаточно точными или наиболее точными.

Все группы принимали индивидуальные предложения в общий план-график в соответствии с оценками внутригруппового социометрического статуса работников. При введении в общий план значений затрат времени выполнения работ предполагалась дискуссия. По инструкции экспериментатора, предложения всех членов бригад должны были обсуждаться. Однако аргументы работников с низким внутригрупповым социометрическим статусом чаще всего отвергались, а их настойчивые попытки доказать правоту своих аргументов вызывали у более опытных раздражение и насмешки.

В результате экспериментов выяснилось, что наиболее точные оценки времени чаще всего предлагали наиболее опытные работники. Однако в определенных случаях (приблизительно от 5% до 20%) самые точные прогнозы предлагали молодые работники с низким статусом. От этого в ряде случаев менялся критический путь план-графика, т. е. время выполнения проекта увеличивалось.

Анализ экспериментов показал, что в большинстве бригад молодых работников с самым низким внутригрупповым социометрическим статусом, как правило, направляли на подсобные вспомогательные работы. При этом они попадали на разные и зачастую самые отдаленные участки строительства, площадь которых измерялась десятками и сотнями метров. Поэтому такие работники имели наиболее полное и точное представление о том, что происходит на объекте в целом.

Между наиболее опытными людьми с более высоким социальным статусом и наименее опытными людьми с низким социальным статусом, обладающими наиболее точной информацией, как правило, дискуссии не возникают. Этот вывод оказывается крайне важным для психологии совместной деятельности и психологии управления. Даже социально-психологические тренинги чаще всего не устраняют устойчивую тенденцию к принятию решений в соответствии с групповыми нормами – через какое-то время после проведения таких тренингов рабочие вновь возвращаются к традиционным формам группового планирования.

Сегодня молодые люди, легко осваивающие интернет-технологии, компьютеры, другие сложные технические устройства, обладают современными сложными знаниями, но чаще всего не имеют полноценной возможности аргументированно доказывать свою правоту в условиях равноправной дискуссии. И проблема здесь вовсе не в слабости их аргументов, а в социально-психологических факторах, определяющих взаимоотношение людей в обществе. Они оказываются сильнее, т. е. проблема кроется не в когнитивной, а в эмоциональной и коммуникативной сфере межличностных отношений.

То же можно сказать и о людях с низким социальным статусом, особенно в ряде восточных стран со сложившимися и устойчивыми этническими, культурными и религиозными традициями – там мнение старших по возрасту или положению в обществе устраняет благоприятные условия для каких-либо дискуссий, возможно, и дискуссии в науке также. Именно поэтому наибольших научных результатов в науке достигают специалисты США и стран Западной Европы, куда на учебу и работу выезжают молодые и наиболее талантливые специалисты из восточных стран.

Этот вывод находит прямое подтверждение в теории транзактного анализа и в многочисленных эмпирических и практических исследованиях, выполненных в рамках этой теории (Берн, 2014). Однако, если транзактный анализ находит широкое применение в психотерапии, то вызывает большое сомнение возможность его эффективного

применения, например, в психологии труда, когда речь идет о бригадах рабочих или работниках сельского хозяйства. В этом случае традиции, а также социальные представления и нормы чаще всего определяют отношения людей в рамках их совместной деятельности.

Показательны в этом плане исследования и точка зрения социального психолога второй половины XX в. – Сержа Московиси (Moscovici, Zavalloni, 1969). В его концепции групповой поляризации, основанной на многочисленных экспериментальных исследованиях, делается вывод о том, что чаще всего в процессе любых дискуссий в малых социальных группах, когда возникает так называемый эффект групповой поляризации мнений, ее участники не имеют возможности что-либо доказать друг другу.

Наоборот, считает С. Московиси, чем более эмоциональной, длительной и острой оказывается дискуссия, тем прочнее становятся первоначальные взгляды и мнения оппонентов. Поэтому опытные организаторы эвристических дискуссий стремятся убедить в правоте своих взглядов и аргументов тех членов группы, которые первоначально не имеют собственного мнения, а лишь наблюдают за поведением спорящих. По мнению, С. Московиси, это единственная польза, которую можно ожидать от таких дискуссий.

Есть виды деятельности, в которых возможности дискуссий ограничены. Например, армия, различные службы спасения, полиция и пр. Но они вовсе не исключаются. Здесь цель дискуссий – заранее выработать некоторые варианты поведения в экстремальных ситуациях, требующих быстрых решений, оформить их в виде уставов, положений, инструкций и выбирать те из них, которые в наибольшей степени соответствуют возникшей ситуации.

Как отмечал в работе «Ум полководца» Б. М. Теплов, такой способностью обладал, например, Наполеон, который заранее со своими помощниками обсуждал и планировал возможные альтернативные варианты сражения, а потом выбирал тот, который в наибольшей степени соответствовал возникающей на поле боя ситуации (Теплов, 1990). Тот факт, что деятельность в экстремальных условиях или при дефиците времени исключает дискуссии, не противоречит их проведению на предварительных этапах.

Здесь весьма актуальным становится вопрос: в каких случаях появляются дискуссии и почему они не возникают там, где вполне могли бы возникнуть? Один из ответов на этот вопрос в том, что полноценные дискуссии – это состязания равных, т. е. они эффективны только в том случае, если в качестве участников выступа-

ют люди, обладающие относительно одинаковым статусом в группах или в обществе.

Сегодня развитие науки в России происходит не только и не столько в рамках научных школ, но и по направлениям, обозначенным научными специальностями, в соответствии с которыми ВАК присваивает научным работникам соответствующие ученые степени после защиты кандидатских и докторских диссертаций. Однако нередко защита научной работы на диссертационном совете не является полноценной дискуссией, где ее участники находятся в равных условиях. Ведь соискателю всегда приходится дискутировать не с одним, а с несколькими высококвалифицированными специалистами (оппонентами и членами диссертационных советов). И зачастую выдержать острую критику психологически для многих молодых ученых бывает достаточно сложно. Именно критика при подготовке и при защите диссертации часто становится для молодого ученого психологически травмирующим фактором, который вызывает крайне негативное отношение к такой форме работы, как дискуссия.

Эта ситуация подтверждает точку зрения Т. Куна о том, что парадигмы меняются чаще всего в том, случае, когда поколение старых ученых уходит из жизни, а поколение молодых приходит им на смену и только после этого создает новую парадигму (Кун, 2011). В этом случае дискуссии либо меняются на одностороннюю критику, либо ученые уходят в область того, что не изучалось.

Кризис науки и дискуссия

Одной из любимых тем науковедов и методологов науки является понятие кризиса, который возникает в том случае, если ученые сформулировали большое количество проблем, не имеющих решения в рамках старой научной традиции или парадигмы. Однако кризис часто возникает и в связи со снижением уровня дискуссионности науки и избыточным количеством «научных школ», которые не являются альтернативными, но лишь дополняют одна другую. Именно отсутствие различных точек зрения чаще всего и есть основная характеристика кризиса.

В этом случае работа Л. С. Выготского «Исторический смысл психологического кризиса», которую его последователи считают основополагающей в его творчестве, оказывается, по нашему мнению, вовсе не преодолением кризиса мультипарадигмальности, а наоборот — стремлением подменить многогранность исследований психического лишь одной марксистской теорией (Выготский, 1982). Поэтому

из представлений о психике как феномене в советской психологии исчезает подсознание, резко снижается роль неосознаваемого и полностью отвергается бессознательное — психика начинает рассматриваться только в рамках категории деятельности.

В этом случае, по-видимому, с Л. С. Выготским не согласился бы Б. Ф. Ломов, который, обосновывая свое понимание системного подхода, утверждал, что психику можно и нужно изучать и описывать с различных сторон: в рамках традиционной психологии, психофизиологии, нейропсихологии, математики, медицины, инженерной психологии и др. (Ломов, 1984). С этой целью и создавался Институт психологии РАН, в котором Б. Ф. Ломов собрал максимально возможное количество специалистов всех возможных на тот момент отраслей психологии и смежных дисциплин.

В процессе эволюционного развития науки, когда отсутствуют яркие периодические дискуссии, часто возникает ситуация некоего научного «перепроизводства», в лучшем случае — эмпирического «затоваривания». Уровень методологической рефлексии снижается, критика — становится поверхностной и непринципиальной или вовсе отсутствует. Укрепляется ложное представление о том, что каждый большой ученый обязан создать свою научную школу, дополняющую имеющиеся научные знания до некоего целостного понимания изучаемых явлений. Возникают научные школы, которые с точки зрения решения актуальных проблем принципиально ничем не отличаются одна от другой — отличия обнаруживаются только в используемых терминах, в лучшем случае — в моделях.

Однако было бы странно, если бы у греков научные школы лишь дополняли одна другую, а не создавались для противопоставления одна другой. Именно это и получило отражение в знаменитых ставших хрестоматийными высказываниях греческих мыслителей, например, того же Сократа: «Платон мне друг, но истина дороже», «Следуя мне, меньше думай о Сократе, а больше об истине». Возможно, именно цель бескорыстного служения истине, а не школам определяла то, что Сократ не брал денег с учеников за свои беседы, как это делали софисты и другие философы того времени, объединенные в школы.

Мультипарадигмальность или «объединяющее начало»?

Сегодня некоторые авторы утверждают, что сложившаяся мультипарадитгмальность психологии свидетельствует о ее кризисном состоянии, что оно определяется многообразием подходов к изуче-

нию психики и отсутствием некоей общей теории, которая могла бы объяснить все многообразие психических феноменов. Проблема видится в том, что в рамках разных научных подходов психические явления описываются по-разному. Однако именно пресловутое «объединяющее начало» часто приводит к снижению значимости противоположных точек зрения, а иногда и делает их невозможными.

Противником единой психологической теории или науки был Б. Ф. Ломов. Так, в работе «Методологические и теоретические проблемы психологии» он пишет: «Иногда высказываются суждения о целесообразности создания некоторой особой области знания, единой (одной) науки о человеке: антропологии в широком смысле этого слова... Эта идея – спорная. На наш взгляд, создание единой науки о человеке имеет – во всяком случае сейчас – не больше оснований, чем создание единой науки о природе вообще или об обществе вообще. Во всяком случае, ставить вопрос о ней пока преждевременно» (Ломов, 1984, с. 11).

Пытаясь найти некое «объединяющее начало» и утверждая неспособность современной психологии решить ее основные проблемы, в частности, психофизиологическую, нередко делается вывод о необходимости некоего «нового подхода» к пониманию психического. В этом случае предлагается отказаться от естественно-научной парадигмы и перейти, например, к парадигме *гуманитарной,* а именно – ограничиться идеей понимания и формирования психических новообразований в соответствии с некими морально-нравственными или духовными принципами. При этом такой переход часто заявляется не только как принцип организации прикладной или практической психологии, что было бы вполне приемлемо, но и как изменение основной научной парадигмы, что неприемлемо в принципе.

«Новую парадигму» иногда предлагают развивать на основе различных религиозных учений (Слободчиков, Исаев, 1995). В этом случае собственно научные исследования, например экспериментальные, становятся незначимыми, второстепенными либо абсолютно бессмысленными. Иногда выдвигаются на первый план вопросы воспитания «новой нравственной личности» в соответствии с некоей ценностной концепцией или «идеологией». А исследования природы психического неизбежно уходят на задний план.

Следует признать, что такой подход на самом деле новым вовсе не является, а основы его можно обнаружить еще до того, как Г. Фехнер, В. Вунд, Э. Титченер, У. Джемс, Дж. Уотсон и другие начали ак-

тивно применять в психологии метод эксперимента. Здесь обычно критикуется то положение, что в рамках естественно-научной парадигмы исследователь по отношению к объекту познания занимает позицию внешнего наблюдателя, что изучение внутреннего мира другого человека принципиально не отличается от исследования любых других объектов. Но если в рамках естественно-научной парадигмы это считается огромным преимуществом ученого, то для гуманистической, понимающей и других видов психологии это рассматривается как недостаток, который необходимо преодолеть «новой методологией» (Слободчиков, Исаев, 1995).

Рост популярности гуманитарной парадигмы в нашей стране привел к тому, что часть психологов, прежде всего ориентированных на задачи психотерапии и педагогической психологии, сегодня выступают против принципов естественно-научного исследования и продвигают идеи, которые, по сути, сделали «необязательными» экспериментальную проверку выдвигаемых теоретических положений. Однако это вовсе не означает, что наконец-то найдено единственно правильное решение, и теперь все проблемы психологии, включая психофизиологическую, психофизическую, психосоциальную и другие, будут однозначно решены.

Действительно, методологически переход от номотетического к идеографическому принципу изучения личности расширяет возможности психотерапевтических практик, но он существенно снижает уровень требований к научной достоверности знания. Ведь знание, полученное в рамках идеографического подхода, также не должно быть недостоверным и не может не опираться на результаты экспериментальной науки. В любом случае психические процессы (ощущения, восприятие, внимание, память, мышление и др.) по-прежнему остаются предметом изучения лишь в естественно-научной парадигме, поскольку их можно изучать только в русле именно этой парадигмы и никак иначе.

Гуманитарная парадигма не создает и не создаст «новую науку», поскольку наука – это прежде всего метод получения нового знания. А он может быть либо научным, основанным на доказательствах, эмпирических, экспериментальных, математических и других, которые сами проходят через процедуру проверки их достоверности, либо ненаучным, основанным на интуиции и авторитетном мнении харизматичных личностей, способных «понять» другого человека и «объяснить» его поступки. И то, что приемлемо для практикующего психолога или психотерапевта, абсолютно неприемлемо для психолога-ученного. Поэтому вопрос «Всегда ли истина оказы-

вается посредине?» также является дискуссионным и не имеет однозначного ответа.

Гуманистическая психология отталкивается от некоторых не всегда бесспорных положений. Например, доказывается, что вся психика человека социально обусловлена, а сознание само по себе без каких-либо обоснованных и достоверных методов и приемов способно объективно отражать социальные отношения. Иначе говоря, утверждается, что исследователь может выходить за пределы конкретных явлений и умозрительно проникать в их сущность, тем самым получая полное понимание психического.

Утверждается, что качественные особенности психических феноменов можно понять, не разлагая их на отдельные элементы, что внешние проявления психики не могут раскрыть ее глубинную сущность, а психология в целом должна рассматривать изучаемые феномены концептуально, а не операционально, т. е. описание нерешенных проблем психологии здесь вполне очевидно и обоснованно, но выводы и решения с точки зрения традиционной науки, стремящейся к доказательности и обоснованности, весьма сомнительны.

Во многом эти положения были основаны на идеалистических философских учениях. В частности, на феноменологии Гуссерля (2004), который утверждал, что основу объективного знания составляет сознание, которое изначально способно правильно отражать мир и социальные отношения. В этом случае исследователь как бы может «выходить за пределы конкретных явлений и непосредственно усматривать их сущность». Например, он может получить полное понимание психологии человека без использования каких-либо экспериментальных методик, статистических данных и доказательств.

То же самое находили в понимающей психологии В. Дильтея (1924), где в качестве основного метода принимались понимание и интерпретация. Предлагалось различать формы познания природы, общества и человека как чуждые друг другу сферы бытия.

Пытаясь представить понимание и герменевтику как научные методы изучения психических явлений, гуманистическая психология, по сути дела, лишь вернулась к давно известной идеалистической философии и методологии, хотя и полезной для психотерапевтической практики. Это объясняет, почему многие, даже выдающиеся ученые оказываются суеверными людьми, почему в их работах могут причудливо сочетаться серьезные научные открытия с тем, что другими учеными относится сегодня к лженауке (Казначеев, 2013). Очевидно, что в этой ситуации лишь дискуссия обеспечивает высокую вероятность получения наиболее достоверного знания.

А. Н. Лебедев

Психофизическая проблема и роль дискуссии в науке

В психологии существуют как минимум три практически нерешаемые проблемы, которые были сформулированы столетия назад. Это психофизиологическая, психофизическая и психосоциальная (социобиологическая) проблемы. В рамках первой сегодня дискутируют о существовании воли, в рамках второй, об адекватности–неадекватности отражения в сознании человека окружающего мира, в рамках третьей – о природе способностей и психических патологий. В случае отсутствия дискуссии эти проблемы неизбежно получают редукционное решение – либо физиологическое, либо социологическое.

Некоторые авторы считают, что психофизиологическая и психофизическая – это одна проблема, однако есть основания полагать, что следует говорить о разных проблемах. Психофизиологическая проблема определяет взаимодействие мозга и психики, психосоциальная – соотношение биологического (врожденного) и приобретенного, психофизическая – адекватность психического отражения окружающего мира. Последняя наиболее четко была сформулирована Фехнером и подкреплена его экспериментами. Эта проблема имеет прямое отношение к пониманию роли научной дискуссии в развитии научного знания.

Вторая половина XX в. произвела революцию в мировой психологии, которая фактически осталась незамеченной в России. Это исследования иррациональности мышления в условиях неопределенности и риска, за которые, как известно, в 2002 г. Д. Канеман получил Нобелевскую премию по экономике. Именно эти, хотя и не только, исследования доказывают, что сознание отдельных людей отражает мир, окружающий человека во многом неадекватно, а истинное знание о мире вырабатывается лишь в результате научных исследований.

Существенные изменения представлений о том, как отдельные люди воспринимают мир и мыслят, начались с 1970-х годов. Тогда А. Тверски и Д. Канеман опубликовали серию статей по проблеме оценки людьми вероятности тех или иных событий. Данное исследование завершилось в 1974 г. статьей в журнале «Science» под заголовком «Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения» (Tversky, Kahneman, 1974).

Они экспериментально доказали, что ошибки в принятии решений являются не только распространенными, но и предсказуемыми. Это означало, что такие ошибки могут быть устранены лишь экспериментальной проверкой с использованием научно обоснованных методик и на основе взаимного обмена мнениями огромного коли-

чества ученых, т. е. в процессе дискуссии. Коллективная дискуссия в этом случае максимально устраняет присущие отдельным ученым субъективность и ошибочность мнений.

Несовершенство индивидуального сознания было показано Тверски, Канеманом и их многочисленными последователями в области эвристических правил (heuristics) и предрассудков (biases), а также в исследованиях, в результате которых появилась теория перспектив (prospect theory). Суть подхода Тверски и Канемана в том, что восприятие и мышление людей не являются рациональными психическими процессами, основанными на логике и лишенными противоречий.

В их многочисленных исследованиях даже очень хорошо образованные люди и даже респонденты с учеными степенями постоянно полагались на ограниченное количество эвристических правил. Такая стратегия позволяет упростить решение вероятностных задач, которые на практике, особенно в дефиците времени, оказываются для большинства людей чрезмерно сложными. При решении относительно простых задач эти правила себя оправдывают, но они бесполезны и даже вредны при решении задач или припринятии ращений, требующих глубокого анализа.

Систематические ошибки, которые возникают в таких ситуациях стали объектом экспериментальных исследований Тверски и Канемана. Это ошибки: репрезентативности (representativeness), доступности (availability) и якорения (anchoring). Очевидно, что, если в силу обстоятельств, например концентрации власти в руках одного человека или ограниченной группы людей, отсутствует дискуссия, ошибки накапливаются и становятся чрезвычайно опасными.

Так, например, по результатам исследований Тверски и Канемана, люди определяют вероятность чего-либо, опираясь на представление о том, что рассматриваемое ими явление или объект относятся к определенному классу явлений или объектов. Было доказано, что представление человека о чем-либо формируется в соответствии с тем, что ему кажется «типичным», т. е. на основе похожести объекта на другие объекты из определенного класса. Это получило название ошибок репрезентативности. Такие ошибки проявляются, например, и в том, что при принятии решений люди часто переоценивают малые выборки и недооценивают большие.

По сути дела, Канеман и Тверски доказали то, о чем многие психологи говорили и раньше: когда человек создает концепцию окружающего мира, например ученый или философ, то он неизбежно игнорирует или отвергает многое из того, что ей противоречит. Поскольку свойством восприятия является осмысленность, нужно учитывать,

что восприятие мира отдельными людьми также часто бывает неадекватным, как и мышление. Особенно, если принять во внимание многочисленные известные иллюзии восприятия или рассматривать его в социальном контексте.

Значимыми оказываются также многочисленные исследования социальных психологов, которые проводились еще до того, как научная общественность высоко оценила исследования Тверски и Канемана. Здесь уместно вспомнить исследования стереотипов (Липман, 2004), конформизма, социального влияния (Милгрэм, 2016; Moscovici, 1991; Sherif, 1936), влияния рекламы на потребителей (Аакер, 2003; Линдстром, 2006; Траут, 2014) и пр.

Тверски и Канеман установили, что большинство людей, и здесь ученые психологи не являются исключением, оценивает вероятность события тем, с какой легкостью что-либо приходит в голову. Иначе говоря, люди руководствуются наиболее доступным им знанием, игнорируя тот факт, что другие могут знать намного больше. При этом было показано, что респонденты, которые изучали теорию вероятностей, в обычной жизни допускают те же ошибки, что и люди, которые не знакомы с математикой.

Тверски и Канеман обнаружили также тенденцию принимать решения, исходя из первоначального случайного предположения, которое оказывает влияние на все последующие суждения и фактически не подается коррекции. Вывод привязывается к некоей произвольной и часто случайно выбранной точке отсчета. Они назвали это явление эффектом якоря или «anchoring effect». Также было показано, что данный эффект не исчезает, если в качестве «точки якорения» используются чрезвычайно большое или совсем маленькое число.

Было показано, что эффект якоря проявляется значительно сильнее в группах, где по условиям эксперимента его участники должны искать сходство в оцениваемых объектах, чем в группах, где требовалось искать различия. Получалось, что в условиях дискуссии возникает меньше ошибок, чем в условиях, где дискуссия не предполагается, осуждается или запрещена.

Исследования Тверски и Канемана показали, что ошибки психического отражения обнаруживаются повсеместно, практически во всех психических процессах человека, например, при восприятии. Для адекватного восприятия необходимо, чтобы кажущаяся относительная высота двух соседних объектов, к примеру, горных вершин, не менялась со сменой точки наблюдения. Таким же образом рациональный выбор требует того, чтобы предпочтение между вариантами не менялось со сменой формы их выражения. Однако

вследствие несовершенства человеческого восприятия и механизма принятия решений смена перспективы часто меняет относительный наблюдаемый размер объектов, как и относительную желательность вариантов выбора.

В целом к началу XXI в. психологи (когнитивные, экономические, социальные) научно изучили и описали такое количество когнитивных ошибок, перцептивных и социальных иллюзий и заблуждений, что многим стало очевидно: индивидуальное мышление как психический процесс любого, даже самого образованного человека, оказывается несовершенным, подверженным случайным эмоциям, нерациональным и даже иррациональным.

Такими же несовершенными процессами является память – воспоминания внушаемы (Loftus, 2008), непроизвольное внимание – им можно легко управлять (Neisser, 1976), ощущения (Линдстром, 2006). И даже культура в целом оказалась явлением, где случайность и мода определяли новые направления в изобразительном искусстве, музыке, промышленном дизайне и др. (Моль, 2008). В целом фактически было доказано, что сознание человека так устроено, что в нем находят связи явления, процессы и предметы, которые в реальности никакой связи не имеют (Харари, 2016). Очевидно, что только сопоставление мнений, точек зрения и даже мировоззрений в условиях дискуссии – единственный способ составить наиболее правильное представление о чем-либо.

Дискуссионное значение исследований Тверски, Канемана и других психологов, работающих в этом направлении, состоит в том, что их данные во многом противоречат отечественному деятельностному подходу. С точки зрения культурно-исторической теории и теории деятельности люди разумны потому, что мышление – это интериоризация продуктивного коллективного опыта, а сам опыт накапливается человечеством в процессе развития материальных процессов, основанных на совместной трудовой деятельности. Поэтому сознание объективно отражает то, что является предметом мышления, а человек заслуженно называет себя разумным, потому, что его разумность подтверждается практикой.

В рамках этого подхода по сути дела игнорируется тот факт, что человечество с опытом накапливает не только позитивные и точные знания, но и многочисленные ошибки и заблуждения. Рациональность сознания в марксистской психологии не исключает наличие ошибок, но они не являются принципиальными настолько, чтобы говорить о его неадекватности. В этом случае в марксистской психологии обычно игнорируются выводы из работ тех авторов, кото-

рые доказывали, что сознание – это смесь рационального и иррационального, научного знания и мифов, заблуждений и обыденных и социальных представлений.

Работы авторов, придерживавшихся этой точки зрения, чаще всего критиковались именно за это (Леви-Брюль, 2002; Малиновский, 2005; Фрезер, 2006). Некоторые марксисты противопоставляли им иную концепцию происхождения культуры, утверждая, что заблуждения не противоречат разумности. Например, Г. В. Плеханов объяснял возникновение культуры процессом развития производительных сил и производственных отношений (Плеханов, 1956). В случае идеологического, политического или иного давления, где дискутирующие находятся в очевидно неравных условиях, дискуссия неизбежно становится эвристической, а оппоненты подвергаются преследованиям. Именно это и произошло в СССР, например, с участниками знаменитой дискуссией о профсоюзах.

Заключение

В отечественной психологи сегодня есть целый ряд проблем, которые должны обсуждаться в рамках такой формы общения, как дискуссия. Однако, как показывают материалы научных журналов и проводимых в последние десятилетия конференций, такие дискуссии возникают крайне редко и не получают широкого освещения в научной среде. Например, без научной критики в отечественной социальной психологии осталась советская теория коллектива. В общей психологии, психологии личности и развития не обсуждается вопрос роли подсознания в поведении и деятельности людей. В психологии управления, организационной, бизнеса, политической, рекламы и маркетинга – вопросы морально-нравственной регуляции поведения и пр. Это означает, что при отсутствии развитой культуры научной дискуссии мы теряем возможное и важное знание о природе многих психических и социально-психологических явлений, а ведь дискуссия является не только формой и способом общения ученых, но и методом получения научных знаний.

Литература

Аакер Д., Йохимштайлер Э. Бренд-лидерство: новая концепция брендинга. М.: ИД Гребенникова, 2003.

Берн Э. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. М.: Эксмо, 2014.

Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999.

Выготский Л. С. Исторический смысл психологического кризиса // Л. С. Выготский. Собр. соч. В 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 1. С. 291–436.

Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введение в феноменологическую философию. СПб.: Владимир Даль, 2004.

«Дебаты века» между Жижеком и Питерсоном. URL: https://pikabu.ru/story/debatyi_veka_mezhdu_zhizhekom_i_pitersonom_6682865 (дата обращения: 21.04.2020).

Дильтей В. Описательная психология. М., 1924.

Зубов В. П. Галилей и борьба за новую систему мира // Философский журнал. 2009. Т. № 1 (2). С. 88–110.

Казначеев В. П. Вопросы новой космогонии. Новосибирск: Изд-во НГОНБ, 2013.

Кирсанов В. С. Научная революция XVII века. М.: Наука, 1987.

Кубракова Е. И. Логика деловых отношений. Донецк: ДИРСП, 2006.

Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2011.

Лебедев А. Н. Влияние группового планирования на эффективность совместной деятельности производственной бригады: Автореф. дис. канд. психол. наук. М.: ИП АН СССР, 1986.

Лебедев А. Н. Психологические проблемы планирования деятельности руководителем // Психологический журнал. 1991. Т. 12. № 5. С. 18–29.

Леви-Брюль Л. Первобытный менталитет. СПб.: Европейский дом, 2002.

Линдстром М. Чувство бренда. Воздействие на пять органов чувств для создания выдающихся брендов. М.: Эксмо, 2006.

Липпман У. Общественное мнение. М., 2004.

Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.

Малиновский Б. Научная теория культуры. М.: ОГИ, 2005. С. 15–176.

Милгрэм С. Подчинение авторитету. Научный взгляд на власть и мораль. М.: Альпина нон-фикшн, 2016.

Моль А. Социодинамика культуры. М.: ЛКИ, 2008.

Плеханов Г. В. Письма без адреса. Искусство и общественная жизнь. М.: ГИХЛ, 1956.

Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности. Учебное пособие для вузов. М.: Школа-Пресс, 1995.

Теплов Б. М. Ум полководца. М.: Педагогика, 1990.

Траут Дж. Маркетинговые войны. СПб.: Питер, 2014.
Фрэзер Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М.: Эксмо, 2006.
Харари Ю. Н. Sapiens. Краткая история человечества. М.: Синдбад, 2016.
Хомский Н. Язык и мышление. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972.
Шопенгауэр А. Эристика или искусство побеждать в спорах. СПб., 1900.
Шрейдер Ю. А. Галилео Галилей и Римско-католическая церковь // Вопросы истории естествознания и техники. 1993. № 1. С. 56–62.
Diehl M., Stroebe W. Productivity loss in brainstorming groups: Toward the solution of a riddle // Journal of Personality and Social Psychology. V. 53 (3). 1987. P. 497–509. doi: 10.1037/0022-3514.53.3.497.
Loftus E. F., Doyle J. M., Dysert J. Eyewitness testimony. Virginia: Lexis Law Publishing, 2008.
Moscovici S. Experiment and experience: An intermediate step from Sherif to Asch // Journal for the Theory of Social Behavior. 1991. № 21 (3). P. 253–268.
Moscovici S., Zavalloni M. The group as a polarizer of attitudes // Journal of Personality and Social Psychology. 1969. V. 12 (2). P. 125–135.
Neisser U. Cognition and Reality: Principles and Implications of Cognitive Psychology. WH: Freeman, 1976.
Novikoff A. J. The Medieval Culture of Disputation: Pedagogy, Practice and Performance. University of Pennsylvania Press, 2013.
Osborn A. F. Applied imagination; principles and procedures of creative problem-solving. N. Y.: Scribner, 1963.
Sherif M. The Psychology of Social Norms. N. Y.–London: Harper and Brothers Publishers, 1936.
Turner J., Giles H. The experimental social psychology of intergroup behavior // Intergroup Behavior. Oxford, 1981. P. 66–101.
Tversky A. Kahneman D. Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases // Science. New Series. V. 185. № 4157. 1974. P. 1124–1131.

Природа психологического знания и возможные пути его интеграции[1]

В. А. Мазилов

doi: 10.38098/thry_21_0434_010

> Трудных предметов нет, но есть бездна вещей, которых мы просто не знаем, и еще больше таких, которые знаем дурно, бессвязно, отрывочно, даже ложно. И эти то ложные сведения еще больше нас останавливают и сбивают, чем те, которых мы совсем не знаем.
>
> *А. И. Герцен*

Некоторые методологические проблемы анализа научного знания в современной психологии

Среди сложных и многоплановых методологических проблем психологии особое место занимает проблема психологического знания. Сложность проблемы связана, в частности, с многочисленностью различных контекстов, в которые она включается (см.: Журавлев, Юревич, 2018; Психологическое знание..., 2018; Ушаков, 2018; Юревич, 2010, 2018). Особенность этой проблемы состоит в том, что в ней сплетены в единый узел практически все нерешенные вопросы психологии, поэтому распутать его чрезвычайно трудно. Впрочем, нельзя исключить, что кому-то из психологов, достаточно далеких от методологических проблем психологической науки, такая проблематика может показаться странной или надуманной: психологическое знание несомненно существует, поэтому его надо добывать, а не обсуждать, *какое оно* и *что в нем не так*.

Затронем два вопроса. Первый касается обсуждения связи психологического знания и общего понимания предмета психологии. Научное знание – это прежде всего *система знаний*. Поэтому первый вопрос, подлежащий обсуждению, предполагает осуществление анализа *возможностей организации знания* в рамках *общей психологии*.

1 Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 19-29-07156.

Второй вопрос, который предполагается обсудить в настоящей статье, связан с выяснением природы психологического знания в *психологическом исследовании* и некоторых *возможных причин многовариантности знания*. Предпринимается попытка выяснения возможных причин «разнообразия» видов знания и определения некоторых возможностей уменьшения этого разнообразия. Иными словами, в настоящей статье мы надеемся показать, что в психологии существуют некоторые резервы, позволяющие хотя бы немного продвинуться в понимании «единства и целостности» знания.

Психологическое знание и общая психология

В 1927 г. – без малого век тому назад – Л.С. Выготский, обсуждая перспективы новой науки о психике, писал: «В последнее время все чаще раздаются голоса, выдвигающие проблему общей психологии как проблему первостепенной важности. Мнение это, что самое замечательное, исходит не от философов, для которых обобщение сделалось профессиональной привычкой; даже не от теоретиков-психологов, но от психологов-практиков, разрабатывающих специальные области прикладной психологии, от психиатров и психотехников, представителей наиболее точной и конкретной части нашей науки. Очевидно, отдельные психологические дисциплины в развитии исследования, накопления фактического материала, систематизации знания и в формулировке основных положений и законов дошли до некоторого поворотного пункта» (Выготский, 1982, с. 292).

«Из такого методологического кризиса, из осознанной потребности отдельных дисциплин в руководстве, из необходимости – на известной ступени знания – критически согласовать разнородные данные, привести в систему разрозненные законы, осмыслить и проверить результаты, прочистить методы и основные понятия, заложить фундаментальные принципы, одним словом, свести начала и концы знания, – из всего этого и рождается общая наука» (там же).

Сегодня – почти век спустя – можно констатировать, что психология так и не создала общей науки (подробнее см.: Взаимоотношения..., 2015; Парадигмы в психологии, 2012; Прогресс в психологии..., 2009; и др.). Более того, сегодня «раздаются голоса», которые утверждают, что это невозможно. «Иные голоса» еще можно понять, так как проблема явно непростая, и многолетний опыт неудачных попыток выработки основ общей психологии вроде бы это подтверж-

дает. Однако есть и такое мнение, что создание общей науки в психологии и не нужно.

С последним утверждением согласиться нельзя по той простой причине, что прямым следствием отказа от попыток разработки общей психологии является признание де-факто того, что психология не претендует более на то, чтобы считаться фундаментальной наукой. Философы в массе своей по-прежнему не интересуются психологией как особой дисциплиной в ряду других, привычно подверстывая психологическую науку к дисциплинам социогуманитарным, разрабатывая теории науки и ее развития, опираясь на опыт преимущественно естественных дисциплин. Причина вполне понятна: теории в естественных науках более строги и в большей степени математизированы. Большинство психологов-теоретиков для себя решили, что в наш век должен торжествовать плюрализм, предполагающий множество различных подходов, являющихся к тому же «несоизмеримыми». Психологи-практики (в самом лучшем случае) убеждены, что им для успешной работы вполне достаточно теоретического базиса собственного подхода. Казалось бы, плюрализм, так плюрализм, постмодернизм опять же можно взять «на вооружение». Правда в этом случае психология однозначно перестает быть наукой. Заметим, от зафиксированного выше признания де-факто до утверждения статуса психологии как «не-науки» де-юре ныне всего один шаг. Поэтому по большому счету перед современной психологией, осознает она это в полной мере или нет, стоит вопрос принца Датского: «Быть или не быть»...

Однако, по нашему глубокому убеждению, психология несомненно и необходимо должна являться фундаментальной наукой. Иначе придется довольствоваться лишь возможностью видеть сны... Конечно, прервать «цепь сердечных мук» психологов многих поколений – цель весьма заманчивая, да уж больно скучная.

Более того, как можно полагать, те идеи, которые в XIX в. именовали психологизмом (Ф. Э. Бенеке, В. Вундт и др.), а в XX в. фиксировали особое положение психологии среди других научных дисциплин и ее особую роль в системе научного знания (Б. М. Кедров и Ж. Пиаже, Б. Г. Ананьев и Б. Ф. Ломов, К. К. Платонов и др.), основывались не на «пустом месте» (см. подробнее: Мазилов, 2017, 2020е).

Разумеется, аргументация Ж. Пиаже и сегодня сохраняет свою актуальность. Заметим, что, если верно, что современная наука начала XXI в. должна исходить из постнеклассической рациональности, то актуальными становятся аксиологические основания науки. Об особой роли психологии в системе научного знания сви-

детельствует хотя бы то, что в новых условиях переосмысливается сама деятельность субъекта научной деятельности. Поскольку постнеклассическая рациональность учитывает соотнесенность знаний об объекте не только со средствами, но и ценностно-целевыми структурами деятельности, предполагая экспликацию внутринаучных ценностей и их соотнесение с социальными целями и ценностями (Степин, 2010, с. 27), становится ясно, что адекватное понимание изменившейся познавательной деятельности доступно лишь при непосредственном участии психологии. «В современной, постнеклассической, науке все большее место занимает особый тип исторически развивающихся систем – так называемые человекоразмерные системы, включающие человека и его деятельность в качестве составного компонента» (там же, с. 28).

«При изучении „человекоразмерных“ объектов поиск истины оказывается связанным с определением стратегии и возможных направлений преобразования объекта. С системами такого типа нельзя свободно экспериментировать. В процессе их исследования и практического освоения особую роль начинает играть знание запретов на некоторые стратегии взаимодействия, потенциально содержащие в себе катастрофические последствия для человека. В этой связи трансформируется идеал ценностно-нейтрального исследования. Объективно истинное объяснение и описание применительно к „человекоразмерным“ объектам не только допускает, но и предполагает включение аксиологических факторов в состав объясняющих положений. Возникает необходимость экспликации связей фундаментальных внутринаучных ценностей (поиск истины, рост знаний) с вненаучными ценностями общесоциального характера» (там же, с. 28).

Поверхностный взгляд на современную общую психологию заставит сделать вывод, что все обстоит прекрасно. Вероятно, никогда прежде в российской истории не выходило столько учебников и учебных пособий по общей психологии, сколько сегодня. Глядя на полки в книжном магазине, заполненные учебниками и учебными пособиями по общей психологии, трудно допустить мысль, что в самой общей психологии все обстоит не так идиллично, как на страницах многочисленных фолиантов.

Однако, как это часто бывает, первый взгляд обманчив. В действительности мы можем говорить о настоящем *кризисе общей психологии*.

Многие авторы утверждают, что психология сегодня не представляет собой единой науки. Напротив, можно говорить о большом количестве различных подходов, направлений, которые существенно отличаются и по используемым методам, и по предметам исследова-

ния, причем некоторые разделяют ценности и стандарты естественной науки, а другие исходят из совершенно иных оснований, ориентируясь на идеалы герменевтической науки (Новые тенденции..., 2019; Теория и методология..., 2007; и др.). Это на поверхности. Если чуть углубиться, станет заметно, что психологические исследования и практика мозаичны, разобщены, сосредоточены не на кардинальных вопросах, а на частностях. Более глубокое проникновение приведет к печальному выводу: общей психологии в действительности просто нет. Идиллия рушится, оказывается, что общая психология существует только на страницах учебников, в реальности картина совершенно иная. Многие так и пишут об этом честно и открыто (см., напр.: Петренко, 2009, с. 134–135).

Так что же – только гордое имя психолог? «Нам остается только имя: чудесный звук на долгий срок»? Однако дело обстоит еще хуже. Уже и имя звучит не так гордо, как в былое время.

Если раньше психология высоко котировалась как чрезвычайно перспективная наука, наука будущего, то сейчас заметна отчетливая тенденция к понижению ее статуса. Ныне психология сместилась в самый «низ» научной иерархии: «Как у всякого другого племени, у ученых есть своя иерархия. Место психологов в этой иерархии – в самом низу» (Фрит, 2010, с. 17). Не случайно, что многие психологи поспешили «перекреститься» в представителей более респектабельных ныне «когнитивной науки» или «нейронауки».

Эту тенденцию хорошо чувствуют и студенты-психологи – будущее нашей науки: если полвека назад изучающие психологию активно интересовались теоретическими проблемами, вопросами и подходами, то в последующие годы интерес к теории неуклонно падал. Вместе с тем стремительно росло желание заниматься практическими вопросами, локализующимися главным образом в области психотерапии, другими «человеко-ориентированными» практиками и иными способами личностной коррекции (см., напр.: Ушаков, Журавлев, 2018). Конечно, в этом можно видеть и острое желание начинающих психологов приносить практическую пользу людям, что можно только приветствовать, однако трудно не заметить: за этим устремлением стоит желание дистанцироваться от общей теории психологии и ее «труднорешаемых» проблем. Тогда становится неизбежным вывод о больших проблемах с *идентичностью* психологии как науки, ибо де-факто отмеченные тенденции свидетельствуют о постепенной утрате психологией статуса фундаментальной науки (во всяком случае в восприятии существенной части ее представителей).

Зададим себе вопрос: а была ли общая психология в СССР? Может быть, за эти полвека общая психология утратила что-то важное, что делало ее единой наукой?

Обратимся к работам лидеров советской психологии 1970–1980-х годов.

А. Н. Леонтьев в книге «Деятельность. Сознание. Личность» дает общую панорамную картину развития психологии: «Вот уже почти столетие, как мировая психология развивается в условиях кризиса ее методологии. Расколовшись в свое время на гуманитарную и естественно-научную, описательную и объяснительную, система психологических знаний дает все новые и новые трещины, в которых кажется исчезающим сам предмет психологии. Происходит его редукция, нередко прикрываемая необходимостью развивать междисциплинарные исследования. Порой даже раздаются голоса, открыто призывающие в психологию «варягов»: «Придите и княжите нами». Парадокс состоит в том, что вопреки всем теоретическим трудностям во всем мире сейчас наблюдается чрезвычайное ускорение развития психологических исследований – под прямым давлением требований жизни. В результате противоречие между громадностью фактического материала, скрупулезно накапливаемого психологией в превосходно оснащенных лабораториях, и жалким состоянием ее теоретического, методологического фундамента еще более обострилось. Небрежение и скепсис в отношении общей теории психики, распространение фактологизма и сциентизма, характерные для современной американской психологии (и не только для нее!), стали барьером на пути исследования капитальных психологических проблем» (Леонтьев, 1975, с. 3–4). Советская психология пошла по другому пути, выбрав в качестве фундамента марксистскую методологию: «Методологическому плюрализму советские психологи противопоставили единую марксистско-ленинскую методологию, позволяющую проникнуть в действительную природу психики, сознания человека. Начались настойчивые поиски решения главных теоретических проблем психологии на основе марксизма. Одновременно шла работа по критическому осмысливанию на этой основе положительных достижений зарубежной психологии и развернулись конкретные исследования по широкому кругу вопросов. Складывались новые подходы и новый концептуальный аппарат, позволивший достаточно быстро вывести советскую психологию на научный уровень, несопоставимо более высокий, чем уровень той психологии, которая пользовалась официальным признанием в дореволюционной России» (там же, с. 4–5).

А. Н. Леонтьев подчеркивает, что марксистская психология – это новый этап развития психологии: «Мы все понимали, что марксистская психология – это не отдельное направление, не школа, а новый исторический этап, олицетворяющий собой начало подлинно научной, последовательно материалистической психологии. Мы понимали и другое, а именно, что в современном мире психология выполняет идеологическую функцию, служит классовым интересам и что с этим невозможно не считаться» (там же, с. 5).

И еще один очень важный момент, который подчеркивает А. Н. Леонтьев: «*Я думаю, что главное... состоит в попытке психологически осмыслить категории, наиболее важные для построения целостной системы психологии как конкретной науки о порождении, функционировании и строении психического отражения реальности, которое опосредствует жизнь индивидов. Это – категория предметной деятельности, категория сознания человека и категория личности*. Первая из них является не только исходной, но и важнейшей» (там же, с. 5).

Речь идет о «целостной системе психологии».

Б. Ф. Ломов в начало книги «Методологические и теоретические проблемы психологии» (1984) включает панорамный взгляд на современную ему психологию (Ломов, 1984, с. 3). «Современное состояние психологической науки можно оценить как период значительного подъема в ее развитии. В течение последних десятилетий расширился фронт психологических исследований, появились новые научные направления и дисциплины. Разрастается круг разрабатываемых в психологии проблем; изменяется ее понятийный аппарат. Совершенствуются методы исследования. Психология непрерывно обогащается новыми данными, формируются новые гипотезы и концепции, относящиеся ко всем основным областям ее проблематики. Психологическая наука все более активно включается в решение практических задач, возникающих в разных сферах общественной практики. Можно утверждать, что психологическая наука в современных условиях вступает в качественно новый этап своего развития» (там же, с. 4).

«Область явлений, изучаемых психологической наукой, огромна. Она охватывает процессы, состояния и свойства человека, имеющие разную степень сложности – от элементарного различения отдельных признаков объекта, воздействующего на органы чувств, до борьбы мотивов личности; от последовательного образа до фиксированной установки; от специфических перцептивных феноменов до общественного настроения масс людей и т. д. Одни из этих явлений описаны достаточно строго (как того требует наука), описание дру-

гих, по существу, сводится к простой фиксации наблюдений (иногда даже не строго научных, а просто житейских). Некоторые явления исследуются в течение уже длительного времени, и даже сформулированы законы, которым они подчиняются. О некоторых явлениях лишь просто упоминается в связи с изучением других. Многообразие явлений, изучаемых психологической наукой, создает, конечно, очень большие трудности в разработке ее *общей теории»* (там же, с. 7; курсив мой. – *В. М.*).

Б. Ф. Ломов продолжает: «Иногда думают, что обобщенное и абстрактное описание изучаемых явлений и их связей – это уже и есть теория. Конечно, такое описание, как и самые фактические данные, на основе которых оно строится, имеет большое значение для развития научной теории. Но этим теоретическая работа не исчерпывается; она включает также сопоставление и интеграцию накапливаемых знаний, систематизацию данных и многое другое; ее конечная цель состоит в том, чтобы раскрыть сущность изучаемых явлений. В этой связи необходимым образом возникают методологические проблемы. Если теоретическое исследование опирается на нечеткую методологическую (философскую) позицию, то возникает опасность подмены теоретического знания эмпирическим, соскальзывания к эмпиризму со всеми вытекающими отсюда следствиями. В этом случае основания обобщений и абстракции часто выбираются произвольно, и поэтому они не только не приближают к конечной цели, но уводят в сторону от нее (иногда – вообще от методов научного познания). В познании сущности психических явлений важнейшая роль принадлежит категориям диалектического и исторического материализма. Они являются базовыми для психологии» (там же, с. 7).

Б. Ф. Ломов подчеркивает роль категорий и приводит перечень важнейших для психологии: «В советской психологии особенно интенсивно разрабатываются такие категории, как отражение, деятельность, личность; в последние годы все чаще обращаются к категории общения... Понятиями, которые по уровню всеобщности вполне приравниваются к категориям, являются также понятия „социальное“ и „биологическое“... Перечисленные категории, конечно, не составляют исключительного достояния психологической науки, они используются и другими областями знания» (там же, с. 8). Б. Ф. Ломов указывает, что значение каждой из них и взаимоотношения между ними определяются тем, насколько они позволяют исследовать предмет психологической науки – человеческую психику (там же, с. 9).

Как можно видеть, А. Н. Леонтьев и Б. Ф. Ломов при всех различиях подходов и научных темпераментов согласны в том, что:

1) психология должна исходить из *марксистско-ленинской философии,* которая обеспечивает фундамент психологических исследований;
2) возможно построение *общей теории психологии,* хотя авторы подчеркивают, что создание общей теории дело не простое;
3) в построении такой теории важнейшая роль отводится *методологии.*

По поводу первого положения необходимо отметить, что, разумеется, по-иному и быть не могло. Лидер психологии в СССР – хотел он того или не хотел – обязан был принимать идеологию и использовать соответствующую риторику.

Конечно, общую теорию эти выдающиеся психологи представляли себе по-разному. А. Н. Леонтьев полагал, что особую роль должна играть категория «деятельность» и в разработке теории рассчитывал на глубокий *теоретический* анализ деятельности. Б. Ф. Ломов считал, что базовых понятий должно быть несколько, а средством создания общей теории должен выступить *системный* подход.

По-разному они представляли себе и решение фундаментальных проблем психологии и в первую очередь биосоциальной. На этом мы остановимся более подробно. Можно полагать, они видели реальные сложности решения поставленных перед собой задач. Приведем высказывание А. Н. Леонтьева, намечающее дальнейшую перспективу: «Она открывается, на мой взгляд, исследованием тех переходов, которые можно назвать межуровневыми. Мы без труда выделяем разные уровни изучения человека: уровень биологический, на котором он открывается в качестве телесного, природного существа, уровень психологической, на котором он выступает как субъект одушевленной деятельности, и, наконец, уровень социальный, на котором он проявляет себя как реализующий объективные общественные отношения, общественно-исторический процесс. *Сосуществование этих уровней и ставит проблему во внутренних отношениях, которые связывают психологический уровень с биологическим и социальным* (курсив мой. – *В. М.*). Хотя эта проблема издавна стоит перед психологией, она и до сих пор не может считаться в ней решенной. Трудность заключается в том, что для своего научного решения она требует предварительной абстракции тех специфических взаимодействий и связей субъекта, которые порождают психическое отражение реальности в мозге человека. Категория деятельности, собственно, и содержит в себе эту абстракцию, которая, разумеется, не только не разрушает целостности конкретного субъекта, каким мы встречаем его на ра-

боте, в семье или даже в наших лабораториях, но, напротив, возвращает его в психологию» (Леонтьев, 1975, с. 231–232). Эта высказывание проясняет суть дела.

Итоги тех давних дискуссий[1] подвел А. Г. Асмолов. «В 1970-е годы А. Н. Леонтьев предложил метафору: психология должна развиваться „в ствол“. Метафора „ствола“ четко передает установку А. Н. Леонтьева на необходимость единства и монолитности психологической науки. Другой наш исследователь, Б. Ф. Ломов, оппонируя А. Н. Леонтьеву, утверждал, что психология должна развиваться „в куст“. Эта дискуссия явно или неявно продолжается в современной психологии, в борьбе между сторонниками психологии, пытающейся „объять необъятное“ и сохранить идентичность, и психологии, отвечающей на сиюминутные вызовы времени, прежде всего это вызовы практики. Глядя на психологию сегодняшнего дня, я бы сказал, что в большей степени отражающей нашу реальность оказалась метафора Б. Ф. Ломова» (Асмолов, Гусельцева, 2015, с. 7–8).

Сегодня мы очень хорошо понимаем, что эти авторы были большими оптимистами. В приведенном выше высказывании точно подмечено, что главный вопрос ныне в сохранении *идентичности психологии*. Либо психология единая наука (и уже второй вопрос, на каких категориях она будет базироваться), либо в современной психологии мы имеем лишь конгломерат отдельных подходов, частных поддисциплин, не вполне соотносящихся между собой, и ни о каком единстве речи быть не может (вопрос о категориях вообще теряет актуальность).

Во втором случае остается лишь «гордое» слово, которое, как мы помним, в некоторой степени утратило былую славу и пафос.

Однако задержимся еще на 1970–1980-х годах, на той общей психологии, которая существовала в то время в СССР. Действительно всего несколько десятилетий тому назад в отечественной психологии, как представляется, была общая психология – учение, которое в основных чертах разделялось подавляющим большинством психологов в СССР. Общая психология преподавалась в университетах и педагогических институтах по единым программам, существовали учебники, соответствующие этим программам. В этих учебниках об общей психологии было написано, что, изучая наиболее общие

---

1 Ради исторической справедливости отметим, что дискуссия между А. Н. Леонтьевым и Б. Ф. Ломовым была заочной. Реальная дискуссия происходила между А. А. Леонтьевым и Б. Ф. Ломовым, что в научной периодике того времени имело широкий резонанс.

закономерности и механизмы психики, она является ядром, центральной дисциплиной, вокруг которой группируются отрасли, специальные психологические дисциплины.

Возьмем в руки условный учебник психологии той поры, полистаем его. Зададим вопрос: что же обеспечивало единство приведенного там материала?

Ответ прост: «единство» создавалось за счет «правильных» слов, диалектической психологической риторики. «Едино, но не тождественно...» Иными словами, никакого единого учения на самом деле не было, была лишь его видимость. Как любил говорить один из отцов марксизма-ленинизма, «кажимость». Кажимость эта, в частности, проявлялась в том, что в начальной главе научного труда говорилось о психике, отражении и регуляции, далее при разборе психических процессов об этом еще изредка вспоминали, но, когда дело доходило до психических свойств, забывали совершенно. Это к тому, что единство только провозглашалось, декларировалось, но реально его не было (Мазилов, 1998, 2017). Здесь мы подошли к формулированию центрального для этого раздела нашей статьи вопроса.

Почему так произошло? Что теперь с этим делать? Попробуем последовательно на эти вопросы ответить.

Итак, почему? Ответ простой. Не позволило *марксистско-ленинское учение,* которое на самом деле было всесильно, поскольку выполняло роль философской методологии для советской психологической науки. Ответ на вопрос, насколько оно было верно, сегодня очевиден.

Здесь необходим некоторый комментарий. Это была не вина, это была беда марксистско-ленинской философии. Психология никогда специально не интересовала марксизм, поэтому психологические вопросы остались на периферии учения и решались по «остаточному» принципу. Главные интересы учения были сосредоточены (в силу исторических обстоятельств) на материалистическом понимании истории. Основу общества видели в материальном производстве. «Основной вопрос» философии однозначно решался в пользу первичности бытия.

Как хорошо помнят все, кто учился в вузе в советскую эпоху, «великий основной вопрос всей, в особенности новейшей, философии есть вопрос об отношении мышления к бытию» (Энгельс, т. 21, с. 283).

Справедливости ради стоит отметить, что К. Маркс был выдающимся социологом, социологию он в основном и разрабатывал (философия как таковая интересовала его главным образом в ранних работах). «Собственно философские» вопросы в марксизме исследовал

главным образом его верный соратник Ф. Энгельс. В своих поздних работах он фактически признавал известные искажения в восприятии марксизма его последователями (см.: Энгельс, т. 37, с. 395–396). Энгельс точно указывает причины, почему так получилось: «Маркс и я отчасти сами виноваты в том, что молодежь иногда придает больше значения экономической стороне, чем это следует. Нам приходилось, возражая нашим противникам, подчеркивать главный принцип, который они отвергали, и не всегда находилось время, место и возможность отдавать должное остальным моментам, участвующим во взаимодействии» (Энгельс, т. 37, с. 397).

Основной вопрос философии в ленинизме решался материалистически: материя однозначно первична. К тому же добавим, что самим Энгельсом была предложена классификация форм движения материи, которая полностью ассимилирована диалектическим материализмом. Ф. Энгельс отмечал наличие пяти основных форм движения материи: 1) механическое движение, связанное с перемещением тел в пространстве; 2) физическое (по существу тепловое) движение как движение молекул; 3) химическое движение – движение атомов внутри молекул; 4) органическое или биологическое движение, связанное с развитием белковой формы жизни; 5) социальное движение (все изменения в обществе).

В марксистско-ленинском учении, которое стало философским уровнем методологии в советской науке, это положение было канонизировано. К чему это реально привело и как именно эта канонизация повлияла на психологию в СССР, мы увидим ниже.

Опять же исключительно ради справедливости отметим, что в марксизме-ленинизме произошла догматизация марксистского учения. В результате замечательные проникновенные слова Ф. Энгельса из «Людвига Фейербаха» остались просто риторикой: «Для диалектической философии нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, святого. На всем и во всем видит она печать неизбежного падения, и ничто не может устоять перед ней, кроме непрерывного процесса возникновения и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему. Она сама является лишь простым отражением этого процесса в мыслящем мозгу. У нее, правда, есть и консервативная сторона: каждая данная ступень развития познания и общественных отношений оправдывается ею для своего времени и своих условий, но не больше. Консерватизм этого способа понимания относителен, его революционный характер абсолютен – вот единственное абсолютное, признаваемое диалектической философией» (Энгельс, т. 21, с. 276). Революционный характер в ле-

нинизме был сведен к минимуму, а консерватизм расцвел пышным цветом...

Выше мы цитировали работы А. Н. Леонтьева и Б. Ф. Ломова. Напомним, что оба акцентировали внимание на особом значении решения биосоциальной проблемы для психологии: оба автора придавали большое значение решению именно вопроса о биосоциальной детерминации психики.

Важнейшим этапом в разработке данной проблемы в советской психологии явилось формулирование С. Л. Рубинштейном в 1934 г. известного принципа единства сознания и деятельности. С. Л. Рубинштейн опирался на ранние работы Маркса, в которых было показано, что *природа человека является продуктом истории*. Это положение стало ключевым для трактовки биосоциальной проблемы в отечественной философии и психологии.

Обратим внимание на то, что между рассмотрением биосоциальной проблемы в развитии *человека* в целом и в *психологии* существенного различия не проводилось. Приведем высказывание П. Н. Федосеева: «Новейшие успехи биологии, в частности генетики, создают условия для исследования многообразных конкретных форм взаимодействия биологического и социального в процессе развития *человечества, индивида, личности* (курсив мой. – *В. М.*) в ходе развития общества» (Федосеев, 1977, с. 5).

Выделим существенные моменты. «Проблема биологического и социального упирается в общефилософскую трактовку *единства* мира и *качественного своеобразия* различных уровней, проявлений, сфер этого в целом единого материального мира. Различные уровни, сферы бытия подчиняются *всеобщим* закономерностям, выражающим единство мира, и вместе с тем на каждом таком качественно своеобразном уровне бытия действуют *специфические* закономерности. Таким образом, между разными сферами, уровнями бытия есть сходство, преемственность, связь и вместе с тем есть качественное своеобразие, различие» (там же, с. 17–18).

Применительно к психологии «можно сказать, что физиологические, вообще биологические закономерности абсолютно необходимо знать и учитывать для познания психических процессов. И вместе с тем психика, сознание, мышление – это качественно новые явления, детерминируемые более сложными, специфическими закономерностями, никак не сводимыми к физиологическим» (там же, с. 18). К сожалению, как мы увидим дальше, догматизм учения не позволил подойти к раскрытию закономерностей собственно «психики, сознания, мышления».

«Перед наукой стоит сложнейшая задача – раскрыть тот конкретный и всеобщий способ, или *механизм,* взаимодействия биологического и социального, который обеспечивает 1) специфичность, нетождественность и вместе с тем 2) преемственность, взаимосвязь обеих этих сфер бытия в развитии и поведении человека» (там же, с. 20).

Как можно видеть в вышеприведенных фрагментах, речь идет именно о взаимодействии биологического и социального. Психическое при этом парадоксальным образом не учитывается, хотя речь идет о биологической и социальной обусловленности *«психики, сознания, мышления»*. В статье философа П. Н. Федосеева очень верно говорится о *специфичности сфер бытия,* но психическое в число этих сфер не попадает.

К обсуждению причины мы вернемся ниже, а пока обратимся к другой главе из той же монографии, где помещена работа П. Н. Федосеева. В главе, написанной Б. Ф. Ломовым, также дается анализ этой проблемы (Ломов, 1977): «Накоплено немало данных, показывающих, что развитие человеческого организма опосредствуется социальными условиями его существования. Вместе с тем формирование тех качеств человека, которые определяются как социальные, протекает не вне человеческого организма и не помимо процесса биологического развития, а в ходе этого процесса. На пути изучения взаимного опосредствования биологического и социального преодолевается дуалистический подход к изучению человека, складывается понимание процесса его развития как *единого* процесса, в ходе которого формируется и развивается все многообразие его свойств» (там же, с. 36).

Нельзя не согласиться с высказыванием Б. Ф. Ломова: «Проблема соотношения биологического и социального является одной из *кардинальных* проблем психологической науки, она пронизывает, по существу, все сферы последней. Без ее фундаментальной разработки вряд ли возможно построение целостной логически связанной теории психологии» (там же, с. 36).

Действительно, в решении биосоциальной проблемы видится залог дальнейшего развития психологии. Однако вернемся к обсуждению взглядов П. Н. Федосеева. Как нам представляется, подобный подход не только не способствует решению биосоциальной проблемы в психологии, но фактически закрывает дорогу к ее реальной постановке.

1. П. Н. Федосеев не делает четкого различия между биосоциальной проблемой применительно к *человеку в целом* и его *психике.* Между тем, если онтология человека вполне понятна (что, ко-

нечно, не исключает различных точек зрения на эту онтологию), то про *онтологию психического* не говорится ничего. Это становится понятным, если мы вспомним, что психика из сфер бытия исключена. Как мы помним, Ф. Энгельс отмечал наличие пяти основных форм движения материи. Поскольку психика – не материя, то места здесь для психического не нашлось. Как представляется, именно это и явилось основанием для неправильного определения места и роли психики в *научной картине мира.*

Биосоциальная проблема при таком понимании трансформируется во *взаимодействие* двух факторов. Подчеркнем, что в этом случае речь может идти *только* о *взаимодействии биологического и социального,* результатом чего и должно выступать само психическое и что, как хорошо известно из истории психологии, заводит решение проблемы в тупик. Это происходит по той причине, что психическому в марксистско-ленинской философии отказано в самостоятельном существовании: «сферой бытия» или «уровнем» психика, согласно идеологам, не является.

Заметим, что, хотя философию марксизма в отечественной психологии вспоминают сегодня нечасто и хотя она перестала официально выполнять роль философской методологии, имплицитно старые идеи сохраняются в сознании многих психологов. К этому вопросу мы в настоящей статье еще вернемся.

Понятно, что психическое должно – при таком понимании – трактоваться исключительно *как процесс,* возникающий при взаимодействии материальных систем. Такой подход правомерен, он позволят решить некоторые частные вопросы, но, очевидно, для решения таких *кардинальных проблем,* как биосоциальная в современной *психологии,* явно непригоден. Психическое не эфемерный момент взаимодействия материальных систем, а реально существующее явление.

Необходимо трактовать психическое как *реально существующее,* имеющее онтологический статус. Это означает, что психическое имеет свою архитектуру, которая, очевидно, является весьма сложной. Процессуальный анализ здесь помочь не может. Подчеркнем, что онтологический статус психического является необходимым условием для существования психологии как фундаментальной науки.

2. Как справедливо указывает Б. Ф. Ломов, проблема соотношения биологического и социального «пронизывает, по существу, все сферы» психологической науки. Поэтому, пытаясь решить проблему, надо рассматривать всю психологическую науку, т. е. иметь в виду *психику как целостность.* В этом случае мы сможем приблизиться к пониманию детерминации, которая, согласно мысли С. Л. Рубин-

штейна, предполагает действие внешних причин через внутренние условия. Можно полагать, что это единственная возможность, когда решение биосоциальной проблемы не будет означать безусловной редукции психического к биологическим или социальным причинам (Мазилов, 2020а, е, д).

3. По сути, в настоящее время возникла прямая и явная угроза существованию психологии как фундаментальной науки. Главная функция фундаментальной науки – объяснение. Как легко увидеть, объяснение практически исчезло из психологии (Мазилов, 2020а, б). Если мы обратимся к классификации методов психологического исследования Б. Г. Ананьева (лучшей пока что не предложено), то обнаружим, что об объяснении там речи нет: говорится лишь об интерпретации. Если кто-то скажет, что интерпретация и объяснение – близкие понятия, вынужден возразить. Сила науки в объяснении, причем в причинно-следственном объяснении. Оно фактически не используется в современной психологии, ибо в силу указанных выше причин неизбежно ведет к редукции психического к непсихическому – к тому же *биологическому* либо *социальному* (Мазилов, 2017, 2020в).

Интерпретация в отличие от объяснения *произвольна* и *множественна,* многовариантна. Являясь по своей сути интеллектуальной игрой, интерпретация не претендует на обнаружение *истины.* Полноценным научным объяснением является причинно-следственное. Условия его «возвращения» в психологию нами обозначены (Мазилов, 2020г, д).

Могут быть названы и четвертый, пятый доводы и т. д. Скажем только, что большие сомнения вызывает правомерность трактовки *всей* психики как *отражения.* Не будем загромождать изложение дальнейшим перечислением «узких» мест старой философской методологии. Ясно, что необходимы существенные перемены в философской методологии.

Как представляется, продуктивным может быть подход, при котором соблюдаются некоторые условия, важнейшим из них является *отказ от неоправданных ограничений,* проистекающих из марксистско-ленинского учения, которое было некогда всесильным, но, как выясняется, во всяком случае в вышеобозначенных положениях не оказалось верным.

Безусловно, правы И. А. Мироненко и А. Л. Журавлев: «Биосоциальная проблема сохраняет высокую актуальность для психологической науки в эпоху глобализации» (Мироненко, Журавлев, 2019, с. 94). Биосоциальная проблема до сих пор не решена, а вместе с тем

остается проблематичным существование общей психологии в статусе дисциплины, имеющей внутреннее *единство содержания*.

Такое положение дел с решением фундаментальных проблем, какое было зафиксировано выше, как уже отмечалось, в значительной степени сохранилось и в современной психологии, ее актуальность в настоящее время только возросла. Остро необходимо формулирование концепции современной *философии психологии,* современного взгляда на психическое, его место и роль в картине мира и стратегии его исследования. Острота ситуации связана с тем, что многие представители старших поколений психологов, освободившись от философской риторики, в значительной степени концептуально имплицитно сохраняют старые представления о психике. Но главная беда, как думается, в том, что у молодых психологов, только получающих образование, складывается превратное представление о фундаментальных вопросах психологии, поскольку новых трактовок и четкого формулирования подлежащих решению проблем в современных условиях, как правило, не предлагается. В результате вряд ли стоит удивляться стремительному падению интереса молодых психологов к теории и практически поголовное стремление заниматься психологической практикой.

Остро необходимо обсуждение и решение этих фундаментальных вопросов. Как представляется, самая актуальная и насущная задача нашей общей психологии сегодня – если мы хотим сохранить психологию как фундаментальную науку – состоит в незамедлительной разработке философии психологии (см. общий абрис философии психологии: Мазилов, 2017). Под философией психологии понимается разработка концепции, которая, в частности, определяет и обосновывает статус психического, определяет стратегические пути его понимания и исследования, раскрывает предмет психологической науки и общую теорию объяснения в психологии. Философия психологии должна дополнять традиционную когнитивную методологию. Создание и оформление философии психологии – главная задача сегодня. «Опасность в промедлении» – писал в давние времена о подобных ситуациях Тит Ливий.

Разработка философии психологии, отвечающей на фундаментальные вопросы психологии, представляется задачей *стратегической.*

Первоочередная задача, *тактическая,* – изменение положения в общей психологии. Тактике решения задачи будет посвящена завершающая часть настоящей статьи.

Вернемся, однако, к тому, что описанное выше положение дел в значительной степени сохранилось и в современной психологии.

Возможно, если сказанное выше покажется сгущением красок, существенным преувеличением, отошлем к недавней статье А. Н. Лебедева (2020). Ученый отмечает, что исследованию саморазвития препятствовали философские установки: «В значительной степени невнимание к теме саморазвития личности в отечественной психологии определялось не только и не столько отсутствием научного интереса к явлению и адекватных исследовательских методик, сколько влиянием советской идеологии, поскольку идея саморазвития в определенной мере противоречила принципу детерминизма, который был важнейшей нормой методологии науки того времени. Даже отсылка к диалектическим законам развития через внутренние противоречия часто не удовлетворяла идеологов от науки, когда речь шла о личности, поскольку с позиций марксизма «само» ничего происходить не может, а психика является лишь специфическим отражением материального мира» (Лебедев, 2020, с. 98).

А. Н. Лебедев отмечает: «Еще одна проблема, связанная с явной нехваткой исследований саморазвития личности, может быть определена как методологическая проблема сложившейся типологии психических явлений. В частности, традиционное представление о психике, описанное в настоящее время в большинстве учебников общей психологии для студентов вузов, таково, что в ней различают ряд структурных элементов: психические процессы, свойства и состояния. В этом случае, как известно, личность относится к свойствам психики, мышление – к психическим процессам, а чувства – к состояниям. Более того, если исследователь заявляет, что изучает личность, но объясняет механизм ее развития мышлением, влияющим на формирование высших социальных эмоций (чувств), ему могут сделать замечание о том, что это разные области психологического знания, которые смешивать нецелесообразно. В этом прослеживается парадокс: интуитивно мы понимаем, что психические свойства во многом зависят от самого человека, от его способности к управлению собственным поведением через осмысление и «прочувствование» мотивов, ситуаций и поступков. С другой стороны, смешение предметных областей вызывает критику со стороны прежде всего академических ученых, стремящихся к соблюдению исторически сложившихся норм и правил» (там же, с. 101).

С такой ситуацией мириться нельзя, поскольку, осознавая трудности исследования сложных целостных объектов, многие ученые предпочитают выбирать более простые задачи. Ситуация, кстати, характерна не только для психологии, но и для других научных дисциплин. «Более полувека назад (1960) британский The Lancet, один

из ведущих медицинских журналов мира, опубликовал описание симптомов необычной болезни, только-только начавшей проявляться в мировом научном сообществе. Проницательные британские клиницисты еще не знали тогда, что описанная ими болезнь к концу XX в. примет масштабы пандемии… Вот резюме их описания этой опасной болезни: „Когда исследователь достигает стадии, на которой он перестает видеть за деревьями лес, он слишком охотно склоняется к разрешению этой трудности путем перехода к изучению отдельных листьев"» (Вите, 2013, с. 5).

К несчастью, эта пандемия глубоко поразила и психологию: очень много работ, о листьях и ветвях, но очень мало о лесе. Как нам представляется, наибольшим препятствием для продуктивной разработки психологической науки является недостаточная *методологическая проработанность* проблем. В первую очередь речь идет о конструкте «предмет психологии».

В чем видится выход из сложившейся ситуации? На наш взгляд, необходимо в первую очередь найти объединяющее начало. Очевидно, найти его можно в том, с чем подавляющее большинство психологов согласно.

Речь совершенно не идет об очередной утопической попытке ввести единомыслие в каком-либо варианте. Речь только о том, чтобы наметить базовую платформу, которая создается конструктом «предмет психологии».

Специально подчеркнем, что структура предметного поля психологии остается традиционной. Никаких революций и «перерывов постепенности» при этом не предполагается. Никто не предлагает отказываться от каких-либо исследований и разработок: все корректные и добросовестные исследования, проведенные психологами разных поколений, могут быть объединены общей идеей, включены в общий контекст предмета.

Оценим существующую ныне в общей психологии ситуацию с позиции наличия общей идеи. Именно об этом и пойдет сейчас речь. Если пытаться охарактеризовать современную мировую психологию в терминах куновских парадигм, то придется сказать, что психологическая наука находится на допарадигмальном уровне. Главное свидетельство допарадигмальности можно видеть в том, что отсутствуют концептуальные представления, объединяющие не то что все научное сообщество, а даже его значительную часть.

В. Ф. Чиж в 1886 г., на заре возникновения научной психологии, утверждал: «В прошлом психологии мы не находим самого главного признака того, что предмет изучался научно, – равномерного про-

гресса; известно, например, как мало-помалу развивалась механика, выяснялись новые факты, создавались все более и более объясняющие теории, предыдущее дополнялось, а не уничтожалось последующим; не то в психологии: каждая новая система прежде всего объявляла несостоятельными все предыдущие, потому что это были метафизические системы психологии, а не последовательная разработка психологии как науки» (Чиж, 1886, с. 5).

Оценивая позицию В.Ф. Чижа, мы спустя значительное время можем констатировать, что по большому счету в главном она не утратила своей актуальности. Вновь возникающие подходы направлены на утверждение нового взгляда. Практически каждый новатор пытался распространить свой подход на как можно более обширную область, но за малым исключением почти никто не ставил задачи ассимилировать накопленный в психологии опыт. Отсюда понятна главная причина «пробуксовки» интеграции: отсутствие платформы, на которой возможна консолидация и накопление знания. И первым шагом должна явиться такая трактовка предмета, которая позволит этой аккумуляционной платформе функционировать.

Возможно ли найти такое объединяющее начало?

В 1890 г. Уильям Джемс писал о том, что были мыслители, отрицавшие существование внешнего мира, но в существовании внутреннего мира никто не сомневался. Предлагается вернуть *внутренний мир* в качестве предмета психологии. Сегодня мы понимаем, что внутренний мир существует реально, имеет онтологический статус. Стоит специально подчеркнуть, что такая позиция представляет собой в известном смысле возврат к традиционным взглядам на психологию, продолжает традиции классической психологии, но на новом уровне.

Сегодня совершенно ясно, что, разделяя психику на отдельные психические процессы, рассматривая психические свойства и состояния как отдельные психические явления, мы закрываем дорогу для осмысления внутреннего мира как целого.

Сделаем лишь некоторые комментарии (подробно см.: Мазилов, 2020в).

Скажем главное: внутренний мир един, многопланов и многомерен и, что особенно важно, имеет много уровней. Как мы отмечали вслед за Джемсом, в наличии у человека внутреннего мира никто серьезно не сомневался. Поэтому идея «внутреннего мира» уникальна тем, что она ничего не опровергает, не предлагает отказываться от каких-либо исследований и разработок. Все корректные и добросовестные исследования, проведенные психологами разных поколений, как отмечалось выше, могут быть объединены этой общей идеей,

включены в общий контекст внутреннего мира. Условие для этого очень простое: надо хорошо понимать, к какому уровню, к какому аспекту тот или иной результат может быть отнесен. В наиболее сложных случаях может быть использован аппарат коммуникативной методологии (там же).

Как неоднократно писалось, предмет психологии должен выполнять определенные функции и иметь, исходя из теоретического методологического анализа, определенные характеристики. Отметим, что трактовка предмета как внутреннего мира прошла соответствующую проверку (см.: Мазилов, 2019, 2020е).

Уже неоднократно приходилось писать, что психологи в целом достаточно легкомысленно относятся к проблеме предмета. Причина такого положения дел в принципе хорошо понятна. Предмет психологии – психика (если не сказать душа), что это такое по своей сути – не вполне ясно. Поэтому психологам очень пришлась по душе придумка Л. С. Выготского, предложившего вместо непонятного целого изучать «более понятные» и доступные «единицы психического». Не будем здесь приводить аргументацию против такого подхода к рассмотрению предмета психологии (см.: Мазилов, 2020в).

На нынешнем уровне развития психологической науки адекватные целостному предмету единицы вряд ли могут быть сконструированы. Дело в том, что по большому счету мы пока не постигли сущности психического. Как считал Карл Юнг, мы пока не можем постичь природу психики, «психического фактора»: «Мы еще очень далеки от того, чтобы даже приблизительно понять его сущность» (Jung, 1967, S. 418). Раз мы не понимаем в точности сущности целого, вряд ли мы сможем сконструировать единицы, отражающие эту не вполне понятную нам сегодня сущность.

Поэтому единственно правильной стратегией в этом случае является рассмотрение предмета в целом – как совокупного предмета. Для темы нашей статьи важно подчеркнуть, что реализация такого подхода позволяет решить многие задачи, которые раньше вызывали значительные затруднения. Отметим самые принципиальные моменты.

Нам уже приходилось писать о том, что логика выделения единиц неизбежно приводит к тому, что происходит «воплощение» психического, в частности, его сведение к тем или иным моделирующим представлениям (Мазилов, 2019). Иными словами, уже в процессе *понимания психического* происходит определенная редукция. Такое сведение представляется неизбежным. Этого не произойдет, если мы будем понимать под предметом науки психологии целостность,

т. е. *совокупный предмет*. Это создает принципиальную возможность идти не от элементов или единиц, а именно от *целого*. В нашем случае моделирующим представлением выступает «мир», но внутренний мир, который имеет свою архитектонику (созданную на основе опыта философских и психологических исследований).

Обратим внимание еще на один момент. Это единство не *задается* декларативно, а *обнаруживается* через единство входящих в него компонентов, которые трактуются не как разнородные, а, напротив, как взаимообусловленные. Именно поэтому можно утверждать, что при таком подходе используется нередуктивная логика исследования.

Как уже упоминалось, необходимо аккумулирование имеющегося знания. Для того чтобы производить со знанием какие-либо действия, необходима площадка для сборки, некая базовая платформа.

Такой подход позволяет:

- аккумулировать психологическое знание, формировать корпус знания;
- обеспечивать интеграцию, соотнесение знаний и их консолидацию;
- сделать предмет инструментом содержательной работы;
- обеспечить выполнение предметом определенных функций в структуре психологического знания;
- выполнить роль предметной матрицы, которая определяет аккумулирование содержания и работу с ней, выполняя роль предметной объединяющей платформы;
- использовать инструмент коммуникативной методологии и осуществлять нефорсированную интеграцию психологического знания, сформированного в рамках различных подходов.

До недавнего времени не было возможности рассматривать внутренний мир человека в его целостности, внутренний мир был лишь общей идеей. Работы В. Д. Шадрикова и его последователей (Мазилов, 2020в, е; Шадриков, 2006, 2019; Шадриков, Мазилов, 2015), в которых внутренний мир был не только провозглашен предметом психологии, но и была представлена его архитектоника, сделали возможным конкретизировать и операционализировать внутренний мир человека, в связи с чем возникает возможность конкретно пересмотреть основные психологические понятия, выявить новые отношения между ними.

Этот конструкт, как уже упоминалось, прошел соответствующую проверку, было показано, что он удовлетворительно выполня-

ет необходимые функции и представляет собой надежный методологический инструмент. Внутренний мир един, что обеспечивается, в частности, переосмыслением категории «способности», которая объединяет все традиционно выделяемые в психологии психические явления (Мазилов, 2020е, и). Принципиальным при этом является уровневый подход (в концепции В.Д. Шадрикова представлены природный, субъектный и личностный уровни).

Не будем говорить о перспективах данного подхода. Лишь обратим внимание, что понятие «способности» занимает вполне определенное и, что важно, ведущее место среди других психологических понятий (см.: Журавлев, Мазилов, 2019). Подчеркнем, что в их структуре находится место для духовных способностей. Внутренний мир имеет и духовное измерение.

Как отмечалось, была определена архитектоника внутреннего мира, в которой присутствуют все традиционные психологические понятия, что внушает оптимизм относительно выполнения интегрирующих функций. Использование такого подхода позволяет преодолеть функционализм, неизбежный при традиционном понимании предмета, наметить удовлетворительное решение методологических проблем психологии (Мазилов, 2020а, б, в).

В чем видится главное преимущество такого подхода для перспектив психологии? В первую очередь это позволяет исходить из целостности, которую представляет внутренний мир. Когда пытаются связывать реалии жизни с отдельными (пусть и очень важными) характеристиками психической организации человека (интеллект, эмоции, мотивы, убеждения и т.п.), неизбежно получают достаточно неоднозначные (или противоречивые результаты). И дело оказывается не в том, что человек принимает решения рационально или нерационально – общего правила быть не может, поскольку в каждом случае необходимо учитывать целостность и многоуровневость внутреннего мира.

С.Л. Рубинштейн в 1950-е годы сформулировал важный вывод, который может быть представлен известной формулой «Внешние причины действуют через внутренние условия». В контексте наших рассуждений внутренние условия представляются не неким мистическим амортизатором, преломляющим внешние воздействия, но в качестве внутренних условий выступает архитектоника внутреннего мира, имеющая, как упоминалось, уровневый характер. Внешние воздействия будут понятны после того, как мы выявим и исследуем детально систему *внутренних* связей *внутреннего мира*. Как ясно из вышеизложенного, внутри предмета – внутреннего

мира – возможно использование причинно-следственного объяснения, которое в этом случае имеет нередуктивный характер. Именно это, как мы помним, способно дать точные и определенные ответы (Мазилов, 2020г, д, е). Поскольку в структуре внутреннего мира человека наличествуют психологические образования, имеющие различное происхождение и разную природу, относящиеся к разным уровням функционирования, причинно-следственное объяснение имеет значительные перспективы.

Предложенная трактовка не претендует на исключительность. Возможны и другие варианты. По нашему убеждению, современным психологам в первую очередь необходимо добиться взаимопонимания и объединения усилий, без чего об интеграции говорить не приходится. Выбор той или иной общей платформы неизбежен, если мы хотим сохранить нашу науку – науку о возвышенном и совершенном. Аристотель в начале трактата «О душе» мудро замечает: «Признавая познание делом прекрасным и достойным, но ставя одно знание выше другого либо по степени совершенства, либо потому, что оно знание о более возвышенном и удивительном, было бы правильно по той и другой причине отвести исследованию о душе одно из первых мест. Думается, что познание души много способствует познанию всякой истины, особенно же познанию природы» (Аристотель, 1975, с. 371). И он не имел иллюзий, что все будет получаться гладко и быстро, ибо несколькими строками ниже заметил: «Добиться о душе чего-нибудь достоверного во всех отношениях и безусловно труднее всего» (там же).

Как представляется, на такой платформе, которая была представлена выше, возможна разработка общей психологии, которая удовлетворительно представит в общей картине уровни и пространства психики и тем самым создаст возможность для агрегации, аккумулирования психологического знания.

Природа научного психологического знания

Психология традиционно отличается от других дисциплин исключительным многообразием как исследовательских подходов, так и сформулированных теорий, концепций и обобщений разного уровня (подробнее см.: Парадигмы в психологии…, 2012; Прогресс психологии…, 2009; Психологическое знание…, 2018; и др.). Обычно такое многообразие связывают с исключительной сложностью предмета и объекта психологической науки, в чем вряд ли стоит сомневаться. Поэтому психологов совсем не удивляет, что в этой науке сосущест-

вуют десятки теорий одного и того же психического явления. Хорошо известно, что теорий множество, причем никак нельзя сказать, что какие-то безнадежно устарели, а какие-то неправильны. Приходится делать вывод, что психологи смирились с мультивариативностью концептуального наполнения своей науки и не видят в этом ничего экстраординарного.

Итак, констатируем. Мультивариативность – фирменный знак нашей науки. Если бросить беглый взгляд на историю психологии, легко увидеть явную закономерность: сторонники нового возникающего направления высказывают недовольство не удовлетворяющим их подходом, с которым полемизируют (и от критики которого отталкиваются в своих разработках), и, как следствие, формулируют свой новый подход, который спустя какое-то время подвергается чьей-то новой критике, причем критики, в свою очередь, предлагают свой новый подход.

Иногда (например, так было в новой и новейшей истории психологии в начале 1960-х или в начале 2000-х годов) появляются попытки воззвать к интеграции подходов и научного знания, но они, как правило, достаточно быстро угасают.

Как результат: мировая психология находится на допарадигмальном уровне (по Томасу Куну – см.: Кун, 2003, 2014), новых подходов много, общего продвижения вперед практически нет, аккумуляция знания происходит только внутри того или иного направления, но конечный результат уже был показан – данный подход с течением времени вытесняется другими, которые на тот период времени считаются более современными.

Выше мы приводили мнение В. Ф. Чижа, указавшего главный недостаток довундтовской психологии. Характеристика довундтовской психологии может быть отнесена и к психологии современной. Например, А. В. Юревич считает, что прошлое психологии «обычно предстает как скопление ошибок, нагромождение артефактов, паутина тупиковых направлений исследования или, в лучшем случае, как беспорядочное накопление феноменологии, которое по отношению к психологии грядущего призвано сыграть ту же подготовительную роль, какую философия сыграла по отношению к науке. Именно в силу такого отношения к прошлому психологическое знание не кумулятивно, а любое новое направление психологической мысли уверенно отметает все предыдущие, видя в них только «кладбища феноменологии», фон для оттенения своих достоинств и иллюстрации чужих ошибок» (Юревич, 2008, с. 5).

В многочисленных подходах, сформулированных теориях и концепциях используются термины, которые имеют *различные,* не совпадающие значения. Иными словами, в существующих теориях мышления (личности и т. д.) характеризуется именно мышление (личность и т. д.), но нет никакой гарантии, что в них под мышлением (или личностью и т. д.) понимается одно и то же.

Еще в середине XX в. Г. Олпорт насчитал более полусотни различных определений личности. Число различающихся определений за прошедшие десятилетия, надо полагать, существенно увеличилось. Нет никаких сомнений, что реальность такова: число возможных концептуализаций настолько велико, что построение универсальной концепции (мышления, личности и т. д.) в прогнозируемом будущем вряд ли ожидаемо.

Принципиально важно, как реагируют на это положение вещей сами психологи. Реакция психологов может быть определена как безразличная, поскольку они принимают это положение и практически ничего для изменения ситуации не предпринимают. Дополнительным фактором, оправдывающим индифферентность психологического сообщества в отношении множественности подходов и трактовок в психологии, явилось влияние идей Томаса Куна. В 1962 г. была опубликована книга Т. Куна «Структура научных революций», в десятой главе которой утверждалось, что теории до и после революции являются *несоизмеримыми.* Эта идея, развиваемая также в работах П. Фейерабенда, стала дополнительным аргументом, чтобы не предпринимать попыток какого-либо соотнесения теорий.

Между тем специальный анализ показывает, что тезис о несоизмеримости теорий к современной психологии неприменим (Мазилов, 2013, 2020). Отметим, что: 1) в более поздних работах сам Т. Кун несколько скорректировал и смягчил свою позицию по поводу несоизмеримости; 2) для психологии более правильным является тезис о *соизмеримости* психологических теорий (Мазилов, 2013, 2020); 3) разработан методологический аппарат, позволяющий производить соотнесение психологических теорий (коммуникативная методология) (Мазилов, 2017).

Как нам представляется, философско-эпистемологическое исследование современной научной психологии остро необходимо, причем и для психологии, и для самой философии. В настоящее время ясно, что естественно-научный стандарт не является единственным. Более того, очевидно, что многие положения философии науки, сформулированные на основе анализа естественных наук, неприменимы напрямую к современной психологии (там же). С точки зрения

философии науки современная психология представляет уникальный материал для разработки новых более конструктивных эпистемологических моделей построения науки.

Именно в психологии в настоящее время накоплен материал, который позволяет в значительной степени пересмотреть и установить новое понимание процессов, происходящих в науке. Во всяком случае стоит принять во внимание, что традиционный тезис, представленный в работе Т. Куна, а затем и П. Фейерабенда, о несоизмеримости теорий и фактологической основы для психологии не доказан. Более того, сформулировано положение о соизмеримости в психологии теорий одного уровня, соотносимы и факты, так как традиционно факт рассматривается как единое простое явление, тогда как специальное исследование показывает, что факт в психологии имеет достаточно сложное строение (Мазилов, 2018). Для нас важно то, что психологический факт содержит и универсальные, и вариативные компоненты, что делает факты соизмеримыми.

Для темы нашей статьи важно подчеркнуть, что несомненно наличие *общих моментов* в процессе *любого научного познания,* научного познания вообще. Задача психологии – выявить именно характерные для психологии особенности познания, в первую очередь связанные со *спецификой предмета психологии.* В познании разных предметов, а психология совершенно точно представляет собой *особый случай,* есть тонкости, поэтому специфика в познании психического, как представляется, налицо. В этом случае – если не признавать очевидной специфики психологического познания – будем и далее наступать на грабли «единства науки» и удивляться, почему шишка на лбу все больше...

Поясним эту мысль. Все же познание психического отличается от познания предметов физического мира, хотя в любом процессе научного познания, конечно, имеет место некоторое моделирование. Представляется, что в сфере изучения психики есть своя явная специфика, пусть она на первый взгляд и не всегда заметна. В процессе понимания психологических явлений происходит следующее. Обратим внимание, что первоначально этот феномен был обнаружен при изучении процессов, происходящих у исследователя-психолога в процессе планирования научного исследования и представляющих собой формирование «предтеории» (Мазилов, 1998). Позднее выяснилось, что эти феномены универсальны и возникают всегда, когда происходит понимание сложных психических явлений. Речь идет о трансформации первоначальной абстракции практически одновременно по трем направлениям: выбор основной *идеи мето-*

да, выбор *базовой категории,* конструирование *моделирующих представлений.*

Эти направления выступают (при всей симультанности этого процесса) еще и условными этапами процесса, поскольку в сконструированных моделирующих представлениях презентированы также и результаты двух предыдущих выборов – идеи и базовой категории.

1. Известно, что психическое явление может проявлять себя либо в самосознании, либо в поведении. В процессе понимания выбирается один из трех возможных вариантов, определяющих «идею» предмета и метода: либо «от самосознания» с ориентацией на субъективный метод, либо «от поведения» с ориентацией на объективный метод, либо с использованием сочетания этих возможностей – комплексный метод. Как представляется, уже в этом пункте заметны существенные отличия психологического познания от познания физического мира.
2. Выбирается базовая категория, задающая общую стратегию понимания рассматриваемого явления. Основные базовые категории: структура, функция, процесс, уровень, генезис (или их сочетание).
3. Собственно «моделирующие представления». Моделирующие представления всегда являются искусственной конструкцией, привлекаемой для понимания и объяснения. Согласно Н. Г. Алексееву, моделирующие представления «обеспечивают целостность последовательности процедур и могут содержать некоторые обоснования на этот счет. Подобные схемы, как правило, замыкаются на некоторый образ материальных предметов и связей между ними, задают объект исследования» (Алексеев, 1971, с. 324). Обратим внимание на то, что роль моделирующих представлений в понимании теории чрезвычайно велика. Если сильно упростить, можно сказать, что моделирующие представления – это та модель изучаемого явления, которую принимает исследователь и на которой верифицируются (получают подтверждения) сведения об изучаемом объекте. Итак, будем помнить, что разговор о психике предполагает замену исходной абстракции (в силу ее труднопостижимости и сложности для понимания): происходит замена непостижимого объекта другим, более доступным для понимания. Поэтому, когда мы говорим о психике, в действительности рано или поздно в нашем рассуждении появляются такие понятия, как отражение, деятельность, поведение, регуляция, адаптация, личность, ориентировка и пр. Таким

> образом, понятно, что предмет психологии в действительности имеет достаточно сложную структуру, включающую различные компоненты. Можно говорить о *декларируемом* предмете. В настоящее время под декларируемым предметом обычно имеется в виду «психика», поскольку именно она заявляется в качестве предмета психологической науки. О сложностях исследования психики как таковой упоминалось. Поэтому в действительности используется «заместитель» декларируемого предмета – отражение, деятельность, поведение и т. п., который уместно именовать *рационализированным* предметом. И наконец, тот конструкт, который порождается при участии моделирующих представлений, вполне заслуживает наименования *реального* предмета. Это необходимо для того, чтобы не запутаться, какой именно предмет имеется в виду в том или ином случае: декларативный, рационализированный и реальный (Мазилов, 1998).

Представляется, что психология в этом отношении радикально отличается от других наук, в чем видна ее специфика. Вряд ли в естественных науках можно обнаружить сходную картину.

Многие авторы и исследователи ограничиваются декларативным определением предмета. Действительно, в настоящее время в отечественной психологии широко распространена точка зрения, согласно которой предметом психологии считается «психика». Поскольку это трудноопределимое понятие, в основном про предмет ритуально «приговаривают». Это представляется существенной ошибкой, как мы уже пытались показать выше, так как психология в таком случае утрачивает свое единство.

Вернемся к продукту, который формируется у исследователя (еще раз подчеркнем, что процесс формирования его обычно не осознается). Будем называть его *предтеорией,* подчеркивая тем самым, что это начало исследования, но вовсе не его результат.

Вот это и есть реальный предмет исследования, не декларативный, не рационализированный, а реальный. Именно с ним исследователь производит познавательные и исследовательские действия, исходя из него выстраивается метод. Еще раз подчеркнем, что все описанные нами выше процессы происходят не на сознательном уровне исследователя. Сам исследователь, вероятно, объяснит свои выборы и сделанные ограничения как интуицию и будет абсолютно прав: эти процессы исследователем не осознаются.

Именно из предтеории рождаются гипотезы – вероятные предположения о предмете исследования, которые будут проверяться.

Предтеория синтезирует и имеющееся личностное знание, и потенциально возможные направления его развития.

Вероятно, одним из главных выводов, которые можно сделать из многолетних разработок в области методологии психологии, является тот, что методологические понятия необходимо рассматривать в их взаимосвязи, в общем контексте, задаваемом структурой психологического исследования.

Становится понятно, что именно является основой для использования метода. Предтеория, с одной стороны, является использованием латентных психологических знаний, которыми располагает исследователь, а с другой позволяет перейти к собственно научному исследованию. Научное исследование предполагает построение метода. Метод, согласно проведенным исследованиям, имеет уровневое строение, которое соответствует основным уровням предтеории. Становится понятно, почему мудрые философы говорили, что метод — это «теория в действии». Это, безусловно, верно для теории, но это также верно и для предтеории, которая не формулируется (вообще, как правило, не осознается исследователем, ибо это латентное знание), но зато является «движителем» самого процесса исследования.

Выше нами рассматривался вопрос о поливариантности психологических теорий, трактующих одно и то же психическое явление. Попробуем рассмотреть этот вопрос через призму описанных выше процессов моделирования.

Предположим, что рассматривается *мышление* (выше мы уже приводили пример изучения мышления или личности). Поскольку мышление как психическое явление представляет собой абстракцию, то прежде чем мышление станет предметом исследования, происходит следующее.

Выбирается *идея метода.* Предполагается или использовать феноменологический метод, мышление вслух, словесные отчеты испытуемых и т. д., или же фиксировать движения взора, миограммы речевых мышц, особенности поведения, физиологические корреляты эмоций и т. д. Как уже упоминалось выше, возможно комплексное использование методов обеих (субъективной и объективной) групп.

Выбирается *базовая категория.* Предмет исследования может рассматриваться как со стороны структуры, функции, процесса, а также с позиции его генезиса и уровня организации. Могут использоваться сочетания базовых категорий.

Наконец *моделирующие представления.* Как отмечалось, требуется, по терминологии Н. Г. Алексеева, «замыкание» на некоторый образ материальных предметов, т. е. «неуловимое» мышление должно

предстать в каком-то более осязаемом обличье. История психологии свидетельствует, что вариантов было очень много. В XIX в. это «полипняк образов», т. е. соединение представлений (по И. Тэну); направленное течение представлений; рассуждение, ориентированное на достижение цели и т. д. (Мазилов, 1998). Вюрцбургская школа впервые выдвигает такое моделирующее представление, как решение задачи, которое в дальнейшем заняло доминирующие позиции в научных исследованиях мышления.

Однако изобретение задачи не способствовало унификации, так как задач оказалось великое множество: это и механические головоломки, и прохождение лабиринта, и задачи стандартные, и задачи, требующие догадки... Задачи, требующие специальных знаний (математические, физические, химические и т. д.), и задачи, таковых не требующие.

Понятно, различные задачи связаны с различными базовыми категориями, различными методами. Специальные исследования такую связь подтверждают (Мазилов, 1998). Выбор всегда осуществляется так, чтобы подтвердилось исходное предположение, заложенное в предтеории.

Из сказанного выше ясно, что сочетания *моделирующих представлений, базовых категорий и идей метода* приводят в результате проведенного исследования к формулированию *множества различных теорий.* Самое печальное в этой ситуации, на наш взгляд, то, что авторы, не уделяя традиционно должного внимания методологическому анализу, позиционируют свои научные результаты как *теории мышления вообще,* тогда как они таковыми не являются, ибо получены на конкретном специфическом материале. В самом лучшем случае это лишь *парциальная* теория мышления, но никак не общая. Если к сказанному добавить распространенное заблуждение, согласно которому теории несоизмеримы, то мы получаем набор психологических теорий мышления, не соотнесенных между собой и претендующих на статус теорий мышления в целом.

Как нам представляется, из этой ситуации есть выход. Если продолжать говорить о *мышлении,* которое мы взяли в качестве примера, то необходимо в первую очередь разработать полную классификацию мыслительных задач, которые используются в качестве моделирующий представлений. Созданные теории необходимо рассматривать именно как *парциальные.* Соотносить их возможно, используя процедуры, предусмотренные коммуникативной методологией.

Не имея возможности описывать здесь коммуникативную методологию в целом, обратим внимание лишь на наиболее существен-

ные детали (Мазилов, 2017, 2020). Принципиальная новизна подхода, реализуемого в коммуникативной методологии, состоит в том, что сопоставляются не завершенные оформленные психологические концепции одного уровня, а *предтеории,* которые, как оказалось, являются структурными инвариантами, поэтому их компоненты соотносимы. В случае использования для соотнесения готовых теорий мы сравниваем две теории мышления (эмоций, личности, деятельности и т.д.), в результате чего складывается стойкое впечатление, что не совпадают значения терминов, поэтому проще сказать, что теории несоизмеримы. В коммуникативной методологии предлагается сопоставлять компоненты *предтеории,* которые автором не формулируются и очень часто вообще не осознаются, но зато оказываются подлежащими реконструкции и соотносимыми исследователем-методологом.

В качестве дополнительной методологической процедуры (в самых сложных случаях) используется определение допустимого и запретного диапазонов для основных используемых автором понятий.

Смысл коммуникативной методологии состоит, таким образом, в том, что сравниваемые концепции сопоставляются поэлементно, в первую очередь по компонентам предтеории, которая представляет собой структурный инвариант. Инвариантность, как можно полагать, обусловлена общими закономерностями познания психического, на чем мы останавливались выше.

К примеру, очень показательным является использование коммуникативной методологии в истории психологии. Скажем, известно несколько концепций деятельности или мышления, созданных различными исследователями. К примеру, для С.Л. Рубинштейна базовой категорией является функция (или процесс – в разных текстах), тогда как для А.Н. Леонтьева это, как правило, структура. Для одной концепции деятельности моделирующими представлениями выступает индивидуальный процесс труда, для другой – совместно-распределенное взаимодействие индивидов в решении общей задачи, для третьей – речевая деятельность. Такого рода поэлементное сопоставление концепций позволяет значительно лучше понять сходства и различия концепций, понять причины дискуссий в психологической науке. К сказанному стоит добавить, что уровневое строение научного факта в психологии (Мазилов, 2018) позволяет заключить, что и факты, которыми оперирует та или иная концепция, сопоставимы в значительно большей степени, чем представляется на первый взгляд.

Описанный в статье методологический подход позволяет по-новому решать проблему поливариативности психологического знания и наметить перспективы дальнейших действий. Подчеркнем, что речь идет лишь о возможностях, лишь об одном из вариантов решения проблемы интеграции психологического знания.

Литература

Александров Ю. И. О «затухающих» парадигмах, телеологии, «каузализме» и особенностях отечественной науки // Вопросы психологии. 2005. № 5. С. 155–158.

Алексеев Н. Г. О психологических методах изучения творчества // Проблемы научного творчества в современной психологии / Под ред. М. Г. Ярошевского. М.: Наука, 1971. С. 151–203.

Аристотель. Соч. В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1975.

Асмолов А. Г., Гусельцева М. С. Кому и как разрабатывать методологию психологии? // Сибирский психологический журнал. 2015. № 55. С. 6–45.

Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.

Вите О. Т. Палеопсихология Поршнева и современная наука // Б. Ф. Поршнев. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М.: Академический проект–Трикста. 2013. С. 5–21.

Выготский Л. С. Исторический смысл психологического кризиса // Л. С. Выготский. Собр. соч. Т. 1. М., 1982. С. 291–436.

Журавлев А. Л., Мазилов В. А. Психология способностей и одаренности: важные результаты в исследовании вечных проблем // В. Д. Шадриков. Способности и одаренность человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. С. 9–17.

Журавлев А. Л., Юревич А. В. Предисловие // Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 7–8.

Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2003.

Кун Т. После «Структуры научных революций». М.: АСТ, 2014.

Ломов Б. Ф. Проблема биологического и социального в психологии // Биологическое и социальное в развитии человека. М.: Наука, 1977. С. 34–64.

Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.

Лебедев А.Н. Критическое мышление и чувства в саморазвитии личности // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 3 (114). С. 97–107.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Изд-во политической литературы, 1975.

Мазилов В.А. Теория и метод в психологии. Ярославль: МАПН, 1998.

Мазилов В.А. Принцип соизмеримости теорий в психологии // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. Сер. «Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика». 2013. № 4. Т. 19. С. 28–32.

Мазилов В.А. Методология психологической науки: история и современность. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2017.

Мазилов В.А. Научный факт в психологии: структурно-уровневый подход // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 1 (90). С. 133–142.

Мазилов В.А. De anima: Предмет психологии и границы его постижения // Высшее образование сегодня. 2019. № 6. С. 60–70.

Мазилов В.А. Биосоциальная проблема в контексте методологии психологической науки // Психологический журнал. 2020а. Т. 41. № 3. С. 122–130.

Мазилов В.А. О психологических понятиях и методологии психологии // Вопросы психологии. 2020б. № 1. С. 71–83.

Мазилов В.А. Предмет психологии: целостность и анализ «по единицам» // Высшее образование сегодня. 2020в. № 2. С. 48–56.

Мазилов В.А. Предмет психологической науки и проблема объяснения в психологии. Статья первая: Трудности объяснения // Высшее образование сегодня. 2020г. № 6. С. 69–76.

Мазилов В.А. Предмет психологической науки и проблема объяснения в психологии. Статья вторая: На пути к разработке новой концепции объяснения // Высшее образование сегодня. 2020д. № 7. С. 59–65.

Мазилов В.А. Предмет психологии. Монография. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2020е.

Мазилов В.А. Психологическая наука в «строительных лесах» // Сибирский психологический журнал. 2020и. № 77. С. 23–43.

Мироненко И.А., Журавлев А.Л. Биосоциальная проблема в контексте глобальной психологической науки: об универсальных характеристиках человека // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 6. С. 87–98.

Новые тенденции и перспективы психологической науки / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019.

Парадигмы в психологии: науковедческий анализ / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. В. Корниловой, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.

Петренко В. Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М.: Новый хронограф, 2009.

Прогресс психологии: критерии и признаки / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. Д. Марцинковской, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

Психологическое знание: современное состояние и перспективы развития / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.

Степин В. С. Наука // Новая философская энциклопедия. Т. 3. М., 2010. С. 26–28.

Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.

Ушаков Д. В. Анатомия психологического знания // Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 71–114.

Ушаков Д. В., Журавлев А. Л. Теоретико-экспериментальная психология и практика: новые горизонты // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. В. Знаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.

Федосеев П. Н. Проблема социального и биологического в философии и социологии // Биологическое и социальное в развитии человека. М.: Наука, 1977. С. 5–33.

Фрит К. Мозг и душа: Как нервная деятельность формирует наш внутренний мир. М.: Астрель–Corpus, 2010.

Чиж В. Ф. Научная психология в Германии. СПб., 1886.

Шадриков В. Д. Внутренний мир человека. М.: Логос, 2006.

Шадриков В. Д. Способности и одаренность человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019.

Шадриков В. Д., Мазилов В. А. Общая психология. Учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2015.

Шредингер Э. Моя жизнь, мой взгляд на мир: автобиография и философское завещание. М.: УРСС–Ленанд, 2017.

Энгельс Ф. Йозефу Блоху в Кенигсберг // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т. 37. С. 393–397.

Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т. 21. С. 269–317.

Юревич А. В. Психология в современном обществе // Психологический журнал. 2008. № 6. Т. 29 С. 5–14.

Юревич А. В. Методология и социология психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.

Юревич А. В. Структура психологических теорий // Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 141–159.

Jung K. G. Die Bedeutung von Konstitution und Vererbung fur die Psychologie // Ges. Werke. 1967. Bd. 8. S. 418–423.

Психология и антропологическое знание: от парадигм – к трансдисциплинарному подходу[1]

М. С. Гусельцева

doi: 10.38098/thry_21_0434_011

Психологическое знание изначально отличалось такими особенностями, как диалектичность и множественность. Первое свойство проявлялось во взаимопревращениях субъективного и объективного, стремлении к объективности в изучении субъективных процессов. Второе – в поисках идентичности между науками о природе и науками о духе; выборе способов познания в диапазоне от объяснения до понимания; отсутствии единой парадигмы, общих предмета и методов. Недостатками этого положения являлись неопределенность и неоднозначность статуса психологической науки, а достоинствами – коммуникативная открытость, расширение горизонтов и овладение инструментарием смежных наук.

Если в XIX в. методологические прорывы психологии были обусловлены развитием естествознания, прежде всего, химии (творческий синтез, появление новых системных свойств) и биологии (эволюционный подход), в XX в. – междисциплинарностью и достижениями социогуманитарного знания (от лингвистического до визуального поворотов), то в XXI в. новые идеи в психологию приносят трансдисциплинарность[2] и ставшие общенаучными в пространстве социальных наук этнографический и антропологический методы. В той степени, в какой психология является наукой о человеке, она так или иначе устремляется сегодня к антропологическому знанию.

1 В статье использованы материалы доклада «Человек и мир в потоке трансформаций: от парадигм – к изучению малых культуральных движений» (симпозиум «Новые парадигмы в психологии личности», 23–24 ноября 2020, РГГУ).

2 Трансдисциплинарность – исследовательская стратегия, развивающая «холическое видение» и на этом основании преодолевающая дисциплинарные границы (Князева, 2011, с. 24).

Цель данной статьи – рассмотреть взаимодействие психологии и антропологии, а также разные способы производства антропологического знания и перспективы антропологического метода в психологической науке.

Следует отметить, что в российском научном дискурсе XX в. антропология зачастую воспринималась не как социогуманитарная (т. е. историческая, социальная, культурная антропологии), а как биологическая наука (физическая антропология). В рамках же данной статьи антропология рассматривается в качестве общей науки о человеке, внимание которой сфокусировано на обусловленности его развития социальными и культуральными факторами. Ю. П. Зарецкий, осмысливая пределы современной трактовки этого понятия, подчеркивает, что сегодня речь идет не столько об *антропологии,* сколько об *антропологиях,* которые «бывают самые разные и что – самое главное – никаких четких универсальных границ этой науки нигде не проведено, а потому и искать их непродуктивно» (Зарецкий, 2013).

В свою очередь, К. Гирц замечает: «Широкая, обобщающая, безумно вдохновляющая («изучение человека») и одновременно конкретная, многоликая, одержимая странными вещами (ритуалы полового созревания, дарообмен, термины родства) антропология всегда была размытой – как сама для себя, так и для посторонних. Ни метод, ни предмет не определяют ее до конца. <…> Понятие „научная традиция“ также мало помогает: исследования, проводимые под рубрикой „антропология“, – от сравнительной мифографии до этноботаники – исключительно разнообразны» (Гирц, 2020, с. 147). Однако именно эта безграничность позволяет объединить проблемно-ориентированными исследованиями множественные, пересекающиеся поля культуральных[1] и психологических феноменов современности. «То, чем мы занимаемся, действительно не имеет четких границ и ясного предмета, как бы некоторые ни старались скрыть этот факт» (Гирц, 2020, с. 148).

В качестве сферы научных исследований антропология сформировалась во второй половине XIX в. в лоне европейской культуры, изначально поставив амбициозные задачи – изучить человека

1 Понятия «культурный» и «культуральный» в рамках данной статьи различаются на том основании, что первое неявно предполагает качественное изменение – *обладающий культурой, преобразованный культурой;* второе же означает тот или иной *связанный с культурой, относящийся к сфере культуры* процесс. Так, например: «культурный уровень школьников», но «культуральные исследования» (Cultural Studies).

и в полноте его бытия, и в процессе его истории. *Физическая антропология* объединяла биологию, анатомию, эмбриологию и психофизиологию человека; *историческая антропология* – палеоэтнологию, мифологию и лингвистику (развитие языков и фольклор); *социальная антропология* – географию, демографию, этнографию, социологию и психологию. Появление *культурной антропологии* в середине XX в. (после второй мировой войны) было обусловлено глобальными социально-политическими процессами и осознанием значимости факторов культуры в развитии общества и человека (Орлова, 2010). Именно в контексте последней возникла в дальнейшем *психологическая антропология.*

Перед тем как перейти к основному изложению, кратко рассмотрим, как складывались взаимоотношения психологии и антропологии в контексте ведущих европейских интеллектуальных традиций.

Британская социальная антропология в своем становлении ориентировалась на эволюционизм и сравнительный метод, строила теоретические модели, раскрывающие универсальные законы развития психики и культуры. Яркое выражение такой подход нашел в работах Э. Тайлора и Дж. Фрезера. Вдохновителями психологического и антропологического знания служили здесь идеалы английского Просвещения, эволюционные учения Ч. Дарвина и Г. Спенсера.

В британской антропологии сосуществовали парадигмы эмпиризма, эволюционизма, функционализма. Структурно-функциональный подход развивали Б. Малиновский, А. Р. Рэдклифф-Браун и Э. Эванс-Причард. При этом в работах первого еще не было дифференциации «культурного» и «социального». Потребовалось время, чтобы «слова „культура“ и „общество“ стали обозначать абсолютно разные подходы к социальным феноменам» (Мэйр, 2004, с. 885). Вопрос о необходимости четких отличий культурного и социального и обоснования разных типов исследования поставил А. Р. Рэдклифф-Браун (Рэдклифф-Браун, 2001). В развиваемом им подходе культура стала рассматриваться с позиций структурного анализа как сеть социальных отношений.

Б. Малиновский и А. Р. Рэдклифф-Браун полагали, что источником антропологического знания выступают, с одной стороны, полевые исследования, а с другой – непредвзятые, лишенные априорных предпосылок наблюдения. Элементарному исследованию явлений культуры они противопоставили позицию целостности. Интерпретация культуральных феноменов происходила на основе выявления их функций в повседневной жизни изучаемого общества. Э. Эванс-Причард принес в британскую антропологию идеи герменевтики,

междисциплинарности и методологического плюрализма. Он критиковал «академический снобизм» как стремление ориентироваться в антропологических исследованиях на естествознание: «Разумно мыслящий антрополог, в той же мере как и разумно мыслящий историк, может быть не менее систематичным, пунктуальным и критично рассуждающим, чем химик или биолог <...> социальные науки отличаются от естественных не по методу, но по природе самого объекта исследований. Непонимание этого факта... проистекает из печального отождествления детерминизма с научным методом» (Эванс-Причард, 2003, с. 289).

Э. Эванс-Причард отмечал, что в XX в. антропология обратилась к психологии и иным смежным областям знания в поисках решения методологических проблем. Многие антропологи свободно ориентировались в лингвистике, социологии, истории, психологии. Это был вектор развития антропологии в качестве социогуманитарной науки. Сравнивая профессиональную деятельность антрополога и историка, Э. Эванс-Причард выделил в ней определенный алгоритм. На первом – *описательном* – этапе антрополог изучает повседневную жизнь того или иного сообщества, в то время как историк посредством источников и документов реконструирует исчезнувшую цивилизацию. Задача этого этапа – получить наиболее полное описание изучаемой культуры. На втором – *аналитическом* – этапе антропологу нужно «посредством анализа вычленить скрытую структуру общества» (Эванс-Причард, 2003, с. 268). На третьем – *сравнительном* – этапе происходит сопоставление типов структур, полученных при изучении разных сообществ. Наконец на четвертом – *синтетическом* – этапе исследователь создает новое знание, предлагает ту или иную теорию.

Обсуждая взаимодействие антропологии и истории, Э. Эванс-Причард отмечал: «Историки способны поставить антропологам незаменимый по ценности материал, тщательно отсеянный и отобранный в процессе критически осмысленного тестирования и интерпретации. Антропологи способны дать историкам будущего превосходные фактические данные, основанные на непосредственных полевых наблюдениях, а также пролить свет на существование универсалий, демонстрируя наличие скрытых структурных форм в обществах» (там же, с. 269). Психология же привносит во взаимовыгодное сотрудничество дисциплин свое видение и накопленный опыт. Используя инструментарий социогуманитарных наук, она решает задачи, сфокусированные не столько на социальном и культуральном контекстах, сколько на субъекте и его активности в мире.

Французская антропологическая традиция в своих истоках также опиралась на идеалы Просвещения и этнографический подход, а в методологическом плане осмысливала проблему единства человечества и его культурального разнообразия, ставила задачу выявления общечеловеческого за множеством картин мира, способов мышления и образов жизни (Абелес, 2005).

Рождение французской антропологии состоялось в 1880-е годы вместе с появлением во Франции Общества наблюдателей за человеком. Институционализация антропологической науки происходила по инициативе М. Мосса (племянника и ученика Э. Дюркгейма), возглавившего расположившийся в Музее человека Институт этнологии. По научному темпераменту М. Мосс являлся кабинетным ученым, однако, не занимаясь полевыми исследованиями, он читал о них практически все публикации того времени. Ученики же М. Мосса предприняли в 1935 г. экспедицию Дакар–Джибути, заложив тем самым традицию французских полевых исследований в Африке (Антропологические традиции, 2012).

В 1930-е годы во Франции вышла целая серия этнографических исследований, в том числе «Призрачная Африка» М. Лейриса. «Это были книги, заставляющие мечтать, а антрополог представал скорее в качестве путешественника и писателя, нежели профессора» (Абелес, 2005, с. 70). В 1955 г. К. Леви-Стросс опубликовал ставшую впоследствии знаменитой книгу «Печальные тропики», а спустя пять лет возглавил в Коллеж де Франс специально созданную под него лабораторию социальной антропологии. В это же время стал выходить основной журнал по антропологии в современной Франции – «Человек».

Во второй половине XX в. одной из ведущих общенаучных парадигм социогуманитарного знания являлся структурализм К. Леви-Стросса. Сегодня же французская антропология развивается во взаимодействии двух тенденций: желание сохранить самобытность и стремление к междисциплинарности. «Пришедшее осознание глубокого изменения объекта антропологии породило ее кризис, но одновременно стало источником обновления» (Абелес, с. 72). После определенного разочарования, связанного с методологическими ограничениями структурализма в качестве тотальной парадигмы, антропология, как и иные смежные науки, стала подозрительно относиться к большим теориям. Более того, современная французская антропология четко дифференцировалась на антропологов, которые поддерживают позитивистские установки и создают направления, например, когнитивной антропологии, и исследователей, заинте-

ресованных в культурно-психологическом анализе и распространении антропологического метода на проблемы современности (Augé, 2006). Подобное самоопределение вывело на передний план вопросы методологии и коммуникации.

В 1980-е годы сформировалось новое исследовательское направление – *антропология повседневности*. В это же время поле антропологического знания наполнилось обсуждением модернизма и постмодернизма, локальных и глобальных тенденций современности (Manganaro, 1990; Sass, 1992; Taylor, 1989). Изменилось представление и о задачах антропологии: они не только исследовательские и просветительские, но и социально-конструирующие: «Антропологи должны стать в этом проекте педагогами, преподающими культурное разнообразие. Их задача – способствовать развитию у французов любознательности и терпимости по отношению к „другому“» (Абелес, с. 73–74).

Если в XIX в. предметом исследования классической антропологии выступали традиционные культуры, то на протяжении XX в. большинство из них модернизировалось, и антропология обратилась к изучению современных обществ (Антропология закрытых обществ, 2009; Eriksen, Nielsen, 2013).

Германская традиция в антропологии являлась по преимуществу этнологической. Наука о человеке как таковая сформировалась здесь в эпоху Просвещения. Происходивший в контексте немецкой философии *антропологический поворот* преследовал построение единой и систематической теории человека. Так, сочинение «О человеке» К. А. Гельвеция и «Антропология» И. Канта[1] показывали значимость антропологического знания и для философии, и для социальных наук (Кириллов, 2014).

Антропологические исследования в Германии подразделялись на этнологию, этнографию и народоведение. *Народоведение* рассматривало особенности культуры и быта различных народов, этносов, общностей. *Этнография* служила вспомогательной сферой знания, накапливая посредством полевых исследований первичный материал для этнологии. *Этнология* изучала особенности духовного раз-

1 Д. Гусейнова справедливо отмечает, что «идея антропологического поворота принадлежит Канту, который является одновременно первым автором „антропологического“ исследования человека» (Гусейнова, 2012). Несмотря на то, что термин антропология встречался еще в текстах Аристотеля, в систему наук его ввел в труде «Антропология с прагматической точки зрения» (1798) И. Кант, который также подчеркивал, что человек есть существо, создающее самого себя (там же).

вития и образы жизни человека в разных культурах (Марков, 2004). При этом немецкую этнологию (Völkerkunde), несмотря на разнообразие школ и подходов, отличало теоретическое и методологическое единство, истоки которого лежали в идеологии немецкого Просвещения, а традиция исследования человека и культуры была заложена трудами И. Гердера, Г. Лессинга, И. Канта, В. Гумбольдта, И. Фихте, Ф. Шеллинга, Г. Гегеля, Л. Фейербаха, Ф. Энгельса, К. Маркса.

В произведениях классиков, а позднее и немецких романтиков возникали различные образы человека и концепции цивилизационного развития. Именно в контексте немецкой интеллектуальной традиции сформировались представления об активности субъекта и его рациональности как источнике прогресса, были разработаны категории врожденной духовной активности, деятельности, культуры, ценностей, бессознательной психики.

Идеология Просвещения подчеркивала, что мир человека творится им самим. Смысл Просвещения раскрывался через представление о субъектности как личной воле, мужестве и ответственности пользоваться собственным разумом (Кант, 1966). Представления о бессознательной психике (Г. В. Лейбниц), активности субъекта познания (И. Кант), апперцепции (В. Вундт), переживании (В. Дильтей), ценностях (Э. Шпрангер), а также деятельности составили специфику немецкой психологии. При этом психика в этой традиции не сводилась лишь к рациональному, но содержала религиозные, нравственные, эстетические компоненты, миф, воображение, бессознательное, а также мировые законы логики и истории.

В контексте германской интеллектуальной традиции возникла *философская антропология* (М. Шелер, А. Гелен, Х. Плесснер, Э. Кассирер). Ее представителей объединяла мысль о том, что общая наука о человека строится на основе данных частных наук – физиологии, анатомии, психологии, а ее доказательность поддерживается философским анализом эмпирических материалов. Согласно Х. Плесснеру, философская антропология есть «теория наук о духе, которая пытается сделать понятной действительность человеческой жизни в ее отражении человеком» (Плесснер, 2004, с. 100). Продвижение этой антропологии требует двух предпосылок: *феноменологии как описания* и *герменевтики как понимания* человеческого бытия. Человек выступает одновременно объектом и субъектом собственной жизни, осмысливая свой опыт в контекстах культуры. «Новая постановка вопроса... невозможна без совершившихся в последнее время переворотов в области психологии, социологии и биологии, но, прежде всего, – философской методики», которые привели к рождению «но-

вых философских дисциплин», таких как психоанализ, философия жизни, социология культуры, феноменология, история духа (Плесснер, 2004, с. 97). Философская антропология не только стремилась изучить бытие человека во всей его полноте, но и искала новые способы описания феномена человека.

Американская антропологическая традиция произросла на идеях британского функционализма и пришедшего из лингвистики структурализма. Ф. Боас, Р. Бенедикт и Э. Сепир представляли опытно-фактологическое направление, критикуя в своих работах эволюционный подход (Бенедикт, 2004; Боас, 1997; Сепир, 1993). В начале XX в. здесь также сформировалось исследовательское направление, известное под названием *культурной антропологии* (Ф. Боас, А. Кребер, К. Клакхон и др.), в рамках которого разрабатывались подходы, ориентированные на разнообразие и уникальность изучаемых культур, установки культурного релятивизма. Важной исследовательской стратегией американской антропологии стал *ситуативизм,* культуры рассматривались не абстрактно, а в конкретных воплощениях: индейцы навахо, римляне, саксы или французы эпохи Наполеона. Перед антропологией ставилась задача полноты описаний культурального разнообразия, были отрефлексированы проблемы текучести и неуловимости феноменов культуры в отчетах ее непосредственных участников. Все это требовало релевантных исследовательских методов в производстве антропологического знания. На передний план вышли сближающие антропологию и психологию проблемы культурно-исторического развития человека и его культурально-специфической пластичности.

Представления о разноуровневом анализе культуры, понимании и сопереживании как правомерных способах познания («включенное наблюдение», «вживание в культуру») служили ориентирами исследований Ф. Боаса, Р. Бенедикт, М. Мид и др. Еще в 1930-е годы Ф. Боас отмечал, что современная ему антропология излишне увлеклась историческими реконструкциями, упуская из виду развивающуюся в культуре личность. Он также указывал на уязвимость сравнительных методов и риски односторонней интерпретации культурно-психологических феноменов (Боас, 1997).

А. Кребер полагал, что у антропологии и психологии достаточно общего, однако в изучении проблемы человека в культуре первая ориентирована на типичное, вторая – на индивидуальное. Социальное и культуральное существуют благодаря психическому, но в эволюционной перспективе общество предшествует культуре, поскольку примеры социальной жизни встречаются и в мире животных,

и среди насекомых. Историю, социологию, лингвистику, археологию и другие смежные науки А. Кребер считал вспомогательными в производстве антропологического знания. Он также подчеркивал, что культуральные феномены изменяются от контекста к контексту, а потому важны целостный подход и изучение взаимосвязей. Он ввел в антропологию понятие «стиль» и построил на его основе типологию культур (Кребер, 2004).

К. Клакхон определял антропологию как «науку о сходствах и различиях между людьми» (Клакхон, 1998, с. 7). Он обратил внимание на разницу подходов к изучению человека антропологом и психологом: «Поскольку лабораторией антрополога является целый мир, населенный живыми людьми, занятыми своими обычными каждодневными делами, то и результаты его работы формулируются не как точные статистические отчеты психолога, но, возможно, антрополог более ясно осознает трудности, вызываемые неконтролируемым количеством воздействий – в отличие от их ограниченного количества в лабораторных условиях» (там же, с. 310). В антропологической перспективе человек предстает во множестве культуральных миров и в меняющихся контекстах повседневной жизни. Однако если общество может быть представлено как группа взаимодействующих людей, то культура есть специфический образ жизни. «Культура – это способ мыслить, чувствовать, верить» (там же, с. 43). Она задает определенные форматы бытия человека, реконструируя которые, можно спрогнозировать социотипическое поведение личности.

Создатель *интерпретативной антропологии* К. Гирц проложил в американской антропологической традиции срединный путь между структурализмом и постмодернизмом (Христофорова, 2004). Он поставил перед антропологией задачу – искать «систематические связи между разными феноменами, а не устойчивую тождественность среди сходных» (Гирц, 1997). Хотя биологические, психологические, социологические и культуральные факторы рассматриваются в общей концептуальной рамке, интерпретативный подход не ведет «к навязыванию единой системы категорий», а стимулирует создание множества моделей, синтезирующих «изыскания из разных областей...» (там же). Согласно К. Гирцу, противоречие между разнообразием мысли в качестве продукта и ее уникальностью как процесса задает проблему социогуманитарных наук, связанную с переводом. Субъект предстает перед исследователем опутанный сетью смыслов, сама культура есть сотканная человечеством сеть смыслов, потому интерпретативные, а не устанавливающие законы экспериментальные стратегии более релевантны в работе со смыслами.

В книге «Постфактум» К. Гирц описывает послевоенную атмосферу в США, где сочетание энтузиазма ученых и щедрости фондов позволяло получить финансирование практически на любое «убедительное исследование» (Гирц, 2020, с. 151). Так, в 1946 г. усилиями плеяды сорокалетних профессоров – социолога Т. Парсонса и методолога С. Стауффера, социального психолога Г. Олпорта, клинического психолога Г. Мюррея, антрополога К. Клакхона и др. – был открыт факультет социальных наук, целью которого стал интегративный подход, а девизом – поиск общего языка в социальных науках. Несмотря на то, что специализация учащихся шла по четырем областям – социологии, социальной или клинической психологии, антропологии – студенты посещали все курсы и сдавали экзамены по данным направлениям социальных наук. Таким образом, гарвардский факультет социальных отношений готовил специалистов широкого профиля, укорененных в интердисциплинарности. Дж. Брунер развивал здесь когнитивную психологию. Дж. Хоманс изучал малые социальные группы, а П. Сорокин передавал опыт молодым поколениям. «Все продолжалось двадцать пять лет, только около пятнадцати из которых были действительно новаторскими. После, как обычно и бывает, все вернулось в норму» (там же, с. 152).

Согласно К. Гирцу, американские университеты второй половины XX в. являли золотой век интеллектуальной культуры. В 1958–1959 гг. был организован мультидисциплинарный институт в Пало-Альто в качестве центра перспективных исследований в сфере поведенческих наук. Целью научного проекта являлось *понимание происходящих в мире изменений*. Ученые разных областей знания пытались понять, как изменились после 1945 г. человек и мир (ср.: Гумбрехт, 2018). При этом нормативным здесь сделалось мышление о мире в целом, а не только о локальных проблемах. Заметим, что на этом этапе произошло кардинальное отставание в разработке социогуманитарного дискурса от мировой науки: в то время как в СССР научная мысль оскудевала в паутине идеологии и изоляционизме, в США происходило интенсивное развитие сферы гуманитарного образования и новых направлений социальных наук (Прохорова, 2020).

В научной биографии К. Гирца междисциплинарная группа, призванная решать «эти грандиозные задачи», состояла из тринадцати человек: «Двое из них были социологами, трое – политологами, пятеро – антропологами, плюс один экономист, один юрист и один профессор педагогики» (Гирц, 2020, с. 170). Секрет успеха научной миссии сводился к следующим компонентам: исследовательский энтузиазм (т. е. внутренняя мотивация) ученого, полная свобода твор-

чества и щедрое финансирование. «Я был более или менее свободен делать все, что пожелаю, если придумаю, чем заняться» (там же, с. 171).

Сознательно же поставленной перед самим собой задачей К. Гирца было «сделать из антропологии герменевтическую дисциплину» (там же, с. 172). Так возникла интерпретативная антропология.

Психологическое и антропологическое знание

Человека в контексте его культуры изучают сегодня такие науки, как антропология (историческая, социальная, культурная, символическая, психологическая), этнология, этнопсихология, кросскультурная, культурная и историческая психологии, а также культурология. *Антропология* – «общая наука о культуре и человеке» (Белик, 1998). *Этнология* охватывает «всё культурно-антропологическое знание» (там же, с. 10). *Этнография* занимается сбором материала о разных культурах, а *культурология* изучает виды и теории культуры. *Исследования культуры* привносят в социогуманитарное знание стихийную трансдисциплинарность, охватывая разнообразие тем и гибко используя различные методы.

Однако именно антропология предлагает психологии наиболее релевантный аналитический инструментарий в изучении текучих, онтологически и гносеологически сложных феноменов современности. «Психологи были так поглощены своими инструментами и лабораторными занятиями, что им оставалось немного времени для того, чтобы изучать человека таким, каким его действительно хотелось бы знать, – не в лаборатории, а в повседневной жизни» (Клакхон, 1998, с. 6). Отрефлексировав это положение вещей, психологи во второй половине XX в. обратились к антропологическому знанию, на стыке двух наук возникло направление *психологической антропологии*.

Сегодня психологическая антропология – широкая область исследований, объединяющая психологов и биологов, этнологов и антропологов, а также представителей других профессиональных областей (Личность, культура..., 2001). В качестве интеллектуального движения она преследует цель интеграции данных о человеке, получаемых из разных наук. Ее исследования отличаются разнообразием, поддерживая кросс-культурные, этнопсихологические, психоаналитические, проблемно-теоретические дискурсы. Однако разброс теоретических позиций и экспериментальных процедур затрудняет и сравнительный анализ, и обобщение результатов.

Если кросс-культурные исследования строятся по принципу сравнения культур на основе выбранной психологической перемен-

ной, то антропологический подход нацелен на многофакторный анализ. «Антрополог настаивает на том, что привлечение какого-либо одного фактора всегда ошибочно. Такая негативная генерализация важна в мире, где человек всегда старается упростить окружающий его мир сведением его к одному решающему обстоятельству: расе, климату, экономике, культуре и т. п.» (Клакхон, 1998, с. 86). Антропологическое знание не только обращает психологию к феноменам повышенной онтологической и гносеологической сложности (Гусельцева, 2012), но и направлено на понимание происходящих с человеком и миром изменений.

Психологическая антропология институализировалась в 1960-е годы, сделавшись правопреемницей направления «культура-и-личность» (Белик, 1993). Познавательная практика антропологов долгое время отличалась фрагментарностью и пестротой. Стремление к интеграции ограничивалось призывами, реальными же оставались трудности, связанные с сопоставлением и интерпретацией данных в единой концептуальной рамке. Однако в XXI в. на смену оппозиции методологического монизма и методологического плюрализма пришел трансдисциплинарный подход, выступив своего рода парадигмальным зонтиком для построения гибких методологических стратегий. Если в своем классическом прочтении антропология представляла науку о первобытных обществах и становлении человека, а в неклассической интерпретации сделалась наукой о культурном разнообразии человеческой жизни, то в постнеклассической трактовке она обрела дополнительную коннотацию человекознания (Гусельцева, 2012). Обсуждающийся сегодня в качестве ориентира социогуманитарных исследований «антропологический поворот» (Прохорова, 2009, 2020) побуждает переосмыслить сотрудничество психологии и антропологии в новом контексте трансдисциплинарности.

Антропологический поворот представляет интеллектуальное движение, простирающееся от теоретико-философских вопросов антропологии до практики культурно-психологических исследований. В его горизонте строится сегодня дискурс наук о человеке. При этом у антропологического поворота нет выраженных временных или историко-научных границ: в качестве познавательной практики он возобновлялся на протяжении XX в., апробируя разные исследовательские стратегии.

Х. У. Гумбрехт, отмечая многозначность термина «антропология», поставил задачу «различить и описать эти значения в их историческом развитии как сложную семантическую сеть» (Гумбрехт,

2012). В немецкой интеллектуальной традиции антропология стремилась «дать единое, отвечающее любой исторической эпохе и любой культуре определение того, что значит быть человеком» (там же). В англо-американской традиции антропология охватывает «широчайший горизонт способов быть человеком» (там же). Смена типов рациональности в антропологии шла, начиная с XVIII в., от ее классического определения как науки о человеке до постнеклассических интерпретаций, где происходило «уже не определение общих свойств человеческого существования, а... подчеркивание культурного, гендерного или этнического различия» (там же).

В современном, устремленном к трансдисциплинарности, социогуманитарном познании речь идет уже не об антропологии в качестве отдельной дисциплины, а, с одной стороны, об *антропологиях,* а с другой – об *антропологическом повороте,* интегрирующем исследования о человеке. Последнее связано с пониманием антропологии «не в дисциплинарном и тем более не в институциональном, а в широком методологическом, и даже шире – ценностном смысле познавательного горизонта» (Калинин, 2012). Движение от одномерного к многомерному анализу наблюдается в поле социогуманитарных наук, где красноречивы сами названия книг: «Новые социологии» (Коркюф, 2002), «Социология философий» (Коллинз, 2002). В этом контексте тезис о том, что нет единой психологии, а существует множество психологий, выглядит уже не столько признаком допарадигмальности науки, сколько ее современности. В сложившейся познавательной ситуации для социогуманитарного знания это скорее норма, нежели исключительное положение. Показательно, что в 1970-е годы между биологами и философами шли дискуссии о возможности общей биологической теории. Однако в современной биологии интерес к таким дискуссиям утрачен. Биология больше не озабочена отсутствием общей теории, «и это вовсе не говорит о ее слабости», «это мощная наука... имеющая много теоретических моделей жизни» (Этнология – антропология – культурология..., 2009).

Тенденции современного социогуманитарного знания можно обозначить как движение от закрытых дисциплин – к открытым меж-, мульти-, поли-, мета- и трансдисциплинарным коммуникациям; от избыточного позитивизма – к герменевтике (представленное нарративным поворотом и ростом интерпретативных стратегий); от макроанализа – к микроаналитике. Важно подчеркнуть, что обозначенные движения не отрицают наработанного в истории науки опыта, но переосмысливают его в изменившейся ситуации, используя синтетические стратегии. Так, в контексте антропологических

наук (разных *антропологий*) это ведет к тому, что, наряду с обобщающей философской антропологией человека разрабатывается конкретизирующая аспекты его субъективного бытия *антропология повседневности*. Примером служит «Антропология закрытых обществ», где именно антропологическая оптика способствовала превращению уникальных исследований в универсальные обобщения. Проект реализован «усилиями представителей различных дисциплин и областей знания в зависимости от конкретно поставленной проблемы и ракурса исследования» (Прохорова, 2009, с. 15).

Трансдисциплинарность и сетевая организация знания создают в социогуманитарных науках возможности своего рода перемигивания и рождения творческой искры при столкновении разных концепций в мыслительном поле субъекта: так, «мы не можем адекватно оценить значимость теории Клиффорда Гирца, оставаясь в неведении о других исторически значимых версиях антропологии, например, о структурной антропологии [Клода] Леви-Стросса или теории дара Марселя Мосса, а последние, в свою очередь, требуют отсылок к более широкому теоретическому контексту...» (Тимофеева, 2012).

Антропологический поворот порождает разнообразие интерпретаций. Наиболее непосредственная из них есть «поворот к человеку». Методологически он проявился в том, что тренд от универсального к уникальному, несмотря на его некоторую маргинальность на начальных этапах становления антропологического знания, оказался представлен во множестве интеллектуальных биографий при взгляде на историю науки из современности: его реализовали М. Вебер, Н. Элиас, Г. Гарфинкель, И. Гофман, П. Бурдье, историки школы «Анналов», М. де Серто, К. Гирц, Э. Гидденс и мн. др. «Все они, так или иначе, пришли к идее изучения сложных законов работы общественного механизма через персональную историю, историю эмоций, повседневные практики, индивидуальные поступки» (Прохорова, 2009). В свою очередь, в российской гуманитарной науке этот тренд затронул работы А. Я. Гуревича, Ю. М. Лотмана, М. Л. Гаспарова, М. Б. Ямпольского, А. Л. Зорина, В. А. Подороги, А. М. Эткинда, Б. В. Дубина, А. Г. Левинсона, И. В. Утехина, которые двигались «от жестких обобщенных тотальных построений к более гибкому, детализированному, индивидуализированному изучению человека и культуры, от текстоцентричности – к визуальности и телесности, иными словами, от бинарных оппозиций и внимания к интертекстам – к культурной и философской антропологии» (там же).

Обсуждение новых исследовательских стратегий в области социогуманитарного знания, начиная с 1992 г., регулярно происходило на постсоветском интеллектуальном пространстве в кругу журнала «Новое литературное обозрение» (Прохорова, 2020). Согласно А. А. Панченко, «искусство гуманитарного исследования состоит в адекватном сочетании „субъективистских“ интерпретативных стратегий и „объективистских“ приемов аргументации» (Панченко, 2012). При этом специфику антропологического поворота он усматривает не столько в обращении к человеку (что очевидно), но в саморефлексии науки. В связи с этим А. А. Панченко предлагает заняться *антропологией современного научного сообщества* и *этнографией академической жизни,* поставив задачу выяснить, «какие исследовательские группы и сети, существующие в современной России, в той или иной степени могут быть соотнесены с представлением об антропологическом повороте; как и почему сложились эти сообщества, в чем их эпистемологическая и методологическая специфика, каковы перспективы их деятельности и развития» (там же). Представляется, что подобные задачи являются актуальными и для рефлексии состояния отечественного психологического знания и производящего его научного сообщества.

Перспективным в этом плане является и проект *автоэтнографии* Д. Грэбера, смысл которого «возбудить интерес к негласной логике или принципам, лежащим в основе определенных форм радикальной практики <...> использовать их для формулирования новых видений» (Гребер, 2003).

В свою очередь, К. Платт доказывает необходимость не только саморефлексии науки, но и овладения разными методологическими оптиками, помогающими выйти за пределы сформировавшей ученого парадигмы. «Дело в том, что дисциплина или специалист, основывающиеся на национальном каноне, особенной культурной фигуре или даже на доминирующей форме культурной деятельности („высокая литература“), оказываются зашоренными. Такие гуманитарии... провинциальны и культурно ограничены – они участвуют в производстве культурных ценностей, предназначенных для посвящения других участников в священные смыслы данной традиции, но оказываются совершенно бессильными, когда нужно разглядеть пределы этих культурных смыслов, механизмы их производства и далеко идущие социальные и политические последствия их существования» (Платт, 2012). Таким образом, возникающие в отстранении от собственного порождающего контекста самокритичность и рефлексивная сложность открывают для исследователя новые опти-

ческие возможности[1]. «Для дисциплинарной реформы, предлагаемой под девизом антропологического поворота, нужно научиться смотреть поверх рубежей унитарных научных традиций и учиться исследовать среди прочего механизмы формирования этих традиций и рубежей» (там же).

Д. Бахманн-Медик обратила внимание на парадигмальную сложность антропологического поворота per se, который, подобно кругам на воде от брошенного камешка, привел к ряду «культурных поворотов» (cultural turns) в сфере наук о культуре, охватывающих «различные отрасли, которые до сегодняшнего дня определяют исследовательскую практику с каждый раз новыми фокусировками (перформативный, пространственный, постколониальный, иконический и прочие повороты)» (Бахманн-Медик, 2011).

Отметим еще одну тенденцию в сфере социогуманитарных наук в начале XXI в. – движение *от текстов к переводам*. «Новым ведущим пониманием культуры становится толкование ее как процесса перевода и переговоров – вместо прежнего концепта „культуры как текста“. Если исходить из этого контекста, то в настоящее время именно перевод окажется базисной категорией наук о культуре и обществе» (Бахманн-Медик, 2011). Актуальность *проблемы методологического перевода* обозначена в книге «Познание и перевод» (2008) Н. С. Автономовой, а также в размышлениях К. Э. Разлогова: «В ситуации многокультурности лидером культуры становится человек, который может стать своего рода переводчиком между разными культурами. <...> Первый раз я это осознал, работая в Госкино: я сообразил, что художник и чиновник говорят на разных языках и понять друг друга не могут. Сама возможность переводить с одного языка на другой способствует пониманию, хотя позиции часто бывают конфликтными. Люди, которые несут в себе много культур, а не только ту одну, которую они конструируют, и есть культурная ситуация, характеризующая современность» (Этнология – антропология – культурология..., 2009, с. 130).

---

1 Показательно, что схожую методологическую позицию имел А. М. Пятигорский: «Собственно „акультурность“ философа есть не отрицание культуры, а оставление им своей связи с ней. Просто отбросить культуру в своем мышлении – значит, остаться в той же культуре в качестве „отрицателя“ (а иногда и погромщика). Чтобы действительно „оставить“ культуру, философу приходится проделать, так сказать, „предварительную“ мыслительную работу, приходится отрефлексировать себя самого в отношении своей культуры...» (Пятигорский, 2006, с. 151).

Постановка проблемы методологического перевода, как и характерные для социогуманитарного знания XX в. каскады эпистемологических поворотов, способствуют обновлению взгляда и созданию коммуникативного трансдисциплинарного пространства, поскольку присущее минувшему веку дисциплинарное деление наук не вполне отвечает динамичным и рефлексивно сложным феноменам современности.

В свете антропологического поворота предмет психологической науки раскрывается не только в качестве внутреннего мира человека, соотнесенного с социокультурными и культурно-историческими контекстами его развития, но и в сочетании разных способов видения этого человека: производящего смыслы, нормы, ценности и индивидуальные жизненные стратегии; участвующего в повседневных практиках, горизонтальных связях, «низовом» социальном творчестве и т. д. Таким образом, если психология изучает не изолированного индивида в лаборатории, а субъекта, включенного в разные группы и сообщества; живущего в потоках той или иной культуры; пребывающего в контекстах повседневности; творящего как поступки, так и исторические деяния; порождающего (в постструктуралистском, широком смысле слова) тексты, – при таком раскладе психологии довольно трудно уклониться от движения смежных наук: антропологии, социологии, истории, этнографии, литературоведения, филологии и т. п. Она вынуждена сменить позицию мультидисциплинарного исследования («психология *и* антропология») на установку трансдисциплинарности («психология *как* антропология»). Последнее означает, что психологическое исследование расширяется и прорастает в антропологическое, историческое в литературоведческое и т. д. Подобного хирургу, проводящему операцию посредством различных инструментов или художнику, набрасывающему на полотно разные краски, ученый сочетает познавательные инструменты и методологические стратегии, руководствуясь их релевантностью требованиям меняющейся непосредственно в ходе исследования реальности. Так, согласно С. Козлову, идеалом современного исследователя в сфере гуманитарных наук является «глубокая методологическая фундированность и свободный переход от одной исследовательской парадигмы к другой – в зависимости от требований материала» (Козлов, 2011).

Трансдисциплинарное исследование неформатно и ненормативно в том смысле, что принуждено *не застывать, а течь,* не охранять собственные границы, а держаться принципиальной открытости. Это подвижное, *изменяющееся исследование изменяющегося человека*

в изменяющемся мире. Отметим, что в российской психологии рубежа XX–XXI вв. подобные лозунги звучали неоднажды: «развивающийся человек в развивающемся мире», «подвижное в подвижном» (Асмолов, 2007; Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен, 2018), «человек в изменяющемся мире» (Белинская, 2005) и т. п. Однако трансдисциплинарный подход, удерживающий в поле внимания одновременно саморефлексивность, процессуальность и контекстуальность, добавляет в эту двусоставную формулу третий компонент – *изменяющееся исследование:* исследование, которое течет и развивается совместно с изучаемой реальностью и, соответственно, применяет разные познавательные инструменты. Более того, здесь появляется не только изменяющийся человек в изменяющемся мире, но и изменяющийся в процессе познания исследователь.

Антропологическое знание и российская психология

При обсуждении антропологического поворота в «Новом литературном обозрении» Н. Поселягин поставил вопрос, сможет ли антропологический поворот быть востребован и прижиться в российском научном сообществе, ибо существует идеологический разрыв между открытостью горизонтов антропологической оптики и крепко сидящим в сознании значительной части отечественных гуманитариев позитивизмом. «Антропологический поворот, несмотря на все его внутреннее разнообразие, предполагает общую эпистемологическую систему координат, которую можно обозначить как субъективистскую – имея в виду, конечно, не аксиологию, а способ подхода к предмету: как я могу воспринимать мир и анализировать воспринятое. Здесь первична самоценность концепции, познавательный ракурс, с которого именно я смотрю на объекты… В России же господствующая система координат другая – условно говоря, позитивистская (или традиционная, или академическая): мы предполагаем, что любые исследователи, при известном навыке обращения с фактами и эвристическом опыте их складывания в объективные системы, способны понять истинные смыслы сказанного в тексте и происходившего за текстом» (Поселягин, 2012).

И психологическое, и антропологическое знание в России несет на себе печать культурной травмы XX в., отразившейся не только в феномене «репрессированной науки» (Ярошевский, 1991), покалеченных судьбах мыслителей, но и в своеобразном стиле мышления, отличающемся, например, *неготовностью к критике* – сопротивлением и производить, и воспринимать критические дискурсы. Взгляд

со стороны, из иного культурального контекста обнаруживает в этом стиле мышления не только достоинства безбрежной широты и творческого синтеза восточных и западных традиций, но и недостатки, связанные с отсутствием самокритичности, аргументативной и коммуникативной рациональностей, недифференцированностью аксиологии, онтологии и гносеологии, слипанием профессионального и личного, интеллекта и аффекта (Прима, 2019; Ясницкий, 2015). Так, продукты интеллектуальной деятельности не отделены здесь от личности, а потому их критика актуализирует системы психологической защиты. Л. Прима отмечает, что даже в постсоветской системе образования российских студентов не учат развивать дискуссию, выявлять противоречия, указывать на неясные моменты: «Подспудно они полагают, что на любой вопрос есть один-единственный правильный ответ, и их задача – найти его. <...> они будут защищать свою исходную позицию до конца, любыми возможными способами отстаивая свою правоту. Им крайне тяжело пересматривать собственные предпосылки. Они выстраивают свои рассуждения на зачастую шатких, заранее необъективных суждениях – лишь потому, что эти суждения им знакомы, или же эти суждения были услышаны ими в первую очередь и чем-то пришлись по душе. <...> Им свойственно идентифицировать собственную личность с той идеей, которую они приняли. Соответственно, когда эту идею критикуют, студенты воспринимают это как критику их самих – и пытаются защититься любыми способами. Именно поэтому студентам сложно проводить мыслительные теоретические эксперименты – они стремятся как можно быстрее слиться с той или иной идеей и защищать ее. Мысль о том, что можно отстраненно рассматривать несколько идей с разных ракурсов, не находит у них отклика» (Прима, 2019).

Отечественное социогуманитарное знание в целом и антропологическое в частности в истории российской науки XX в. оказалось, с одной стороны, подавленным, а с другой – разгромленным. Это коснулось как судеб отдельных ученых, так и уничтожения целых научных школ, подходов и исследовательских направлений (Алымов, 2009; Репрессированные этнографы, 2002; Ярошевский, 1991; и др.). И.Д. Прохорова в докладе «Эволюция гуманитарного знания и гуманитарных институций в постсоветской России. Взгляд из НЛО» отмечает, что уничтожение в 1930-е годы отечественного краеведения, задержало исследования повседневной жизни на десятки лет. Антропологическое знание пробивалось трудами отдельных ученых, таких как А.Я. Гуревич и Ю.М. Лотман, рассеянными в раз-

ных областях штудиями, однако полноценного исследовательского направления в XX в. не сложилось (Прохорова, 2020). В наших работах также показано, что культурно-психологическое знание, не имея возможности в советскую эпоху институализироваться в направления, подобные культурной психологии или психологической антропологии, просачивалось отдельными ручейками в пространстве смежных наук – этнографии, истории, социологии, литературоведения (Гусельцева, 2014).

В советско-российской интеллектуальной традиции антропология развивалась прежде всего как физическая антропология, изучающая телесные характеристики человека, его эволюционное происхождение. Так, С.А. Токарев относил антропологию к естественным наукам, а лингвистику и экономику – к гуманитарным (Токарев, 2012). С.А. Кириллов фиксирует «фактическое отсутствие в России собственно антропологической традиции, опосредовавшее, во-первых, широкое обращение к наследию ранее игнорируемых наукой российских историков культуры и, во-вторых, некоторую инструментарную ограниченность механизма рецепции западных исследований» (Кириллов, 2014, с. 137). При этом неочевидным образом антропологическая традиция развивалась под другими именами, например, скрываясь в проблематике *человека и мира*.

Согласно исследованиям Н.А. Дмитриевой, «кантианское понятие человека как активного и автономного субъекта», переосмысленное не только в неокантианстве, но и в контексте российской познавательной ситуации начала XX в., вело к антропологическому повороту. При этом «поворот к проблеме человека в русском неокантианстве совершался параллельно, независимо и даже несколько опережая схожие процессы в немецком неокантианстве» (Дмитриева, 2013). «В трудах марбургских „классиков“ были обозначены лишь подступы к философской антропологии: антропологическое учение о человеке в рамках неокантианской традиции впервые получило оформление только в поздних работах Э. Кассирера. Однако именно труды Когена и Наторпа заложили необходимый фундамент и обозначили проблемы, для решения которых необходим был поворот философской рефлексии к человеку. В определении понятия человека в марбургском неокантианстве раннего периода оказались сопряжены подходы к человеку, разработанные в рамках сразу нескольких философских дисциплин: этики, социальной философии, философии права и философии истории» (там же).

Культурно-аналитический подход раскрывает сегодня неокантианство как сильную программу отечественной психологии (Гу-

сельцева, 2019). Если марксизм представлял позитивистскую историософскую традицию, то неокантианство более ориентировалось на культуру, чем на социальную историю, а также содержало такой эпистемологический ресурс, как повороты к субъекту и к антропологическому знанию.

Таким образом, антропологическая традиция утеряна в российской психологии XX в. в том смысле, что, имея историко-научные предпосылки появиться, она оказалась задавлена катком тоталитарной идеологии эпохи. Однако с позиции методологии латентных изменений имеющие внутреннюю логику развития научные направления не исчезают полностью, а рассеиваются в междисциплинарном познавательном пространстве, так или иначе протекая отдельными ручейками. Так, антропологическая традиция в российской психологии в советскую эпоху развивалась латентно, будучи реализована в наследии С.Л. Рубинштейна, непреднамеренно маскируясь под рубрикой этики. Иными словами, то, что в истории науки XX в. получило название *антропологического поворота,* представало в творчестве С.Л. Рубинштейна как проблема этического. Более того, эту проблему С.Л. Рубинштейн (Рубинштейн, 2003, с. 428–451) наследовал у Г. Когена (Cohen, 1904) и Г. Ланца (Lanz, 1936), лишний раз доказывая, что даже в условиях советского изоляционизма отдельные ученые не утрачивали связи с мировой наукой.

Российская интеллектуальная традиция: человек и мир

Российскую психологию в наши дни, случается, критикуют за провинциализм и самозамкнутость (Интервью с В.А. Ключаревым, 2017; Ясницкий, 2015; и др.), такая критика, безусловно, заслуживает внимания. Однако в рамках данной статьи обратимся к тому, что выступает самобытностью и сильной программой российской психологии. В глобальном мире методологически выигрышной позицией оказывается ее пребывание между синтетической (холической, «восточной») и аналитической (критической, «западной») парадигмами знания, способами мышления (Nisbett, 2003) и мироощущения.

В интеллектуальной традиции российской психологии человек, как правило, изучался в своем жизненном мире, личность – в социальной ситуации развития, культура рассматривалась как *среда, растящая и питающая личность* (Флоренский, 2000, с. 368), индивидуальность – как обусловленная ценностями культуры. Показательны в качестве способов размышления названия трудов отечественных мыслителей XX в. – «Мысль и язык» (1862) Л. С. Выготского,

«Язык и искусство» (1895) Д. Н. Овсянико-Куликовского, «Мышление и речь» (1934) А. А. Потебни, «Бытие и сознание» (1957), «Человек и мир» (1973) С. Л. Рубинштейна.

К этой традиции принадлежали труды разных авторов, однако особо следует выделить М. М. Рубинштейна (Рубинштейн, 2008) и Г. Г. Шпета (Шпет, 1989). Так, М. М. Рубинштейн четко показал, что социальность (социализация) и индивидуальность (индивидуализация) – не оппозиции, а разные стороны единого процесса развития человека. Социально-психологическим следствием такого подхода стало понимание, что для того, чтобы быть способным проявлять солидарность, человек должен обрести личную автономию, своего рода внутренний стержень: осознанность, ответственность, внутренний локус контроля, «Sapere aude!» – готовность пользоваться собственным разумом как критерий психологической и гражданской зрелости в трактовке И. Канта (1966). Таким образом, солидарность и личная автономия – это также не оппозиции, а разные стороны одной реальности.

В свою очередь, Г. Г. Шпет доказывал, что индивид изначально коллективен, а исторические сообщества отличаются друг от друга отношением к окружающему миру; эти отношения и есть объективное выражение социального характера. Психология народа особенно ярко проявляется в его отношении к духовным ценностям. Переживание – важная психологическая категория, а коллективные переживания выступают предметом этнической психологии. Разные культурные обстоятельства, язык, религия, наука – все это вызывает человеческие переживания, в которых, несмотря на индивидуальные различия людей, есть типически общее. Исследование является объективным, если психология изучает продукты культурного творчества как психические процессы (Шпет, 1989).

В XX в. российская психология сформировала ряд подходов, которые с определенной долей условности можно подразделить на *парадигму развития* и *парадигму культуры:*

- Историко-генетический подход (А. А. Потебня, Г. Г. Шпет, Л. С. Выготский);
- Культурно-исторический подход (К. Д. Кавелин, Д. Н. Овсянико-Куликовский, Л. С. Выготский);
- Культурно-деятельностный подход (М. М. Рубинштейн);
- Экзистенциально-философский подход (С. Л. Рубинштейн).

Таким образом, интеллектуальная традиция изучать человека в мире, личность в обществе, индивидуальность в культуре; понимание,

что чем ближе человек к общечеловеческим ценностям, тем ярче и полнее его индивидуальность, а, индивидуализируясь, он раскрывает в себе всеобщее, – эти положения были сильной стороной российской психологией в начале XX в., поддерживаются они и в наши дни (Асмолов, 2007; Белинская, 2005; Знаков, 2016; Марцинковская, 2015; и др.).

Однако если в начале XX в. акценты в изучении человека и мира ставились, прежде всего, на вопросах социализации и развития человека в обществе, роли в этом процессе социального окружения, то сегодня на передний план вышла *проблема трансформаций*. С этим связана разработка таких конструктов, как процессуальность, контекстуальность, множественность, текучесть, транзитивность, противодействие, сложность и разнообразие, переосмысливаются проблемы субъекта современности и проявления субъективности в повседневной жизни. Психология изменений, психология субъекта, психология выбора, психология социальных явлений, психология повседневности, культура и субкультура в пространстве психологического хронотопа, информационная социализация, психология возможного – далеко не полный перечень новых направлений, на основании которых можно сделать вполне оптимистичный вывод, что, несмотря на привычные дискуссии о кризисе психологической науки, российская психология развивается (Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен, 2018; Психология личности, 2019; Новые тенденции и перспективы психологической науки, 2019; Знаков, 2016, 2020; Психология субъекта и психология человеческого бытия, 2010; Леонтьев и др., 2015; Марцинковская, 2015, 2016; Мельникова, Хорошилов, 2020; Поддьяков, 2014; Юревич, 2014; и др.).

Трансформации – едва ли не ключевое слово при изучении проблемы *человек и мир* в контекстах современности. И здесь перед психологией встают новые методологические проблемы. Во-первых, как изучать изменения? В широком смысле есть две дополняющие друг друга исследовательские стратегии – принцип *развития* (историко-генетический дискурс) и принцип *культуры* (культурно-аналитический дискурс). Трансдисциплинарный подход позволяет их продуктивно совместить (Гусельцева, 2018). Во-вторых, как изучать трансформации, если последние латентны и неочевидны? Методологическая проблема в изучении изменений – проблема их видимости и способов обнаружения. Довольно сложно изучать то, что еще не появилось, не проявилось, не манифестировано, не нашло выражения, иными словами, если эти изменения новые, скрытые, незаметные.

Проблема невидимости и незаметности феноменов, латентности тенденций и перемен обсуждалась ранее и в контексте психологии, и в социальных науках, и в исследованиях культуры. Так, в когнитивной психологии эти проблемы изучались в категориях *перцептивной слепоты* (Perceptual Blindness) или *слепоты невнимания* (Inattentional Blindness) (Шабри, Саймонс, 2011; Mack, Rock, 1998; Simons, Chabris, 1999). У. Найссер сформулировал проблему видимости следующим образом: *чтобы видеть – нужно знать, на что смотреть* (Найссер, 1981). Вопросы видимости и невидимости феноменов обсуждались в теории поля К. Левина (Левин, 2000б). И. Гофман в книге «Представление себя в повседневной жизни» описал феномен «учтивое невнимание», обусловленный тем, что рутинные, повседневные, само собой разумеющиеся, привычные действия протекают в культуре как незамеченные (Гофман, 2000). «Симптоматично, – отмечает Т. Венедиктова, – стремление сегодняшних гуманитариев обсуждать свои позиции не в терминах методологии, а в таких как – „взгляд“ или „воображение“. Последние слабее формализированы, тем не менее целостны и обязательно включают в свой состав рефлексию над субъективной, соучастной позицией исследователя» (Венедиктова, 2011).

Таким образом, на сегодняшний день существуют разные способы исследовать изменения: в психологии они связаны с когнитивными подходами и аналитическими традициями изучения бессознательного; в искусствознании – с работами А. Варбурга (2008), Э. Гомбриха (1999) и Э. Панофского (1999); в исследованиях по истории культуры с легкой руки К. Гинзбурга обсуждаются в понятиях *уликовой парадигмы:* «Нити, составляющие это исследование, можно сравнить с нитями ковра. <...> Этот ковер и есть парадигма, которую мы называли попеременно, в зависимости от контекстов, следопытной, дивинационной, уликовой или семейотической. Очевидно, что все эти прилагательные не синонимичны друг другу; однако все они отсылают к общей эпистемологической модели, артикулированной в различных дисциплинах, между которыми часто обнаруживается связь в виде заимствования методов или ключевых понятий» (Гинзбург, 2004, с. 217).

Свою лепту в изучение трансформаций вносят и политические науки. Ревизия представлений, концепций и понятий, описывающих современность, решает проблему видимости через изменения категориального аппарата, где, например, на смену левым и правым, либералам и консерваторам пришли *нативисты* и *глобалисты* (Крастев, 2018), а изменения идентичности осмысливаются в следующей системе координат: простота vs сложность; стабильность vs

мобильность; локальное vs глобальное; саморазвитие (опора на качественное образование и профессионализм) vs безопасность (неуверенность и тревога).

Диалектику видимого и невидимого в проблеме изучения трансформаций широко обсуждают представители социальных наук, подчеркивая, например, что COVID-19 *не породил те или иные процессы, а всего лишь сделал отчетливым и оформленным то, что уже присутствовало в виде латентных тенденций*. Так, аналитик и эксперт Московского центра Карнеги А. А. Мовчан замечает: «Наблюдателям со стороны свойственно считать, что процессы коренных изменений, как правило, начинаются „черными лебедями“ – триггерами, запускающими цепочку событий, приводящую к переменам. Между тем глубокое изучение темы показывает, что триггеры лишь освобождают дорогу изменениям, причем в большой степени даже и не в материальном мире, а в умах экономических агентов. Сами же изменения, чтобы реализоваться, должны уже быть подготовлены ко времени наступления триггера и лишь ждать своего часа. <...> Пандемия ковида, разразившаяся в 2020 году, не станет исключением из правила и явится очередным триггером изменений, который позволит проявиться тенденциям, в экономике уже заложенным. Чтобы понять, какие это тенденции, стоит посмотреть, где пересекаются „краткосрочные“ изменения, вызванные эпидемией, и „долгосрочные тренды“, пока недостаточно активно себя проявлявшие» (Мовчан, 2020).

Наконец, довольно продуктивную роль в изучении трансформаций современности играют этнографический и антропологический подходы, занявшие общенаучный уровень методологии социогуманитарных наук. «Когда меняется все, от мелкого и конкретного до огромного и абстрактного, – объект исследования и окружающий его мир; исследователь и окружающий его мир; мир, окружающий их обоих, – кажется, что невозможно найти место, откуда видно, что и как изменилось» (Гирц, 2020, с. 8). «Построение систем дискурса, структур репрезентации, внутри которых происходящее можно изложить в форме утверждений и аргументов, подкрепленных эмпирическим материалом, – именно этим занимаются антропологи, претендующие...на то, что они описывают вещи, которые действительно имели место. И против этого же они возражают» (там же, с. 36).

На обозначенных выше предпосылках и источниках строится *методология латентных изменений* – гибкая стратегия, позволяющая отслеживать текущие трансформации человека и мира посредством анализа динамики культуры.

М. С. Гусельцева

Методология латентных изменений и малые культуральные движения

Методология латентных изменений – трансдисциплинарная исследовательская стратегия, нацеленная на выявление ценностных трансформаций, мотивационных сдвигов, скрытых интеллектуальных течений и социокультурных движений, выступающих предпосылками перемен (Гусельцева, 2019). На конкретно-научном уровне психологического знания она опирается на принципы *развития* (историко-генетический и историко-эволюционный подходы) и *культуры* (этнопсихологический, культурно-исторический и культурно-аналитический подходы), *субъекта* (субъектный, субъектно-аналитический и системно-субъектный подходы) и *деятельности* (деятельностные подходы, принцип творческой самодеятельности, принцип деятельностного опосредования), а на общенаучном уровне познания в области социогуманитарных наук – на этнографический и антропологический подходы. Глобальной концептуальной рамкой, делающей возможным такой методологический синтез, выступают эпистемология сложности (Морен, 2018) и трансдисциплинарный подход (Трансдисциплинарность, 2015).

Для решения обозначенных в предыдущем разделе проблем в свете методологии латентных изменений введен конструкт *малые культуральные движения,* основанный на представлении о больших и малых традициях в истории европейской культуры (Яковенко, 2006) и на метафорическом понятии Ю. М. Лотмана «лаборатории жизни», под которым он понимал малые сообщества людей, возникающие на переломах культуры, производящие новые смыслы, практики и ценности (Лотман, 1992).

Ключевое предположение в изучение больших социокультурных и малых культуральных движений заключается в том, что наблюдение за ними позволяет постичь трансформации в ценностях, социальных нормах, поведенческих стратегиях, жизненных практиках несколько раньше, чем все это может отразиться в стандартных психологических и социологических измерениях, поскольку культурно-психологические изменения не только *проявляются,* но и *стихийно формируются* в низовом творчестве малых сообществ.

К малым культуральным движениям, несущим латентные трансформации современности, следует сегодня отнести *новую этику,* «культуру отмены» (cancel culture), *минимализм* как сознательное сопротивление усложнению и *медленную жизнь* (slow life) как осознанное противодействие ускорению, сетевую самоорганизацию в качест-

ве «конвергентной культуры» (convergence culture), просвещенческий ренессанс в разновидностях интеллектуального, философского, стоического ренессансов и «ренессанса социальных наук», движение «темных интеллектуалов» (intellectual dark web), *новый анархизм,* движения самопомощи, индивидуальные жизненные стратегии, течения, связанные с шеринговой экономикой и этичным потреблением (collaborative consumption, responsible consumption), экологические и региональные протесты и т. п. (Грэбер, 2014; Гусельцева, 2020; Дженкинс, 2019; Жданов, 2018; и др.)

Новая этика – довольно популярный сегодня конструкт, но расплывчатое понятие. Впервые термин появился в книге Э. Нойманна и указывал на переход от коллективной идентичности к внутреннему локусу контроля: от коллективной вины – к личной ответственности, от ориентации на идеалы сообщества – к автономии и целостности субъекта. Эти позиции были сформулированы Э. Нойманном на языке аналитической психологии (Нойманн, 2009). Согласно его учению, субъект, не осознающий конфликтующую с принятыми в данном обществе ценностями Тень как внутреннюю проблему, проецирует последнюю на объекты внешнего мира. Признаком же нравственной зрелости Э. Нойманн считал интеграцию субъектом теневой стороны и принятие личной ответственности за собственное развитие (там же). Если старая этика означала здесь ориентацию на идеалы сообщества, а также однозначное деление на «черное» и «белое», «своих» и «чужих», то новая этика подчеркивает стремление субъекта к автономии и целостности.

Сегодня новая этика – это зонтичное понятие, интегрирующее различные тенденции. Она обсуждается в контексте искусства, где речь идет об активизме и стирании границ между сценой и зрительным залом (Федянина, 2019). С новой этикой связаны движения ревизионизма, затрагивающие уже не только искусство, но и повседневность (обе сферы могут оказаться здесь слиты). Важное место в новой этике занимают темы социальной справедливости и дискриминации. Так, критически настроенный взгляд приверженца новой этики обнаруживает гомофобию в сериале «Друзья», расизм – в «Унесенных ветром», сексизм – в «Этой прекрасной жизни», мизогинию – в «Дневнике Бриджет Джонс» и объективацию женщин – в «Над пропастью во ржи» (Волохова, Бессмертная, 2017).

Новая этика пересматривает границы между публичным и приватным, локальным и глобальным. «Растущий стихийный тренд на гуманизацию, социальная и физическая мобильность поставили под сомнение пункты общественного договора, еще недавно

казавшиеся незыблемыми. Принятые в обществе ролевые модели и поведенческие кодексы, разделение частного и общественного – все эти представления сегодня переживают трансформацию, причем „этичное“ и „неэтичное“ в этих сферах часто меняются местами» (Темой КРЯКК-2020 стала «Новая этика» – Год литературы РФ, 2020). Однако если взглянуть на новую этику с позиции не исследований культуры, а психологии, то следует отметить, с одной стороны, рост субъектности, который на языке социальных наук нередко формулируется в качестве *запроса на участие,* а с другой – принуждающее к толерантности *нормативное разнообразие.* На поверхностном уровне социального пространства эти процессы предстают как столкновение ценностей и протестные движения. На более же глубоком уровне взаимодействий человека и мира происходят латентные и менее очевидные трансформации социальных норм и жизненных практик. Парадоксальным образом малозаметные эволюционные процессы, подспудно меняющие установки, нормы и ценности, оказываются продуктивнее и устойчивее кардинальных и стремительных изменений.

Нередко противоположные тенденции представлены в современности не только различными сообществами, но и способами наблюдения: с одной стороны, есть агрессия и радикализация меньшинств, отмечаемые социологами, с другой – гуманизация и внимательное отношение к собеседнику в контексте цифрового и гендерного этикета, осознанность, уважение к личному пространству. Открытость границ в социальном и виртуальном пространстве может сопровождаться повышенной сензитивностью к нарушению границ персональных. Так, исследователи цифрового этикета отмечают, что, начиная с 2019 г. телефонный звонок без предварительной договоренности считается бесцеремонным вторжением в сферу приватности человека (Лукинова, 2020), «грубым нарушением границ личного пространства» (Наумова, 2019). Наряду с неоднородностью социокультурного пространства в зависимости от того, на чем сфокусирован взгляд наблюдателя, тот отмечает технооптимизм или технопессимизм, традиционалистское или модернистское сознание, лоялизм или гражданский протестантизм, запрос на авторитаризм по отношению к элитам и запрос на демократию в собственных взаимодействиях с государством. При этом нормативное творчество в большей степени представлено на уровне малых сообществ: здесь возникают практики, которые потом становятся или не становятся вирусными.

Глобальные процессы, наблюдающиеся сегодня в разном социокультурном контексте, будь то Россия или Америка, зачастую про-

являются как манифестации *оскорбленных чувств* (см.: Аронсон и др., 2019). Такие черты новой этики, как сензитивность к дискриминации и ревизионизм выступают предпосылками движений, разновидностью которых служит, например, *культура отмены.* В социально-психологической сфере она реализуется в гражданском активизме и повышенной этической вовлеченности субъекта.

Культура отмены (*англ.* cancel culture) представляет собой вирусную практику отказа в поддержке тех или иных публичных фигур или компаний после того, как они совершили нечто воспринятое как неприемлемое или оскорбительное в данных сообществах. Чаще всего культура отмены реализуется в практиках шейминга в социальных сетях или группового осуждения за предосудительные в данном сообществе поступки (Добровольская, 2020; Мажар, 2019). В определенной степени она выступает процессом саморегуляции социальной жизни. Не исключено, что подводной частью айсберга здесь является неоформившийся запрос на коммуникативную рациональность.

Две стороны глобальных процессов трансформации ценностей можно обозначить соответственно как *нормативное разнообразие и самоограничение.* Определенные самоограничения становятся цивилизационной нормой, их эволюционный смысл заключен в том, чтобы избегать конфликтов, дискомфорта для себя и окружающих. Обозначенная на рубеже XX–XXI вв. в ряде работ тенденция *«культура имеет значение»* выразилась в том числе и в повышенной чувствительности современных людей к столкновению их ценностей и стилей жизни. Однако привлекающие публичное внимание «оскорбленные чувства» и агрессивные действия архаичных сообществ также служат свидетельством текущей трансформации норм, поиска и самоорганизации иной модели общественного согласия.

В современном смешанном обществе так или иначе встает проблема соприкосновения различных ценностей и этических систем. Однако нет иного пути ее цивилизационного решения, как, с одной стороны, *терпимость к разнообразию,* а с другой (что не менее важно) – *нетерпимость к нетерпимости*[1]. Помимо этого, не столько

1 Этот парадокс толерантности был сформулирован как К. Левиным (1939), так и К. Поппером (1945). «Дружелюбие – неадекватный ответ агрессору» (Левин, 2000а, с. 320). Неразумно попустительствовать агрессии, демонстрируя дружелюбие, ибо это поощряет вседозволенность. «Нетерпимость к существованию таких „нетерпимых“ культур – вот необходимое условие для воцарения мира между народами» (там же, с. 151). «Во имя терпимости следует провозгласить право не быть терпимыми

возросла, сколько сделалась более заметной роль меньшинств и связанное с их активностью уже упомянутое *нормативное разнообразие*.

Так, дисперсное и не самое заметное сообщество – интроверты, благодаря активности на книжном рынке и просветительской деятельности, заявило в наши дни о своем стиле жизни как о норме. «Пандемия легитимизировала до того стигматизированную в обществе позицию интроверта. Примерно 20–25% населения Земли не испытывают радости от личного взаимодействия с окружающими (за исключением узкого круга близких); для большинства из них множественные контакты на короткой дистанции болезненны. До сих пор большинство „тактильных“ землян, которые любят общение, прикосновения, короткую дистанцию, имели преимущества и определяли норму. С 2020 года интровертность становится нормой наравне с „тактильностью“ – и значит, система общения „на длинной дистанции“ будет активно развиваться, благо для этого подготовлены и существуют многочисленные способы. Экстравертам придется приспосабливаться – благодаря ковиду интроверты становятся классическим „активным меньшинством“, которое влияет на пассивное большинство, заставляя его исполнять свои правила – тем более что эти правила будут еще и экономически эффективны» (Мовчан, 2020).

Трансформации сферы занятости сделали востребованными профессии, где конкурентным преимуществом являются оригинальность и непохожесть на других людей. За повышенными требованиями молодежи относительно условий труда, здорового образа жизни, этики и экологии также прослеживаются изменения ценностей и рост субъектности. Индивидуальные жизненные стратегии, прежде воспринимаемые как экстравагантность и чудачество, сегодня сделались *нормативностью иного стиля жизни*. Наиболее яркий пример здесь – датский писатель-затворник Питер Хёг, выстраивающий свой образ жизни как инструмент оптимальной самореализации (Краснова, 2004). Также о нормативном разнообразии свидетельствуют исследования цифрового и гендерного этикета (Лукинова, 2020; Новкунская, 2018).

Транзитивность современного общества (Марцинковская, 2015) выражается в текучести и изменчивости правил поведения, в онлайн- и оффлайн-пространствах совершается социальное творчество и самоорганизация коммуникативных практик. Так, А. Новкунская

к нетерпимым. Мы должны объявить вне закона все движения, исповедующие нетерпимость...» (Поппер, 1992, с. 329).

подчеркивает, что «универсальное правило современного гендерного этикета – это критичное и рефлексивное отношение к готовым правилам» (цит. по: Наумова, 2019). Определенный тренд гуманизации российской повседневности отслеживается в изменениях родительско-детских отношений, продвижении закона о профилактике домашнего насилия, возрастании психологических требований к партнеру по браку и т. п. (Данилова, Шульман, 2019; Зицер, 2018). Наблюдения, что «брак все чаще откладывается на период позднего деторождения, появляются новые формы партнерства (гражданский, гостевой, открытый, однополый брак и т. д.)» (Гавриченко, Зотова, 2020) также свидетельствуют о росте нормативного разнообразия. А. Новкунская отмечает исчезновение конструкта идеальной семьи, поскольку партнеры заинтересованы не в образце, а в доверительных и комфортных конкретно для них отношениях. «Партнерские отношения теперь регулируются не стереотипами – условно, что женщина должна в 25 выйти замуж и родить первого ребенка и что мужчина должен обеспечивать семью, а... переговорами, договоренностями и обсуждениями» (Наумова, 2019). По сути дела, зарождение столь необходимой российскому социуму коммуникативной рациональности стихийно происходит на уровне отдельных семей и сообществ.

Следующее заслуживающее внимания движение – интеллектуальный или просвещенческий ренессанс, возникший благодаря распространению сетевой культуры. В популяризации просветительского движения следует особо отметить роль видеохолдинга YouTube, создавшего спектр возможностей саморазвития, самообразования и – что специфично для его российского сегмента – ставшего публичным пространством для дискуссий. В этом публичном пространстве происходят «философский ренессанс», «ренессанс социальных наук», обусловленный доступностью данных и легкостью научных коммуникаций в современной сетевой культуре. Довольно заметное явление – «стоический ренессанс»: ежегодно проводятся так называемые стоиконы – встречи участников этого сообщества, мероприятия, публичные чтения и обсуждения трудов стоиков (подробнее об этом: Гусельцева, 2020).

Другим важным аспектом распространения сетевой культуры является *кастомизация* (от *англ.* to customize) – привычка выбирать и индивидуализировать разного рода интерфейсы. Повседневные практики такого рода содержат процессы латентной индивидуализации и повышения субъектности.

Солидарность, неоднородность видимости (самоочевидность для одних и скрытость для других групп), отсутствие лидерства – при-

знаки малых культуральных движений. «Мы договорились, что у нас не будет главного человека, который будет всем управлять...» – отмечает одна из активисток просвещенческого проекта «феминистские карточки», представляющего в сетевом пространстве иной взгляд, репрезентирующего ценности малых сообществ. Эти карточки помогли «многим людям... по-новому посмотреть на привычные вещи», обсудить прежде табуированные темы, «дали ощущение солидарности» и чувство значимости работы на общественное благо, служащее самоподдерживающей мотивацией волонтерских движений («Важно провоцировать дискуссию»: зачем петербурженки создали феминистские карточки, 2018).

Отдельного освещения в качестве примера сетевой самоорганизации, востребованности просвещения, стремления в сетевой культуре к саморазвитию и интеллектуальной сложности заслуживает *движение темных/глубинных интеллектуалов* (Жданов, 2018). Историк Л. Лурье отмечает в российском обществе возросший интерес к саморазвитию и стихийное движение просвещения «на фоне упадка официального образования и роста влияния интернета» (Лурье, 2019). «Мы наблюдаем колоссальный рост числа лекций, экскурсий, мастер-классов, центров внеклассного обучения – это все формы самообразования. Вообще самодеятельность, в самом широком смысле слова, от благотворительности до частных детских садов и домов культуры – доминирующий тренд. Идея того, что я узнал что-то не от университетского профессора, а от некоего умника, который учит по интернету или выпустил книжку, становится все более и более влиятельной» (там же). Более того, в контексте изучения культурного потребления отмечается рост интереса «не только к лекциям, но и к различным медленным занятиям – к выставкам, к симфонической музыке... к музыкальному театру в Петербурге и драматическому театру в Москве», а в контексте изучения коммуникаций – рост и «влияние сетевых сообществ, включая совсем локальные: сетевая страница того или иного дома или родительского собрания в классе» (там же).

Помимо названного, в российском сетевом пространстве можно выделить мощное *движение самопомощи*. Повседневные практики сотрудничества, краудсорсинга и краудфандинга имеют отсроченные последствия в сфере трансформации ценностей, норм, жизненных стратегий и установок. При этом следует отметить специфику российского движения, где в практиках самопомощи и самозанятости проявляются и личная автономия, и солидарность. Если на языке социальных наук эти процессы обсуждаются как преодоление

патернализма, или *низовая модернизация* (Низовая модернизация, 2018), то на языке психологии данный феномен можно назвать *вынужденной субъектностью.* Следуя принципу творческой самодеятельности, в практиках самозанятости воспитываются субъектность и личная автономия, а также готовность к самоорганизации и гражданской солидарности.

Подобная феноменология отличает движение *новый анархизм,* связанное с именем антрополога и активиста Д. Грэбера. Обычно такие движения интересны представителям политических наук, однако с позиции психологии они свидетельствуют о росте в сообществах осознанности и субъектности, личной автономии и самоорганизации. Д. Грэбер в своих работах (Грэбер, 2014a, 2014b, 2018) описал феномен *латентного анархизма.* Последний проявляется в повседневных практиках уважительного отношения к другому человеку, в преодолении разногласий посредством компромиссов, в готовности выслушать мнение каждого вместо того, чтобы полагаться на того или иного лидера, в стремлении решать проблемы с опорой на разум и справедливость (Грэбер, 2014a).

Исследовательская деятельность Д. Грэбера отчасти напоминает *действенные исследования* К. Левина (Lewin, 1946), а именно: тем, что Грэбер был не только антропологом, но и гражданским активистом, не чуждым этической повестке и проблемам социальной справедливости. Он полагал, что именно осознанность и изменения в повседневной жизни меняют мир к лучшему.

В распространении малых культуральных движений важно отметить роль интернета – сетевого коммуникативного пространства в качестве их катализатора. Так, Г. Дженкинс в книге «Конвергентная культура» исследует примеры *подростковой сетевой самоорганизации* (Дженкинс, 2019). Показательно, что в разобранных им кейсах социализация и становление профессиональных навыков – например, автора, писателя, журналиста – зачастую проходят незаметно для образовательного сообщества и без помощи взрослых. «Все чаще профессиональные педагоги сталкиваются с результатами обучения в... неформальных и досуговых пространствах. В результате им приходится признать существенные ограничения, накладываемые на детей традиционными образовательными нормами, способными оценить только то, что может быть оценено с помощью стандартизированных тестов» (Дженкинс, 2019, с. 247).

Экологические и региональные движения, как и маркетинговые исследования, также многое сообщают сегодня об изменении идентичности и трансформации ценностей. Отметим движения этично-

го (ethical), ответственного (responsible), осознанного (conscious), разумного, недемонстративного и экологичного потребления (Авдеева, 2020; Гришанова, Татаринова, 2013; Шабанова, 2015; Grisewood, 2009; Harrison et al., 2005; Wonderzine, 2016; и др.). Связанный с трансформацией культуры потребления тренд получил здесь название *скандинавизации поведения* (Данилова, Шульман, 2017). Посыл этих движений в том, что «в современном обществе можно жить достойной жизнью – как политической, так и культурной, – имея более скромные материальные условия и более разумное потребление, чем это имеет место сегодня» (Скирбекк, 2017, с. 157).

В контексте культуры ответственного потребление и развития шеринговой экономики, позволяющей гражданам не приобретать, а арендовать имущество, обмениваться вещами и услугами («каршеринг», аренда жилья, минимизация мусора), формируются практики самоограничения, происходит рост осознанности и самодисциплины, осуществляется постепенное становление психологической и гражданской зрелости. Отметим также такие современные культуральные движения, как экологические протесты (Салаватова, 2019; Туровец, 2019), правозащитный активизм, эссенциализм, минимализм, медленная жизнь, дауншифтинг и т. п. (подробнее об этом: Гусельцева, 2021).

Минимализм, проявивший себя в искусстве, в экономике, в культуре потребления и в стилях жизни, с психологических позиций можно рассматривать как осознанное противодействие усложнению бытия, разрывающему личность на фрагменты, переизбытку информации, коммуникаций, окружающих человека вещей. За этим движением стоит личный выбор самоограничения ради качества жизни, что предполагает в человеке внутренний локус контроля, осознанность и субъектность.

В свою очередь, *медленное движение* – ответ субъектов и сообществ на принуждение в современном мире к ускорению. В этом движении человек также стремится к овладению собой и сознательному творчеству жизни, индивидуализированным ритмам бытия. Здесь происходит осознанное сопротивление напору сложности и быстроте жизни, угрожающим ее осмысленности и качеству. В этих движениях также формируются психологические качества осознанности, субъектности, самодисциплина, происходит индивидуализация стилей жизни, поддерживается нормативное разнообразие. Так, представители медленного движения стремятся «работать, производить и потреблять» спокойно и осознанно. Однако следовать принципам неспешности в эпоху микрочипов – означает иметь

мужество противопоставить себя мейнстриму. Тем не менее «меньшинство, предпочитающее „медленное“ „быстрому“», увеличивается, активисты движения налаживают связи, создают международные философские форумы, проводят интернет-конференции (Оноре, 2015, с. 22).

Вслед за *медленной жизнью* (slow life) стали возникать движения *медленные деньги* (покупка местных изделий и продуктов с целью поддержки локальных сообществ), *медленное чтение, медленное воспитание* (slow parenting), *медленное обучение* (slow schooling)*, медленное садоводство, медленная мода, медленный город, медленный туризм, медленная наука, медленное искусство, медленная работа* и т. п. (Абрамов и др., 2016; Гуенко, 2019; Новые тенденции в воспитании, 2015; Пояркова, 2019; Di Nicola, 2018; Mautz, 2018; и др.). Ведущий принцип в этом процессе – сознательное замедление и концентрация на текущей деятельности, отказ от суеты и многозадачности. Слоулайферы выбирают дистанционную работу и самостоятельно структурируют время. Здесь также наблюдается переход к *осознанному и непрестижному потреблению:* «Вместо покупки трендовых джинсов вы создаете капсульный гардероб из вещей, которые будут служить долго, потому что сделаны из хороших, экологичных материалов. Вы не гонитесь за новинками, а приоритизируете желания и благодаря этому быстрее воплощаете мечты…» (Мороз, 2020).

Наблюдение за малыми культуральными движениями (в том числе посредством этнографических и антропологических методов) показывает, что российское социокультурное пространство не только неоднородно, но и существует стилистический и ценностный разрыв между доминирующими официальными дискурсами и жизненными практиками малых сообществ. При этом запрос на экзистенциальную и экологическую безопасность, гуманизацию окружающей среды, достойное качество жизни и партнерские отношения с государством носит диффузный характер, однако, будучи не сформулирован в публичной сфере в качестве образов желаемого будущего и не имея коммуникативно-рациональных инструментов реализации, он создает и накапливает социально-психологическое напряжение, вытесняемое в теневые и глубинные пласты культуры.

Трансформации человека и мира в XXI в.

Итак, рассматривая малые культуральные движения в совокупности, выделим следующие тенденции:

- рост постматериалистических ценностей (ответственное потребление, этическая и экологическая вовлеченность сообществ, запрос на гуманизацию);
- усиление субъектности: то, что на языке социальных наук сформулировано в качестве запроса на участие, а в поведенческих стратегиях проявляется как личностная автономия и солидарность, гражданский и правозащитный активизм;
- осознанность, внутренний локус контроля, «Sapere aude!»[1], вовлечение личности в режимы саморазвития и самообразования, а также рост чувства собственного достоинства (последнее нередко служит предпосылкой локальных протестных движений).

Отметим, что направленность этих изменений соответствует основным тенденциям глобального исследования ценностей Р. Инглхарта (Инглхарт, 2018; Inglehart, 2020).

Новый общественный договор (еще не сформулированный политически, но присутствующий в жизненных практиках малых и активных сообществ в социокультурном пространстве России) ориентирован на повышение качества жизни (экология, образование, здравоохранение), свободу выбора (индивидуализация жизненных стратегий и нормативное разнообразие), дружелюбное государство и возможности самореализации. «Люди в России изменились. Это уже европейцы, которые хотят для себя того же, что и жители старой Европы: уважения, свободы, чистых улиц и безопасного будущего» (Миронова, 2020). И здесь возникает парадокс представительства, который отмечают самые разные эксперты (Низовая модернизация, 2018; Панеях, 2016; Шульман, 2018; Юдин, 2020). В российском социуме стилистический и ценностный разрыв проходит не между «молодыми» и всеми остальными и даже не между «пожилыми» и всеми остальными, а между элитами, доминирующими в публичном пространстве (т. е., по сути дела, захватившими дискурс) и жизненными практиками малых, но в разной степени активных сообществ.

В свою очередь, с методологической стороны также следует выделить некоторые тенденции. Во-первых, это движение *от парадигм – к нормативному разнообразию.* Наиболее ярко оно представлено в исследованиях сетевого и гендерного этикета: где нормы не только разнообразны, но и текучи (Лукинова, 2020; Новкунская, 2018; и др.). Во-вторых, в методологии социальных наук произошло сме-

---

1 Мужество пользоваться собственным разумом, которое И. Кант связывал со зрелостью человечества (Кант, 1966).

щение фокуса *от изучения общества – к анализу сообществ*. С одной стороны, эти процессы связаны с возрастанием низового социального творчества, в свою очередь, подстегнутого развитием и распространением сетевой культуры. С другой стороны, ими обусловлена востребованность социальными науками этнографического метода и антропологического знания.

Вопреки алармистским прогнозам в разнообразных малых сообществах происходит рост осознанности, субъектности, самодисциплины и самоорганизации. При этом этическая и экологическая вовлеченность все большего числа молодых людей коррелирует с ростом их региональной идентичности. В этом контексте весьма актуальным становится наблюдение К. Левина, согласно которому личность в большей степени подвержена изменению в качестве участника малых групп, нежели сама по себе как индивидуальность, следовательно, гораздо легче воздействовать на малые группы, чем на систему в целом или на отдельных субъектов (Левин, 2000а).

Заключение

Антропологическое знание так или иначе служит фундаментом современных исследований человека. В качестве социогуманитарной науки антропология представлена сегодня в разновидностях социальной, культурной, религиозной, педагогической, психологической, политической, экономической, исторической, лингвистической, визуальной, театральной и иных антропологий.

В осмыслении психологического знания, включавшем его эволюцию, предпосылки и источники, изрядная доля внимания традиционно уделялась анализу философского контекста (на этом, как правило, строится и преподавание истории психологии), однако антропологические традиции, как показано в данной статье, играют в развитии психологической науки не менее значимую, хотя и не такую заметную роль, как философия и естествознание.

Осведомленность в том, что происходит в смежных областях знания, способствует саморефлексии психологии. Особенностями современной познавательной ситуации, широко обсуждаемыми в поле социогуманитарных наук, являются, с одной стороны, трансдисциплинарность, с другой – проблема непрерывных изменений человека и мира, поиски аналитического инструментария для работы с текущими, онтологически и гносеологически сложными реальностями.

Так, *аналитика повседневности,* возникшая в разных областях социогуманитарного знания – антропологии, истории, социоло-

гии, литературоведении, искусствознании и т. д. – способствует интеграции количественных и качественных исследований, теоретического и практического дискурса, макро- и микроаналитических стратегий. При этом проблему концептуального единства здесь помогают решать не столько установки методологического плюрализма (известные сегодня под именем трансдисциплинарности) или кумуляции знания, сколько стратегии проблемно-ориентированных и контекстуально чувствительных (сензитивных к ситуативным изменениям) исследований.

Смещение фокуса на повседневную жизнь, микроанализ, изучение конкретных и уникальных феноменов и ситуаций сближали в конце XX в. такие исследовательские направления, как история культуры, психотерапия и семиотика. Распространяясь в сферу психологического знания, аналитика повседневности делала предметом изучения реального и меняющегося человека в его жизненном мире, а не абстрактного субъекта, его ведущие деятельности и отдельные психические процессы, с которым долгое время имела дело лабораторная психология.

Антропология повседневной жизни, как и этнография социокультурных и малых культуральных движений современности раскрывают перед психологией новые горизонты. Если первая обращена к анализу субъективности человека, то вторая способствует раскрытию индивидуальности в меняющихся и разнообразных контекстах, включенных в локальные и глобальные течения культуры.

В насыщенном растворе вызовов современности и разных ответов антропологического знания оправдался прогноз (Гусельцева, 2012) появления *психологии повседневности* как исследовательского направления, изучающего сегодня человека и мир в потоке трансформаций. Здесь современная российская психологическая наука довольно четко отвечает на поставленный некогда одним из ее основателей вопрос: кому и как изучать сегодня изменяющегося человека в изменяющемся мире? Психологам (и представителям смежных наук) всей палитрой имеющегося инструментария, в том числе и антропологическими методами.

Литература

Абелес М. Об антропологии Франции // Этнографическое обозрение. 2005. № 2. С. 69–74.

Автономова Н. С. Познание и перевод. Опыты философии языка. М.: Росспэн, 2008.

Алымов С. С. Космополитизм, марризм и прочие «грехи»: отечественные этнографы и археологи на рубеже 1940–1950-х годов // Новое литературное обозрение. 2009. № 3 (97). URL: https://magazines.gorky.media/nlo/2009/3/kosmopolitizm-marrizm-i-prochie-grehi-otechestvennye-etnografy-i-arheologi-na-rubezhe-1940-8212-1950-h-godov.html (дата обращения: 25.11.2020).

Антропологические традиции: стили, стереотипы, парадигмы / Сост. А. Л. Елфимов. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

Антропология закрытых обществ // Новое литературное обозрение. 2009. № 6 (100). URL: https://magazines.gorky.media/nlo/2009/6 (дата обращения: 19.11.2020).

Аронсон П., Зеленков В., Зорин А. «Мы настойчиво ищем случая быть оскорбленными». Историк эмоций прошлых веков Андрей Зорин в разговоре с исследователями современных эмоций Полиной Аронсон и Владиславом Земенковым // Colta.ru. 17 мая 2019. URL: https://www.colta.ru/articles/society/21234-my-nastoychivo-ischem-sluchaya-byt-oskorblennymi (дата обращения: 18.11.2020).

Асмолов А. Г. Психология личности. Культурно-исторические понимание развития человека. М.: Смысл, 2007.

Бахманн-Медик Д. Режимы текстуальности в литературоведении и культурологии: вызовы, границы, перспективы. От антропологического поворота к cultural turns // Новое литературное обозрение. 2011. № 1 (107). URL: https://magazines.gorky.media/nlo/2011/1/rezhimy-tekstualnosti-v-literaturovedenii-i-kulturologii-vyzovy-graniczy-perspektivy.html (дата обращения: 20.11.2020).

Бахманн-Медик Д. Культурные повороты по следам «антропологического»: некоторые замечания // Новое литературное обозрение. 2013. № 4 (122). URL: https://magazines.gorky.media/nlo/2013/4/kulturnye-povoroty-po-sledam-antropologicheskogo-nekotorye-zamechaniya.html (дата обращения: 20.11.2020).

Белик А. А. Психологическая антропология: История и теория. М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 1993.

Белик А. А. Культурология. Антропологические теории культур. М.: РГГУ, 1998.

Белинская Е. П. Человек в изменяющемся мире — социально-психологическая перспектива. М.: Прометей, 2005.

Боас Ф. Границы сравнительного метода в антропологии. Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретация культуры. СПб.: Университетская книга. 1997. С. 509–519.

«Важно провоцировать дискуссию»: зачем петербурженки создали феминистские карточки // СПб. Sobaka.ru. 6 июля 2018. URL:

http://www.sobaka.ru/city/society/75354 (дата обращения: 20.08. 2020).
Варбург А. Великое переселение образов. Исследование по истории и психологии возрождения античности. СПб.: Азбука-классика, 2008.
Венедиктова Т. Осенняя эстетика. И прагматика // Новое литературное обозрение. 2011. № 110. URL: https://magazines.gorky.media/nlo/2011/4/osennyaya-estetika-i-pragmatika.html (дата обращения: 20.11.2020).
Гавриченко О. В., Зотова И. Г. Отношение к браку у замужних и разведенных женщин // Вестник РГГУ. Сер. «Психология. Педагогика. Образование». 2020. № 4. С. 53–69.
Гинзбург К. Мифы—эмблемы—приметы. Морфология и история. М.: Новое издательство, 2004.
Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Антология исследований культуры. Том 1: Интерпретации культуры. СПб., 1997.
Гирц К. Интерпретация культур. М.: Росспэн, 2004.
Гирц К. Постфактум. Две страны, четыре десятилетия, один антрополог. М.: Новое литературное обозрение, 2020.
Год литературы РФ. URL: https://godliteratury.ru/events/temoy-kryakk-2020-stala-novaya-yetika (дата обращения: 26.11.2020).
Гомбрих Э. Амбивалентность классической традиции: психология культуры Аби Варбурга // Новое литературное обозрение. 1999. № 39. С. 7–23.
Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000.
Гришина Н. В., Костромина С. Н. Психология личности: переосмысление традиционных подходов в контексте вызовов современности // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 52. С. 1. URL: http://psystudy.ru (дата обращения: 06.10.2017).
Гребер Д. Упадок авангардизма // Библиотека «Вольная Думка», 2003. URL: https://dumka.be/ru/news/perevod-greber-d-upadok-avangardizma (дата обращения: 29.08.2020).
Грэбер Д. Ты анархист? Ответ может тебя удивить! // Автономное действие, 30 января 2014а. URL: https://avtonom.org/news/david-greber-ty-anarhist-otvet-mozhet-tebya-udivit (дата обращения: 08.09. 2020).
Грэбер Д. Фрагменты анархистской антропологии. М.: Радикальная теория и практика, 2014б.

Грэбер Д. Новые анархисты // Библиотека «Вольная Думка», 2018. URL: https://dumka.be/ru/news/perevod-greber-d-novye-anarhisty (дата обращения: 04.09.2020).

Гумбрехт Х. У. Как «антропологический поворот» может затронуть гуманитарные науки? // Новое литературное обозрение. 2012. № (2) 114. URL: https://magazines.gorky.media/nlo/2012/2/kak-antropologicheskij-povorot-mozhet-zatronut-gumanitarnye-nauki.html (дата обращения: 20.11.2020).

Гумбрехт Х. У. После 1945. Латентность как источник настоящего. М.: НЛО, 2018.

Гусейнова Д. О реполитизации антропологии и преимуществе стихийных поворотов // Новое литературное обозрение. 2012. № 113. URL: https://magazines.gorky.media/nlo/2012/1/o-repolitizaczii-antropologii-i-preimushhestve-stihijnyh-povorotov.html (дата обращения: 20.11.2020).

Гусельцева М. С. Антропологическая оптика в психологии и гуманитаристике // Вопросы психологии. 2012. № 5. С. 3–18.

Гусельцева М. С. Интеллектуальные традиции российской психологии (культурно-аналитический подход): монография. М.: Акрополь, 2014.

Гусельцева М. С. Трансдисциплинарный подход к изучению изменений ценностей, поведенческих стратегий и норм в малых культуральных движениях: минимализм, эссенциализм, медленная жизнь // Новые психологические исследования. 2021. № 1. С. 4–28.

Гусельцева М. С. Трансдисциплинарный подход в современной психологии // Вопросы психологии. 2018. № 5. С. 3–12.

Гусельцева М. С. Психология повседневности в свете методологии латентных изменений. Монография. М.: Акрополь, 2019.

Гусельцева М. С. Практики самодисциплины в транзитивном обществе: стоический ренессанс и скандинавизация потребления // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 17. № 3. С. 478–499.

Данилова А., Шульман Е. Современная молодежь – самое правильное из всех поколений, какие только можно себе представить // Pravmir.ru. 2017. URL: https://www.pravmir.ru/ekaterina-shulman-sovremennaya-molodezh-samoe-pravilnoe-iz-vseh-pokoleniy-kakie-tolko-mozhno-sebe-predstavit/ (дата обращения: 13.04.2019).

Дмитриева Н. А. Человек и история: к вопросу об «антропологическом повороте» в русском неокантианстве // Журнал Гефтер. 09.01.2013. URL: http://gefter.ru/archive/7211 (дата обращения: 02.04.2019).

Добровольская Ю. Культура отмены: инквизиция XXI века // Mustpost. Today. 15.11.2020. URL: https://www.mustpost.today/kultura-otmeny-ynkvyzytsyya-xxi-veka (дата обращения: 27.11.2020).

Жданов С. Думай за себя: как борьба за социальную справедливость вызвала к жизни движение «темных интеллектуалов» // НОЖ – интеллектуальный журнал о культуре и обществе. 11 декабря 2018. URL: https://knife.media/intellectual-dark-web (дата обращения: 26.06.2020).

Зарецкий Ю. П. С точки зрения историка моего поколения // Новое литературное обозрение. 2013. № 4 (122). URL: https://magazines.gorky.media/nlo/2013/4/s-tochki-zreniya-istorika-moego-pokoleniya.html (дата обращения: 25.11.2020).

Зицер Д. Любить нельзя воспитывать. М.: Клевер-Медиа-Групп, 2018.

Знаков В. В. Психология понимания мира человека. М.: Ин-т психологии РАН, 2016.

Знаков В. В. Психология возможного: Новое направление исследований понимания. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020.

Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018.

Интервью с В. А. Ключаревым о будущем психологии // Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 4 (8). С. 196–223.

Калинин И. Время кризиса и бремя манифестов. Филология на повороте // Новое литературное обозрение. 2012. № 1 (113). URL: https://magazines.gorky.media/nlo/2012/1/vremya-krizisa-i-bremya-manifestov.html (дата обращения: 20.11.2020).

Кант И. Ответ на вопрос: что такое просвещение // Кант И. Соч. в 6 т. Т. 6. М.: Мысль, 1966.

Клакхон К. Зеркало для человека. Введение в антропологию. СПб.: Евразия, 1998.

Кириллов С. А. «Антропологический поворот» в российской исторической науке: методология и ключевые работы. Дипломная работа. М.: МГУ, 2014.

Князева Е. Н. Трансдисциплинарные стратегии исследований // Вестник ТГПУ. 2011. № 10 (112). С. 193–201.

Козлов С. Осень филологии // Новое литературное обозрение, 2011. № 4 (110). URL: https://magazines.gorky.media/nlo/2011/4/osen-filologii.html (дата обращения: 02.04.2019).

Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.

Коркюф Ф. Новые социологии. СПб.: Алетейя, 2002.

Краснова Е. Позитивный хаос. Интервью с Питером Хегом // Лаборатория фантастики, 2004. URL: https://fantlab.ru/article355 (дата обращения: 30.08.2020).

Крастев И. После Европы. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2018.

Кребер А. Избранное: Природа культуры. М.: Росспэн, 2004.

Левин К. Разрешение социальных конфликтов. СПб.: Речь, 2000а.

Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб.: Речь, 2000б.

Леонтьев Д.А., Овчинникова Е.Ю., Рассказова Е.И., Фам А.Х. Психология выбора. М.: Смысл, 2015.

Личность, культура, этнос: современная психологическая антропология / Под общ. ред. А.А. Белика. М.: Смысл, 2001.

Лотман Ю.М. Избранные статьи. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин: Александра, 1992.

Мажар А. Все друг друга ненавидят: что такое cancel culture и чего от нее больше – вреда или пользы // DTF Magazine. 20/08/2020. URL: https://donttakefake.com/vse-drug-druga-otmenyayut-chto-takoe-cancel-culture-i-chego-ot-nee-bolshe-vreda-ili-polzy (дата обращения: 27.08.2020).

Марков Г.Е. Немецкая этнология. М.: Академический проект, 2004.

Марцинковская Т.Д. Проблема социализации в историко-генетической парадигме. М.: Смысл, 2015.

Марцинковская Т.Д. Культура и субкультура в пространстве психологического хронотопа. М.: Смысл, 2016.

Мельникова О.Т., Хорошилов Д.А. Методологические проблемы качественных исследований в психологии. М.: Акрополь, 2020.

Миронова А. Власть как балласт. Почему пора отказаться от мифологемы про недостойный народ // Republic – онлайн-журнал о политике, экономике и бизнесе. 11 августа 2020. URL: https://republic.ru/posts/97472 (дата обращения: 18.11.2020).

Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен / Под ред. А.Г. Асмолова. М.: ИД «ЯСК», 2018.

Мовчан А. Мир интровертов и технологий: как пандемия коронавируса изменит нашу жизнь – и двинет ее вперед // Esquire. 5 ноября 2020. URL: https://esquire.ru/articles/219983-mir-introvertov-i-tehnologiy-kak-pandemiya-koronavirusa-izmenit-nashu-zhizn-i-dvinet-ee-vpered/ (дата обращения: 14.11.2020).

Морен Э. О сложностности. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2019.

Мэйр Л. Малиновский и изучение социальных изменений // Б. Малиновский. Избранное: Динамика культуры. М.: Росспэн, 2004. С. 881–901.

Найссер У. Познание и реальность. М.: Прогресс, 1981.

Наумова К. Новая этика: как вести себя в эпоху соцсетей и гендерного равенства // РБК-стиль. 30 сентября 2019. URL: https://style.rbc.ru/life/5d8cbc519a7947642c4c15e8 (дата обращения: 27.04.2021).

Низовая модернизация. Могут ли общество и государство двигаться в разных направлениях? / Сост. К. Рогов // InLiberty. 2018. URL: https://www.inliberty.ru/magazine/issue10/ (дата обращения: 04.01.2019).

Новкунская А. Стереотипы о семье, про которые нужно забыть // Spb.tv. 9 июля 2018. URL: https://topspb. tv/programs/stories/469002/ (дата обращения: 15.09.2020)

Новые тенденции и перспективы психологической науки / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019.

Овсянико-Куликовский Д. Н. Язык и искусство. СПб.: Изд. И. Юровского, 1895.

Орлова Э. А. История антропологических учений. М.: Академический проект, 2010.

Панофский Э. Смысл и толкование изобразительного искусства. СПб.: Академический проект, 1999.

Панченко А. «Антропологический поворот» и «этнография науки» // Новое литературное обозрение. 2012. № 1 (113). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/113_nlo_1_2012/article/18498 (дата обращения: 20.11.2020).

Плат К. Аутсайдеры в обители культуры // Новое литературное обозрение. 2012. № 1 (113). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/113_nlo_1_2012/article/18499 (дата обращения: 20.11.2020).

Плесснер Х. Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию. М.: Росспэн, 2004.

Поселягин Н. Антропологический поворот в российских гуманитарных науках // Новое литературное обозрение. 2012. № (1) 113. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/113_nlo_1_2012/article/18492/ (дата обращения: 20.11.2020).

Потебня А. А. Мысль и язык. К.: Синто, 1993.

Прима Л. Российские студенты глазами иностранных профессоров // Вести образования. 1 октября 2019. URL: https://vogazeta.ru/articles/2019/10/1/analitycs/9679-rossiyskie_studenty_glazami_inostrannyh_professorov (дата обращения: 06.11.2020).

Прохорова И. Д. Новая антропология культуры. Вступление на правах манифеста // Новое литературное обозрение. 2009. № 100. С. 9–16.

URL: https://magazines.gorky.media/nlo/2009/6/novaya-antropologiya-kultury.html (дата обращения: 20.11.2020).

Психология личности: Пребывание в изменении / Под ред Н. В. Гришиной. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2019.

Психология субъекта и психология человеческого бытия / Под ред. В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2010.

Пятигорский А. М. Избранные труды. М.: Языки русской культуры, 1996.

Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997.

Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003а.

Рубинштейн С. Л. О философской системе г. Когена // С. Л. Рубинштейн. Бытие и сознания. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003б. С. 428–451.

Рубинштейн М. М. О смысле жизни. Труды по философии ценности, теории образования и университетскому вопросу. Т. II / Под ред. Н. С. Плотникова, К. В. Фараджева. М.: ИД «Территория будущего», 2008.

Рэдклифф-Браун А. Р. Метод в социальной антропологии. М.: Канон-Пресс, 2001.

Салаватова А. Неполитический протест в регионах: структура, динамика и возможности политизации (аналитический доклад) // Агентство политических и экономических коммуникаций. 29.10.2019. URL: http://www.apecom.ru/projects/item. php?SECTION_ID=91&ELEMENT_ID=5673 (дата обращения: 29.08.2020).

Скирбекк Г. Норвежский менталитет и модерность. М.: Росспэн, 2017.

Тимофеева О. От редактора // Новое литературное обозрение. 2012. № 1. URL: https://magazines.gorky.media/nlo/2012/1/ot-redaktora-77.html (дата обращения: 19.11.2020).

Токарев С. А. История русской этнографии: Дооктябрьский период. М.: Либроком, 2012.

Туровец М. Почему у Шиеса получается. Как устроены экологические протесты в России // Сноб. 7 августа 2019. URL: https://snob.ru/entry/180991 (дата обращения: 29.08.2020).

Флоренский П. А. Сочинения в 4 томах. Т. 3 (1). М.: Мысль, 2000.

Христофорова О. Между сциентизмом и романтизмом: Клиффорд Гирц о перспективах антропологии // Новое литературное обозрение. 2004. № 6. URL: https://magazines.gorky.media/nlo/2004/6/mezhdu-sczientizmom-i-romantizmom-klifford-gircz-o-perspektivah-antropologii.html (дата обращения: 21.11.2020).

Шабанова М. А. Этичное потребление как инновационная практика гражданского общества в России // Общественные науки и современность. 2015 № 5. С. 19–34.

Шабри К. Саймонс Д. Невидимая горилла, или история о том, как обманчива наша интуиция. М.: Карьера пресс, 2011.

Шелер М. Положение человека в космосе // Проблема человека в западной философии / Сост. П. С. Гуревич. М.: Прогресс, 1988.

Шпет Г. Г. Сочинения. М.: Правда, 1989.

Шульман Е. М. Практическая политология: пособие по контакту с реальностью. М.: АСТ, 2018.

Эванс-Причард Э. История антропологической мысли. М.: Вост. лит., 2003.

Этнология–антропология–культурология: новые водоразделы и перспективы взаимодействия: Мат-лы международной научной конференции, состоявшейся 3–5 апреля 2008 г. / Отв. ред. К. Э. Разлогов. М.: Весь мир, 2009.

Юдин Г. Выход из миллениума: захотят ли молодые покинуть эпоху, в которой родились? // Европейский диалог. 2020. URL: http://www.eedialog.org/ru/2020/05/21/vyhod-iz-milleniuma-zahotjat-li-molodye-pokinut-jepohu-v-kotoroj-rodilis/ (дата обращения: 29.11.2020).

Юревич А. В. Психология социальных явлений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.

Яковенко И. Г. Большая и малая традиции европейской культуры: к постановке проблемы // Лебедь – независимый альманах. 2006. № 475. URL: http://lebed.com/2006/art4598. htm (дата обращения: 15.09.2020).

Репрессированная наука / Под ред. М. Г. Ярошевского. Л.: Наука, 1991.

Ясницкий А. Сталинская модель науки: история и современность российской психологии // Scientific e-journal “PEM: Psychology. Educology. Medicine”. 2015. № 3–4. С. 407–422. URL: http://pem.esrae.ru/pdf/2015/3-4/74.pdf (дата обращения: 21.11.2020).

Augé M. Le métier d’anthropologue. Sens et liberté // XXVIIIe Conférence Marc-Bloch, 30 juin 2006. URL: https://web.archive.org/web/20110720215755/http://cmb.ehess.fr/document192.html (дата обращения: 21.07.2007).

Cohen H. Ethik des reinen Willens. Berlin: B. Cassirer, 1904. URL: https://archive.org/details/ethikdesreinenw00cohegoog (дата обращения: 18.04.2021).

Eriksen T. H., Nielsen F. S. A History of Anthropology. Second Edition. L.: Pluto Press, 2013.

Grisewood N. Ethical Consumerism: A guide for trade unions. Ireland: Irish Congress of Trade Unions, 2009.
Harrison R., Newholm T., Shaw D. (Eds). The Ethical Consumer. L.: Sage, 2005.
Inglehart R. F. Giving Up on God: The Global Decline of Religion // Foreign Affairs. 2020. № 5. P. 110–118.
Lanz H. In Quest of Morals: Scandinavian Prize Essay. Stanford: Stanford University Press, 1936.
Lewin K. Action research and minority problems // Journal of Social Issues. 1946. V. 2 (4). P. 34–46. URL: https://web.archive.org/web/20111030120737/http://www.comp.dit.ie/dgordon/Courses/ILT/ILT0003/ActionResearchandMinortyProblems.pdf (дата обращения: 21.11.2020).
Mack A., Rock I. Inattentional Blindness. Cambridge, MA: MIT Press, 1998.
Manganaro M. Modernist Anthropology: From Fieldwork to Text. Princeton: Princeton University Press, 1990.
Nisbett R. E. The geography of thought: how Asians and Westerners think differently... and why. N. Y.: Free Press, 2003.
Sass L. Madness and Modernism: Insanity in the Light of Modern Art, Literature and Thought. N. Y.: Basic Books, 1992. URL: https://archive.org/details/madnessmodernism00sass.
Schlaeger J. (Ed.). The anthropological turn in literary studies // Yearbook of research in English and American literature). V. 12. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1996.
Sennet R. The Culture of the New Capitalism. New Haven: Yale University Press, 2006.
Simons D. J., Chabris C. F. Gorillas in our midst: sustained inattentional blindness for dynamic events // Perception. 1999. V. 28. P. 1059–1074. URL: http://chabris.com/Simons1999.pdf (дата обращения: 13.11.2020).
Taylor C. Sources of the Self: The Making of the Modern Identity. Cambridge, England: Cambridge University Press, 1989.

Раздел III

НЕКОТОРЫЕ ВИДЫ И ИСТОЧНИКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

История психологии как источник психологического знания

О. А. Артемьева

doi: 10.38098/thry_21_0434_012

Введение

Перспективным и вместе с тем недостаточно отрефлексированным источником психологического знания является история психологии. Нередко она воспринимается как «внешняя» по отношению к психологии область знания. Однако история психологии — не просто некий набор «пыльных» идей, предложенных когда-то исследователями психологической реальности, а также не только список имен этих исследователей, их научных школ и направлений. История психологии — это история психологического познания, «непрерывно развивающегося процесса, в основе которого лежат преемственные связи между актуальными разработками и достижениями, накопленными на предшествующих этапах развития научной мысли» (Кольцова, 2008, с. 222).

Как раз и навсегда заданная характеристика живого человека не может быть верной, так и представление о психологии только с учетом наличного состояния психологического знания не может быть точным. Возможности описания и человека, и психологической науки значительно расширяются при их изучении в развитии. Это идея реализована В. А. Кольцовой при дополнении трех, традиционно выделяемых аспектов развития научного познания — «логического» («предметно-логического», «познавательного», «когнитивного»), «личностного» и «социального» (Ярошевский, 1995) — четвертым, «процессуальным». «История психологии должна изучать психологическое познание в его генезисе, становлении и развитии, в его логико-научной, общественно-исторической и субъектно-личностной обусловленности» (Кольцова, 2008, с. 60).

Учет историко-психологического знания необходим на разных этапах проведения психологического исследования — от этапа постановки проблемы до этапа интерпретации и построения прогноза

развития изучаемого психологического феномена. Основной сферой применения историко-психологических знаний, конечно, является фундаментальная наука. Для выявления основных закономерностей функционирования психологической реальности необходимо сопоставление значительного массива данных, накопленных не одним поколением исследователей. Востребованы историко-психологические знания и при решении задач прикладного исследования. Разработка обоснованных рекомендаций предполагает сопоставление полученных данных с результатами, полученными в ходе других исследований, в том числе в исторической ретроспективе. Вместе с тем историко-психологическое знание привлекается для решения задач не только психологического исследования, но и практики. Обращение к опыту предшествующих поколений психологов расширяет возможности эффективного и ответственного внедрения в психологическую реальность воздействия на человека и группу.

Функции истории психологии

Осмысление значения истории психологии для развития психологии проведено, прежде всего, в работах отечественных историков психологии – Б. М. Теплова, М. Г. Ярошевского, В. А. Якунина и др. Принципиальный вклад в систематизацию представлений о функциях историко-психологического знания сделан В. А. Кольцовой. В контексте изучения задач и проблемного поля историографии истории психологии автором выделены функции как собственно историко-психологического, так историографического исследования в широком понимании (Кольцова, 2008 с. 223). Анализ работ Кольцовой, подведшей итог публикаций, посвященных функциям истории психологии, позволяет выделить следующие функции историко-психологического знания в развитии психологии. Рассмотрим их на примерах из истории отечественной психологической мысли.

1. *Познавательная функция* – основная и наиболее очевидная функция истории психологии. Обращение к данным истории психологии способствует расширению «фактологического базиса психологической науки» (Кольцова, 2008, с. 223). Благодаря знанию истории, исследователь приобщается «к богатствам опыта прежних поколений искателей истины о психическом мире человека» (Ярошевский, 1995, с. 12). Изучение «истории вопроса» позволяет перейти к постановке проблемы исследования (Теплов, 1985, с. 313) и, по сути, должно ей предшествовать. Данные о существовании единичного факта без включения в «историю вопроса» не позволяют делать

обоснованные теоретические обобщения. И «чем глубже историческая рефлексия рассматриваемой проблемной области, тем более фундаментальным является результат научного исследования» (Кольцова, 2008, с. 223). Таким образом, «глубина исторического анализа» «становится одним из важнейших условий, определяющих научную ценность проводимой работы» (там же).

Владение историко-психологическим знанием избавляет от опасности дублирования исследований, предостерегает «от открытия давно известного» (Ярошевский, 1996б, с. 400). К тому же отдельные исторические факты уже не могут быть обнаружены современными исследователями, так как утрачены возможности их получения. Современные условия и образ жизни сужают возможности изучения и сопоставления множества психологических феноменов, а данные истории психологии позволяют преодолеть эти препятствия. Так, уникальные сведения о внутреннем опыте личности христианских подвижников IV–VIII веков и др. (см., напр.: Иоанн прп., 2008) содержатся в оставшихся от них письменных источниках, изучаемых в рамках святоотеческой психологии (см.: Гостев и др., 2002; Шеховцова, Зенько, 2012).

Роль не только православного христианства, но и язычества в формировании психологических воззрений о человеке в средневековой Руси прослеживается в работах О. В. Клыпа. Проведенный автором анализ позволил выявить специфику преобразования психологической мысли русского Средневековья «от устной формы к письменной; от коллективного творчества к индивидуальному; от мифического, бытового, сакрального уровня к религиозно-философскому, секулярному» (Клыпа, 2017, с. 14).

Более поздний опыт наблюдения за душевной жизнью личности эпохи Просвещения обобщен в коллективной монографии «Психологическая мысль России: век Просвещения», подготовленной под редакцией Кольцовой. Авторы прослеживают процессы «жестокой ломки стереотипов и ценностей» (Психологическая мысль..., 2001, с. 9), сформировавшихся в русле русской духовной традиции, влияние европеизации как на личность русского человека, так и на представления о ней. К схожим выводам при реконструкции становления европейской и русской психологической мысли в 1520–1750 гг. приходит норвежский исследователь С. Х. Клемпе (Klempe, 2020).

Наименее отдаленным во временной перспективе является советский период развития отечественной психологии. Как показывают наши исследования, идеологические условия советского государства способствовали становлению психологии как нормальной,

парадигмальной науки (термин Т. Куна), в рамках которой сосуществовали разные теоретические подходы (Кольцова, Артемьева, 2013). Обращение к этому уникальному для мировой науки опыту позволяет проследить возможности и ограничения, характерные для развития парадигмальной науки.

2. Познавательная функция истории психологии связана с *организационно-научной функцией*. Последняя состоит в обеспечении планирования и проведения научных исследований на основе учета как успехов и достижений, так и просчетов и неудач, имевших место в истории развития психологической мысли. История психологии показывает исследователю направление движения науки – «откуда и куда мы идем» (Кольцова, 2008, с. 224). В истории психологии выкристаллизовываются проблемы психологии, решение которых – задача следующих поколений психологов. Поэтому «память» психологической науки, «подобно памяти человека, сберегается ради будущего» (Ярошевский, 1996б, с. 400).

Учет ошибок, тупиковых линий развития психологической теории и практики, зафиксированных историками психологии наравне с перспективными идеями, предупреждает от их повторения. Ошибки, вскрытые в ходе рефлексологической и реактологической дискуссий (см. например: Психологическая наука..., 1997; Умрихин, 2012; Богданчиков, 2017), предохраняли советскую психологию от редукции предмета психологии до физиологических реакций, даже в условиях идеологической дискуссии в ходе Павловской сессии (Артемьева, 2018; Журавлев, Стоюхина, 2020). Недооценка методологических, практических и идеологических факторов развития педологии и психотехники в советской России конца 1920–начала 1930-х годов обернулась административным ограничением их развития. Важные знания об условиях распространения и сворачивания практики психологического тестирования в массовом масштабе в России можно почерпнуть из работ, посвященных истории ликвидации советской педологии и психотехники (Артемьева, 2015; Кostригин и др., 2020; Курек, 2004; Мазилов, Стоюхина, 2014).

Выводы, извлеченные из истории психологии, обогащают современных исследователей, являются важной основой для определения положительных и отрицательных эвристик разрабатываемых научно-исследовательских программ. Понимание значения историко-психологического знания для психологических исследований было свойственно ведущим организаторам современной психологической науки и ее центров. Так, например, становление историко-психологической школы Института психологии АН СССР

(позднее – РАН) происходило благодаря направляющему влиянию С.Л. Рубинштейна на Е.А. Будилову (см.: Будилова, 2019, с. 411–412), а также Б.Ф. Ломова – на В.А. Кольцову. В.А. Кольцова вспоминала: «Влияние Б.Ф. Ломова, моего наставника, учителя, человека безгранично авторитетного для меня» (Олейник, Кольцова, 2018, с. 11) определило обращение к историко-психологической работе. Сам Б.Ф. Ломов в 1991 г. на собрании, посвященном 15-летию образования Института психологии, называл «принципиально важным то, что сейчас у нас создана группа по изучению истории психологии... Мы должны знать собственную историю – это, по-моему, аксиома, не требующая специального доказательства» (Ломов, 1996, с. 308).

3. В связи с организационно-научной функцией истории психологии Кольцова выделяет *функцию стимулирования поступательного развития психологической науки.* Знание результатов, полученных на предшествующих исторических этапах, с одной стороны, позволяет выявлять «точки роста» психологического знания (Кольцова, 2008, с. 224), а с другой – предохраняет от «тавтологии в науке» (Ярошевский, 1996б, с. 395), повторения уже пройденных научных путей. Иначе, по словам Ярошевского, «наука засоряется, движется на холостом ходу, не решает своей главной задачи, а именно – производства нового знания» (там же).

История психологии помогает оценить новые идеи с точки зрения их новизны и научной ценности, отсеять неоригинальные и выделить перспективные подходы. Поэтому историко-психологический анализ является важным этапом любой научной работы. Результатами изучения путей, пройденных наукой при решении конкретных психологических задач, стали блестящие историко-психологические работы ведущих советских психологов: «Исторический смысл психологического кризиса» (1926–1927) Л.С. Выготского, «Очерки истории русской психологии XVIII и XIX веков» (1947) Б.Г. Ананьева, «Работы советских психологов по истории психологии» (1960) М.В. Соколова, «Психологи в XX столетии...» (1971) М.Г. Ярошевского, «Развитие и современное состояние психологической науки в СССР» (1975) А.А. Смирнова и др.

4. *Рефлексивная функция* истории психологии, по определению В.А. Кольцовой, состоит в формировании правильного понимания и адекватной оценки возможностей, познавательных и преобразовательных ресурсов психологии (Кольцова, 2008). История психологии является «как бы самосознанием», «аппаратом самоконтроля и самопознания» психологической науки, поэтому имеет большое значение для ее развития (Якунин, 2001, с. 10).

«Благодаря рефлексии, обращенной к прошлому, строится образ современной науки» (Ярошевский, 1996б, с. 396). Знание истории науки, ее достижений, позволяет понять, что она собой представляет и на что способна. М.Г. Ярошевский называет историю «великим полигоном, где на протяжении столетий проходят испытание познавательные возможности человека, той единственной лабораторией, где могут быть постигнуты возможности науки, ее сильные и слабые стороны» (там же, с. 403).

Важным аспектом реализации рефлексивной функции истории психологии является понимание места психологии в системе наук и в общественной практике. С этих методологических позиций проведено масштабное исследование истории разработки социально-психологических проблем в русской науке XIX–начала XX века Е.А. Будиловой. На материале становления психиатрии, юридической, военной, этнической и «пастерской» психологии автор прослеживает значение самобытных социально-психологических идей русских ученых и мыслителей в становлении не только психологической науки, но и разных сфер общественной практики изучаемого периода (Будилова, 2019).

5. Понимание места психологии в системе наук связано с реализацией *интегративной функции* истории психологии, выделяемой М.Г. Ярошевским (1996б). Знакомство с историей становления психологии, участие в этом процессе философов, социологов, лингвистов, этнографов, психиатров, неврологов и т.д. обнаруживает связь областей научного познания и границы предметов данных наук. Обратный процесс обнаруживается при анализе истории развития советской психологии. В результате проведенного нами исследования обнаружено, что в условиях ликвидации практико-ориентированных течений советские психологи, например А.Р. Лурия, С.Г. Геллерштейн, «мигрировали» в другие области научной и практической деятельности, прежде всего, в медицину и педагогику (Артемьева, 2015).

Об объединяющей роли истории психологии пишут Д.П. Шульц и С.Э. Шульц, они отмечают роль истории психологии в установлении связи разных исследовательских традиций, в объединении различных психологических подходов в единый исследовательский контекст: «Только изучая происхождение и развитие психологии, можно ясно увидеть, что сегодня она собой представляет. Знание истории упорядочивает и привносит смысл в то, что кажется хаосом, прошлое выстраивается в перспективу, которая объясняет настоящее» (Шульц, Шульц, 1998, с. 20). Изучение истории психологии помогает понять

«взаимосвязь между различными идеями, теориями и концепциями», «как отдельные звенья головоломки под названием „психология“ выстраиваются в стройную картину» (там же).

Теплов рассматривал психологическую науку в качестве системы, логически оформившейся как итог развития знания: «Подлинная система науки органически вырастает из хода развития науки и является теоретическим осмыслением всей совокупности достигнутых знаний в данной области. Не изучив хода развития науки, нельзя строить систему этой науки» (Теплов, 1960, с. 6).

А строительство этой системы пока не имеет «удовлетворяющего» результата. Для иллюстрации этого положения в 1960 г. Теплов предложил такой мысленный эксперимент: «Если представить себе человека, в руки которого попали бы все научные психологические монографии и статьи, опубликованные за последние, скажем, 20 лет, но не попало бы ни одного учебника, программы, курса лекций по психологии, то он не смог бы реконструировать оглавления наших учебников и пособий» (там же). Согласимся, что и сегодня, спустя 60 лет, мы не можем ожидать другого итога такого эксперимента. Чтобы представить систему современной психологической науки, необходимо знать ее историю, те линии, по которым двигалась психологическая мысль на протяжении более чем векового периода, и результаты этого движения. Пример Теплова помогает понять, почему «без истории нет теории; глубокий исторический анализ развития психологической мысли – основа обобщения и систематизации знания о психике» (Кольцова, 2008, с. 226).

Именно эта идея определила методологию научного поиска М. Г. Ярошевского. Он обосновал представление о категориальном строе психологии, разработал историко-психологический метод категориального анализа. В совместных с А. В. Петровским работах реализовано представление об инвариантном ядре психологии, образуемом категориями, принципами и проблемами (Петровский, Ярошевский, 1996). Анализ истории психологии через призму данного «ядра» позволяет авторам не только обнаружить сходство и отличия в методологических основах разных исследовательских подходов, но и проследить логику развития психологической науки, в том числе в России в ходе становления «науки о поведении» (Ярошевский, 1996а).

6. *Прогностическая функция* истории психологии состоит в определении вероятностных вариантов дальнейшего развития психологии. Будучи ретроспективной дисциплиной, история психологии в то же время устремлена в будущее. Вектор движения историко-

психологического познания – «от изучения прошлого психологического знания – к более глубокому осмыслению его современного состояния и далее – к прогнозированию завтрашнего дня развития психологии» (Кольцова, 2008, с. 225).

В.А. Якунин называет историю психологии «памятью науки, но не ради себя самой, а для будущего психологии» (Якунин, 2001, с. 11). Прогностическое значение истории психологии, по его словам, состоит в том, что она устанавливает связь времен, «позволяет на основе прошлого через настоящее посмотреть в будущее психологии» (там же). Ему вторит О.Г. Носкова: «Изучая прошлое, историки науки помогают понять ее настоящее и наметить контуры ее будущих изменений» (Носкова, 2018, с. 123).

Прогностический потенциал историко-психологических исследований на современном этапе реализуется при построении прогноза развития отечественной прикладной (Носкова, 2019) и экстремальной психологии (Елисеева, Олейник, 2016). Кроме предлагаемых авторами методологических ориентиров таких исследований, в качестве перспективного направления реализации прогностической функции истории психологии следует назвать трансспективный подход, намеченный в работах В.Е. Клочко (2007).

7. В связи с реализацией прогностической функции Якунин выделяет *социальную функцию* истории психологии. По словам автора, история психологии имеет принципиальное значение для определения места и роли психологии «в разработке и осуществлении планов социального развития общества, в управлении производством и педагогическими системами, в охране психического здоровья людей» (Якунин, 2001, с. 11). И действительно, именно исторические данные об успешном опыте решения социальных задач являются лучшим свидетельством значения психологических знаний, верного определения перспектив и оптимальных условий его применения для выполнения социального заказа.

Отечественный опыт применения психологических знаний для решения задач образования, просвещения, производства и здравоохранения (Артемьева, 2019; Олейник, Няголова, 2020; Психологическая наука..., 1997; Российская деловая культура... 1998; Служба социального развития..., 1989; Стоюхина, 2020) позволяет планировать основные направления и условия психологического сопровождения общественной практики.

8. Особое внимание историки психологии уделяют *воспитательной функции* истории психологии. Дидактическое значение истории психологии связано с возможностью «композиции и развертки ло-

гической структуры» (Якунин, 2001, с. 12) учебного предмета. Это помогает «привести и выстроить знания по психологии, получаемые в процессе обучения, в единую, логически стройную систему» (там же). Однако изучение истории психологии «не только знакомит человека с прошлым и тем самым расширяет его общий и профессиональный кругозор», но и «способствует формированию у человека общего взгляда на мир и отношение к нему» (там же, с. 11–12). В этом состоит ее воспитательное и мировоззренческое назначение.

Кольцова также связывает воспитательную функцию истории психологии с формированием не только профессиональной культуры, но и личности исследователя (Кольцова, 2008, с. 226). Как отмечал Ярошевский, знакомство с прошлым научной мысли исполнено «глубинного личностного, духовного смысла. Человек не может осмысленно жить и действовать, если его существование не опосредовано какими-то устойчивыми ценностями, несравненно более прочными, чем его индивидуальное Я. <...> Приобщаясь к истории науки, мы ощущаем причастность к великому делу, которым веками были заняты благородные умы и души...» (Ярошевский, 1995, с. 4).

В качестве существенной стороны реализации воспитательной функции необходимо выделить *этический аспект* профессионального становления психолога-исследователя. Знакомство с историей решения проблемы этики применения психологических методов, прежде всего эксперимента, способствует формированию личности социально-ответственного ученого. Так, например, понимание ущерба, причиненного личности участников экспериментов С. Милгрэма и Ф. Зимбардо, должно быть достоянием каждого студента-психолога. Этому способствует изучение не только текстовых данных о ходе и последствиях экспериментов, но и аудиовизуальных историко-психологических материалов, зафиксировавших вербальное и невербальное поведение испытуемых, их комментариев о собственных состояниях и переживаниях.

Мы полагаем, что в целом именно воспитательная функция историко-психологического знания должна браться в расчет при обсуждении вопроса о возможностях и месте истории психологии в системе психологического образования (Мироненко, 2015а; Стоюхина, Малыйкина, 2020; Fuchs, Viney, 2002; Merced, Stutman, Mann, 2018; Milar, 1987).

9. *Аксиологическая функция* истории психологии выделяется В. А. Якуниным и В. А. Кольцовой. Она связана с формированием системы оценки различных психологических подходов (Кольцова, 2008). Именно история психологии является «основанием для созда-

ния эталонной шкалы, служащей мерой и точкой отсчета при оценке различных течений, направлений и взглядов в психологии» (Якунин, 2001, с. 11). Такая шкала необходима не только для определения теоретико-методологических основ прикладных и фундаментальных исследований, но и для решения практических задач психологической диагностики, консультирования, терапии, экспертизы и образования.

Знание только современных или, например, исключительно отечественных психологических концепций ограничивает представления будущего психолога о целях, возможностях и пределах, инструментах, критериях оценки результатов психологического исследования и помощи. Поэтому так важны исследования истории становления и развития психологической мысли разных веков и стран. Особо следует отметить значение исследовательских проектов российских авторов, посвященных истории зарубежной психологической мысли. Несмотря на трудности перевода, доступа к первоисточникам и историко-психологическим документам, эти работы обогащают пространство отечественной психологической мысли и представления о критериях оценки составляющих ее подходов. Примерами таких исследований являются работы, посвященные научному творчеству зарубежных авторов (Горшков, 2015; Мазилов, 2016; и др.) и русских эмигрантов (Костригин, 2019; Масоликова, Сорокина, 2011; и др.).

Заключение

Приведенные примеры конкретных исследований истории отечественной психологии иллюстрируют различные аспекты применения историко-психологических данных для решения фундаментальных, прикладных и практических задач психологии.

Рассмотренные функции истории психологии позволяют раскрыть ее значение как источника психологического знания. Таким источником она является в силу багажа накопленного фактологического материала, представлений о возможностях познания душевной жизни, возможностях и ограничениях психологических исследований, интерпретаций и воздействий, а также об их последствиях. Историко-психологическое знание позволяет определять перспективные проблемы, направления и методы научного поиска, строить прогнозы развития как психологической реальности, так и самой психологической науки и практики.

История психологии выступает важным источником данных о закономерностях развития науки, позволяет проводить методо-

логический анализ и обобщение, делать выводы, важные для философии науки. Поэтому ведущие представители методологии психологии активно обращаются к историко-психологическим данным (см.: Абульханова, Кольцова, 2017; Гусельцева, 2015; Мазилов, 2017; Методология, теория, история..., 2019; Мироненко, 2015б; Принцип развития..., 2016).

Литература

Абульханова К.А., Кольцова В.А. Интеграция методологических принципов отечественной психологии на рубеже веков // Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2017. Т. 1. № 1. С. 6–52.

Артемьева О.А. Предыстория «диагонального разрыва»: уроки социальной истории психоанализа, педологии и психотехники в России // Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 311–336.

Артемьева О.А. Научные и идеологические дискуссии в формировании методологического единства советской психологии // Методология и история психологии. 2018. Вып. 2. С. 73–88.

Артемьева О.А. Взаимоотношения исследовательской и практической психологии в СССР: периоды развития // Психология и психотехника. 2019. № 4. С. 28–38.

Богданчиков С.А. Детализация прошлого: реактологическая дискуссия в советской психологии 1920–1930-х гг. // Конференциум АСОУ: сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций. 2017. № 4. С. 52–60.

Будилова Е.А. На рубеже веков: Очерки истории русской психологии конца XIX–начала XX века» / Под общ. ред. В.И. Белопольского, А.Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019.

Горшков Е.А. Определение предметной области социальной психологии на этапе ее становления в США // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 2. С. 78–86.

Гостев А.А., Елисеев В.А., Соснин В.А. Святоотеческая мысль как источник историко-психологического анализа // Современная психология: Состояние и перспективы исследований. Ч. 4. Методологические проблемы историко-психологического исследования / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. С. 39–66.

Гусельцева М. С. Культурно-аналитический подход к изучению эволюции психологического знания: дис. ... докт. психол. наук. М.: ПИ РАО, 2015.

Елисеева И. Н., Олейник Ю. Н. К вопросу о прогностическом потенциале историко-психологических исследований (на примере отечественной экстремальной психологии) // История отечественной и мировой психологической мысли: судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 64–72.

Журавлев А.Л., Стоюхина Н.Ю. «Павловская» сессия глазами психологов (к 70-летию проведения) // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2020. № 5. С. 4–12.

Иоанн прп. Лествица, возводящая на небо. М.: Даръ, 2008.

Клочко В. Е. Закономерности движения психологического познания и проблема метода науки // Методология и история психологии. 2007. Вып. 1. С. 5–19.

Клыпа О. В. Генезис русской психологической мысли в средневековый период: Дис. ... докт. психол. наук. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.

Кольцова В.А. История психологии: проблемы методологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

Кольцова В.А., Артемьева О.А. К истории становления советской психологии как «нормальной науки» // Известия Иркутского государственного университета. Сер. «Психология». 2013. Т. 2. № 1. С. 43–52.

Костригин А.А. Евгения Моисеевна Ганфман (1905–1983) как последователь Л.С. Выготского // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15. № 2. С. 114–124.

Костригин А.А., Стоюхина Н.Ю., Махалин А.И. Роль власти и государственных деятелей в становлении и развитии психотехнического образования в СССР в 1920–1930-е гг. // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 4 (115). С. 80–88.

Курек Н. С. История ликвидации педологии и психотехники в СССР. СПб.: Алетейя, 2004.

Ломов Б. Ф. Системность в психологии / Под ред. А. В. Барабанщикова, Д. Н. Завалишиной, В.А. Пономаренко. М.–Воронеж: НПО «Модэк», 1996.

Мазилов В.А. Эволюция гештальтпсихологии (проблемы творческого мышления в работах Лайоша Секея) // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 1. С. 162–173.

Мазилов В.А. Методология психологической науки: история и современность. Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2017.
Мазилов В.А., Стоюхина Н.Ю. Последняя осень советской психотехники // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 2. № 4. С. 223–236.
Масоликова Н.Ю., Сорокина М.Ю. История российского научного зарубежья и психологическое сообщество // Методология и история психологии. 2011. Т. 6. № 2. С. 92–109.
Методология, теория, история психологии личности / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Никитина, Е.В. Харитонова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019.
Мироненко И.А. История психологии в структуре современного профессионального психологического образования // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2015а. Т. 5. № 4. С. 5–11.
Мироненко И.А. Российская психология в пространстве мировой науки. СПб.: Нестор-История, 2015б.
Носкова О.Г. Будущее психологической науки и практики с позиции истории психологии и науковедения // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 4. С. 122–125.
Носкова О.Г. Прогнозирование развития прикладной психологии как проблема историко-психологических исследований // Научные труды Московского гуманитарного ун-та. 2019. № 1. С. 118–125.
Олейник Ю.Н., Кольцова В.А. История психологии как направление психологической науки и пространство творческой самореализации индивидуальности ученого // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2019. № 1. URL: http://journals.mosgu.ru/trudy/article/view/941 (дата обращения: 12.01.2021.).
Олейник Ю.Н., Няголова М.Д. Психология и психологи в годы войны (к 75-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне) // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 2 (18). С. 8–46.
Петровский А.В., Ярошевский М.Г. История и теория психологии. В 2 т. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.
Принцип развития в современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
Психологическая мысль России: век Просвещения / Под ред. В.А. Кольцовой. СПб.: Алетейя, 2001. С. 82–101.
Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А.В. Брушлинского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997.

Российская деловая культура: история, традиции, практика. М.: Торгово-промышленная палата РФ, 1998.

Служба социального развития предприятия: практическое пособие. М.: Наука, 1989.

Смирнов А. А. Развитие и современное состояние психологической науки в СССР. М.: Педагогика, 1975.

Соколов М. В. Работы советских психологов по истории психологии // Психологическая наука в СССР. В 2 т. Т. 2. М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1960. С. 596–654.

Стоюхина Н. Ю., Малыйкина П. С. Использование историко-художественных фильмов как метод преподавания истории психологии в вузе // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2020. № 2 (40). С. 303–320.

Теплов Б. М. О некоторых общих вопросах разработки истории психологии // Вопросы психологии: Материалы второй Закавказской конференции психологов. Ереван, 1960. С. 3–13.

Теплов Б. М. Избранные труды. В 2 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1985.

Умрихин В. В. Неявные контексты явных драм истории советской психологии (к 80-летию «реактологической дискуссии») // Вопросы психологии. 2012. № 2. С. 56–65.

Шеховцова Л. Ф., Зенько Ю. М. Элементы православной психологии. М.: Изд-во Моск. подворья Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 2012.

Шульц Д. П., Шульц С. Э. История современной психологии. Пер. с англ. СПб.: Евразия, 1998.

Якунин В. А. История психологии. СПб.: Изд-во В. А. Михайлова, 2001.

Ярошевский М. Г. Психология в XX столетии: Теоретические проблемы развития психологической науки. М.: Политиздат, 1971.

Ярошевский М. Г. Краткий курс истории психологии. М.: Международная педагогическая академия, 1995.

Ярошевский М. Г. Наука о поведении: Русский путь. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «Модэк», 1996а.

Ярошевский М. Г. История психологии: от античности до середины XX века. М.: Академия, 1996б.

Fuchs A. H., Viney W. The course in the history of psychology: present status and future concerns // Hist Psychol. 2002. № 5 (1). P. 3–15.

Klempe S. H. Tracing the Emergence of Psychology, 1520–1750: A Sophisticated Intruder to Philosophy. Cham: Springer, 2020.

Merced M., Stutman Z. E., Mann S. T. Teaching the history of psychology: A content analysis of course syllabi from doctor of psychology programs // Psychology Learning & Teaching. 2018. № 17 (1). P. 45–60.

Milar K. S. History of Psychology: Cornerstone Instead of Capstone // Teaching of Psychology. 1987. № 14. P. 236–238.

Интернет как источник психологического знания: наука, образование, досуг

Д. А. Китова

doi: 10.38098/thry_21_0434_013

Введение

В самой широкой философской интерпретации *знание* можно рассматривать в качестве образа реальности, который присущ каждому субъекту и может воспроизводиться в форме конкретных понятий или представлений. В современной литературе *научные знания* рассматриваются как результат познавательной деятельности, который можно логически обосновать и проверить эмпирическим способом.

Система знаний характеризуется обычно тремя основными уровнями обобщения – теоретическим, прикладным и обыденным (житейским, личностным). Заслуживает внимания соотношение этих уровней между собой. Как известно, научные знания отличаются высоким уровнем объяснения событий, фактов, явлений и их осмысления в системе понятий конкретного научного направления, они возводятся до уровня теоретических концепций и находят свое применение в процессе социальной жизнедеятельности общества. В свою очередь, обыденные знания, как правило, сводятся к констатации фактов, без должного уровня общения и обоснования. В структуре обыденного знания есть смысл выделить *личностные* знания, которые представляют собой наиболее низкий уровень обобщения, реализуемый на уровне конкретной личности. Эти представления органически входят в структуру обыденного сознания личности и со временем преобразуются в убеждения, происхождение которых стирается из памяти, вследствие чего эти знания кажутся собственным изобретением, становятся фактором психической регуляции повседневной жизни и деятельности человека. Такого рода знания внутренне воспринимаются как собственные и используются в повседневной деятельности человека: от поиска отдельных способов удовлетворения своих потребностей до обустройства личной жизни в целом. Эти знания не всегда достоверно объясняют явления внешнего ми-

ра, но лежат в основе поведения и деятельности каждого конкретного человека, а в социальном контексте они полезны для осознания и прогнозирования поведения большого количества людей, иногда даже релевантного обществу в целом.

Заслуживает внимания и соотношение обыденного и научного знания. Иногда аксиомы повседневного поведения противоречат выверенным научным положениям и могут препятствовать развитию науки. Иногда, напротив, научное сообщество тернистым и длительным путем приходит к доказательству ранее опровергаемых обыденных представлений и вынуждена обратиться к формулировке тех положений, которые давно утвердились в обыденном сознании. Таким образом, интерес к научному и обыденному сознанию (как результату познания) выступает важным фактором развития психологического знания, что и стало основанием для структурирования представленного материала.

Среди многообразия видов психологического знания, которыми располагает современное общество, особое место занимают знания, связанные с закономерностями поведения людей, особенностями взаимодействия человека или групп (Китова, 2019; Психологическое знание..., 2018; Ушаков и др., 2016). Система таких знаний задается, с одной стороны, социальными институтами общества, с другой – организуется самим человеком в соответствии с его индивидуальными потребностями (Апреликова, Китова, 2018; Проблемы социальных..., 2018). Современное информационно-технологическое пространство предоставляет человеку новые возможности для познания окружающего мира, приобретения дополнительных знаний и удовлетворения познавательных потребностей (Журавлев, Китова, 2017; Психологические исследования..., 2018). Специфика познавательных потребностей человека в знаниях по психологии, удовлетворение которых происходит с использованием сети интернет, составляет проблему нашего исследования.

Уровни и специфика психологических исследований в Интернете, представленные ниже, отражают трудоемкость процессов получения знаний в зависимости от избранных технологий анализа, которые выходят за рамки одной научной дисциплины и, как правило, приобретают междисциплинарный характер.

1. Исследование *интернет-контента* (текстов, бесед, видео) с использованием традиционных форм изучения, например, посредством контент-анализа (подробнее о методе см.: Социальная психология, 2002; и др.). Опираясь на проблематику, представ-

ленную в современных публикациях, можно выделить целый ряд таких направлений:

- признаки совместной жизнедеятельности сетевого сообщества и личностные характеристики его членов (Ю. В. Ковалева);
- обсуждение проблемы безработицы в связи с пенсионной реформой в печатных СМИ и в интернете (Т. П. Емельянова, Т. В. Дробышева и др.);
- образ романтических отношений в интернет-контенте (Т. П. Емельянова, Д. А. Шмит);
- психологические аспекты взаимодействия в сетевых сообществах (А. Н. Воронин, Ю. В. Ковалева); цифровое поведение и личностные особенности интернет-пользователей (Ю. С. Мурзина, В. П. Позняков);
- психологические характеристики Петра I в запросах пользователей социальных сетей (А. Л. Журавлев, Д. А. Китова);
- изучение жизненных моделей молодежи, представленных в социальных сетях (С. Н. Костромина, Н. Л. Москвичева, Е. В. Зиновьева);
- динамика частоты упоминания фамилии В. М. Бехтерева в русскоязычном и англоязычном корпусах Google Books (А. А. Костригин) и др.

2. Проведение *классических исследований* в сети посредством прямых опросов с использованием соответствующих сетевых ресурсов, например, «Survey Monkey». Данный ресурс позволяет проводить исследования в онлайн-среде, сервером предусмотрен алгоритм загрузки полученных результатов в SPSS Statistics. Мини-опросники применяются и в социальных сетях, и в некоторых других ресурсах. К примеру, проведение онлайн-опросов в сети позволило выявить, что отношение молодых людей к коррупции как социальному явлению имеет выраженную социально-культурную специфику, которая проявляется в содержательных и структурных характеристиках восприятия феномена. Выявлено, что московские студенты проявляют больше негативизма в оценке коррупции и отмечают более широкие ее последствия, чем студенты, обучающиеся в Иркутске (Соснин и др., 2020).
3. Анализ *статистики поисковых запросов* в интернете становится востребованным подходом к исследованию психологических особенностей отношения пользователей к различным социальным явлениям. В качестве примера таких исследований

можно обратиться к целому ряду работ. Так, для изучения потребностей личности в знаниях по психологии были изучены поисковые запросы пользователей Яндекса, в структуре которых присутствовало слово «психология», обработано два миллиона двести шестьдесят тысяч пятьсот девяносто запросов (2260590) из всех регионов России. Это позволило установить, что у 60% пользователей Яндекса отмечается высокий интерес к психологии (Апреликова, Китова, 2018). Выявлено, что уровень интереса к различным отраслям психологии также неравномерен: максимальный интерес у пользователей вызывает учебная литература по психологии. Анализ статистики поисковых запросов как метод психологического исследования был использован в целях выявления психологических особенностей отношения интернет-пользователей к информации о пандемии коронавируса (Журавлев, Китова, 2020а) и интереса пользователей к истории психологии (Ю. Н. Олейник), а также для анализа потребностей безработных в мерах государственной поддержки в условиях распространения пандемии коронавируса (Психологические исследования..., 2020).

4. *Автоматизированный анализ текстовых сообщений* в социальных сетях. В рамках интернет-исследования возможно использование автоматизированного контент-анализа текстовой информации посредством применения алгоритмических методов и методов машинного обучения. Такой подход позволяет изучить большие текстовые массивы информации, не подлежащие ручной обработке (в силу своего чрезмерного объема). Так, анализ сообщений пользователей социальной сети Twitter, в контексте которых присутствовало слово «психология» (обработано 1077 твитов), позволил выделить девять типовых социальных ситуаций в обсуждениях пользователей. Проведено исследование соотношения увлеченности социальными сетями и нарциссического расстройства личности (Ю. В. Ковалева), изучено отношение пользователей социальных сетей к детям (А. Л. Журавлев, Д. А. Китова). Можно указать и на ряд других работ.
5. *Автоматизированный анализ эмоционального фона* высказываний в Сети (междисциплинарный уровень исследований). Современные технологии с использованием нейронных сетей предоставляют возможности для анализа эмоционального фона сообщений в социальных сетях. Эмоциональный фон в исследованиях обычно оценивается тремя модальностями – нейтральным, положительным и отрицательным.

В качестве результата автоматизированного анализа обычно предлагается общая средняя эмоциональная интенсивность высказываний. В частности, выделено несколько типов эмоциональных характеристик ситуаций (Апреликова, Китова, 2018). В первом случае показаны несходные между собой эмоциональные состояния – ситуации (раздражители) в отношениях пользователей социальной сети Twitter к повседневным психологическим ситуациям. Большинство сообщений по характеру эмоциональных оценок демонстрирует разные ранговые показатели, т. е. люди переживают и радуются по самым различным основаниям: нельзя сказать, что люди огорчаются в житейских (бытовых) ситуациях, но при этом в принципе удовлетворены ситуацией в обществе (или наоборот).

Во втором случае представлены «солидарные» эмоциональные оценки: отношение к коррупции пользователей социальной сети «В контакте» носит ярко выраженный негативный характер, на что указали 87% респондентов. Остальные 13% выказали нейтральное (11%) и позитивное (2%) отношение. Позитивная оценка коррупции встречается в основном при ее рассмотрении как удобного способа решения бытовых проблем (Соснин и др., 2020). Результаты получены в ходе исследования психологических особенностей отношения молодежи к коррупции (Шаков, Китова, 2019).

В третьем случае выявлены неперемежающиеся сферы эмоциональных оценок в отношении к детям. Как оказалось, чаще всего негативные оценки проявляются в трех следующих случаях: при оценке отношения к детям в обществе; при высказывании своего отношения к детскому поведению; при обсуждении своего отношения к взрослым из «круга воспитателей» ребенка, чье поведение в отношении детей им представляется недостаточно ответственным или компетентным.

Положительный эмоциональный фон высказываний респондентов связан с оценкой способностей детей, их эмоциональной привязанности к родителям, интеллектуального потенциала. Можно сказать, что в отношениях к ребенку респондентов радуют одни позиции: здоровье, таланты, способности ребенка, – а огорчают другие: отношение к ним со стороны общества и негативные особенности детского поведения – шумят, дерутся, кричат и т. д. (Психологические исследования..., 2020).

6. *Автоматизированный анализ больших текстовых данных.* Интеллектуальный анализ больших текстовых данных в гуманитар-

ных исследованиях и поиск заданной информации в библиотечных базах данных могут применяться для поиска и выявления в больших информационных хранилищах неявной, но потенциально полезной информации. Интеллектуальный анализ данных позволяет обнаруживать скрытые взаимосвязи и выявлять неизвестные закономерности и тенденции при анализе больших объемов данных. На современном этапе развития информационных технологий для этих целей наиболее эксплуатируемыми являются методы сбора и обработки больших данных (Big Data), машинного обучения (Machine Learning), интеллектуального анализа данных (Data Mining). Также важно отметить, что благодаря информационным технологиям стало легче собирать информацию о больших выборках. В частности, можно указать на известные базы социологических опросов, такие как «World Values Survey», «International Social Survey», «European Social Survey» и «Eurobarometer», возникают новые, собственно гуманитарные базы (например, «Journal of Open Psychology Data», «Cognitive Economics Project», «International Teston Risk Attitude» и др.). К примеру, в «Experience Project» – социальной сети, существовавшей с 2007 по 2016 г., – хранится 66 млн жизненных историй и описаний различных эмоциональных переживаний, составленных ее участниками. «Speech Home Project» содержит 200000 часов записей речи детей до 3 лет. Объем данных, накопленных социологами и когнитивными психологами в рамках проекта «Human Connecttome Project», приближается к петабайту.

Методологические подходы и методы исследования в Интернете

Развитие современных разработок в русле автоматизированного анализа интернет-пространства включает две основные тенденции. Первая связана с фиксированием и обработкой объективных событий (фактов) в сети. В научной литературе представлена информация о количественных характеристиках пользователей социальных сетей (Lerman, Ghosh, 2010), динамике их суточной активности (Krishnamurthy, Gill, Arlitt, 2008), технологиях анализа сетевой репутации (Globerman, Roehl, Standifird, 2001) или «лайков» в Facebook (Kosinski, Stillwell, Graepel, 2013). В последующем это позволяет «привязать» психологические данные к конкретным объективным характеристикам пользователей, хотя это требует их дополнительного объединения с массивом психологической информации для получения соответствующих знаний.

Вторая тенденция связана с поиском субъективной информации, которая не может быть получена непосредственным путем и требует для извлечения трудоемких компьютерных алгоритмов. Такого рода исследования позволили выявить много интересных фактов, например: люди, находящиеся в депрессии, используют больше слов, связанных с негативными эмоциями (Rude, Gortner, Pennebaker, 2004); лица, пытающиеся ввести других в заблуждение, намеренно обманывающие, чаще используют слова из категории движений (Newman et al., 2003) и мало слов, связанных с причинно-следственными характеристиками (Pennebaker, King, 1999); поэты, впоследствии покончившие жизнь самоубийством, использовали единственное число и употребляли местоимения от первого лица чаще, чем их коллеги, которые не прибегли к суициду; за последние два столетия слова, связанные с индивидуализмом и независимостью, стали употребляться более часто, а частота слов, выражающих заботу о других людях, а также слов, отражающих оценку моральных качеств, снизилась (Kesebir, Kesebir, 2012).

Можно также акцентировать внимание на наиболее популярных методах психологического анализа больших объемов текстов. В первой группе наиболее популярных методов представлены «пользовательские словари», что позволяет исследователям самостоятельно задавать характеристики искомых значений (слов, словосочетаний или конкретных выражений). Во второй группе, сконцентрированы методы, которые можно условно определить как «извлечение признаков», исследователи используют компьютерные алгоритмы, чтобы найти психологические закономерности, которые имеются в анализируемых текстах, что производится посредством выделения, подсчета и разъяснения представленных в тексте предикторов. В третьей группе, которую можно определить как «сочетание слов», акцент делается на особенностях взаимного употребления различных слов в тексте. В нашем исследовании использован второй методический прием «извлечения признаков», т. е. экспертное выявление психологической информации из неявно представленных данных.

Автоматизированные методы, хотя и впечатляют своими возможностями для решения многих задач, для некоторых из них они еще довольно грубы и недостаточно эффективны. Очевидно, что эти методы непрерывно будут совершенствоваться и улучшаться со временем, и будущее психологии будет тесно связано с их разработкой и использованием.

Д. А. Китова

Потребности пользователей Интернета в знаниях по психологии

Потребности выступают предметом исследования различных отраслей науки, которые по-разному подходят к оценке их сущности, функций и механизмов реализации. Потребности личности в рамках психологической науки также принято рассматривать с разных точек зрения. В частности, потребности можно рассматривать с позиций анализа *ощущений* или *сознания;* как стремление к пребыванию в зоне комфорта или склонность к достижению психосоциального благополучия; как деятельность, в которой человек находит реализацию своего личностного потенциала или через призму сопровождающих эту деятельность эмоций и т. д. В специально выполненном обзоре потребности рассматриваются как источник социальной активности личности, в том числе и познавательной (Проблемы социальных..., 2018; Узденов, Китова, 2009; и др.).

Приведем ряд научных позиций, представляющих интерес с описанной выше методологической точки зрения, при которой сфера анализа потребностей также многообразна. К примеру, потребности личности как фактор социальной активности исследуются через акцентуацию внимания на конкретных объектах, способных удовлетворить «насущную» потребность человека. Предполагается, что такой механизм реализуется посредством *избирательности восприятия.* Так, Е. П. Ильин указывал, что концентрация внимания на различных объектах, способных удовлетворить актуальные потребности личности, происходит автономно, исходя из *индивидуально-личностных позиций* (Апреликова, Китова, 2019). И. М. Сеченов отмечал, что потребности человека выступают важным фактором его *развития,* основным фундаментом существования живого организма наравне с обменом веществ. В этом ряду можно рассматривать и теорию потребностей А. Маслоу, который к высшим потребностям человека относит потребность в самоактуализации, в изучаемом случае, это поиск психологических знаний в интернете с целью самосовершенствования. В свою очередь, А. Н Леонтьев обратил внимание на то, что ни биологические, ни материальные условия не могут быть приравнены к высшим социальным потребностям, потребностям индивида во взаимодействии с другими людьми и обществом. С. Б. Каверин отметил наличие трех разновидностей потребностей: потребности в объекте (желания обладать чем-либо), потребности как состояния (осознания нужды, нехватки чего-либо) и потребности как свойстве (принципах отношения к миру). Автор разделил потребности на биологические, социальные и идеальные, указав при этом, что существуют социальные потребности «для себя» и социальные потребности

«для других». По теории Ф. Герцберга, на удовлетворение потребностей влияют факторы ожидания, которые включены в такие протяженные во времени схемы как «ожидание – результат – вознаграждение». В основе социальной активности также лежат потребности, которые можно рассматривать как несоответствие реального и желаемого состояния человека, что вызывает стремление к преодолению дискомфорта для удовлетворения потребности во власти, успехе или причастности (К. Макклелланд). Эти позиции дополняются тем, что потребности личности могут быть ориентированы не только на удовлетворение «нужды» или достижение конкретного результата, они могут быть *инициированы* самой личностью ради эмоциональных переживаний (В. А. Василенко, Б. И. Додонов) или даже активизироваться *деструктивными посылами,* способными нанести вред здоровью или жизни человека. В качестве деструктивных мотивов можно рассматривать, например, такие ситуации, как избавление от серых будней, стремление к интенсификации эмоций и чувств через *рискованное поведение* (В. С. Магун). Так же человек может стремиться не только к реализации конкретных и измеримых потребностей, его действия могут быть мотивированы *стремлением к недостижимому* в принципе благу, например, стать лучше (К. Левин). Известна позиция Э. Фромма, который отмечал, что человеческое существование начинается тогда, когда достигается определенный предел развития деятельности, не обусловленный врожденными механизмами (подробнее см.: Апреликова, Китова, 2018).

Обобщая представленные теоретические позиции, можно отметить, что потребности человека выступают предпосылкой его социальной активности, определяют направленность и энергетическую насыщенность его поступков, лежат в основе целенаправленной деятельности. При таком подходе учет потребностей и условий их удовлетворения выступает важным фактором развития человека и общества. Это относится и к изучению системы потребностей личности в знаниях по психологии. Такого рода информация будет полезна не только в рамках исследования теоретических проблем психологии личности, психологии развития, социальной психологии или психологи труда, применение таких научных представлений может оказать неоценимую помощь и в социальной практике, например, в организации психолого-педагогического взаимодействия участников образовательного процесса на самых различных его уровнях, стать серьезным основанием в реализации культурно-просветительской деятельности среди населения и т. д. (Юревич и др., 2017; Психологическое знание..., 2018; и др.).

Эмпирический анализ потребностей в знаниях по психологии в Интернете

Целью эмпирического анализа поисковых запросов выступило выявление структурных и содержательных характеристик потребности личности в знаниях по психологии (подробнее см.: Китова, Апреликова, 2018). Объектом исследования стали потребности личности в знаниях по психологии, а предметом – поисковые запросы пользователей Яндекса на территории Российской Федерации, в структуре которых присутствовало слово «психология». Анализ пользовательских запросов учтен за один месяц – обработано два миллиона двести шестьдесят тысяч пятьсот девяносто запросов (2260590) со всей территории России. В исследовании были использованы данные, полученные через обращение к ресурсу «Статистика ключевых слов на Яндексе», где каждый запрос суммируется как абсолютное значение количества показов страниц по поисковым запросам из конкретного региона.

Анализ потребностей проводился посредством группирования ключевых слов и смысловых категорий. Далее произведено логическое обобщение содержательных (понятийных и смысловых) единиц запросов пользователей и их подсчет методом полного перебора слов (таблица 1). Полученные результаты в целом свидетельствуют о высоком интересе[1] пользователей к знаниям по психологии (101%). Наиболее высокий интерес к ним проявляют в таких федеральных округах, как Дальневосточный (115%), Сибирский (112%), Южный (108%) и Приволжский (103%). Средний уровень интереса проявляют пользователи Уральского федерального округа (100%). Пониженный интерес к знаниям по психологии демонстрируют пользователи Северо-Кавказского (98%), Центрального (96%), Северо-Западного (96%) федеральных округов. Меньше остальных знания по психологии интересуют жителей Республики Крыма (91%)[2].

Для наглядности результаты запросов сгруппированы по уровню проявляемого интереса. Если интерес к знаниям по психоло-

---

1 Интерес рассматривается нами как положительно окрашенный эмоциональный процесс, отражающий познавательную потребность узнать что-то новое об объекте интереса (Леонтьев, 1971).

2 Популярность слова/словосочетания, равная 100%, означает, что данное слово в данном регионе ничем не выделено. Если популярность более 100%, это означает, что в данном регионе существует повышенный интерес к этому слову, если меньше 100% – пониженный. Показатель рассчитывается поисковой системой «Яндекс».

Таблица 1
Региональная популярность показов в Яндексе
по запросу «психология», февраль 2019 г.

Регионы	Показов в месяц	Региональная популярность слова (%)
Россия	2055352	101
Дальневосточный федеральный округ	78455	115
Приволжский федеральный округ	378398	103
Республика Крым	24522	91
Северо-Западный федеральный округ	220613	96
Северо-Кавказский федеральный округ	53974	98
Сибирский федеральный округ	230692	112
Уральский федеральный округ	177860	100
Центральный федеральный округ	711679	96
Южный федеральный округ	175765	108

гии находился в области значений менее 100%, то они включались в группу под условным названием «неинтересно». Если же интерес к знаниям по психологии находился в области значений выше 100%, то группирование этих позиции происходило под условным названием «интересно». Третья позиция сопряжена с тем, что интерес к знаниям по психологии ничем не примечателен среди остальных запросов, данную позицию мы определили как «нейтральное отношение».

В качестве обобщения можно отметить, что *высокий* интерес к знаниям по психологии продемонстрировали представители 6 регионов, что составляет 60% от общего количества пользователей. *Низкий* интерес к знаниям по психологии проявили представители трех федеральных округов, общее число таких пользователей составляет 30%. *Нейтральное* отношение представлено лишь в одном округе, что составляет 10% от общего количества пользователей. Таким образом, 60% пользователей Яндекса проявляют *повышенный интерес* к знаниям по психологии (см. рисунок 1).

Далее был проведен анализ поисковых запросов слов, которые были заявлены пользователями вместе со словом «психология». Обработано 2260590 запросов, произведенных пользователями в феврале 2019 г. через Яндекс. Запросы сгруппированы по соответствующим отраслям психологии, за исключением подгруппы под названием

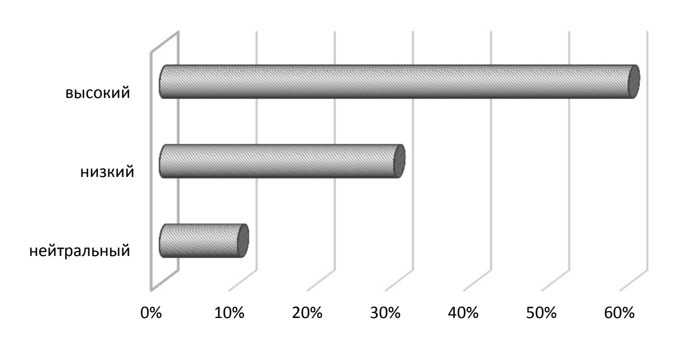

Рис. 1. Интерес к знаниям по психологии среди пользователей поисковой системы «Яндекс»

«учебная литература», которая выделена нами как самостоятельная позиция: такого рода запросы не отражают собственных познавательных потребностей личности, а обусловлены внешними обстоятельствами. Тем не менее эти запросы позволяют полнее осознать характер и специфику потребностей пользователей в знаниях по психологии. Запросы содержат словосочетания следующего характера: лекции по психологии, хрестоматия по психологии, рефераты по экономической психологии, ответы на тестовые задания по психологии и т.д.

В отдельную группу под условным названием «нестандартные запросы» выведены еще две подгруппы запросов. Первая подгруппа связана с поисковым запросом «психология бесплатно» (29683 запроса), такого рода запросы не позволяют установить направленность интереса к определенной отрасли психологии. Вторая подгруппа нестандартных запросов связана с поиском Института психологии РАН (25029 соответственно), что может косвенно свидетельствовать об интересе к научно-исследовательской психологии, но для более точного ответа требуется дополнительный анализ. Эти позиции достигают в общей сложности 54512 запросов в месяц, и мы сочли необходимым их учесть. Полученные данные представлены в таблице 2.

Как видно из таблицы 2, наибольшее количество запросов пользователей связано с поиском *учебной литературы* по различным отраслям психологии (15,1%). Эти запросы отражают интерес пользователей к различным учебным и учебно-методическим изданиям (учебникам, учебным пособиям, хрестоматиям, конспектам лекций и т.д.).

Непосредственно среди *отраслей психологического знания* более остальных востребованы такие отрасли, как психология личности, гендерная психология, социальная психология и психология досуга

Таблица 2

Запросы со словом «психология»,
сгруппированные по отраслям психологии

Шифр	Статистика по словам	Показов в месяц
1	Психология	2260590
	В их числе	
2	Учебная литература	341299
3	Социальная психология	261218
4	Гендерная психология	251391
5	Психология досуга	229446
6	Психология личности	221557
7	Исследовательская психология	218966
8	Общая психология	190688
9	Возрастная психология	137674
10	Практическая психология	97674
11	Педагогическая психология	97825
12	Психология развития	82418
13	Методы психологии	67911
14	Клиническая психология	37811
	Нестандартные запросы	
15	Психология бесплатно	29683
16	Институт психологии	25029
17	Итого	2260590

(42,7%). Анализ поисковых запросов и полученные ранее результаты эмпирических исследований (Апреликова, Китова, 2018) указывают на то, что знания по психологии, по мнению респондентов, интересны в рамках таких проблем жизнедеятельности, как взаимоотношения с окружающими, самопонимание, взаимоотношения в семье, реализация профессиональной карьеры, управление другими, взаимоотношения с друзьями. Эти данные свидетельствует о практико-ориентированном или даже узкоприкладном характере потребностей респондентов в знаниях по психологии.

В данной подгруппе некоторые респонденты проявляют интерес к *макропсихологическим* вопросам социального взаимодействия, «со-

размерным обществу в целом» (Макропсихология..., 2009, с. 5). Интерес пользователей связан с психологией этнических групп, ментальностью народов, ценностными ориентациями социальных групп, нравственными идеалами общества и т. д. Такого рода интерес проявляют менее 5% респондентов из данной подгруппы.

Достаточным интересом пользуются *научные исследования* в области психологии (9,7%). Эти запросы связаны прежде всего с профессиональными интересами самого психологического сообщества и представителей смежных отраслей наук (педагогов, экономистов, юристов и т. д.). К сфере профессиональных интересов можно отнести и интерес к проблемам *общей психологии* (8,4%).

Незначительный интерес пользователей вызывают отрасли психологии, связанные с *формированием и развитием личности,* такие как возрастная и педагогическая психология, психология развития (14,2% в общей сложности). Интерес к данной проблеме в основном является отражением потребностей людей, вовлеченных в психолого-педагогическую деятельность на профессиональном уровне (дошкольного, школьного, вузовского образования, сферы подготовки и повышения квалификации кадров).

Относительно низок интерес к *методологии психологии,* к практическим аспектам использования психологического знания (практическая психология – 4,3% и методология психологии – 3,0%, что в общей сложности составляет 7,3%). Низкий уровень интереса, видимо, связан со спецификой профессиональной психологической и психолого-педагогической деятельности: не все психологи и педагоги, задействованные в образовательном процессе, заняты психологической практикой – проведением консультаций или тренингов.

Наименьший уровень интереса пользователи демонстрируют к *клинической психологии* (1,7%), что, видимо, связано с тем, что круг людей, профессионально занимающихся патопсихологией, реально не очень высок, соответственно и уровень запросов в Яндексе на общем фоне незначителен.

Выбор формы получения знаний по психологии в Интернете

Не менее важно рассмотреть запросы пользователей в Яндексе, ориентированные на *практические формы* получения знаний по психологии (рисунок 2). Наиболее востребованной формой получения и/или совершенствования знаний по психологии является *повышение квалификации.* Пользовательские запросы, направленные на поиск курсов повышения квалификации, посредством получения допол-

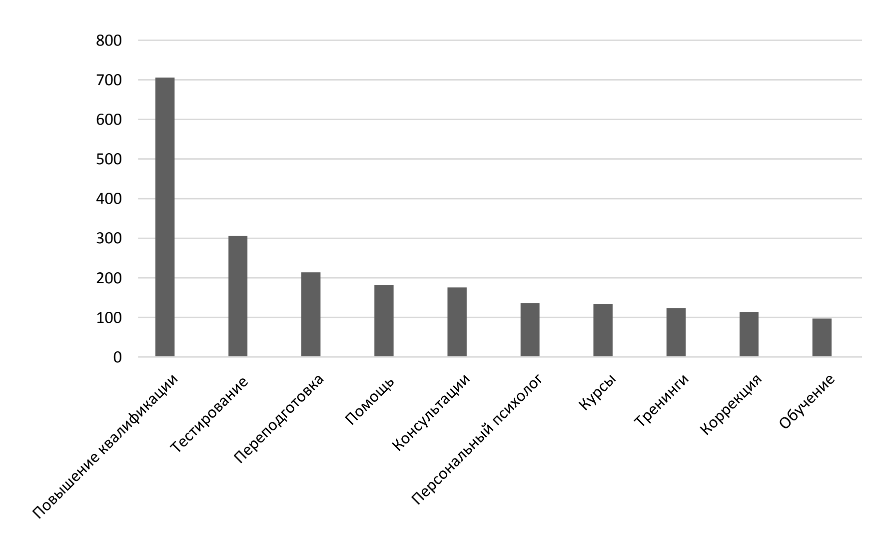

Рис. 2. Формы получения знаний по психологии в структуре запросов пользователей (тыс. запросов в месяц)

нительных теоретических и практических знаний по психологии, занимают лидирующее положение в сети. Это, судя по характеру запросов, связано с постоянно усложняющимися требованиями к условиям профессиональной деятельности современных специалистов (психологов, педагогов, менеджеров, госслужащих, юристов), изменением организационных форм профессиональной деятельности, динамическими изменениями в жизнедеятельности самого общества.

Запрос «психологическое тестирование» включает проблемы психологических характеристик человека и группы, является второй по количеству запросов пользователей формой поиска знаний по психологии. Как известно, тестирование может быть самостоятельной формой получения знания, а может быть встроено в структуру других запросов пользователей (повышение квалификации, консультации, обучение и т. д.). Тем не менее, основываясь непосредственно на прямых запросах, мы рассматриваем психологическое тестирование как самостоятельную сферу пользовательского интереса к *психодиагностике.*

К сфере профессиональных потребностей можно отнести и группы запросов пользователей, связанные с поиском возможностей получения психологической специальности и профессиональной переподготовки (т. е. объединяем две формы запросов), что непосредственно связано с *получением профессии психолога.* Здесь важно

отметить, что поисковые запросы обрабатывались в феврале, и можно предположить, что в июле и августе (во время поступления в вузы) эти запросы могут существенно возрастать.

Четвертую подгруппу запросов можно обобщить как запросы, ориентированные на *повышение социально-психологической компетентности че*ловека в области психологии или в сферах практического применения такого рода знаний. При этом оказание психологической *помощи,* исходя из характера запросов, может осуществляться как индивидуально, так и в группе. Сюда можно отнести запросы, направленные на поиск психологических курсов и тренингов.

Следующая подгруппа запросов относится к клинической сфере деятельности психолога и связана с необходимостью соответствующего *коррекционного воздействия.*

Эмпирический анализ интереса к формам взаимодействия с психологом. Следующая задача исследования связана с выявлением потребности пользователей интернета в запрашиваемых формах психологического взаимодействия с психологом. Для ответа на данный вопрос нами изучены запросы пользователей по трем основным формам организованного взаимодействия населения с психологом (или психологическими службами) по данным поисковой системы «Яндекс» за 2019 г. Как показано на рисунке 3, пользователями востребованы разнообразные формы психологического взаимодействия – консультации, телефон доверия и психологическая помощь.

Анализ информации, представленной на рисунках 3а–в, позволяет рассмотреть формы непосредственной психологической помощи, которая была востребована пользователями поисковых систем (данные за 20.09.2019). Можно заключить, что наиболее распространенный способ поиска психологической поддержки связан с такими ее

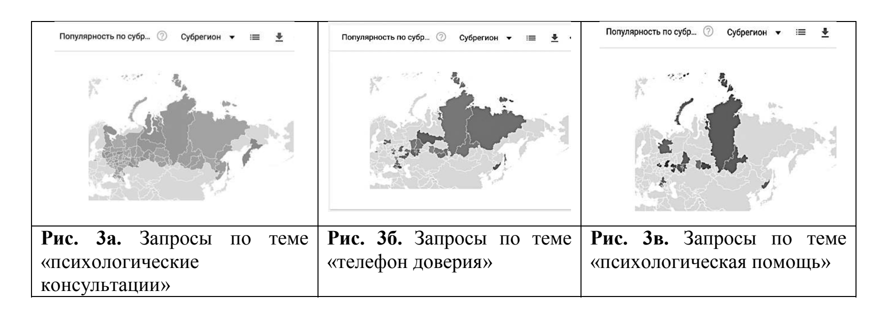

Рис. 3а. Запросы по теме «психологические консультации»	**Рис. 3б.** Запросы по теме «телефон доверия»	**Рис. 3в.** Запросы по теме «психологическая помощь»

Рис. 3. Потребность населения в основных формах взаимодействия с психологом

формами, как «телефон доверия» (1-й ранг), «психологические консультации» (2-й ранг) и «психологическая помощь» (3-й ранг). Общими выводами могут стать, во-первых, утверждение о востребованности взаимодействия с психологом, во-вторых, наличие региональных особенностей в поисках различных форм психологического взаимодействия, природа и причина которых пока малоизвестны. К примеру, можно отметить, что все формы взаимодействия с психологом востребованы в Красноярском крае и Иркутской области, а также можно выделить регионы «равнодушные» к взаимодействию с психологами в Магаданской области и Чукотском автономном округе. Наименее востребованной из всех форм взаимодействия оказалась психологическая помощь, что в рамках данного исследования также не может получить своего объяснения.

Отношение к знаниям по психологии пользователей социальных сетей

Как уже отмечалось выше, изучение потребностей личности является классической проблемой психологической науки, в рамках которой они часто рассматриваются в качестве предпосылок поступков человека, определяющих мотивы, направленность и интенсивность его деятельности (Л. И. Анцыферова, Л. С. Выготский, В. Джемс, К. К. Платонов, П. А. Сорокин, Д. Н. Узнадзе, В. Э. Чудновский, Л. И. Шестов, Е. В. Шорохова, В. Штерн и др.). В продолжение исследования в качестве основного методического приема нами используется праксиметрический метод (анализ содержания твитов). Обращение к интернет-пользователям как к объекту исследования обусловлена всевозрастающим их количеством, а также увеличением продуктов их информационного обмена, что позволяет говорить об интернет-пространстве как о новом социальном пространстве, требующем своего изучения (Журавлев, Китова, 2020а, б; Психологические исследования..., 2020). Традиционное обращение к анализу психологической литературы позволяет выделить векторы научных направлений, сопряженных с исследованием социальных сетей в интернете. В частности, опираясь на проблематику представленных в РИНЦ публикаций, можно выделить изучение следующих направлений:

– анализ практической деятельности психолога: профессиональная этика деятельности психолога в социальных сетях (М. Г. Абрамова), влияние содержания профиля психолога в социальных

сетях на доверие клиентов (Е.А. Карпенко), роль психологов в поддержании моральной паники: на примере «групп смерти» в социальных сетях (Н.Д. Узлов), «сеть социальных контактов» как технология работы психолога с несовершеннолетними (И.В. Кольцова);

- исследования социальных явлений в сети: особенности поведения подростков в социальных сетях (Н.В. Милютина), общение в социальных сетях как форма аддикции (Е.А. Лопатин), влияние социальных сетей на развитие коммуникативных способностей подростков (Н.А. Кирьякова), степень и роль влияния социальных сетей на социализацию подростков (М.А. Николаева, А.Н. Васильева), психологические аспекты взаимодействия в сетевых сообществах (А.Л. Журавлев, Т.А. Нестик), признаки совместной жизнедеятельности сетевого сообщества и личностные характеристики его членов (Ю.В. Ковалева);
- общенаучный анализ интернет-пространства: научная составляющая текстов по психологии, публикующихся в социальной сети «Вконтакте» (Я.А. Ледовая, П.В. Паничева, А.Г. Причисленко, Н.А. Бутаков), лингво-креативный потенциал интернет-коммуникации в социальных сетях (Е.Ю. Викторова), влияние социальных сетей на личность (Г.З. Ефимова, Е.В. Зюбан);
- обеспечение безопасности личности и общества: криминогенный потенциал социального сегмента интернета (В.С. Соловьев), защита детей от опасностей социального характера в социальных сетях (О.В. Зорикова, Е.В. Костырева, И.А. Петровская), деструктивное психологическое воздействие в социальных сетях на примере «цветных революций» (А.А. Смирнов, И.Ю. Сундиев);
- междисциплинарные исследования: социальные сети как новая среда для междисциплинарных исследований поведения человека (Я.А. Ледовая, Р.В. Тихонов, О.Н. Боголюбова), программное обеспечение для своевременного выявления негативного информационно-психологического воздействия, осуществляемого в социальных сетях (С.А. Голубева, П.А. Хмарский);
- макропсихологические исследования общественного (социального, экономического, политического) развития: социальная сеть как инструмент организации современных коммуникаций и политических конфликтов (М.Р. Желтухина, П.В. Павлов), социальные сети как элемент социально-экономического развития постиндустриального общества (Г.З. Ефимова, Е.В. Зюбан), интернет-технологии в основе трансформаций массового сознания

и поведения (Д.А. Китова), интернет как ресурс геополитического развития (Д.А. Китова).

Существуют исследования, которые отражают характер влияния современной *социальной среды* на развитие интернет-пространства, разрабатываются методологические подходы и методы психологического исследования интернет-пространства. В частности, представлен анализ *социально-психологических детерминант* развития глобальной информационной сети (А.Л. Журавлев, Д.А. Китова), в работе обсуждаются психологические потребности людей в самопрезентации, общении, социальном взаимодействии и совместной деятельности (Журавлев, Китова, 2017). В качестве методических работ можно обратить внимание на последние публикации, в которых рассмотрены возможности психологического исследования сетевых сообществ, анализируются функциональные характеристики интернет-платформ (Патяева, 2018).

При всем многообразии представленных научных исследований, очевидно, что непосредственный *психологический анализ* контента пользовательских сообщений в социальных сетях («продуктов деятельности» или «цифровых следов») остается недостаточно разработанной сферой исследований. Мы предлагаем обращение к междисциплинарному анализу сообщений пользователей социальной сети Twitter, в которых так или иначе представлен интерес к психологическому знанию. Данная работа направлена на анализ *потребностей* пользователей Twitter *в знаниях по психологии.* Предполагается, что в высказываниях пользователей отражаются не только представления о психологии как о самостоятельном научном направлении, но и характер их отношения к психологии в целом.

Отношение к психологическому знанию как проблема исследования. Категория «отношение» выступает одной из фундаментальных научных проблем, разработка которой происходит в рамках многих научных дисциплин (философии, математики, логики) и занимает одно из центральных мест в системе понятий самой психологической науки (Карпова и др., 2020; Позняков, 2016). Основой проведенного исследования является анализ представлений (структурного элемента отношений) личности о мире и самом себе. В частности, В.Н. Мясищев отмечал, что «человек в его свойствах и возможностях познается в соотношении с объективной действительностью... изучение человека в его соотношении с окружающими выявляет эти особые качества и позволяет при объективном изучении человека раскрыть его внутренний мир» (Мясищев, 1957, с. 153).

В основу первых психологических концепций уже М. Троицким было заложено понимание *психических явлений как отношений* (Троицкий, 2012). В эволюционной теории Г. Спенсера идея отношения рассматривается в контексте идеи *субъектно-объектной связи* – как отношение организма к среде и предполагает рассмотрение системы «организм–среда» с позиции целого (Спенсер, 1996). Н.Я. Грот определяет отношение сначала как *взаимодействие,* а затем и как *деятельность* (Грот, 2013). Разрабатывая основы рефлексологии, В.М. Бехтерев использует понятие «отношение организма к среде», понимая под ним индивидуальный процесс взаимодействия организма со средой. Автор также обосновал идею избирательности в рассматриваемой им субъектно-объектной связи организма и внешней среды: отношение на уровне личности характеризуется *активностью и избирательностью* (Бехтерев, 1999).

Порождаемые миром объективных явлений отношения имеют *субъективный характер,* поскольку для разных людей одни и те же явления не равнозначны. В работах А.Ф. Лазурского понятие *отношение* рассматривается для обозначения активного и избирательного *приспособления личности к окружающей среде.* Термин *отношение* использовался ученым для обоснования устойчивой и закономерной связи личности с различными объектами внешней среды (Лазурский, 2016). М.Я. Басов трактовал отношение как связь субъекта и объекта, поддерживаемую *взаимной активностью* организма и среды (Басов, 1975). Е.В. Шорохова отмечает, что отношения проявляются в социальных *действиях и поступках* (Совместная деятельность..., 1988), а К.А. Абульханова-Славская рассматривает отношения в контексте способов, посредством которых человек решает основные проблемы *жизнедеятельности* (Абульханова-Славская, 1991). Таким образом, отношения начинают выступать одним из ведущих *механизмов внутренней регуляции* психической деятельности и поведения личности. Это относится и к долгосрочной (стратегической) перспективе жизнедеятельности.

Отношения личности к окружающей действительности организуются в *сложную устойчивую структуру представлений,* содержательные особенности которых выступают важнейшими характеристиками психологического склада личности, определяют направленность ее активности. При таком подходе, важной особенностью психологических отношений является обусловленность *предшествующим жизненным опытом* личности и *объективными связями,* которые складываются у нее с их объектами. Наиболее стойкие и длительные из них

выражаются в *целостном отношении личности* к социально-экономической действительности.

Еще одна особенность отношений сопряжена с их эмоциональным характером. В связи с этим появляется необходимость их группирования по *эмоциональным признакам,* например, по знаку отношений (положительные или отрицательные). При этом следует отметить, что даже безразличие к кому или чему-либо является отношением (Комарова, 2002). Их можно рассматривать как нейтральный эмоциональный фон. В процессе жизнедеятельности, возникая как результат обобщения отдельных эмоций, сформировавшиеся отношения становятся образованиями эмоциональной сферы человека, определяющими динамику и содержание *эмоционального фона деятельности* личности, позволяют определять *значимость* внешних воздействий.

Обобщая результаты теоретического анализа, можно выделить следующие особенности исследуемого феномена, которые являются значимыми в рамках нашего исследования.

- В психологии идея отношения приобретает особое значение, поскольку пригодна для описания самого предмета психологии и *сущности психического.* В свое время Аристотель предлагал судить о том, что такое бытие, путем анализа высказываний о бытии. Или же, к примеру, содержание зависти можно раскрыть через своеобразную комбинацию психологических отношений субъекта к предмету отношения (Позняков, 2016, с. 39).
- Отношения личности к явлениям действительности формируются в процессе общественного развития человека и изменяются в зависимости от конкретных *условий внешней среды,* т. е. не идентичны в разных социально-экономических условиях.
- В содержании доминирующих отношений человека выражаются его мировоззренческие установки и направленность личности, которые *выступают регуляторами его поведения.*
- Наряду с готовностью к определенному поведению, отношения содержат и эмоциональный компонент, выражающийся в оценке объектов отношений и проявляющийся в *эмоциональных переживаниях и оценках* человека (Позняков, 2016).

Представленный выше методологический подход позволит *выявить* отношение пользователей социальных сетей к психологии и *описать* их специфику, *оценить* мировоззренческие установки и направленность жизнедеятельности личности, *раскрыть* эмоциональный фон отношений. Обращение к феномену отношений позволит также рас-

смотреть представления пользователей о *сущности* психологического знания, его *структуре* и *функциях*.

Целью второго этапа эмпирического исследования становится выявление структурных и содержательных характеристик потребностей личности в знаниях по психологии (Апреликова, Китова, 2018). *Объектом* исследования выступили пользователи социальной сети Twitter на территории России, а *предметом* – сообщения (твиты) пользователей, в контексте которых присутствовало слово «психология». Собрано и обработано тысяча семьдесят семь твитов (1077). В исследовании задействована авторская *автоматизированная система анализа текста*. Сообщения извлекались из открытых источников в интернете (разработчик программных инструментов – М.А. Китов). Обращение для проведения исследования к социальной сети Twitter было обусловлено рядом обстоятельств: принятый в Twitter краткий формат сообщений удачно подходит для проводимого анализа; Twitter предоставляет API для автоматического сбора контента; Twitter входит в топ-5 самых популярных социальных сетей в России по объему трафика[1]. Анализ производился по следующему алгоритму: очистка данных от нерелевантного контента и спама с помощью эвристик; разбиение текста на токены, простейший морфологический анализ (анализ окончаний слов для объединения падежей и т.д.); оценка тональности текста с помощью нейросетевой модели Dostoevsky[2]; визуализация результатов на графиках. В работе была проведена оценка точности автоматических методов с помощью ручной разметки части данных. Из общего количества сообщений удалены дубликаты (сообщения ботов)[3], удалены твиты со ссылками на конкретные ресурсы, так как среди них много спама[4]. В общей сложности осталось 509 твитов, среди которых проведен анализ самых популярных слов с учетом морфологии, за исключением собственно самого слова «психология» (полученные результаты будут представлены по ходу изложения материала).

1 Статистика социальных сетей URL: http://gs.seo-auditor.com.ru/socials (дата обращения: 21.03.2019).

2 Библиотека анализа тональности для русского языка URL: https://github.com/bureaucratic-labs/dostoevsky (дата обращения: 20.03.2020).

3 Бот (робот) – действует с минимальным участием человека или без него, обычно участвует в обсуждениях, часто односложно с помощью предварительно загруженного контента.

4 Спам (*англ.* spam) – массовая рассылка корреспонденции рекламного характера лицам, не выражавшим желания ее получать.

Описанное выше разбиение текстов на токены, их простейший морфологический анализ[1] и арифметический подсчет позволили нам произвести группирование ключевых слов в смысловые категории, в основе которого лежит принцип логического анализа содержательных (понятийных и смысловых) единиц твитов. Критерии автоматической обработки твитов произведены посредством ручной разметки данных. В частности, посредством контент-анализа сообщений (о методе см.: Соснин и др., 2014; и др.), выделены твиты, связанные с такими смысловыми концептами, как:

- анализ текущих житейских ситуаций пользователей посредством обращения к психологическим категориям;
- оценка полезности/бесполезности психологии как практического «инструмента» для решения житейских проблем;
- обсуждение психологии как науки (размышления, суждения, мнения, возражения, сомнения);
- анализ отношения к себе самому (самоанализ и самооценка), близкому человеку (психологическая оценка межличностных отношений) и значимым другим (отношение к другим людям, сообществам, государствам);
- желание получить интересующую информацию по психологии, рассказы о случаях и фактах с психологическим контекстом, включающие различные временные (о настоящем, прошлом, будущем) и пространственные (о разных городах, регионах, странах и т. д.) характеристики;
- философские размышления о психологии и мире (о смысле жизни, справедливости, ценностных ориентациях этнических групп, ожиданиях людей и т. д.), которые не связаны с анализом конкретных житейских ситуаций.

Далее, по заданным критериям ручной разметки проведен машинный анализ текстов сообщений.

Результаты исследования и их обсуждение. Рассмотрим подробнее психологические проблемы, обсуждаемые в твитах, обработанных предложенным выше образом.

1. *Отношение к жизненным ситуациям.* Как оказалось, наиболее значимыми для публичного обсуждения выступают проблемы, связанные с анализом повседневных житейских ситуаций, волнующих пользователей социальной сети, и их психологическая оценка. Такие ситуации вызваны нарушением при-

1 Анализ окончаний слов для объединения падежей и т. д.

вычного уклада жизни, необходимостью принятия значимых решений, выбора новых жизненных стратегий, изменением жизненных условий или констатацией характеристик образа жизни. В «ответных» твитах анализируются возможности стабилизации ситуаций, проговариваются варианты их оптимизации или реализации каких-либо конкретных решений, делаются выводы, строятся прогнозы, предлагаются коррективы, обсуждается динамика, продумываются перспективы развития событий и т. д.

2. *Отношение к полезности/бесполезности* психологии – высказываются мнения о возможностях психологии для положительного, благотворного воздействия на формирование и развитие человека, ее пригодность для эффективного разрешения проблем социального взаимодействия, способность обеспечить высокую результативность профессиональной деятельности.
3. *Отношение к психологии как науке – суждения, размышления.* Данные обсуждения связаны с анализом представлений о сущностных характеристиках психологии человека, о психологических закономерностях функционирования человека, групп и общества в целом. Наиболее часто обсуждается *важность* психологической науки, оценивается ее *полезность* для развития человека и общества, что может вызывать у пользователей полемику и оживленные дискуссии о рациональности обращения к психологическому знанию, продуктивности такого знания в разрешении проблемных ситуаций. Споры разгораются и вокруг представлений о функциях и возможностях психологии.
4. *Отношение человека к окружающему миру и себе.* Еще одну крупную категорию твитов объединяет обращение пользователей к психологическому феномену *отношения*. Эти позиции проявляются посредством одобрения/неодобрения психологических характеристик и особенностей поведения – своего, своих близких и «значимых других». Для наглядности на графике (рисунок 4) эти позиции разбиты на три категории, в которых раскрываются социально-психологические характеристики таких отношений, как:

- отношение к себе (самоотношение) – в твитах отражаются эмоционально-оценочные рассуждения о себе, раскрываются такие психологические позиции, как самоуважение, самооценка, степень принятия себя, оценка собственных возможностей и характера социальных отношений с окружающими и т. д.

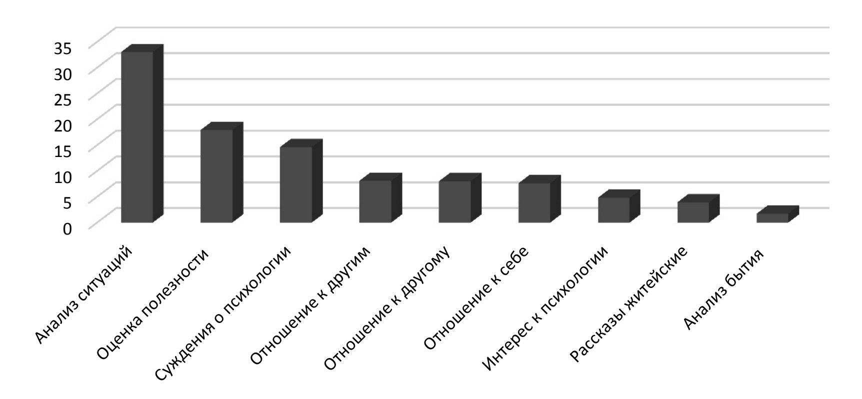

Рис. 4. Частотный анализ сообщений по категориям (тыс. запросов)

- отношение к другому человеку – эмоциональной оценке подвергаются сущностные психологические свойства и поведенческие характеристики людей из ближнего социального круга. Оцениваются такие психологические характеристики близких людей, как духовность, нравственность, чуткость, внимательность, адекватность поведения, преданность, ригидность мышления и др.
- отношения к «другим» – эти отношения проявляются через обсуждение таких позиций, как глобальное будущее, коллективные интересы, этические нормы, межэтнические конфликты, общественная мораль, социальная ответственность и т. д.

5. *Интерес к знаниям по психологии.* Сюда можно отнести твиты, в которых пользователи проявляют *интерес* к знаниям из той или иной области психологии, демонстрируют желание понять закономерности функционирования человека и групп (общностей). Содержательный анализ твитов позволяет констатировать, что пользовательский интерес основывается на субъективном понимании психологических закономерностей и особенностей устройства социального мира, опирается на совокупность житейских представлений, верований и взглядов.
6. *Отношение к повседневным событиям – рассказы о событиях с психологическим содержанием и их оценка.* Эту подгруппу твитов можно охарактеризовать как социальный фон жизнедеятельности личности, где пользователи делятся друг с другом информацией о фактах личной жизни и привычном ее укладе, обмениваются информацией о незначительных житейских событиях, явлениях или процессах общественной жизни. Посредством данных

сообщений можно выделить систему индивидуальных представлений пользователей о себе и мире.

7. *Отношение к миру – философский анализ бытия с психологическим контекстом.* Пятая подгруппа твитов отражает сообщения, связанные с обсуждением наиболее общих принципов развития мира и общества. В данных сообщениях пользователи рассуждают о принципах бытия и социальных проблемах человека, о закономерностях мироустройства, специфике мироздания, о проблемах жизни и смерти, о месте человека в природе и обществе. Пользователи рассуждают о гражданственности, ответственности, глобальных проблемах, об угрозах и рисках человечества, возможностях человека (человечества) противостоять социальному хаосу.

Рассмотрим данные позиции в количественных соотношениях (рисунок 4). В основу количественных оценок положен частотный анализ, который произведен методом полного перебора слов в сообщениях.

Как оказалось, наиболее часто пользователи обсуждают повседневные жизненные ситуации, пытаясь понять их психологический смысл и механизмы развертывания, что составляет около трети всех сообщений. Далее по популярности можно объединить рассуждения о полезности психологических знаний в жизнедеятельности человека и общества и размышления о психологии как науке и прикладной области знания, эти твиты занимают позицию от 10 до 20%. Отношение к себе, своим близким, а также людям, не находящимся в зоне непосредственного контакта (известным людям, дальнему социальному кругу – этническим или профессиональным группам и т. д.), составляет от 5 до 10%, хотя если эти данные объединить в общую категорию, то эта подгруппа сообщений может занять второе место по частоте обсуждений. Разделение произведено из теоретических соображений. Так, интересно заметить, что эти позиции практически равнозначны, что позволяет сделать важный для социальной психологии вывод, что отношение к другим/другому занимает пользователей не меньше, чем отношение к собственной персоне. Важно и то, что отношение к другим/незнакомым занимает внимание пользователей не меньше, чем отношение к близким людям, что позволяет заключить, что дальний круг общения также чрезвычайно важен для современного человека, как и отношение к себе или своим близким.

Часть пользователей проявляет интерес к психологии как самостоятельному научному направлению, еще одна представляет рас-

сказы и философские рассуждения о жизненных историях, которые, по их мнению, весьма поучительны с психологической точки зрения или отражают психологические особенности большого количества людей (присущи многим). Еще меньше прослойка пользователей, рассуждающих о философских принципах психологических явлений, сущности человеческой природы, философских принципах социального взаимодействия, и т. д. Эти категории сообщений набирают менее 5% высказываний по каждой позиции.

Анализ эмоционального фона сообщений

Эмоции, выступают побудителями к социальному действию и поведению (Журавлев, Китова, 2020б; Соснин и др., 2014). К положительным эмоциям такого рода можно отнести чувство удовлетворения, возникающее в процессе жизнедеятельности, приподнятое настроение, иногда даже восторг. В научной литературе отмечается, что наличие позитивного эмоционального фона способствует развитию способностей человека, а при его отсутствии (или же наличии отрицательного фона) способности не удается развить и за долгие часы напряженной работы (Ламерти, 1976). Известны, в частности, такого рода связи между эмоциональными и интеллектуальными компонентами познавательных потребностей человека. Так, С. Л. Рубинштейн писал, что «эмоциональность, или аффективность, – это всегда лишь одна, специфическая, сторона процессов, которые в действительности являются вместе с тем познавательными процессами, отражающими – пусть специфическим образом – действительность» (Рубинштейн, 2019, с. 52).

В эмпирических исследованиях Ю. Е. Виноградова, направленных на влияние эмоциональных процессов на структуру мыслительной деятельности, было отмечено, что «без эмоциональной активации невозможно объективно верное решение субъективно сложных мыслительных задач, хотя наличие этой активации еще не гарантирует достижение объективно верного результата» (Виноградов, 1972, с. 17). Автор отмечал, что эмоции регулируют и процесс поиска познания, выполняя эвристическую функцию, что может иметь прямое отношение и к поиску работы.

Если говорить обобщенно, то эмоции являются одним из основных механизмов внутренней регуляции психической деятельности и поведения человека, возникновение негативных эмоций сопряжено с ситуациями, при которых человек одновременно осознает наличие некой угрозы и невозможность ее избежать. Такая ситуация

обеспечивает пристрастность психического отражения через выделение цели в плане образа мира и включает когнитивные процессы реагирования, необходимые для решения задачи или оптимизации ситуации.

С *социально-психологической* точки зрения эмоции сопровождают многие общественные процессы, закономерно проявляясь на качественных характеристиках социального взаимодействия, и имеют социальный (внеличностный) смысл. В частности, эмоции служат для передачи другим информации о возникающих эмоциональных состояниях (выступают формой социального реагирования); могут формироваться на основе оценки действий других людей (через анализ воспринимаемой от других людей информации); способны настраивать/перенастраивать отношения между людьми, т. е. служат важным фактором социального взаимодействия людей (Психологические исследования..., 2020).

На втором этапе анализируется *эмоциональный фон* твитов с помощью нейросетевой модели Dostoevsky. Для наглядности представим примеры твитов с различным эмоциональным фоном (таблица 3).

Эмоциональный фон сообщений рассматривается в диапазоне от –1 до +1. с разделением предложенной шкалы на 20 позиций, каждая из которых больше предыдущей на 0,5 (т. е. длина шага числовых значений шкалы составляет 0,5). Эмоциональный фон слов, значение которых находится в пределах меньше десятой доли (0,03... или 0,009... и т. д.), рассматривался нами как нейтральный в силу незначительной выраженности. К нейтральному фону также отнесены сообщения, имеющие значение эмоционального фона, равное нулю. Отсутствующие в сообщениях респондентов числовые значения игнорировались. Таким образом, шкала с разбивкой на 20 позиций по факту может содержать 14 позиций, что связано с отсутствием выраженных эмоциональных фонов с явно положительной (или отрицательной) коннотацией. Результаты обобщены и представлены в таблице 4.

Как показали результаты анализа, непосредственные переживания негативных и позитивных эмоций обуславливают несходные между собой раздражители (см. рисунок 5). Так, на диаграмме видно, что единую ранговую позицию занимают во всех трех фоновых группах твиты, отражающие проблемный анализ житейских ситуаций (пункт первый). По две позиции сходятся по ранговым значениям позиции «отношение к себе» (пункт 6). При этом отношение к себе в одной позиции сопряжено с нейтральным эмоциональным фоном, во второй – с негативным. Идентичные ранговые позиции

Таблица 3

Примеры сообщений
с различным эмоциональным фоном

Эмоциональный фон	**Примеры твитов**
Примеры сообщений с *положительным* эмоциональным фоном	– Начала читать фанфик, и там в жанрах есть психология! Я это обожаю, это мой любимый жанр. Там всегда все так грустненько. – Мой Мир. Моя психология. Это моя история. – Ну что, пора разбираться с мыслями и поднимать втоптанную в грязь самооценку. Психология, я наконец-то решила тобой заняться. – Как любить людей? Да просто принимать их со всеми плюсами и минусами. – Цель нашей жизни не в том, чтобы изменить окружающий мир, а в том, чтобы изменить себя. – Психология – прекрасная наука.
Примеры сообщений с *отрицательным* эмоциональным фоном	– Э, да ты совсем разбит, – рабская психология. Народ должен решать, а не Сталин, Ельцин или кто-то другой. Народ! Хватит ныть. – А-а-а! ты меньше тыщщи за деньги не воспринимаешь. Это не я придумал. Это голимая психология богатых. – Никто не говорит «мы сделаем, мы восстановим, мы заработаем». Только и слышно: «нам помогут, нам дадут, нас накормят, нас примут, нам отменят». Рабская психология. Сами уже не в состоянии что-то предпринять! – К сожалению, я чувствую, что моя психология не сможет мне помочь, потому что мне вообще никто помочь не сможет. Я сама должна бороться и пытаться... но, я не могу!
Примеры сообщений с *нейтральным* эмоциональным фоном	– ...штрафы согласовываются с начальником ГИБДД. А сейчас этот начальник ГИБДД вносит предложения по штрафам. Вы, видимо, недавно уволились из МВД. Психология больше полицейского... – Объясняю. Зидан наверняка знал, что Роналду летом свалит. Наверняка знал, что вытащить эту команду к еще одной победе не сможет, психология – вещь очень хрупкая. – Между негативными ощущениями и их отсутствием я бы выбрала первое, – такова психология жизни. – Кому нет нужды в том, чтобы лгать, тот извлекает себе пользу из того, что он не лжет. Ницше.

Таблица 4

Частотный анализ сообщений
с различным эмоциональным фоном, ранги

№	Категории сообщений	Эмоциональный фон сообщений		
		Нейтральный	**Позитивный**	**Негативный**
1	Анализ ситуаций	1	1	1
2	Оценка полезности/ бесполезности	2	6	4
3	Размышления и суждения как о науке	3	9	5
4	Отношение к другим	4	2	8
5	Отношение к другому	5	4	9
6	Отношение к себе	6	3	6
7	Интерес к психологии	7	7	2
8	Рассказы о времени и пространстве	8	5	3
9	Анализ бытия	9	8	7

занимают и твиты, связанные с «интересом к психологии» – ранговая позиция 7 (пункт 7). Интерес к психологии в этих случаях сопровождается нейтральным и негативным эмоциональными фонами.

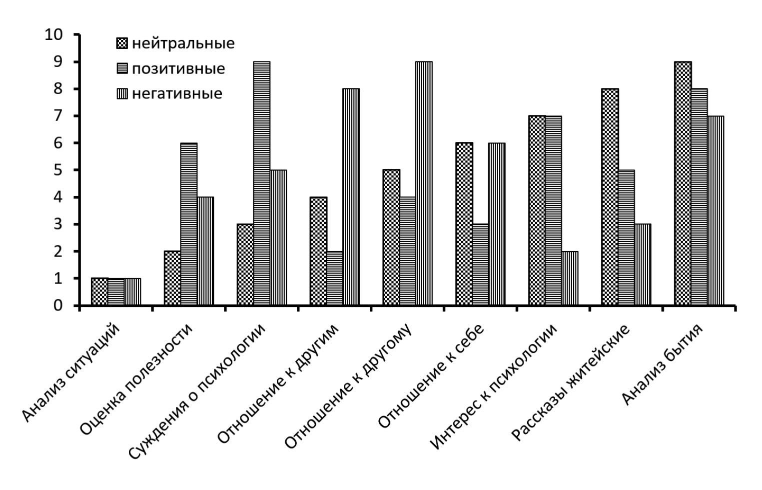

Рис. 5. Сопоставительный анализ рейингов сообщений с различным эмоциональным фоном

Таким образом, большинство сообщений по характеру эмоциональных оценок демонстрирует различные ранговые показатели.

Результаты исследования показали высокий уровень интереса пользователей социальной сети Twitter к личностно и социально значимым практическим знаниям по психологии, в частности, к профессиональным. Высокая ориентация на обсуждение прикладных проблем психологии по личностному и профессиональному развитию, выраженная направленность на создание благоприятных взаимоотношений с окружающими указывают на значимые для пользователей отрасли психологического знания, среди которых психология личности, социальная психология и психология профессиональной деятельности. Результаты исследования могут быть полезны в сферах профессиональной подготовки, переподготовки кадров и просветительской деятельности среди населения.

Выводы

Обобщение результатов исследования позволяет сформулировать ряд общих и частных утверждений.

1. Основные теоретико-методологические основания обращения к феномену потребностей как фактору социальной активности человека связаны с тем, что потребности осознаются как *несоответствие* реального и желаемого состояния человека и вызывают стремление к преодолению этого дискомфорта, выступают в качестве *первичного импульса* психической активности, проявляются через фиксацию внимания человека на объектах, способных удовлетворить актуальную потребность, выполняя энергетическую, избирательную и контрольную функции в поведении.

   В основе социальной активности могут лежать и такие малоизученные потребности, как стремление *к недостижимому* благу (например, стать лучше) или же деструктивные намерения (стремление к риску, например). Д*инамические характеристики* потребностей (способность актуализироваться, изменять свою интенсивность, угасать и воспроизводиться вновь) создают в организационных системах возможности для *управляющего* воздействия, что может быть полезно и для формирования потребностей устойчивого социального развития общества.
2. Исходя из теоретической позиции А. Н. Леонтьева, интерес рассматривается как положительно окрашенный эмоциональный процесс, отражающий познавательную потребность узнать

что-то новое об объекте интереса, а поисковые запросы – как реализация этой (познавательной) потребности, что выступает одной из методологических позиций исследования.

3. У пользователей поисковой системы «Яндекс» в целом отмечается *высокий интерес* к знаниям по психологии, который по своей интенсивности может варьироваться в зависимости от региона РФ. Наиболее высокий интерес к знаниям по психологии демонстрируют пользователи Дальневосточного федерального округа, наименьший – Республики Крым, нейтральное отношение к психологии свойственно пользователям Уральского федерального округа. Специфические особенности запросов присущи каждому федеральному округу.
4. Интерес к *различным отраслям психологии* в интернете проявляется не равномерно. Максимальный интерес у пользователей вызывает учебная литература. Среди отраслей психологии наиболее востребованы социальная психология, гендерная психология, психология досуга и психология личности. Значительным интересом пользуются фундаментальные исследования, менее остальных запрашиваются отрасли психологии, связанные с формированием и развитием личности (возрастная и педагогическая психология, психология развития). Невысокий интерес вызывает и методология психологии. Минимальный уровень интереса пользователи демонстрируют к клинической психологии.
5. *Структурные и содержательные* характеристики потребностей респондентов в знаниях по психологии сконцентрированы в рамках таких ее отраслей, как социальная психология (общение, влияние, взаимодействие, семейная жизнь), психология личности (саморазвитие и самосознание) и организационная психология, что связано с реализацией профессиональной карьеры и управлением персоналом, это в целом свидетельствует о прагматической направленности потребностей пользователей поисковой системы «Яндекс».
6. Востребованность в интернете различных форм получения знаний по психологии, исходя из количества и содержания запросов, представлена в следующей иерархической последовательности: повышение квалификации, профессиональная подготовка (переподготовка), психологическое тестирование, психологические тренинги, психологическая помощь и психотерапевтическая коррекция.
7. Анализ данных поисковой системы «Гугл» (Google) позволил заключить, что наиболее востребованными способами психоло-

гического взаимодействия выступают «телефон доверия» (1-й ранг), «психологические консультации» (2-й ранг) и «психологическая помощь» (3-й ранг). В целом выявлена востребованность у пользователей различных форм взаимодействия с психологом, а также наличие региональных особенностей в проявлении такой потребности. Природа и причина выявленных различий пока малоизвестна современной науке.

8. В высказываниях пользователей Twitter проявляются их представления о психологии как о самостоятельном научном направлении. В целом психология истолковывается как наука, способная оказывать влияние на развитие человека, выстраивание позитивных отношений с окружающими людьми, повышение эффективности профессиональной деятельности.
9. Обращение к *оценке* характера знаний по психологии у пользователей Twitter происходит в основном при обсуждении повседневной жизнедеятельности и проблемных житейских ситуаций – психология рассматривается как наука (1) о закономерностях функционирования и проявления психики людей; при обращении к анализу психологических характеристик и особенностей поведения самого пользователя и его близких – психология рассматривается (2) как инструмент самопознания и познания мотивов поведения близких людей; при размышлениях, связанных с анализом психологических особенностей представителей дальнего социального окружения, – к психологии обращаются (3) для объяснения сложившихся социальных проблем в обществе (и мире) или при размышлении о философских проблемах бытия; при оценке психологии как самостоятельного научного направления – (4) пользователи проявляют интерес к самой психологии как науке и к психологическим основам функционирования человека и общества.
10. С *индивидуально-личностных* позиций психология рассматривается как значимый фактор развития человека (личностного и социального), как источник его социальной активности, как показатель характера жизненного пути и социальных связей человека.
11. С *социально-психологической* позиции психология воспринимается пользователями как важный инструмент организации социального взаимодействия в различных сферах жизнедеятельности (профессиональной, семейной, общественной), а также как инструмент для профессионального отбора и развития персонала. В незначительном количестве сообщений психология рассматривается как фактор обеспечения психологическо-

го благополучия в социальных общностях (различного уровня и масштаба).

12. Наиболее обсуждаемыми направлениями выступают такие отрасли психологии, как психология личности, психология социального взаимодействия и профессионального развития. Изредка затрагиваются философские проблемы психологии и макропсихологические характеристики развития современного общества.
13. Эмоциональный фон отношений к психологии в основном сопряжен с оценками ее прикладных возможностей. В принципе отношение к психологии нейтральное (без эмоциональных «скачков») – как к науке, которая давно зарекомендовала свои возможности на практике. Вместе с тем высказывания пользователей позволяют выделить завышенные притязания к оценке ее возможностей (положительный эмоциональный фон) или желание принизить возможности психологии в решении прикладных задач (отрицательный[1] эмоциональный фон). Эмоциональный фон высказываний не является постоянным и при оценке личностных и поведенческих характеристик самого человека, его непосредственного социального окружения (реже при оценке социальных групп – этнических, политических, конфессиональных и др.).
14. Существует небольшой круг респондентов в интернете, ориентированных на изучение научных основ психологического знания и получение дополнительных профессиональных знаний в различных областях фундаментальной психологии.
15. Результаты исследования свидетельствуют об актуальности проблемы и указывают на значимые для человека сферы знаний по психологии. Полученные результаты будут полезны и в рамках изучения важных теоретических проблем психологии, которые затрагивают такие ее магистральные отрасли, как психология личности, психология развития, социальная психология и психология трудовой деятельности, а также могут быть востребованы в рамках организации психолого-педагогического взаимодействия на различных уровнях образовательного процесса, стать основанием в реализации научно-просветительской деятельности среди населения.
16. Выявление характерных особенностей потребностей в знаниях по психологии интернет-пользователей должно находиться

1 Иногда уничижительный.

в русле интересов современного психологического сообщества, которое несет ответственность как за психологический комфорт и самочувствие человека, так и за общий уровень психологической культуры в обществе.

Заключение

На начало 2020 года более 4,5 миллиарда людей пользовались интернетом. Три года до этого цифра равнялась 3,4 миллиарда пользователей, а аудитория социальных сетей превысила отметку в 3,8 миллиарда. Среднестатистический россиянин проводит в социальных сетях 2 часа 26 минут в день (Вся статистика..., 2020). В современных условиях развития информационных технологий выявление важнейших для общественного развития психологических факторов стало возможным посредством беспрецедентно масштабного анализа продуктов деятельности человека (текстов, сообщений, информационных релизов и т. д.), представленных в интернет-пространстве (Журавлев, Китова, 2020а, б). Непрерывное увеличение текстовых сообщений в интернете, а также вычислительных мощностей и технологических возможностей делает их освоение насущной необходимостью (Китова, 2019).

В последние годы происходит быстрое развитие методов автоматизированного анализа текстов, в том числе ориентированных на выявление психологический свойств отдельных лиц или социальных групп. Автоматизированный анализ текстов оказался применимым к решению широкого круга психологических вопросов, таких как индивидуальные различия, потребность в знаниях, наличие ложных утверждений в текстах, особенности политических отношений, мотивации, групповой динамики, культурных изменений и ряда других (Психологические исследования..., 2020).

Заметной характеристикой данного направления исследований является то, что разработкой этих методов успешно занимаются в основном программисты и лингвисты, хотя их развитие имеет большое значение и для психологии, и для социогуманитарных наук в целом. Недостаточное использование психологами информационных разработок пока является проблемой отечественной психологии (Психологические исследования..., 2018).

Литература

Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.

Апреликова Н. Р., Китова Д. А. Структура потребностей студенческой молодежи в знаниях по психологии // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3. № 2 (10). С. 110–133.

Басов М. Я. Избранные психологические произведения. М.: Педагогика, 1975.

Бехтерев В. М. Объективное изучение личности // Избр. труды по психологии личности. В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1999.

Виноградов Ю. Е. Эмоциональная активация в структуре мыслительной деятельности человека: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1972.

Вся статистика интернетана 2020 год – цифры и тренды в мире и в России URL: https://www.web-canape.ru/business/internet-2020-globalnaya-statistika-i-trendy (дата обращения: 11.04.20).

Грот Н. Я. Соч. В 4 т. Т. 1. Мелитополь: Издательский дом Мелитопольской городской типографии, 2013.

Журавлев А. Л., Китова Д. А. Глобальные процессы как объект социально-психологического исследования // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2017. № 4 (85). С. 4–9.

Журавлев А. Л., Китова Д. А. Анализ интереса населения к информации о пандемии коронавируса (на примере пользователей поисковых систем Интернета) // Психологический журнал. 2020а. Т. 41. № 4. С. 5–18.

Журавлев А. Л., Китова Д. А. Эмпирические методы интернет-анализа психологических явлений // Психологические факторы развития геополитических отношений: субъекты, механизмы, тенденции. Глава 20. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020б. С. 232–249.

Карпова Э. Б., Исурина Г. Л., Журавлев А. Л. Психологическая концепция отношений В. Н. Мясищева: основы и содержание // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 2. С. 5–14.

Китова Д. А. Отечественная психология в условиях развития глобальных процессов // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 2. С. 128–131.

Комарова С. Л. Оптимизация отношений субъектов политической деятельности: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2002.

Лазурский А. Ф. Психология общая и экспериментальная. М.: Юрайт, 2016.

Ламерти Ж. О. Человек-машина. М.: Мысль, 1976.

Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы и эмоции: Конспект лекций. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971.

Макропсихология современного российского общества: Монография. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

Мясищев В. Н. Проблема отношений человека и ее место в психологии // Вопросы психологии. 1957. № 5. С. 142–155.

Патяева Е. Ю. Интернет-сообщества как новая социальная реальность: психологические задачи «человека-сетевого» // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3. № 2. С. 74–109.

Позняков В. П. Психологические отношения человека: история развития и современное состояние исследований // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология, 2016. Т. 1. № 3. С. 24–47.

Проблемы социальных конфликтов в современной психологии: сущность, детерминанты, регулирование. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.

Психологические исследования в интернет-пространстве: поисковые системы, социальные сети, электронные базы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020.

Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.

Психологическое знание: современное состояние и перспективы развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.

Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2019.

Совместная деятельность: методология, теория, практика. Коллективная монография. М.: Наука, 1988.

Соснин В. А., Журавлев А. Л., Китова Д. А., Ковалева Ю. В., Смирнов А. А. Психологические факторы развития геополитических отношений: субъекты, механизмы, тенденции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020.

Соснин В. А., Журавлев А. Л., Красников М. А. Социальная психология. Учебное пособие для студентов вузов. М.: Форум–Инфра-М, 2014.

Социальная психология. Учебное пособие для студентов вузов. М.: Пер Сэ, 2014.

Спенсер Г. Социология как предмет изучения. СПб.: Санкт-Петербург, 1996.

Троицкий М. М. Наука о духе. Общие свойства и законы человеческого духа // Собр. соч. В 2 т. Т. 1. М.: Либроком, 2012.

Узденов Т. М., Китова Д. А. Представления студентов о целях и средствах достижения экономического благополучия // Гуманизация образования. 2009. № 3. С. 129–133.

Ушаков Д. В., Поддьяков А. Н., Журавлев А. Л., Нестик Т.А., Юревич А. В. Социальная психология знания. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Шаков А. М., Китова Д. А. Отношение к коррупционному поведению в структуре представлений современной молодежи // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27. № 3. С. 380–389.

Юревич А. В., Нестик Т.А., Журавлев А. Л., Соснин В. А, Китова Д. А. Массовое сознание и поведение: тенденции социально-психологических исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.

Globerman S., Roehl T. W., Standifird S. Globalization and Electronic Commerce: Inferences from Retail Brokering // Journal of International Business Studies. 2001. V. 32. № 4. P. 749–768.

Kesebir P., Kesebir S. The cultural salience of moral character and virtue declined in twentieth century America // Journal of Positive Psychology. 2012. V. 7 (6). P. 471–480.

Kosinski M., Stillwell D., Graepel T. Private traits and attributes are predictable from digital records of human behavior // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2013. V. 110 (15). P. 5802–5805.

Krishnamurthy B., Gill P., Arlitt M. A few chirps about Twitter// Proceedings of the First Workshop on On-line Social Networks. 2008. P. 19–24.

Lerman K., Ghosh R. Information contagion: an empirical study of the spread of news on Digg and Twitter social networks // Proceedings of the 4th International Conference on Weblogs and Social Media (ICWSM). 2010. URL: http://arxiv.org/pdf/1003.2664. pdf (дата обращения: 12.04.2020).

Newman M. L., Pennebaker J. W., Berry D. S., Richards J. M. Lying words: predicting deception from linguistic styles // Personality and Social Psychology Bulletin. 2003. V. 29 (5). P. 665–675.

Pennebaker J. W., King L. A. Linguistic styles: language use as an individual difference // Journal of Personality and Social Psychology. 1999. V. 77 (6). P. 1296–1312.

Rude S. S., Gortner E.-M., Pennebaker J. W. Language use of depressed and depression-vulnerable college students // Cognition and Emotion. 2004. V. 18. P. 1121–1133.

Архивные материалы как источник психологического знания[1]

А. А. Костригин, Н. Ю. Стоюхина

doi: 10.38098/thry_21_0434_014

Характеристики и этапы архивного исследования в истории психологии

Традиционно источником психологических знаний считаются эмпирические исследования (эксперимент, измерение, тестирование, интервью и др.), с помощью которых мы получаем новые данные, и теоретические исследования, которые позволяют обобщать результаты и выдвигать идеи (см.: Психологическое знание..., 2018; и др.). Однако технологически психологическое знание может быть получено путем обнаружения различного рода документов и материалов, которые ранее были неизвестны, не изданы или не введены в научный оборот. Последняя область в большей степени относится к истории психологии.

В историко-психологических работах исследователи чаще всего обращаются к уже опубликованным трудам ученого, либо к известным событиям и фактам прошлого, относящимся к конкретной персоналии, научному коллективу, учреждению или научному событию (см., напр.: Историческая преемственность..., 2019; Развитие российской психологии..., 2019; и др.). В некотором смысле сам по себе историко-психологический анализ может поставлять новое знание так же, как и теоретическое исследование, особенно в рамках постмодернизма, где приобрели уже общефилософский и общегуманитарный статус концепции «смерти автора», деконструкции и др., согласно которым любое новое прочтение и интерпретация текста уже есть оригинальная идея, заслуживающая не меньшего внимания, чем посыл автора исходного текста (Барт, 1989, с. 384–391; Деррида, 2000; Гусельцева, 2005; Янчук, 2006; и др.). Мы же будем говорить не об обнаружении нового смысла в трактовке текста, идеи, концепции, результатов исследований автора, а об обнаруже-

1 Статья подготовлена по Госзаданию № 0138-2021-0001.

нии до сих пор неизвестного документа, каким-либо образом уточняющего, доказывающего, опровергающего, обращающего внимание на определенный исторический (или психологический – Мазилов, Стоюхина, 2014) факт. Решение этой задачи относится к области историко-архивных исследований.

О значении архивных документов для истории психологии писали многие специалисты (Будилова, 2019; Ждан, 2004; К истории..., 1981; Кольцова, 2008; Логинова, 2020; Лысакова, 2011; Маныкина, 1989; Марцинковская, 2004; Мокряк, 1977; Парамонова, 2011; Соболев, 1971; Тутунджян, 1982; Ценюга, 2010; Щедрина, 2006).

Историко-архивное исследование заключается в основном в поиске архивных документов с учетом знаний о том, как устроены архивы и архивные фонды, как распределяются архивные дела по различным видам описей (Автократов, 2001; Хорхордина, Попов, 2015). На наш взгляд, возможно расширение этого процесса за счет этапов обнаружения, систематизации и публикации документа (или его части).

Поиск материалов и документов, относящихся к истории психологии, ничем не отличается от обычного исторического: исследователи определяют, в каком из государственных или личных архивов могут находиться документы, касающиеся персоналии, научного коллектива, научного или образовательного учреждения, административного органа. С этой точки зрения, архивная работа представляет собой эмпирическое исследование, так как в этом процессе присутствует сбор новых материалов и информации (по аналогии со сбором данных в эксперименте или при тестировании). *Обнаружение* предполагает изучение большого массива документов, среди которых может находиться необходимая биографическая справка, государственное постановление, стенограмма какого-либо мероприятия, письмо, черновой вариант работы, результаты научного исследования и др.

Систематизация обнаруженных материалов означает их осмысление на предмет соответствия, дополнения, уточнения и опровержения уже известной информации или даже открытия совершенно новых обстоятельств. Вероятно, этап систематизации является, если и не самым трудоемким (поиск и обнаружение нужного документа может длиться годами), то одним из самых важных: простое обнаружение документа еще не означает, что содержащаяся в нем информация автоматически заполняет существующие пробелы в биографиях выдающихся ученых, событиях предыдущих эпох, результатах научных исследований и др. Хотя документ и существует, эти данные будут нам недоступны, пока исследователь их не проа-

нализирует и не осмыслит. Своеобразным парадоксом является то, что архивные собрания открыты для всех желающих, в них находятся миллионы документов, в некотором смысле мы уже обладаем ими, «богаты» этим наследием, но извлечь ту ценность, которую они в себе несут, можно только после тщательной работы с ними. И когда историк науки осуществит систематизацию новой информации и уже имеющейся, обнаруженные материалы получают возможность стать научным фактом на этапе публикации.

Несмотря на то, что сам по себе архивный документ – это уже факт (или он содержит в себе факты), в научном смысле он станет таковым только после *публикации*. До тех пор, пока массивы биографических, служебных, исследовательских и других материалов не будут изложены в монографиях, статьях или хотя бы размещены в сети Интернет, во-первых, о них никто не узнает (кроме других потенциальных исследователей), во-вторых, они не будут влиять на пересмотр уже имеющейся информации о персоналии и событии. Именно поэтому так высоко ценятся издания, в которых публикуются только архивные документы: это не просто собрание справок, постановлений, указов, стенограмм, записок, писем и др., это тот массив данных (и в эмпирическом смысле тоже), которые будут подвергать ревизии устоявшиеся идеи, традиции, мнения и станут *источником последующих исследований и нового знания*. Более того, историку можно присвоить статус «вершителя судеб», так как именно он обнаруживает материалы, которые могут изменить взгляд на прошлое, и решает, появятся ли они в обнародованном виде, *изменится ли само прошлое* из-за вновь обнаруженных фактов. Историко-психологическое и историко-архивное исследование может способствовать и утверждению научного открытия, которое могло быть забыто, отвергнуто в предыдущие эпохи из-за несоответствия доминирующей парадигме, не оценено и не осмыслено (Теплов, 1985, с. 191–198; Тутунджян, 1982).

Помимо этих основных этапов историко-архивного исследования, работа с архивными материалами часто может сопровождаться их *интерпретацией* в рамках публикации. На самом деле историк уже занимается интерпретацией обнаруженной информации на этапе ее систематизации, но при публикации он может выбрать, как именно он преподнесет новые факты. Во-первых, историк психологии может опубликовать документы и материалы лишь с указанием первоисточника и с небольшими комментариями об их поиске и обнаружении. В этом случае прямая интерпретация дана не будет, извлечь новую информацию и ее смысл предстоит самому

читателю. Во-вторых, исследователь может дать комментарии о роли и значении данных документов для понимания биографии и научной деятельности персоналии, контекста и содержания события и др. В-третьих, исследователь может опубликовать обнаруженные материалы как уже встроенные в основной массив информации. В этом случае публикация посвящается не столько архивным материалам, сколько именно анализу биографических фактов, результатов исследования, событий с учетом новой информации из архивов. Последний вариант публикации и интерпретации уже стоит на границе узкого историко-архивного и широко распространенного в настоящее время историко-психологического исследования, посвященного персоналии или какой-то научной проблеме, феномену, понятию и др.

Говоря о специфике архивных исследований в области истории психологии, необходимо сказать, что, с одной стороны, основой работы с архивными источниками является методология истории, однако, с другой стороны, в истории психологии (как и в области истории любой другой науки) важными источниками являются те, которые свидетельствуют о научной деятельности и по которым можно реконструировать особенности развития научного психологического знания. Поэтому ведущая цель историко-психологического исследования с использованием архивных документов заключается не просто в обнаружении до сих пор неизвестных фактов, но во встраивании этих фактов в процесс понимания развития психологической мысли. Некоторым примером особого теоретико-методологического подхода в истории науки может выступить концепция когнитивной истории (истории как когнитивной науки) О.М. Медушевской. Предметом данного подхода является «универсум интеллектуального продукта, представляющего собой воплощенный в материальный объект набор идей» (Медушевская, 2008, с. 284), т.е. когнитивная история изучает продукты человеческого мышления, зафиксированные в материальных объектах (в том числе в архивных источниках) (Когнитивная история..., 2011). История психология, будучи отнесенной к группе когнитивно-исторических наук, может определяться как дисциплина, исследующая источники интеллектуальной деятельности, через которые реконструируется процесс формирования психологического знания.

Другой особенностью архивных исследований в области истории психологии является не простая констатация обнаруженного факта, а именно *реконструкция* процесса возникновения, формирования психологического знания, появления конкретной психо-

логической проблемы, осуществления творческой и научной деятельности персоналией и др. Изучение истории научного знания, когнитивных и интеллектуальных продуктов деятельности человека осуществляется с помощью специального исторического метода – собственно реконструкции. О. М. Медушевская раскрывает этот метод в трех последовательных процедурах: «...гипотетически представить *конструкцию,* осознанно приданную произведению автором в соответствии с тем назначением, которое он ему определил; провести *деконструкцию,* т. е. выявить ресурс информации, которая заложена в целостности произведения и соответственно во всей полноте и достоверности его составных элементов; осуществить *реконструкцию,* т. е. представить произведение как явление мышления индивида и его эпохи» (Медушевская, 2008, с. 281–282).

Для истории психологии основы реконструкции разработала В. А. Кольцова. Процедуру психолого-исторической реконструкции выполняет функцию «стратегически-процедурного средства познания, вскрывает последовательность воссоздания психологической мысли, направление исторического анализа, определяет алгоритм действий исследователя» (Кольцова, 2008, с. 406), помогает историку переместиться в прошлое и интерпретировать факты и информацию, исходя из исторического контекста. Предлагаемый В. А. Кольцовой подход, в первую очередь, включает в себя работу с разного рода источниками. Следуя общим характеристикам психолого-исторической реконструкции, данным В. А. Кольцовой, дополним перечень особенностей проведения реконструкции истории психологии при работе именно с архивными документами: 1) объектом и единицей анализа выступают не только творения людей разных исторических эпох, но и документы, с внешней стороны и объективно свидетельствующие о жизни и деятельности персоналии; 2) учет особенностей исторического времени документа осуществляется не только благодаря специальной позиции и установки исследователя, но и самому документу – архивный документ уже есть часть исторического контекста, который автоматически изменяет взгляд историка, погружает его в этот контекст; 3) интерпретация источника носит не только аналитический характер, наиболее распространенный при работе с трудами персоналии, но и синтетическую направленность – обнаруженные факты и информация не «расщепляются» на единицы для их понимания, а соединяются с уже существующими фактами и материалами для построения целостной картины изучаемой проблемы.

А. А. Костригин, Н. Ю. Стоюхина

Типология архивных документов в историко-психологических исследованиях

Архивные документы относятся к историческим источникам, которые традиционно подразделяются на устоявшиеся виды в зависимости от эпохи. По мнению М. Ф. Румянцевой, для периода XVIII—начала XX в. ключевыми источниками являются массовые, законодательные документы, юридические акты, делопроизводственные материалы, материалы фискального, административного и хозяйственного учета, статистические, публицистические, периодическая печать, личного происхождения (Румянцева, 1998). В. В. Кабанов указывает источники советского периода: законодательные, программные, уставные и директивные документы политических партий и общественных организаций, юридические акты, делопроизводственные материалы государственных учреждений и общественных организаций, статистические, материалы планирования развития народного хозяйства, публицистические, периодическая печать, личного происхождения, источники российской эмиграции (Кабанов, 1998).

В истории психологии В. А. Кольцова предлагает следующую классификацию источников: письменные – материалы творческой деятельности ученых (книги, монографии, статьи, рефераты и др.), документы личного характера (мемуары, дневники, эпистолярное наследие и др.), материалы, характеризующие служебную деятельность (планы научной работы, программы научных мероприятий, служебные записки, отчеты и др.), вещественные (научные приборы, исторические вещественные памятники, предметы быта, материалы палеонтологии и др.), устные (мифы, былины, пословицы, народные сказки и др.), изобразительные (произведения живописи, иллюстрации книг, схемы, фотоматериалы и др.), эпиграфические, кинодокументы, лингвистические, этнографические, личного происхождения (Кольцова, 2008, с. 305–307).

Любой из этого массива источников может быть архивным (кроме устных), поэтому все перечисленные в предыдущем разделе особенности историко-архивного поиска, систематизации и интерпретации будут относиться и к ним.

Отдельно необходимо отметить такой особый вид источников, который выделяют многие авторы, как эго-документы – дневники, мемуары, автобиографии и т. п. Совершенно уникальными представляются (Стоюхина, 2019) немногочисленные автобиографии и воспоминания выдающихся психологов – А. Р. Лурии (1982), В. В. Налимова

(1994), А. В. Петровского (2001), К. К. Платонова (2005), В. А. Пономаренко (2007), Л. Н. Собчик (2012), П. Сорокина (1992), А. А. Ухтомского (2017); воспоминания родственников – дочери А. Р. Лурии Е. А. Лурии (1994), дочери Д. И. Рейтынбарга П. Рейтынбарг (2013), дочери Г. Г. Шпета М. Г. Шторх (2014); интервью с учеными как участниками исторических событий (Артамонов, 2003; Дробышева, Журавлев, 2018; Дробышева и др., 2020; Интервью..., 2013; Русалинова и др., 2018; Свенцицкий и др., 2018; Чернышев и др., 2016). Эти издания зачастую составляются самими авторами на основе личных архивов либо восстанавливаются другими исследователями по частным и государственным архивам.

В данной работе дальнейшая логика обсуждения архивных документов как источника психологического знания будет заключаться в представлении конкретных примеров самостоятельного архивного исследования в области истории психологии или историко-психологического исследования с использованием архивных материалов.

Для представления таких примеров мы выбираем классификацию источников по критерию предмета изучения (предложенную В. А. Кольцовой) – источники исследования персоналий, научных школ, научных центров, психологических учреждений и др. (Кольцова, 2008, с. 304). К этому перечню необходимо добавить и другие предметы исследования – научный коллектив, научное событие, научная дискуссия, научное направление, научный подход и научный метод.

Кейсы архивных исследований в области истории психологии

Мы представим несколько кейсов архивных исследований в области истории психологии, которые открывают новые данные и материалы, уточняющие информацию относительно персоналий, научных коллективов, школ, центров, учреждений, событий, дискуссий, направлений, подходов и методов. Использованные в этих работах архивные документы стали источниками знания о прошлом науки, об этапах формирования психологии, о зарождении той или иной психологической проблемы, о жизненном и научном пути конкретного ученого и его роли в развитии психологического знания. Мы проведем своего рода метааналитическое исследование (Корнилов, Корнилова, 2010; Лифинцев и др., 2019; Levitt et al., 2018; Timulak, 2014), которое покажет, что архивные материалы являются источниками нового знания не только для истории психологии, но и для всей психологической науки. Узнавая и анализируя прошлое, а в некоторых

случаях проводя «ревизию прошлого», исследователь воздействует на настоящее психологии, прошлое влияет на современные представления о психике и психических феноменах.

Кейс: персоналия

Наибольшее количество историко-психологических исследований посвящено выдающимся персоналиям, внесшим вклад в развитие психологической науки. Чаще всего архивные документы используются для описания биографии ученого. Так, В.А. Кольцова, О.Г. Носкова и Ю.Н. Олейник проанализировали множество заявлений в Прокуратуру СССР, извещений, справок Верховного суда СССР, касающихся осуждения И.Н. Шпильрейна, его заключения и смерти (Кольцова и др., 1990). М.Г. Ярошевский приводит характеристику (рекомендательное письмо), которую выдали Л.С. Выготскому при переезде из Гомеля в Москву (Ярошевский, 1993, с. 116), а также выдержки из личного листка Л.С. Выготского в период его работы в отделе социально-правовой охраны несовершеннолетних Народного комиссариата просвещения РСФСР (Ярошевский, 1993, с. 136). Е.А. Лурия опубликовала обширную переписку со своим отцом А.Р. Лурией (Лурия, 1994), а А. Ясницкий и Э. Ламдан – несколько писем А.Р. Лурии и немецко-американского философа Х. Каллена, в которых ученые обсуждали как личные, так и научные вопросы (Ясницкий, Ламдан, 2017). В.А. Кольцова и Ю.Н. Олейник собрали удостоверения, справки, личные книжки, командировочные документы, программы мероприятий, письма, воспоминания, описывающие деятельность отечественных психологов в годы Великой Отечественной войны (Кольцова, Олейник, 2006).

В.В. Рубцов, Е.П. Гусева и О.Е. Серова подготовили научную биографию Г.И. Челпанова на основе документов о наградах и присуждении степени и званий, служебных документов о занимаемых должностях, докладов и лекций (Рубцов и др., 2012). Е.Е. Соколова расшифровала и подготовила к публикации записанное на магнитофон интервью М.Г. Ярошевского с А.Н. Леонтьевым, раскрывающее его научный путь, взаимоотношения с его коллегами, особенности формулирования его концепций (Интервью…, 2013). С.Н. Корсаков и С.И. Данилов описывают биографию А.А. Таланкина, используя регистрационный бланк члена ВКП(б), стенограмму заседания секции психотехники при Коммунистической академии, стенограмму доклада А.А. Таланкина и выступлений по докладу на заседании общества психоневрологов-материалистов при Коммунистической

академии (Корсаков, Данилов, 2017). И. Е. Сироткина обнаружила детали трудовой деятельности Н. А. Бернштейна в начале 1950-х годов, содержащиеся в его личном деле (листке) в Институте нейрохирургии АМН СССР (Сироткина, 2018). А. Г. Асмолов, О. Г. Носкова, О. Н. Чернышева опубликовали обращение к представителю отдела науки ЦК ВКП(б) и докладную записку С. Г. Геллерштейна по проблемам психотехники (Геллерштейн, 2018а).

Помимо крупных персоналий, архивные исследования проводятся в отношении и малоизвестных ученых. Более того, так как информации о них мало или совсем нет в научной литературе или воспоминаниях, то зачастую единственным источником знаний о них являются документы – метрики, свидетельства о рождении, учебные ведомости, личные дела, служебные документы и др. Н. Ю. Масоликова и М. Ю. Сорокина описали научную биографию Е. В. Антиповой с помощью документов из ее личного архивного фонда в г. Белу-Оризонти (Бразилия), а также обнаружили материалы в российских архивах (полицейские отчеты об участии в сходке, заграничный паспорт, письма, программы лекций и др.) (Масоликова, Сорокина, 2014). М. Ю. Сорокина и Н. Ю. Стоюхина ввели в научный оборот имя и новые факты биографии психолога и педолога В. Н. Басова, опираясь на данные из его личного студенческого дела (Сорокина, Стоюхина, 2016). В наших работах мы уточнили многие биографические данные жизни и научной деятельности С. М. Василейского (документы об образовании, автобиография, заявления об участии в конкурсе на должность, приказ об увольнении, постановление Высшей аттестационной комиссии) (Стоюхина, 2010), дату рождения В. А. Снегирева в метрической книге (Кostригин, 2016), факты учебной (билет ученика, диплом), профессиональной (личное дело, отзывы, характеристики, рекомендации, отчеты, стенограммы заседаний кафедры педагогики Куйбышевского педагогического института), творческой (заметки, сочинения, статьи) и эпистолярной (письма) деятельности А. А. Гайворовского (Стоюхина, 2017а), подробности московского, ярославского и актюбинского (ссылка) периодов жизни И. П. Четверикова (автобиография, письма, справки, заявления) (Стоюхина, Мазилов, 2018), сведения об успеваемости Ф. А. Зеленогорского в Казанской духовной академии, указанные в списках студентов, а также программы по психологии и логике, по которым он обучался (Стоюхина, Костригин, 2018).

Кроме биографической информации, архивные материалы используются для уточнения научного вклада ученого, деталей его научной деятельности. К. А. Абульханова-Славская, А. В. Брушлинский,

В.В. Умрихин и М.Г. Ярошевский подготовили издание с неопубликованными работами (рукописи и машинописи) С.Л. Рубинштейна, хранящимися в личном фонде в Научном архиве Института психологии РАН (Сергей Леонидович Рубинштейн..., 1989). И.А. Корепанова опубликовала ранее неизданную работу Л.И. Божович «Речь и практическая интеллектуальная деятельность ребенка» (Божович, 2006). Т.Г. Щедрина реконструировала доклад Г.Г. Шпета «Искусство как вид знания» на основе черновика (Шпет, 2006); М.А. Степанова опубликовала рукопись и тезисы к докладу П.Я. Гальперина «О формировании умственных действий и понятий» (Гальперин, 2010). Н.В. Зверева и О.Г. Носкова уточнили список научных публикаций К.К. Платонова, составили перечень его научных докладов, описали его эпистолярное наследие, обнаружив большое количество писем (Зверева, Носкова, 2016). Н.Д. Лысаков и Е.Н. Лысакова показали обсуждение проблем авиационной психологии в письмах К.К. Платонова (Лысаков, Лысакова, 2010). Е.Ю. Завершнева и Р. ван дер Веер опубликовали записные книжки и заметки Л.С. Выготского (Завершнева, 2008; Записные книжки..., 2017), а также Е.Ю. Завершнева и М.Е. Осипов провели сравнительный анализ рукописи и опубликованной версии работы Л.С. Выготского «Исторический смысл психологического кризиса» (Завершнева, Осипов, 2012). Н.А. Логинова обнаружила рукописи неизданных работ и доклады Б.Г. Ананьева (Логинова, 2016), А.Г. Асмолов, О.Г. Носкова и О.Н. Чернышева подготовили для издания лекции по авиационной психологии С.Г. Геллерштейна (Геллерштейн, 2018б).

В наших работах были обнаружены до сих пор неопубликованное девятитомное «Руководство клинической психиатрии» Г.Я. Трошина (Кострigин, 2018б) и курсы лекций В.В. Зеньковского по общей и педагогической психологии, читанные им в Русском педагогическим институте им. Я.А. Коменского в Праге (Кострigин, 2020).

Кейс: научный коллектив

Коллективная деятельность в истории науки, безусловно, играет большую роль, поэтому особый интерес представляет изучение возникновения, формирования и совместной работы коллективов ученых-психологов. Так, Н.Ю. Стоюхина, касаясь нижегородского периода в биографии П.К. Анохина (1930–1935 гг.), анализирует его личное дело в Нижегородском государственном университете, рекомендательные письма, командировочные удостоверения и описывает его деятельность по формированию и оснащению кафедры физиологии,

по созданию студенческого физиологического кружка (Стоюхина, 2016). В другой работе Н. Ю. Стоюхина показала, как проходила организация и формирование психолого-педагогического коллектива (Б. В. Лавров, А. Ф. Лосев, Н. В. Петровский, П. С. Попов и др.) Нижегородского университета на основе проекта положений о создании университета, его факультетов и отделений, списков преподавателей, резолюций совещаний преподавателей, личных дел, учебных планов и программ (Стоюхина, 2013).

Кейс: научная школа

Научная школа не является административной или структурной единицей организации (подробнее см.: Олейник, Журавлев, 2020; и др.), поэтому здесь объединение персоналий и обобщение их архивных материалов происходит аналитически и требует более широкого спектра документов. А. Ясницкий выделил как самостоятельную Харьковскую школу психологии (А. Н. Леонтьев, А. В. Запорожец, Л. И. Божович, П. Я. Гальперин), описал деятельность этой школы, результаты исследований на основе рукописей, списков научных сотрудников различных институтов, планов и отчетов о научной и образовательной деятельности (Ясницкий, 2008). А. А. Костригин проанализировал личные дела и рефераты студентов В. В. Зеньковского в Русском педагогическом институте им. Я. А. Коменского в Праге и выделил студентов и их работы как зарождавшуюся научную школу по детской психологии и педологии в российском психологическом зарубежье (Костригин, 2018а). В. И. Белопольский, А. Л. Журавлев и А. А. Костригин описали формирование и первые годы научно-исследовательской и научно-организационной деятельности сектора социальной психологии Института психологии АН СССР, зарождение в нем школы социально-психологических исследований с помощью планов и отчетов сектора и научных сотрудников (Белопольский и др., 2020б). Н. А. Логинова обнаружила протоколы заседаний кафедры психологии ЛГУ, научные планы и отчеты, личные дела, рукописи статей и стенограммы докладов, письма представителей Петербургской (Ленинградской) психологической школы (Логинова, 2020).

Кейс: научный центр

История психологии может быть составлена на основании рассмотрения деятельности небольших научных центров, в которых пси-

хологи решали конкретные исследовательские и прикладные задачи. Так, И. Н. Елисеева, Ю. Н. Олейник и Ю. И. Радченко изучили создание и деятельность Опытной психологической лаборатории при Академии Генерального штаба РККА в 1920-е годы, проанализировали официальные документы о создании и скором закрытии лаборатории (приказы Реввоенсовета), ее кадровый состав, списки аппаратов и приборов, отчеты о деятельности, доклады о результатах проведенных работ (Елисеева и др., 2020). Н. Ю. Стоюхина показала особенности функционирования такого научного центра, как горьковское отделение Всесоюзного общества психотехники и прикладной психофизиологии (ВОПиПП), опубликовав протоколы его заседаний в 1932 г. (Стоюхина, 2018а).

Кейс: психологическое учреждение

М. Э. Боцманова, Е. П. Гусева и И. В. Равич-Щербо издали к 100-летию Психологического института РАО исторический очерк, в котором опубликовали и процитировали множество архивных материалов: сведения об организации и изначальном финансировании института, докладные записки и справки директоров и сотрудников, материалы к исследовательской деятельности института и лабораторий, списки и тезисы докладов на заседаниях и конференциях института, научные планы и отчеты, неопубликованные воспоминания сотрудников и др. (Боцманова и др., 1994). А. А. Костригин обнаружил дело по чистке аппарата Института экспериментальной психологии в 1930 г., в котором приведена информация о кадровом составе института, о результатах работы различных отделов, итоги проверки и предложения по усовершенствованию работы института (Костригин, 2017). О. Е. Серова проанализировала научную деятельность ЦНИИ психологии в период Великой Отечественной войны, опираясь на штатное расписание, планы и отчеты о деятельности, приказы МГУ им. М. В. Ломоносова, протоколы заседания сотрудников института (Серова, 2020).

В. И. Белопольский, А. Л. Журавлев и А. А. Костригин использовали большой массив материалов (переписка Президиума АН СССР и ЦК КПСС, протоколы и стенограммы заседаний Президиума АН СССР, секции общественных наук АН СССР, общего собрания АН СССР, ученого совета Института психологии АН СССР, постановления и распоряжения Президиума АН СССР, ЦК КПСС и Совета Министров СССР, планы и отчеты о деятельности Института психологии АН СССР и др.) для составления хронологии организации

и первых лет работы Института психологии АН СССР (Белопольский и др., 2020а).

М. А. Акименко составила исторический очерк Психоневрологического института до 2007 г. на основе большого количества архивных материалов: Указ Императора Николая II об учреждении института, протокол заседания Организационного комитета по устройству института, протоколы заседаний Совета института, обращения и письма В. М. Бехтерева в Императорскую Академию наук, обращения ученого секретаря института в министерства и городские департаменты, письма последующих директоров в государственные и муниципальные органы, свидетельство об учреждении печатного органа института «Вестник Психоневрологического института», документы, содержащиеся в Особом журнале совета министров, касающиеся работы института, положения, уставы и штатное расписание после его реорганизаций, отчеты о деятельности, доклады В. М. Бехтерева, приказы института, приказы Народного комиссариата здравоохранения и Ленинградского городского отдела здравоохранения, касающиеся деятельности института, объяснительные записки и др. (Акименко, 2007).

Г. Г. Лисицына обнаружила и проанализировала протоколы заседаний Московского института социальной психологии, иллюстрирующие обсуждавшиеся научные проблемы и темы исследований сотрудников (Лисицына, 2020).

Кейс: научное событие

Иногда для оценки значения какого-либо события в истории науки необходимо обратиться не только к констатирующим документам, но и к материалам, которые раскрывают последствия этого события. Так, Н. Ю. Стоюхина рассматривает докладную записку С. Г. Геллерштейна о состоянии психотехники сразу после известного постановления ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» от 4 июля 1936 г., показывает намерения советских психологов перестроить психотехнику в сторону улучшения и решения актуальных проблем и обнаруживает желание сменить название «психотехника» на «психология» в названии профессиональных обществ и «психология труда» в обозначении научных задач (Стоюхина, 2018б). В другой своей работе Н. Ю. Стоюхина демонстрирует последствия указанного постановления на примере судьбы С. М. Василейского, которого уволили из Нижегородского педагогического института «за протаскивание педологических извращений в курсах

детской психологии», и публикует выдержки из заключений «проверяющих» научную и педагогическую деятельность С. М. Василейского (Стоюхина, 2017б).

Кейс: научная дискуссия

Научные дискуссии составляют неотъемлемую часть процесса формирования психологического знания. Как правило, мы часто рассматриваем заочные дискуссии и полемику ученых, но ряд обсуждений удается сохранить в документах.

М. Ю. Сорокина и Н. Ю. Масоликова обнаружили материалы, уточняющие детали смены директора Института психологии в 1924 г. и увольнения Г. И. Челпанова и показывающие содержание научной и идеологической дискуссии вокруг путей развития советской психологии в 1920-е гг. (протоколы заседаний Коллегии Института научной философии РАНИОН, докладная записка Г. И. Челпанова в Главнауку, ответные записки К. Н. Корнилова и других сотрудников Института научной философии РАНИОН и др.) (Масоликова, Сорокина, 2012). Е. Е. Соколова проанализировала стенограммы дискуссии по книге А. Н. Леонтьева «Очерк развития психики» в 1948 г., в ходе которой с репликами выступали В. А. Артемов, Л. И. Божович, А. В. Веденов, В. А. Крутецкий, С. Л. Рубинштейн, М. Н. Скаткин, А. Г. Спиркин, Н. Х. Швачкин, М. Г. Ярошевский и др. (Соколова, 2020). В уже упоминавшейся выше статье Н. Ю. Стоюхина опубликовала протоколы собрания горьковского отделения ВОПиПП в 1932 г., тезисы доклада К. К. Платонова и другие материалы, которые раскрывают дискуссию советских психотехников по проблемам профессиографирования, анализа профессий, составления профессиограмм (Стоюхина, 2018а).

Кейс: научное направление, научный подход, научный метод

Так как архивные источники в большинстве случаев привязаны к конкретному человеку или учреждению, то применение архивного исследования к изучению целого научного направления является не таким очевидным или, точнее сказать, трудоемким, поскольку необходим большой массив материалов не только кросс-архивного (из разных архивов), но и «кросс-временного» характера — научное направление развивается в течение многих лет и даже десятилетий. Поэтому необходимо признать уникальным для истории психологии издание «К истории отечественной авиационной психологии:

Документы и материалы» (1981). В данной работе были опубликованы официальные документы и другие архивные материалы, которые отражают развитие отечественной авиационной психологии с начала XIX в. до начала Великой Отечественной войны. Среди документов здесь выделяются протоколы заседаний конференции Императорской Академии наук, протоколы заседаний различных обществ, обсуждавших вопросы летного дела и авиации, докладные записки, сообщения, приказы Главного инженерного управления Военного министерства, касающиеся учебно-воздухоплавательного парка, устав Всероссийского аэроклуба, протоколы заседаний различных комиссий по исследованию летного дела и летчиков, положение, планы и отчеты деятельности Центральной психофизиологической лаборатории Военно-воздушных сил СССР, документы о деятельности Авиационного научно-исследовательского санитарного института РККА (позже – Институт авиационной медицины) и др.

А.А. Костригин, Н.Ю. Стоюхина и А.И. Махалин проанализировали стенограммы заседаний бюро секции естествознания при Коммунистической академии, постановления Народного комиссариата просвещения, положения об организации Института психотехники, записки И.Н. Шпильрейна к М.М. Кагановичу, которые показывают роль советской власти и государственных деятелей в развитии психотехнического образования в 1920–1930-е годы (Костригин и др., 2020). Используя стенограммы заседаний Ученого совета Института психологии АН СССР, планы и отчеты о научно-исследовательской деятельности, В.И. Белопольский, А.Л. Журавлев и А.А. Костригин описали процесс зарождения системного подхода в Институте психологии (Белопольский и др., 2021). Н.Ю. Стоюхина и А.А. Костригин рассмотрели сюжет из истории становления метода профессиограммы в советской психологии на примере протоколов наблюдения за работой клейщиц и фиксации хронометража выполнения ими конкретных операций (Стоюхина, Костригин, 2017).

Выводы

Безусловно, мы рассмотрели не все опубликованные историко-архивные работы в области истории психологии. Однако приведенного массива материалов достаточно для того, чтобы сделать некоторые выводы об особенностях современных историко-психологических исследований с использованием архивов.

1. Указанные в рассмотренных работах архивные документы в каждом конкретном случае являются безусловными источниками нового знания, данная информация не могла быть получена каким-либо другим путем: документы не только использовались для извлечения информации, но и для последующего анализа, интерпретации и обсуждения. Те же документы, которые были еще и полностью или частично опубликованы, позволяют исследователям на протяжении длительного времени после выхода монографии или статьи обращаться к обнаруженным материалам. Более того, как нам представляется, крайне важно использовать, в частности, такие работы (содержащие в себе опубликованный документ), а не ограничиваться сводными, обзорными, справочными, энциклопедическими и др., так как исследователь может многократно возвращаться к публикации и непосредственно из нее брать нужную информацию. Кроме того, справочные издания слишком редко обновляются, чтобы оперативно включать вновь обнаруженные материалы и изменять биографическую или научную статью.
2. Спектр существующих архивных источников достаточно широк, но рассмотренные нами примеры лишь частично это иллюстрируют. В рамках истории психологии исследователи далеко не всегда выходят за рамки традиционных источников – личные дела (личные листки, карточки), служебные документы о занимаемых должностях и наградах, письма, рукописи и машинописи научных работ и докладов, заметки, планы и отчеты о деятельности научного учреждения или подразделения, приказы, постановления, стенограммы и др. Не слишком часто анализируются именно административные документы, которые позволили бы обратиться к социально-исторической стороне формирования психологического знания (особенно, в советское время). Вероятно, это связано с труднодоступностью данных материалов или сложившимися традициями анализа истории психологического знания.
3. Наименее представленной областью историко-архивных исследований является история направлений, подходов, методов (и шире – идей, концепций, феноменов и др.). Выше говорилось, что изучение прошлого психологии может изменять наши научные представления в настоящем. По нашему мнению, перспективными могут стать оригинальные документальные изыскания, анализирующие и пересматривающие результаты деятельности и психологических исследований как выдающихся, так и малоиз-

вестных психологов с целью обнаружения забытых или уточнения уже общеизвестных открытий; в зарубежной истории психологии это довольно распространено (Beck et al., 2009; Powell et al., 2014), в отношении отечественной истории психологии в этом аспекте совершаются лишь единичные попытки (Завершнева, 2012; Ясницкий, 2013).

4. Большинство перечисленных работ относится к узкой сфере истории психологии, практически отсутствуют междисциплинарные и интеллектуально-исторические работы (Сироткина, 2008; Эткинд, 1996): уникальные документы могут открыть возможности отнесения их не к конкретной научной области, а в целом к интеллектуальному контексту конкретной эпохи; психологические идеи прошлого могут быть включены в социальную, политическую, экономическую, культурную и научную историю.

Заключение

По нашему мнению, историко-психологические работы архивной направленности могут быть двух видов: констатирующие (публикация архивных документов без их интерпретации) и интерпретирующие (встраивание обнаруженной информации в уже имеющуюся фактологию и выведение новых заключений о персоналии, событии, исследовании). Такое разделение историко-архивных исследований необходимо потому, что подчеркивание важности и самостоятельности констатирующих архивных публикаций в области психологии будет способствовать увеличению их количества (к сожалению, на данный момент такого рода публикаций недостаточно). В настоящее время наиболее распространенный вариант историко-психологических работ – интерпретирующий, в рамках которого осмысляется научный вклад ученого, полемика ученых по теоретическим и методологическим проблемам, исторический очерк возникновения и развития какого-либо психологического понятия или проблемы и др. Эти исследования, бесспорно, выполняют важнейшую функцию осмысления психологического наследия прошлого. Более того, концепции выдающихся психологов являются условно устойчивыми, не изменяющимися с течением времени, так как их опубликованные работы – это окончательные произведения и источники. С другой стороны, поиск новых архивных документов, в том числе черновиков, набросков, заметок, полностью не изданных работ, будет расширять пространство источников, к которым можно применить анализ и интерпретацию.

Обращение к архивным материалам позволяет расширить поле историко-психологических исследований (персоналии, научные коллективы, школы, учреждения, события, дискуссии, направления, подходы, методы, концепции, теории и др.), организовать самостоятельный источник новых знаний и обосновать значимость истории психологии для современности.

Литература

Автократов В. Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения / Сост. Т. И. Хорхордина. М.: РГГУ, 2001.

Акименко М. А. Институт им. В. М. Бехтерева: история и современность (1907–2007 гг.). СПб., 2007.

Артамонов В. И. Психология от первого лица. 14 бесед с российскими учеными. М.: Академия, 2003.

Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989.

Белопольский В. И., Журавлев А. Л., Костригин А. А. История организации и начало деятельности Института психологии АН СССР в документах и воспоминаниях современников // Психологический журнал. 2020а. Т. 41. № 5. С. 97–107.

Белопольский В. И., Журавлев А. Л., Костригин А. А. Первые годы научной деятельности сектора социальной психологии в Институте психологии АН СССР // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2020б. Т. 5. № 3 (19). С. 197–226.

Белопольский В. И., Журавлев А. Л., Костригин А. А. Зарождение системного подхода в Институте психологии АН СССР в 1972–1973 гг. // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 1. С. 36–45.

Божович Л. И. Речь и практическая интеллектуальная деятельность ребенка (экспериментально-теоретическое исследование) // Культурно-историческая психология. 2006. № 1. С. 65–76.

Боцманова М. Э., Гусева Е. П., Равич-Щербо И. В. Психологический институт на Моховой. Исторический очерк / Под ред. В. В. Рубцова, А. Д. Червякова. М.: Изд-во ИЧП «ЕАВ», 1994.

Будилова Е. А. На рубеже веков: очерки истории русской психологии конца XIX–начала XX века / Под общ. ред. В. И. Белопольского, А. Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019.

Гальперин П. Я. О формировании умственных действий и понятий // Культурно-историческая психология. 2010. Т. 6. № 3. С. 111–114.

Геллерштейн С. Г. Методология психотехники. Предвосхищение. Эволюция. Труд. Избранные психологические труды. В 2 т. Т. 1 /

Ред.-сост. А. Г. Асмолов, О. Г. Носкова, О. Н. Чернышева. М.: Когито-Центр, 2018а.

Геллерштейн С. Г. Методология психотехники. Предвосхищение. Эволюция. Труд. Избранные психологические труды. В 2 т. Т. 2 / Ред.-сост. А. Г. Асмолов, О. Г. Носкова, О. Н. Чернышева. М.: Когито-Центр, 2018б.

Гусельцева М. С. Постнеклассическая рациональность в культурной психологии // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 6. С. 5–15.

Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000.

Дробышева Т. В., Журавлев А. Л. К истории становления и развития лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН (по материалам интервью) // Социальная и экономическая психология. В 2 ч. Часть 2: Новые научные направления / Отв. ред. Ю. В. Ковалева, Т. А. Нестик. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 11–44.

Дробышева Т. В., Журавлев А. Л., Чугунова Э. С. История отечественной прикладной социальной психологии: развитие отношений фундаментальной науки и практики (по материалам интервью с Э. С. Чугуновой) // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 2. С. 90–103.

Елисеева И. Н., Олейник Ю. Н., Радченко Ю. И. Из истории военно-психологических исследований в РККА в 1920-х гг. // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 4. С. 55–65.

Ждан А. Н. История психологии. От Античности до наших дней. М.: Академический проект, 2004.

Завершнева Е. Ю. Записные книжки, заметки, научные дневники Л. С. Выготского: результаты исследования семейного архива // Вопросы психологии. 2008. № 1. С. 132–145.

Завершнева Е. Ю. Еврейский вопрос в неопубликованных рукописях Л. С. Выготского // Вопросы психологии. 2012. № 2. С. 79–99.

Завершнева Е. Ю., Осипов М. Е. Сравнительный анализ рукописи «(Исторический) Смысл психологического кризиса» и ее версии, опубликованной в т. 1 собрания сочинений Л. С. Выготского (1982) под редакцией М. Г. Ярошевского // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2012. № 3. С. 41–72.

Записные книжки Л. С. Выготского: избранное / Под общ. ред. Е. Завершневой, Р. ван дер Веера. М.: Канон+, 2017.

Зверева Т. В., Носкова О. Г. Психологическое наследие К. К. Платонова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Интервью с Алексеем Николаевичем Леонтьевым. Беседовал – Михаил Григорьевич Ярошевский (из неопубликованного) // Культурно-историческая психология. 2013. Т. 9. № 4. С. 2–24.

Историческая преемственность в отечественной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Харитонова, Е. Н. Холондович. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019.

К истории отечественной авиационной психологии: Документы и материалы / Отв. ред. К. К. Платонов. М.: Наука, 1981.

Кабанов В. В. Исторические источники советского периода // И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М.: РГГУ, 1998. С. 505–666.

Когнитивная история: концепция–методы–исследовательские практики: Чтения памяти профессора Ольги Михайловны Медушевской / Отв. ред. М. Ф. Румянцева, Р. Б. Казаков. М.: РГГУ, 2011.

Кольцова В. А. История психологии. Проблемы методологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

Кольцова В. А., Носкова О. Г., Олейник Ю. Н. И. Н. Шпильрейн и советская психотехника // Психологический журнал. 1990. Т. 11. № 2. С. 111–133.

Кольцова В. А., Олейник Ю. Н. Советская психологическая наука в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). М.: Московский гуманитарный университет–Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.

Корнилов С. А., Корнилова Т. В. Мета-аналитические исследования в психологии // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 6. С. 5–17.

Корсаков С. Н., Данилов С. И. Из истории советской психологии 1920–1930-х гг.: А. А. Таланкин // Философские науки. 2017. № 10. С. 131–150.

Костригин А. А. Снегирев Вениамин Алексеевич: данные биографии #3 // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2016. № 4. С. 15–19.

Костригин А. А. «Работа в целом не удалась»: дело по чистке аппарата Института экспериментальной психологии в 1930 г. (архивные материалы) // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2017. № 1. С. 108–138.

Костригин А. А. «В наше время, педагогически направленное»: студенческие психолого-педагогические штудии в Русском педагогическом институте им. Я. А. Коменского в Праге // Педагогика и просвещение. 2018a. № 3. С. 46–64.

Костригин А.А. «Глубокий систематизирующий ум»: пражский период жизни и творчества Г.Я. Трошина (новые архивные материалы) // Медицинская психология в России. 2018б. Т. 10. № 4 (51). С. 1.

Костригин А.А. Фундаментальные психологические идеи В.В. Зеньковского в ранний период эмиграции // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 2 (18). С. 461–485.

Костригин А.А., Стоюхина Н.Ю., Махалин А.И. Роль власти и государственных деятелей в становлении и развитии психотехнического образования в СССР в 1920–1930-е гг. // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 4 (115). С. 80–88.

Лисицына Г.Г. История Московского института социальной психологии (по материалам протоколов заседаний Института. 1917–1924) // Социологический журнал. 2020. Т. 26. № 3. С. 172–193.

Лифинцев Д.В., Серых А.Б., Лифинцева А.А., Новикова Ю.Ю. Метааналитические исследования в клинической психологии // Национальный психологический журнал. 2019. № 4 (36). С. 46–52.

Логинова Н.А. Антропологическая психология Бориса Ананьева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Логинова Н.А. История петербургской психологической школы в архивных фондах // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 262–268.

Логинова Н.А. Новые страницы истории Петербургской психологической школы // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 4 (101). С. 101–112.

Лурия А.Р. Этапы пройденного пути: Научная автобиография / Под ред. Е.Д. Хомской. М.: Изд-во МГУ, 1982.

Лурия Е.А. Мой отец А.Р. Лурия. М.: Гнозис, 1994.

Лысаков Н.Д., Лысакова Е.Н. Вклад К.К. Платонова в становление отечественной авиационной психологии // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 4. С. 104–112.

Лысакова Е.Н. Роль архивного метода в обучении истории авиационной психологии // Инновации в образовании. 2011. № 12. С. 70–76.

Мазилов В.А., Стоюхина Н.Ю. Проблема факта в психологии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2014. № 3 (35). С. 235–241.

Маныкина М.А. Архивные материалы как источник историко-психологических исследований // Методология и история психоло-

гии. Экономическая психология и психология хозяйственного управления: Тезисы докладов к VII съезду Общества психологов СССР. М., 1989. С. 72–73.

Марцинковская Т.Д. История психологии. М.: Академия, 2004.

Масоликова Н.Ю., Сорокина М.Ю. Русская наследница Песталоцци: Елена Антипова (1892–1974) и ее учителя // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2014. № 5. С. 31–60.

Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008.

Мокряк Е.И. Дневники и мемуары как источник для изучения социальной психологии дворянства России второй половины XIX – начала XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977.

Налимов В.В. Канатоходец. Воспоминания. М.: Издательская группа «Прогресс», 1994.

Олейник Ю.Н., Журавлев А.Л. Научные школы как феномен современной психологии: старые проблемы и новые вопросы // Ярославская психологическая школа: история, современность, перспективы / Отв. ред. А.В. Карпов. Ярославль: ЯрГУ, 2020. С. 81–87.

Парамонова А.А. Историко-архивный метод в психологии // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2011. № 21–1. С. 34–47.

Петровский А.В. Записки психолога. М.: Изд-во УРАО, 2001.

Платонов К.К. Мои личные встречи на великой дороге жизни: воспоминания старого психолога. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.

Пономаренко В.А. Профессия – психолог труда. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.

Психологическое знание: современное состояние и перспективы / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.

Развитие российской психологии накануне и после русской революции 1917 года: тенденции, научные школы, персоналии. Сборник статей участников Всероссийской научной конференции / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Ю.Н. Олейник, Э.В. Тихонова. Арзамас, 2019.

Рейтынбарг П. Так мы жили. Charleston, 2013.

Рубцов В.В., Гусева Е.П., Серова О.Е. К 150-летию со дня рождения Георгия Ивановича Челпанова // Культурно-историческая психология. 2012. Т. 8. № 1. С. 92–109.

Румянцева М.Ф. Исторические источники XVIII–начала XX вв. // И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Ру-

мянцева. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М.: РГГУ, 1998. С. 318–504.

Русалинова А. А., Журавлев А. Л., Дробышева Т. В. История отечественной промышленной социальной психологии (интервью с А. А. Русалиновой) // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3. № 3 (11). С. 199–217.

Свенцицкий А. Л., Журавлев А. Л., Дробышева Т. В. История и опыт социально-психологической школы факультета психологии Санкт-Петербургского (Ленинградского) государственного университета (интервью с А. Л. Свенцицким) // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3. № 1 (9). С. 93–122.

Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки, воспоминания, материалы. М.: Наука, 1989.

Серова О. Е. Историко-психологическая реконструкция научной деятельности Психологического института в годы Великой Отечественной войны // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 1 (17). С. 6–32.

Сироткина И. Классики и психиатры. Психиатрия в российской культуре конца XIX–начала XX века. М.: Новое литературное обозрение, 2008.

Сироткина И. Е. Мир как живое движение: Интеллектуальная биография Николая Бернштейна / Отв. ред. А. Г. Асмолов. М.: Когито-Центр, 2018.

Соболев Г. Л. Источниковедение и социально-психологическое исследование эпохи Октября // История и психология / Под ред. Б. Ф. Поршнева, Л. И. Анцыферовой. М.: Наука, 1971. С. 226–241.

Собчик Л. Н. Цветущий миндаль. СПб.: Речь, 2012.

Соколова Е. Е. Некоторые моменты дискуссии 1948 г. по книге А. Н. Леонтьева «Очерк развития психики» // Вопросы психологии. 2020. № 5. С. 109–118.

Сорокин П. Дальняя дорога. Автобиография. М.: Терра, 1992.

Сорокина М. Ю., Масоликова Н. Ю. Вокруг Челпанова: новые документы о психологической дискуссии 1923–1924 гг. // Арзамасские чтения-2. Основные направления развития отечественной и зарубежной психологии: материалы Всероссийского методологического семинара, г. Арзамас, 15–17 сентября 2011 г. / Отв. ред. Е. С. Минькова. Арзамас: АГПИ, 2012. С. 106–118.

Сорокина М. Ю., Стоюхина Н. Ю. Всеволод Басов (1892–1937?) – новое имя в истории российской психологии и педологии // Гуманитар-

ные основания социального прогресса: Россия и современность: сборник статей Международной научно-практической конференции. В 8 ч. Часть 1 / Отв. ред. В.С. Белгородский, О.В. Кащеев, В.В. Зотов, И.В. Антоненко. М.: ФГБОУ ВО «Московский государственный университет дизайна и технологии», 2016. С. 248–253.

Стоюхина Н.Ю. Судьба и научное творчество Серафима Михайловича Василейского // Методология и история психологии. 2010. Т. 5. № 2. С. 115–131.

Стоюхина Н.Ю. Выдающиеся психологи и педагоги в Нижегородском университете (1918–1921 гг.). Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2013.

Стоюхина Н.Ю. Анохин Петр Кузьмич: данные биографии #1 // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2016. № 5. С. 76–103.

Стоюхина Н.Ю. Гайворовский Александр Александрович: данные биографии #1 // История российской психологии в лицах: дайджест. 2017а. № 3. С. 15–73.

Стоюхина Н.Ю. Психоанализ в СССР: нижегородский инцидент // Психолого-педагогический поиск. 2017б. № 3 (43). С. 134–147.

Стоюхина Н.Ю. Как составить профиль профессии? (дискуссия нижегородских психотехников: по следам архивных документов) // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2018а. № 1. С. 15–44.

Стоюхина Н.Ю. Психотехники в 1936 г.: новые факты // Конференциум АСОУ: сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций. 2018б. № 2. С. 525–536.

Стоюхина Н.Ю. Некоторые проблемы изучения биографий в историко-психологических исследованиях // Историческая преемственность в отечественной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Харитонова, Е.Н. Холондович. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. С. 119–128.

Стоюхина Н.Ю., Костригин А.А. К истории советской профессиограммы (1930-е гг.) // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2017. № 3. С. 125–146.

Стоюхина Н.Ю., Костригин А.А. К 180-летию Федора Александровича Зеленогорского – философа, историка психологии и педагога // Труды Нижегородской Духовной семинарии. 2018. № 16. С. 135–161.

Стоюхина Н.Ю., Мазилов В.А. Одиссея профессора Четверикова // Методология и история психологии. 2018. № 4. С. 141–159.

Теплов Б.М. Избранные труды. В. 2 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1985.

Тутунджян О.М. Проблемы истории психологии // Вопросы психологии. 1982. № 5. С. 109–113.

Ухтомский А.А. Дальнее зрение. Из записных книжек (1896–1941). СПб.: Трактат, 2017.

Хорхордина Т.И., Попов В.А. Архивная эвристика: учебник / Под ред. Е.И. Пивовара. М.: РГГУ, 2015.

Ценюга С.Н. Становление и развитие теории и практики педологической работы в народном образовании Приенисейского края второй половины XIX–первой трети XX в. Красноярск, 2010.

Чернышев А.С., Журавлев А.Л., Дробышева Т.В. Теоретический и практический опыт научной школы Уманского–Чернышева: история и перспективы (интервью А.С. Чернышева в связи с его 80-летием и 45-летием кафедры психологии Курского государственного университета) // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 4 (4). С. 223–255.

Шпет Г.Г. Искусство как вид знания (этюд) // Культурно-историческая психология. 2006. Т. 2. № 4. С. 25–35.

Шторх М.Г. Дочь философа Шпета в фильме Елены Якович: полная версия воспоминаний Марины Густавовны Шторх. М.: АСТ–Corpus, 2014.

Щедрина Т.Г. Архив Густава Шпета как феномен культурно-исторической психологии // Культурно-историческая психология. 2006. Т. 2. № 4. С. 22–24.

Эткинд А.М. Содом и Психея: Очерки интеллектуальной истории Серебряного века. М.: ИЦ «Гарант», 1996.

Янчук В.А. Постмодернистский, социокультурный интердетерминистский диалогизм как перспектива позиционирования в предмете психологии // Методология и история психологии. 2006. Т. 1. № 1. С. 193–207.

Ярошевский М.Г. Л.С. Выготский: в поисках новой психологии. СПб.: Международный фонд истории науки, 1993.

Ясницкий А. Очерк истории Харьковской школы психологии: период 1931–1936 гг. // Культурно-историческая психология. 2008. Т. 4. № 3. С. 92–102.

Ясницкий А. Курт Коффка: «У узбеков ЕСТЬ иллюзий!». Заочная полемика между Лурией и Коффкой // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2013. № 3. С. 1–25.

Ясницкий А., Ламдан Э. «В августе 1941-го»: Неизвестное письмо А.Р. Лурии в США как зеркало ревизионистской революции в историо-

графии русской психологии // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2017. № 2. С. 225–292.

Beck H.P., Levinson S., Irons G. Finding little Albert: A journey to John B. Watson's infant laboratory // American Psychologist. 2009. V. 64. № 7. P. 605–614.

Levitt H.M. et al. Journal article reporting standards for qualitative primary, qualitative meta-analytic, and mixed methods research in psychology: The APA Publications and Communications Board task force report // American Psychologist. 2018. V. 73. № 1. P. 26–46.

Powell R.A. et al. Correcting the record on Watson, Rayner and Little Albert: Albert Barger as "Psychology's lost boy" // American Psychologist. 2014. V. 69. № 6. P. 600–611.

Timulak L. Qualitative meta-analysis // The SAGE handbook of qualitative data analysis / Ed. by U. Flick. London: Sage, 2014. P. 481–495.

Поп-психология как область приложения психологического знания

А. В. Юревич

doi: 10.38098/thry_21_0434_015

Социальная «ниша» поп-психологии

Наше многоликое время можно охарактеризовать по-разному. В том числе и как время поп-культуры, не только проникающей во все сферы общественной жизни, но и диктующей ей новые правила. А любое массовое явление, характерное для общества, рано или поздно проникает и в науку, которая отнюдь не в метафорическом смысле его отражает, во-первых, превращая подобные явления в объект научного изучения, во-вторых, внося соответствующие изменения в жизнь научного сообщества. В частности, «теневая» сторона общественной жизни отображается в науке в таком явлении, как «теневая наука», охватывающая все более разнообразные стороны научной деятельности – от проведения исследований и подготовки научных текстов до защиты диссертаций (Юревич, 2006).

Феномен поп-культуры тоже оказал влияние на науку, породив поп-науку, в том числе и такую, как поп-психология. Для того чтобы получить представление о масштабах этого явления, достаточно зайти в любой наш книжный магазин, где на полках психологической литературы всегда обильно представлены книги, названия которых начинаются с наречия «Как»: «Как научиться общаться», «Как заводить друзей», «Как преуспеть в бизнесе», «Как защититься от обмана», «Как не позволить манипулировать собой», «Как читать человека как книгу» и т. п., а также близкие им произведения под названиями «Не дай своим мозгам засохнуть», «Думай и богатей» и др., являющиеся версиями психологического знания и его практического применения, адресованными массовому и не имеющему психологического образования читателю.

Сразу же подчеркнем, что негативное или, в лучшем случае, пренебрежительное отношение к поп-культуре, сложившееся в кругу анализирующих это явление, не справедливо проецировать и на поп-

науку, в том числе на поп-психологию. Было бы неоправданным упрощением объявить данный феномен, выражающий новые тенденции в развитии науки, массового сознания и их взаимодействия, лишь проявлением ее «деградации» и приспособления к вкусам обывателя. Поп-наука вообще и поп-психология в частности – куда более сложное и неоднозначное явление, обусловленное и внутренней логикой развития науки, и сложными закономерностями ее взаимодействия с массовым сознанием (и бессознательным).

Поп-психологию было бы ошибочно считать и абсолютно новым феноменом, не имеющим аналогов на прежних этапах развития психологической науки. История этой научной дисциплины знает немало удачных попыток популяризации психологического знания, в нашей стране нашедших выражение в замечательных книгах К. К. Платонова, В. Л. Леви, Я. Л. Коломинского, которые сыграли важную роль в ознакомлении наших сограждан с тем, что такое психология, в привлечении общественного внимания к ней и во многом способствовали увеличению численности психологов. Естественно, еще больше популярных книг по психологии было издано за рубежом, где многие из них, например книги Э. Берна, стали бестселлерами, что неудивительно, поскольку «во всем мире неизменным читательским спросом пользуются самоучители жизненного успеха» (Степанов, 2005а, с. 35).

Но, хотя издававшуюся в прежние годы популярную психологическую литературу можно считать предшественницей современной поп-психологии, последнюю не следует отождествлять с популяризацией психологической науки. Прежде всего потому, что это была популяризация преимущественно *научной* психологии – популярным описанием выявленных в ней фактов, закономерностей и т. д., в то время как поп-психология, хотя и имеет определенную связь с научной психологией, представляет собой существенно иной вид знания и рекомендаций по его практическому применению.

Одной из главных характеристик современной психологии и одновременно одним из основных симптомов ее кризиса принято считать раскол или, говоря словами Ф. Е. Василюка, «схизис» между исследовательской (академической) и практической психологией – ситуация, когда «психологическая практика и психологическая наука живут параллельной жизнью как две субличности диссоциированной личности: у них нет взаимного интереса, разные авторитеты (уверен, что больше половины психологов-практиков затруднились бы назвать фамилии директоров академических институтов, а директора, в свою очередь, вряд ли информированы о «звездах» психоло-

гической практики), разные системы образования и экономического существования в социуме, непересекающиеся круги общения с западными коллегами» (Валилюк, 1996, с. 26)[1]. Наверное, подобная характеристика «схизиса» слишком утрирована, хотя бы потому, что такие психологи, как сам Ф. Е. Василюк, знали и фамилии директоров академических институтов, и имена «звезд» психологической практики, многие академические психологи занимаются и этой практикой, «кабинетные» психологи постепенно превращаются в реликтовое явление, и можно констатировать если не когнитивное, то, по крайней мере, социальное сближение двух областей психологии – за счет размывания границ между развивающими их сообществами.

Тем не менее проблема разобщенности исследовательской и практической психологии сохраняется, они по-прежнему опираются на существенно различные образы психического, используют разные «единицы» ее анализа, разные способы ее изучения, различные формы оформления получаемого знания и т. п. (Van der Vleist, 1982). В результате и теории[2], разрабатываемые в академической психологии, и типовой продукт психологического исследования – коэффициенты корреляции между изучаемыми переменными – мало дают

1 Заслуживает внимания и уточненный образ этого «схизиса», обрисованный Т. В. Корнилововй и С. Д. Смирновым: «На самом деле речь сегодня может идти не о двух психологиях – академической и практической, а о двух направлениях в рамках собственно практической психологии. Во-первых, это те виды решения практических проблем (от психологии менеджмента до медицинской психологии), при которых исследователи и практики, осуществляющие психологическую помощь, опираются на психологические теории, используя ставшие для психологии классические методы и разрабатывая новые. Во-вторых, это те направления в практической психологии, представители которых сознательно реализуют отказ от категориальных и методических средств традиционной научной (академической) психологии, предполагая либо отказ от представлений о предмете психологического исследования, либо заведомый поиск его в других, но никак не в категориальных глубинах осмысления психологических представлений» (Корнилова, Смирнов, 2006, с. 192).

2 Т. В. Корнилова и С. Д. Смирнов справедливо отмечают, что «психологические теории не обеспечивают полностью запросов психологической практики. И психологическая практика начинает «подпитываться» сегодня такими способами построения психологического знания, которые возрождают постулат непосредственности – как непосредственной данности психологического знания – или основываются на всякого рода иррациональных построениях» (Корнилова, Смирнов, 2006, с. 126).

практическим психологам, что вынуждает их использовать другие виды психологического знания[1].

Естественно, типовые формы знания, добываемого академической психологией, еще менее адекватны для *обывателя или «человека с улицы»* (автор и в эти слова, далее употребляемые как синонимы, не вкладывает никакого уничижительного смысла) и непонятны ему. Если не обученный психологии человек, задумав решить какую-либо свою личную психологическую проблему или просто повысить уровень своей психологической культуры, начнет читать академическую литературу по психологии, результат нетрудно предугадать. И только очень примитивный антисциентист может возложить за это ответственность на психологическую науку, на ее оторванность от практики, нужд „человеку с улицы“ и т. п. Фундаментальная наука и не должна быть понятной ему, а ее наиболее знаковые достижения, такие, как теория относительности, признанная величайшим научным достижением XX в., не понятны не только обывателю, но и многим ученым. (Если же наука понятна ему, то ее представителям следует задуматься над тем, занимаются ли они собственно наукой.)

В норме между наукой и миром «человека с улицы» существует связующее звено в виде инженерии, воплощающей фундаментальное научное знание в технические изобретения, и бытовой техники, являющейся главным элементом «научной» организации быта. Если спроецировать эту ситуацию на психологию, то связующим звеном между психологической наукой и обыденной жизнью должна быть психологическая практика, превращающая фундаментальное психологическое знание в психологические рецепты для обывателя. Однако, во-первых, как было отмечено выше, психологическая практика преимущественно строится не на базе фундаментального психологического знания, а на основе других его видов. Во-вторых, услуги практикующих психологов, за исключением бесплатной психологической службы, слишком дороги для наших сограждан[2]. В частности,

1 Главной причиной является несостыковка соответствующих областей каузальности. Академическая психология раскрывает причины психологических явлений, знание которых не дает практическому психологу возможности воздействовать на психику его клиентов. Что, например, может дать ему знание нейронных механизмов психических процессов или культурно-исторической психологии? Ведь он не может ни вторгаться в мозги своих клиентов, ни изменить окружающий их культурно-исторический контекст.

2 Отметим, что в этом плане сложившаяся в нашей стране ситуация отличается от характерной для западных стран, где существуют психологи как «для богатых», так и «для бедных».

как отмечает С. С. Степанов, «и по сей день психоанализ продолжает оставаться привилегией (или причудой?) людей обеспеченных» (Степанов, 2005а, с. 56). В-третьих, в нашей стране отсутствует массовая культура обращения к психологам, а наши сограждане предпочитают решать свои психологические проблемы либо традиционным российским способом – с помощью крепких напитков, либо путем «самокопания» или обращения к друзьям и к людям, которые слывут «хорошими психологами», не имея психологического образования.

При этом современное общество можно охарактеризовать как «психологическим общество» – в том смысле, который вкладывают в данное понятие И. Е. Сироткина и Р. Смит: «Современное общество характеризуется не только и не столько большим, чем в прошлом, присутствием психологов, сколько распространением в нем психологических взглядов и практик ... Усваивая эти взгляды и практики, современный человек начинает мыслить психологическими категориями, смотреть на мир через «психологические очки». Перефразируя, можно сказать, что в «психологическом обществе» *каждый – сам себе психолог*» (Сироткина, Смит, 2006, с. 114–115). Если у наших первобытных предков едва ли имелись психологические проблемы, а люди средневековья, озабоченные защитой от врагов и добыванием хлеба насущного, не слишком обращали на них внимание, то современный человек их неизбежно имеет и нуждается в профессиональной психологической помощи. В результате у современного общества сформировалась большая потребность в психологическом знании, существующая на фоне ограниченных возможностей и академической, и практической психологии в его удовлетворении.

Существуют и непрагматические причины массового спроса на это знание. Психология – одна из наиболее интересных для «человека с улицы» наук и к тому же, в отличие от познания мира, которое осуществляется такими науками, как физика или химия, психологическое познание *доступно* для него, ибо любой человек является «наивным психологом». Это создает у значительной части людей повышенный интерес к психологии как науке. Но тексты, характерные для научной, академической психологии, изобилующие специальными терминами, длинными цитатами, коэффициентами корреляции и т. п., малопонятны и скучны для обывателя. От них нередко скучают и профессиональные психологии. В. П. Зинченко отмечал: «Я устал от академической психологии, особенно от той, которая существует в нашей стране в последние десятилетия. Уж очень она серьезна и скучна» (Зинченко, 1998, с. 223). Поп-психология переводит знания научной психологии в простую, доступную для не-

го форму и к тому же стремится преподнести это знание в наиболее интересном для него виде, выступая, таким образом, «зоной пиара» для научной психологии, где массовый интерес удовлетворяется более успешно, чем на «территории» самой психологической науки.

Описанная ситуация может быть проиллюстрирована данными опроса, проведенного фондом «Общественное мнение». Этот опрос показал, что телепередачи, посвященные проблемам психологии[1], смотрят часто – 9% наших сограждан, смотрят редко –30%, не смотрят вообще – 60%. Публикации или книги, посвященные проблемам психологии, читают часто – 16%, читают редко – 9%, не читают вообще – 73%. При возникновении душевных переживаний, проблем в личной жизни или в отношениях с другими людьми к кому-либо за советом, психологической поддержкой, помощью обращаются – 37%, не обращаются – 58%. За помощью, советом к профессиональному психологу или психотерапевту когда-либо обращались – 6%, не обращались – 93%. Допускают для себя возможность в будущем обратиться за помощью, советом к профессиональному психологу или психотерапевту – 33%, исключают – 47%. Считают, что сегодня в нашей стране профессиональных психологов, психотерапевтов, служб, оказывающих профессиональную психологическую помощь, слишком много, – 14%, слишком мало – 22%, столько, сколько нужно, – 20% (в данном случае затруднившихся ответить – 44%). Полагают, что профессиональные психологи и психотерапевты в целом заслуживают доверия и обращение к ним обычно приносит пользу, – 35%, что они в целом не заслуживают доверия и обращение к ним обычно не приносит пользы, – 18% (затруднившихся ответить – 47%) (Профессиональные психологи в России, 2006).

Приведенные данные позволяют сделать три основных вывода. Во-первых, наша психологическая культура имеет «закрытый» характер: большая часть наших сограждан носит свои психологические проблемы в себе, не обращаясь к кому-либо за психологической помощью и поддержкой. Во-вторых, в нашей стране еще не сформировалась характерная для Запада культура обращения к профессиональным психологам и психотерапевтам (6% российских граждан обращались к специалистам-психологам). Почти половина россиян не может сказать ничего определенного о психологических службах, психологах и психотерапевтах, очевидно, ничего не зная о них (44%

1 При изложении результатов опроса приводятся формулировки, использованные его организаторами. Процент затруднившихся ответить автором опускается.

затруднившихся ответить на соответствующий вопрос). В-третьих, существует большое количество людей, которые смотрят телепередачи, посвященные психологическим сюжетам (в сумме 39%), и читают соответствующую литературу (25%), что свидетельствует о хотя и не доминирующем, но все же массовом интересе к ним. Таким образом, *достаточно выраженный массовый интерес к психологии сочетается с редким обращением к профессиональным психологам и психотерапевтам, удовлетворяясь в основном путем просмотра телепередач и чтения популярных изданий.*

Данные обстоятельства определяют социальную «нишу» поп-психологии, представляющей собой преподнесение обывателю психологического знания (или его суррогатов), которое он, в силу упрощенной формы этого преподнесения может самостоятельно усвоить, что избавляет его от трудностей обращения к академической психологии, и самостоятельно применять, что избавляет от финансовых издержек общения с представителями практической психологии. К тому же покупка и чтение психологических поп-изданий вполне вписываются в традиции нашей «закрытой» психологической культуры, предполагающей самостоятельное решение человеком его психологических проблем. Поп-психология, таким образом, является вполне естественным связующим звеном между потребностями «человека с улицы», с одной стороны, академической и практической психологией – с другой. А наиболее близкой аналогией из взаимоотношений обыденной жизни с естественной наукой служит ситуация, когда мы самостоятельно меняем электрические розетки или чиним бытовые приборы, не дожидаясь прихода профессиональных электриков, тем более физиков или инженеров.

Психологическое шоу

Основные характеристики поп-психологии наиболее рельефно проступают при ее соотнесении с академической и практической психологией.

Очевидны ее отличия от академической психологии. Они состоят в стиле преподнесения психологического знания, в основных точках опоры при его построении, в его адресате, в представлениях об области возможного, в способах доказательства и верификации утверждений, в базовых установках и т. д. Язык академической психологии хотя и не формализован в такой степени, как язык физики или математики, но пестрит сложными терминами, в то время как язык поп-психологии мало отличается от обыденного языка

и поэтому понятен обывателю. Адресатом академической психологии служит научное психологическое сообщество, адресатом поп-психологии – «человек с улицы», не имеющий профессиональных психологических познаний. Для академической психологии область возможного ограничена научными представлениями о мире, для поп-психологии – практически не ограничена. Академическая психология опирается на научную психологическую литературу, накопленные в психологической науке данные и ее традиции, а поп-психология хотя иногда и отдает должное этим данным и теориям научной психологии, при этом сильно упрощая их, все же имеет основные точки опоры в личном опыте авторов поп-текстов. Академическая психология уделяет первостепенное внимание доказательству и верификации утверждений, которые осуществляются в соответствии с принятыми в науке стандартами (хотя эти стандарты и различаются в рамках разных исследовательских традиций, например, в естественно-научной и гуманитарной парадигмах), в то время как в поп-психологических текстах подобная верификация, как правило, вообще отсутствует. Для поп-психологии характерна установка «зачем ждать?» – пока академическая и практическая психология накопят знание, достаточное для психологической помощи человеку, когда помочь ему можно и на основе имеющегося знания, заполняя существующие пробелы здравым смыслом и т. п. Поп-психология в отличие от академической психологии характеризуется прагматической установкой – на решение психологических проблем, возникающих у читателей поп-психологических текстов, совершенствование их психологических навыков, развитие их общей психологической культуры. Для поп-психологии характерна перспектива, которую можно условно назвать экзистенциальной, направленность на расширение представления человека о своих психологических возможностях, выработку им собственной жизненной философии и т. п., в то время как академическая психология реализует более свойственную науке инструментальную перспективу. Наконец, поп-психология, как правило, дает однозначные интерпретации обсуждаемых проблем и однозначные рецепты их решения[1], в то время как для научной психологии характерны множественные объяснения изучаемых ею явлений и гипотетический характер этих

---

1 Поп-психология явно не придерживается принципа, обозначенного С. С. Степановым: «Настоящие психологи прямых советов и указаний никогда не дают» (Степанов, 2005а, с. 7). Ее кредо точно выражено тем же автором: «Нажми на кнопку – получишь результат» (там же, с. 38).

объяснений. Как известно, научное знание развивается путем подтверждения или опровержения гипотез[1], а читающему поп-психологические книги «человеку с улицы», как и человеку, приходящему к врачу, нужны не гипотезы, а однозначные рецепты, такие, как: «Научитесь отличать то, что вам нужно, от того, что вам хочется» (Степанов, 2005а, с. 97); «Главное, чтобы ваша мысль была изложена четко, понятно и убедительно» (Льюис, 2005, с. 18) и др.

Перечисленные различия между академической психологией и поп-психологией, которые можно отнести к числу *когнитивных,* дополняются их *социальными* различиями, например, в социальной организации соответствующих сообществ. Сообщество академических психологов более организовано и иерархизировано, а для представителей поп-психологии, иногда занимающих определенное место и в академической иерархии, все же более характерны позиции «одиноких волков» или представителей локальных сообществ практикующих психологов. Следует упомянуть и то обстоятельство, что поп-психологические тексты, будучи ориентированы на массовую аудиторию, выходят куда большими тиражами, нежели труды академических психологов, и именно они, как правило, становятся психологическими бестселлерами.

При этом дистанцию между поп-психологией и академической психологией не следует преувеличивать. Поп-психология весьма активно использует и накопленное академической психологией знание, а поп-психологические тексты часто содержат описания психологических экспериментов и данные научных исследований, хотя эти данные подаются в них не так, как принято в научных текстах (со ссылкой на их источники, описанием применявшихся методик, размеров изучавшихся выборок и т. д.), а в упрощенном, популяризированном и адаптированном к восприятию обывателя виде. Например, для изложения теории когнитивного диссонанса ее автору потребовалось около 200 страниц (Festinger, 1957), в поп-психологических текстах эта теория может быть сведена к одной фразе: «Л. Фестингер, определяя понятие когнитивного диссонанса, описывает следующую схему человеческого поведения в ситуации выбора: человек либо изменяет свое поведение, либо изменяет свое отношение к объектам, либо обесценивает значение поступка для себя и для других» (Козлов, 2005, с. 258). А поп-версия многочисленных результатов исследований интеллекта может выглядеть так: «Пус-

1 Это подчеркивают К. Поппер и другие наиболее известные представители философской методологии науки.

кай воинствующие эгалитаристы с этим не согласны, но одни люди умнее других» (Степанов, 2005а, с. 30).

В поп-текстах знание научной психологии не только сильно упрощается, но подчас и искажается по смыслу, что нередко приводит к формулированию в них фактически неверных утверждений, якобы вытекающих из научных данных. Примеры таких утверждений приводит опровергающий их С. С. Степанов: «Чтобы добиться успеха в достижении цели, ее надо визуализировать... Сдерживать свои чувства неправильно и вредно... Если вы пребываете в дурном расположении духа, то почувствуете себя лучше, переключив свои мысли на что-нибудь приятное» (Степанов, 2005б, с. 12–13). За ними действительно стоят результаты научных исследований, причем не единичных, а многочисленных, однако подвергшиеся не только сильному упрощению, но и смысловому искажению, истоки которого надо искать в типовых механизмах поп-психологической трансформации научного знания.

Вместе с тем поп-психология опирается не только на научное, но и на другие виды психологического знания (или на то, что она преподносит в качестве такового), включая знание, накопленное практической психологией (отметим, что авторы поп-психологических текстов, как правило, работают и в качестве практикующих психологов), их «личное знание», сопоставимое с «личным знанием», описанным М. Полани (Полани, 1985), и пр.[1] Например, как признается один из авторов издания «Читать человека как книгу», являющегося типичным образцом поп-психологической литературы, «умение „читать“ людей — это не наука и не особый дар. Это вопрос знания, куда именно нужно смотреть и что слушать, наличия любопытства и терпения для сбора необходимой информации, а также понимания того, как распознавать особенности внешности, „языка тела“, голоса и поведения человека» (Дмитриус, Мазарелла, 2006, с. 9).

Для поп-психологии характерно отсутствие хотя бы относительно выраженных границ между знанием и тем, что трудно признать таковым, свойственных научной психологии, в традициях которой — пропускать знание сквозь «сито» верифицирующих процедур, таких как специально организованное подтверждение эмпирическим опытом. В результате поп-психология с неизбежностью более «всеядна», нежели научная психология, даже в условиях «либерализации» по-

---

1 Вообще можно выделить четыре основных «источника и составных части» поп-психологии, которыми являются: 1) академическая психология, 2) практическая психология, 3) эзотерика, 4) здравый смысл.

следней в результате распространения постмодернистской методологии (Юревич, 1999, 2005б). В частности, в поп-психологию проникают не только сомнительные психологические технологии, такие, как НЛП, преподавание которого запрещено в американских вузах, но и всевозможные виды эзотерики. В поп-психологических текстах находится место и для данных, полученных научной психологией, и для рекомендаций практической психологии, и для таких понятий, как аура, чакры, карма и др., а их авторы мало заботятся о том, стоит ли за подобными понятиями какая-либо реальность, предлагая читателю смесь вполне научных утверждений, эзотерики и «синтетических» – научных по форме но странных по содержанию – заявлений. Таких, например, как: «По сути, все науки, которые мы с вами знаем: психология, экономика, биология, физические науки – являются науками о коллективном бессознательном, они исследуют внутренние характеристики нашего всеобщего сна» (Козлов, 2005, с. 98); «Холотропное состояние сознания позволяет получить опыт того, что мы вечны, бессмертны. Мы вообще не умираем. Мы просто переходим в разные формы» (там же, с. 83) и т. п.

Для поп-психологии не существенны разграничительные линии между знанием и незнанием – мифами, заблуждениями и др. Ее главные ориентиры – не эти демаркации, а стремление сформулировать наиболее интересную для «человека с улицы» версию психологического знания, предложить ему способы решения его психологических проблем при отсутствии особой заботы об адекватности и научной обоснованности этих способов. В результате поп-психология является самым *универсальным* из всех направлений психологии, не признающим барьеров между различными школами и направлениями, существующими в академической психологии, различными парадигмами воздействия на человека, характерными для практической психологии, она объединяет не только эти школы, направления и парадигмы, западные и восточные психотехники, научные и религиозные представления и т. д., в каком-то смысле действительно выступая «универсальным интегратором» всех подходов к пониманию человеческой психики и воздействия на нее, сформировавшихся в истории человечества. И вполне симптоматично, что психологи, проявляющие наибольшую активность в интеграции психологической науки, нередко выступают и авторами поп-психологических текстов, а предлагаемые ими программы интеграции включают эзотерическую составляющую. Например, В. В. Козлов пишет: «Только в настоящее время, к началу третьего тысячелетия, когда знания о психике человека пополняются не только за счет чисто научных

исследований (в общем понимании), а еще и за счет всегда остававшихся скрытными эзотерических знаний, можно говорить о более целостном понимании, что такое человек и его сознание» (Козлов, 2005, с. 46). А среди основных направлений интеграции психологии он предлагает «улучшение реального взаимопонимания» «между научной психотерапией и теми ветвями психотерапии, которые не относятся к традиционной академической науке (трансперсональная, религиозная, мистическая, эзотерическая и т. п.» (там же, с. 52).

Для поп-психологии очень характерно и отсутствие *критической позиции,* являющейся одним из краеугольных камней научного познания со времен, когда было сформулировано знаменитое кредо Р. Декарта «Подвергай все сомнению». Если научные тексты подстроены как подтверждение одних взглядов, критика и опровержение других, то в поп-текстах представления, подвергаемые сомнению и опровергаемые, как правило, отсутствуют. Здесь в чистом виде применяется кредо «Годится все», сформулированное П. Фейерабендом (Фейерабенд, 1986). А практические рецепты, предлагаемые поп-психологами, формулируются ими, во-первых, в контексте, предполагающем знание того, «как надо» (в этом плане дискурс поп-психологии очень напоминает дискурс советского обществоведения), хотя далеко не все психологические ситуации таковы, во-вторых, в виде предписаний, которые непременно дадут желаемый эффект, хотя общеизвестно, что его дает лишь небольшая часть психологических технологий.

Когнитивная «всеядность» поп-психологии находит естественное отображение и в ее жанровой раскованности. Поп-психологические тексты пишутся не в соответствии с достаточно строгими канонами научной психологии, а в весьма свободной форме[1]. Для них характерен такой стиль: «Вселенная беременна человеческим сознанием. Вселенная вечно возрождается в человеческом сознании. Вне воли, чувства, осознания – пуст орех бытия» (Козлов, 2005, с. 145), который значительно отличается от языка академических текстов.

В поп-психологических текстах выражена и их личностная составляющая, которая в научных трудах в соответствии с норами, заложенными еще в пору формирования оснований науки Нового времени (Гайденко, 1987), предельно редуцирована. Эти тексты из-

1 В. В. Козлов формулирует подобное жанровое кредо следующим образом: «Используя метафору Ивана Петровича Павлова, можно сказать: пришла пора ученых-художников, целостно „захватывающих действительность“ и при этом не теряющих аналитическую рефлексивность» (Козлов, 2005, с. 54).

обилуют обращениями авторов к их личному опыту, упоминанием фактов своей биографии, а также своих знакомых, друзей, родственников и т. п. Например: «После 20 лет работы в практической психологии я вдруг заметил, что основная функция психолога (если он и вправду психолог) – это функция учителя жизни, а в предельном выражении – духовного наставника, передающего свое глубинное знание своему клиенту» (Козлов, 2005, с. 95); «У меня есть друг в Московском университете, который занимается буддизмом, и у него есть тайная надежда, что через несколько рождений он станет просветленным» (там же, с. 92); «Когда я была ребенком, то во время частых званых обедов у нас в доме утраивалась на верхних ступеньках лестницы под гостиной родителей» (Димитриус, Мазарелла, 2006, с. 6); «Я мысленно усмехаюсь, когда приятель моего отца Джон небрежно тянется за очередной порцией закуски» (там же, с. 9); «Как-то раз моего знакомого адвоката пригласили защищать грубого и упрямого арестованного, которому было предъявлено обвинение в пьянстве» (Льюис, 2005, с. 9); «Я объяснил девушке, что ее пораженчество и пессимизм чрезмерны» (там же, с. 16) и т. п.

Описанные жанровые особенности сближают поп-психологические тексты с автобиографической и с художественной литературой. Эти тексты подчас выглядят как «психологическое шоу», реализуемое в яркой и живой форме, а поп-психологию можно охарактеризовать как перенесение того жанра шоу, в котором живет современная западная цивилизация, на «территорию» психологии.

Подобные обстоятельства обусловливают неадекватность трактовки поп-психологии как популяризированной версии практической психологии, которая тоже достаточна далека от академической психологии (вспомним про «схизис» между ними). Хотя поп-психология намного ближе к практической, нежели к академической, психологии, она имеет немало отличий и от первой. Эти отличия не сводятся только к большей «демократичности» поп-психологии, которая в виде соответствующих книг доступна для массового потребителя – в отличие от дорогих услуг психологов-практиков. Они включают и наличие у практической психологии жанровых и прочих ограничений, отсутствующих у поп-психологии, «школьный» характер практической психологии, представленной, как и академическая психология, различными школами и направлениями, обычно игнорирующими друг друга, в результате чего «всеядности» поп-психологии здесь противостоит другая крайность – обилие разделяющих эти школы и направления барьеров. Существенным различием является и то, что если в условиях практической психологии субъектом терапев-

тической процедуры является профессиональный (более или менее) психолог, то поп-психология предполагает, что таким субъектом будет он сам, освоив содержащиеся в поп-текстах знания и рекомендации. Это различие относительно, поскольку практическая психология тоже предполагает достаточную высокую активность пациента, в том числе и в плане самотерапии, однако все же ситуации «психолог—пациент», характерные для практической психологии, весьма существенно отличаются от ситуаций «человек с улицы—текст», являющиеся основой поп-психологического воздействия. При этом и психологической знание, и интерпретации психологических состояний, и практические рекомендации формулируются в поп-психологических текстах в терминах обыденного языка, а не в таких терминах практической психологии, как «компенсация», «сублимация», «катарсис», «аутизм» и др., малопонятных обывателю. Подобные различия дают основание характеризовать поп-психологию не как популяризованную версию практической психологии, а как самостоятельную отрасль психологии.

В то же время при существовании ряда общих характеристик поп-психологии, ее тексты неоднородны, делятся на типы, выражающие индивидуальные особенности авторов, их образование, принадлежность к различным стратам психологического сообщества и т. п. Наиболее заметные различия можно проследить между поп-текстами, которые принадлежат перу профессиональных психологов, имеющих психологическое образование[1], причем «настоящее», а не предоставляемое различными «сокращенными» психологическими курсами, и текстами непрофессионалов. Профессиональные психологи, в том числе отечественные, тоже не брезгуют написанием поп-психологических текстов. Таков более верный способ приобрести широкую известность и заработать деньги, нежели занятие академической психологией, и едва ли эти авторы заслуживают осуждения. Тексты, написанные психологами, которые обладают профессиональным психологическим знанием, содержат и это знание, хотя и в упрощенном, адаптированном к восприятию обывателя виде. А если в них и присутствует эзотерика, такая как чакры, ауры, кармы и т. п., то она обычно преподносится в смягченном «научным мировоззрением» виде, иногда с упоминанием гипотетического ха-

1 Образцы подобных текстов – прекрасно написанные, выходящие большими тиражами и быстро распродаваемые книги Н. И. Козлова, С. С. Степанова и др., не содержащие эзотерики и продолжающие лучшие традиции популярной психологии.

рактера подобных понятий. Другой полюс поп-психологической литературы образуют тексты, написанные непрофессиональными психологами. В них научное психологическое знание, как правило, вообще отсутствует, а их ядро составляет некритически подаваемая эзотерика. В результате в потоке поп-психологической литературы можно выловить и откровенную эзотерику, и вполне рационалистичные тексты, но б*о*льшая ее часть представляет собой смесь и того, и другого. Основная установка поп-психологии, как уже отмечалось, состоит не в том, чтобы подвергнуть психологическое знание или то, что выдается за таковое, критике, не отделить зерна от плевел, истину – от мифов, предрассудков и т. п., а предложить обывателю все, что есть под рукой. Но эта установка все же по-разному выражена в различных разновидностях поп-психологических текстов, а тексты, написанные профессиональными психологами, заметно отличаются от творений непрофессионалов, восполняющих недостаток психологических познаний эзотерикой или здравым смыслом.

Третья социодигма

Не просто отделить зерна от плевел и в самой поп-психологии. В ней есть немало рационального, например, научное психологическое знание, которое поп-психология доводит до обывателя в доступном ему виде, продолжая лучшие традиции популярной психологической литературы. Она преподносит ему и знание практической психологии, которое та использует как товар, продаваемый за деньги. Она служит средством распространения того «личного знания», которое авторы поп-текстов накапливают в своей собственной психологической практике и саморефлексии. Наконец, она содействует повышению общественного интереса к психологической науке и практике, что небесполезно для той и для другой.

Вместе с тем поп-психология легализует и преподносит обывателю «от имени» науки знание, а нередко и псевдознание, не получившее научной сертификации. Она предоставляет прибежище откровенной эзотерике, превращая порожденные ею мифы в рабочие понятия и схемы для психологического самоанализа, внося вклад в «иррационализацию всей общественной жизни» (перефразируем известное выражение М. Вебера), которая весьма характерна для современной России (Юревич, 2005а, с. 79–87). Поп-психология предлагает «человеку с улицы» немало психологических рецептов, которые могут оказаться вредными для него. Она во многом дискредитирует психологическую науку и практику, подавая накопленное ими

знание в смешении с эзотерическими и заведомо ложными воззрениями. Поп-психология способствует *всеверию* как очень опасному состоянию умов, открывающему практически неограниченные возможности для манипуляции массовым сознанием. Как отмечают Т. В. Корнилова и С. Д. Смирнов, «иногда псевдонаучные подходы с успехом выполняют психотерапевтические функции как на уровне отдельного человека, так и общества в целом. Тем не менее нельзя недооценивать негативные последствия распространения иррациональных установок в обществе, которые могут привести к падению социальной активности, искажению систем ценностей и другим деструктивным процессам» (Корнилова, Смирнов, 2006, с. 75–76). Однако все это не дает достаточных оснований предавать поп-психологию «анафеме» (да и какой от этого прок в обществе, где не действуют никакие запреты?).

Следует отметить и то, что связь между научной психологией и поп-психологией не является односторонней: вторая не только потребляет и преподносит обывателю знание, накопленное первой, но и оказывает на нее обратное воздействие. И дело даже не в том, что сейчас немало представителей научной психологии, используя постмодернистское «смягчение» и либерализацию ее стандартов, включают в свои тексты поп-элементы – дабы сделать эти тексты более понятными и интересными и, таким образом, расширить их аудиторию. Научная психология всегда обладала большой зависимостью от психологии здравого смысла или житейской психологии, хотя в своем стремлении стать подлинной наукой всегда пыталась нивелировать или, по крайней мере, минимизировать ее влияние. Сейчас это влияние во многом проявляется в зависимости научной психологии от поп-психологии, представляющей собой одну из главных контактных зон психологии и массового сознания, где наиболее рельефно проявляются потребности общества. Эти потребности вынуждают научную психологию расширять свое исследовательское поле, а также искать новые формы выражения и репрезентации психологического знания, которое не может быть транслировано в массовое сознание самой научной психологией. В частности, опыт поп-психологии демонстрирует выраженную потребность «человека с улицы» в психологическом знании, накопленном не только западной, но и восточной наукой, что побуждает западную психологию к ассимиляции восточных психотехник, таких, например, как медитация. История науки демонстрирует, что «постановка проблемы опирается не только на обнаружение неполноты имеющегося знания, но и на некоторое «предзнание» о способе преодоления

этой неполноты» (Корнилова, Смирнов, 2006, с. 27). Поп-психология позволяет обнаружить неполноту научного психологического знания, высветить его основные пробелы и определить главные направления их заполнения, вытекающие из потребностей «человека с улицы», с которыми хочет того научная психология или нет, ей приходится считаться.

В этих условиях установка на строгое разграничение, а тем более на конфронтацию с поп-психологией, аналогичная установке в отношении парапсихологии и различных форм мистицизма (в данном случае оправданной) была бы для научной психологии неконструктивной. Более конструктивной представляется ориентация на критическое отношение к поп-психологии как к «миксту» научного и околонаучного знания, а также различных видов эзотерики, анализ ее опыта, в котором отражен современный социальный заказ психологической науке, включая опыт обращения к массовому сознанию. Поп-психология – это не просто околопсихологическая «попса», а важный феномен, в том числе и психологический, современной цивилизации, из изучения которого психологическая наука может почерпнуть немало полезного.

Происходящее в психологии принято анализировать в терминах парадигм, хотя не вполне понятно, почему именно данное понятие, рожденное в недрах философии науки, а не другие, порожденные ею понятия – исследовательская программа (И. Лакатос), исследовательская традиция (Л. Лаудан) и др. – приобрело среди психологов наибольшую популярность. Понятие парадигмы при всех его богатых эвристических возможностях, подтвержденных опытом его применения, имеет ряд существенных ограничений, связанных с тем, что, во-первых, оно позволяет зафиксировать, в основном когнитивные, а не социальные составляющие научного познания, во-вторых, оно разработано для анализа того, что происходит в самой науке, а не в системе ее взаимоотношений с обществом. В результате имеет смысл дополнить его такими понятиями, как *социодигма* и *метадигма* (Юревич, 1999, с. 3–11)[1], которые позволяют анализи-

1 Их введение предполагает дополнение традиционного методологического анализа психологии, в зарубежной литературе обычно относимого к *философии психологии,* ее *социологическим* анализом, причисляемым там к социологии науки. И, как представляется, современный методологический анализ, предполагающий внимание как к когнитивным, так и к социальным компонентам науки, должен быть комплексным – философско-социологическим, что может быть выражено такими понятиями, как, например, социальная методология психологии.

ровать более глобальные модели познания, выходящие за пределы самой науки. Исследовательскую (академическую) и практическую психологию целесообразно характеризовать не как различные парадигмы, а как разные *социодигмы* в психологии ввиду того, что они, в отличие от куновских парадигм, разрабатываются не единым научным сообществом, а его различными локусами. В такой системе отсчета поп-психология выглядит как самостоятельная (третья) социодигма, являющаяся одним из связующих звеньев академической и практической психологии с массовым сознанием. Представляется, что эта относительно новая социодигма, не сводимая ни к одной из двух других, выполняя ряд важных социальных функций, будет становиться все более заметной пропорционально «психологизации» общества и возрастанию его интереса к психологии. Ведь чем более развитой, а значит, специализированной и мало понятной для обывателя становится та или иная научная дисциплина, тем острее потребность в связующем звене между ними, в роли которого выступает поп-наука. И психология не является исключением.

Литература

Василюк Ф. Е. Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 25–40.

Гайденко П. П. Эволюция понятия науки (XVII–XVIII вв.) М.: Наука, 1987.

Димитриус Э., Мазарелла М. Как читать человека как книгу. М.: Эксмо, 2006.

Зинченко В. П. Трубка Мамардашвили и посох Мандельштама. М., 1998.

Козлов В. В. Психотехнологии измененных состояний сознания. М.: Изд-во Института психотерапии, 2005.

Корнилова Т. В., Смирнов С. Д. Методологические основы психологии. СПб., Питер, 2006.

Льюис Д. Язык эффективного общения. М.: Эксмо, 2005.

Полани М. Личностное знание. М.: Прогресс, 1985.

Профессиональные психологи в России // Социальная реальность, 2006. № 6. С. 61.

Сироткина И. Е., Смит Р. Психологическое общество: к характеристике феномена // Психологический журнал. 2006. № 1. С. 114–121.

Степанов С. Психологические шпаргалки. М.: Эксмо, 2005а.

Степанов С. 7 мифов поп-успеха // Мы и мир. Психологическая газета. Январь 2005б. С. 12–13.

Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986.

Юревич А. В. Системный кризис психологии // Вопросы психологии. 1999. № 2. С. 3–11.

Юревич А. В. Психология и методология. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005а.

Юревич А. В. Наука и паранаука: столкновение на «территории» психологии // Психологический журнал. 2005б. № 1. С. 79–87.

Юревич А. В. Теневая наука. Ru // Вестник РАН. 2006. Т. 76. № 3. С. 234–241.

Festinger L. A theory of cognitive dissonance. Stanford: Stanford University Press, 1957.

Van der Vleist R. Social psychological theory and empirical studies of practical problems // Confronting social issues: Applications of social psychology. L., 1982. V. 1. P. 7–22.

Событийное знание в психологии

Е. Ю. Патяева

doi: 10.38098/thry_21_0434_016

Психология должна стать наукой о жизни.

А. Н. Леонтьев

Мыслящее слово не информирует, а трансформирует.

А. В. Ахутин

Что есть знание? Есть ли оно нечто простое, некое «содержание», подкрепленное тем или иным обоснованием? Скажем, как во фразах «Волга впадает в Каспийское море» или «Юнг выделил архетипы коллективного бессознательного». Или же прав М. К. Мамардашвили, считавший, что знание не есть нечто простое, что оно, напротив, есть сложное явление, что оно есть не только некое содержание, но еще и *реальное событие в мире?* «И, как реальное событие, оно иное, отличное от своего содержания, хотя в качестве события высказывает именно содержание. Вот это нужно ухватить, во-первых, и, во-вторых, что оно – индивидуально» (Мамардашвили, 1993, с. 318). И далее Мамардашвили добавляет, что это сложное явление знания, событие знания, неотрывно от нас самих, что оно «завершается нами, с нашим вторым рождением и на нас и только тогда проницаемо» (там же, с. 319). Такое понимание знания как события в мире неразрывно связано с неклассическим идеалом рациональности (Мамардашвили, 1984а). В настоящей статье мы предпримем попытку раскрыть и конкретизировать это понимание знания применительно к психологии и выявить ключевые особенности событийного знания о человеке.

При этом мы исходим из представления о том, что неклассический идеал рациональности, как и неклассическая эпистемология в целом, не отменяет классическую эпистемологию и классический идеал рациональности, сложившиеся в естествознании XVII–XVIII вв. и исправно служившие науке на протяжении нескольких

столетий, но ставит вопрос об их пределах и ограничивает область их применения (Степин, 2006). Неклассическая эпистемология, как и классическая, исходит из того, что знание всегда имеет обоснование – и в этом его отличие от простого мнения (Лекторский, 2009), причем обоснование может быть разным и никогда не является абсолютным. Принципиальное отличие неклассического идеала рациональности от классического состоит в том, что неклассическая эпистемология отказывается от постулата «абсолютного наблюдения» и понимания познающего субъекта как «абсолютного Наблюдателя» – того, кто мысленно вынесен за пределы изучаемой им реальности. Тем самым неклассическая эпистемология отказывается и от представления об абсолютности самого знания, т. е. от постулата его независимости от процесса исследования, используемых познавательных средств и процедур, ценностных установок и личностного пути самого субъекта исследования (Мамардашвили, 1984а; Степин, 2006; Лекторский, 2009). Неклассическая эпистемология признает, что познающий субъект – это реальный человек, живущий в том же самом мире, который он изучает, вступающий в отношения с другими людьми, и что эта включенность познающего субъекта в познаваемый им мир всегда оказывает влияние на получаемое им знание. А само это знание всегда представляет собой не только некоторое содержание, но также и событие в мире. Иначе говоря, познающий субъект всегда не только познает мир, но и живет в нем, и его познавательная деятельность и знание как ее результат всегда включены в его жизнь и могут ее так или иначе изменять. В рамках классического идеала рациональности мы от этого абстрагируемся, неклассический же идеал рациональности предполагает внимательное рассмотрение этой ситуации.

Если воспользоваться понятийным аппаратом М. М. Бахтина (1979), то можно сказать, что неклассическая эпистемология исходит из признания того факта, что субъект познания занимает позицию не-алиби в бытии, т. е. позицию участника бытия, а не стоящего где-то «вне» изучаемой реальности наблюдателя. Занимая позицию не-алиби в бытии, мы оказываемся в той самой ситуации, о которой говорит Мамардашвили, рассматривая философию Декарта, – в ситуации, когда мы должны осознавать, что знание есть сложное явление, что оно есть не только некое содержание, но и событие в мире, что оно индивидуально и неотрывно от нас самих. Такое знание, взятое в его полноте, мы и будем называть *событийным,* или *участным,* тогда как знание, получаемое в контексте классического идеала рациональности, может быть названо *отвлеченным* (от нас самих

и от события получения знания) и *безучастным,* или, как называл его Бахтин, *«абстрактно-теоретическим».*

Применительно к психологии это означает, что нам следует различать познавательные ситуации двух типов. С одной стороны, такие, в которых влияние познающего субъекта, его исследовательских средств и методов, его ценностных установок, индивидуальных особенностей и пройденного им личностного пути пренебрежимо мало, так что мы вправе опираться на классическую эпистемологию с ее отвлеченными знаниями и игнорированием событийного аспекта познания. С другой стороны, познавательные ситуации, в которых это влияние существенно, мы не имеем права им пренебрегать и потому обязаны опираться на неклассическую эпистемологию и неклассический идеал рациональности[1].

Первым подходом, реализовавшим неклассическую позицию в психологии, стал психоанализ Фрейда (Мамардашвили, 1996). Ибо психоаналитик как познающий субъект должен во-первых, непременно пройти путь своего личного анализа, т. е. путь некоторой работы со своим собственным жизненным опытом (в отличие от классического исследователя, для которого обязательно только обучение определенной «сумме знаний» и исследовательским методам), и, во-вторых, должен внимательно осознавать и отслеживать возникающие в ходе работы с пациентом свои собственные чувства, переживания и установки и их влияние на ход анализа. Последующее развитие практической психологии сделало тезисы о том, что психолог или психотерапевт есть главный инструмент своей работы и что он, работая с клиентом, проходит свой собственный путь, почти сами собой разумеющимися. Неклассическая позиция может быть реализована и в собственно исследовательском контексте. Ярким примером этого выступает линия исследований Ф. Зимбардо, начатая его стэнфордским тюремным экспериментом, продолженная анализом

1 Таким образом, психологи оказываются в ситуации, аналогичной той, в которой оказались физики после кризиса классического идеала рациональности: в современной физике различаются знания, допускающие абстрагирование от факта тех или иных измерительных процедур и составляющие в совокупности картину мира классической физики, основы которой были заложены как раз в XVII в., и знания, такого абстрагирования не допускающие и в картину мира классической физики принципиально не вписывающиеся, открывающие возможность таких «противоречащих здравому смыслу» разделов физики, как теория относительности, квантовая механика и физика высоких энергий (см., напр.: Фейнман, 1987).

случаев психологического насилия военнослужащих над заключенными в тюрьме Абу-Грейб и привлечением внимания ко многим другим ситуациям психологического насилия в современных обществах, в том числе и тем, участниками которых оказываются сам автор исследования и его читатели (Зимбардо, 2014).

Чтобы выявить существенные особенности событийного знания, мы обратимся к произведениям признанных корифеев психологии, написанным с отчетливо выраженной позиции участника бытия, т. е. с позиции не-алиби в бытии – к произведениям, в которых личный опыт автора составляет неотъемлемую часть передаваемого читателю знания. Таковы, в частности, книги «Сказать жизни «Да»» В. Франкла, «Красная книга» К. Г. Юнга, «Путь бытия» К. Роджерса, «Наука быть живым» Дж. Бьюдженталя, «Психология искусства» Л. С. Выготского, «Человек и мир» С. Л. Рубинштейна. Критерии выбора именно этих произведений были отчасти объективными – это произведения известных и авторитетных психологов, они написаны в разных жанрах, так что взятые вместе дают некоторое представление о разнообразии событийного знания в психологии, – и отчасти субъективными, поскольку все эти произведения оказали значимое влияние на автора настоящей статьи, что согласуется с критерием Мамардашвили о том, что «знание завершается нами, с нашим вторым рождением и на нас и только тогда проницаемо» (Мамардашвили, 1993, с. 319).

Знание, которое передают нам авторы этих книг, не является ни теорией, ни изложением полученных в эмпирическом исследовании фактов, ни описанием методов практической работы психолога или психотерапевта, ни анализом конкретных случаев практической работы, хотя мы встречаемся в этих произведениях и с теоретическими концепциями авторов, и с описанием фактов и конкретных случаев, и с методами психологической практики. Сверх и помимо концепций, фактов, описаний случаев и методов, каждая из этих книг открывает читателю еще и какое-то другое важное знание, благодаря которому многие читатели этих книг (включая и автора настоящей статьи) ощущают, что само чтение книги изменяет их самих и их жизнь, трансформирует их, побуждает к выходу за свои собственные пределы. Иначе говоря, событийный аспект знания представлен здесь в «сильной позиции», что и позволяет использовать эти произведения как прототипические примеры событийного знания в психологии.

Обращаясь к этим произведениям, мы будем искать ответы на следующие вопросы:

Как устроено событийное знание?
Каким может быть его содержание?
Как это знание может быть получено?
Как оно может быть обосновано?
Как это знание может быть «извлечено» читателями из «содержащих» его текстов?

Как устроено событийное знание: полюс предмета, полюс субъекта и путь самотрансформации субъекта

Когда речь идет об отвлеченных безучастных знаниях — в рамках классического идеала рациональности их нередко отождествляют со «знаниями вообще», – то их легко описать как знания «о чем-то». Например, о скорости забывания (кривая Эббингауза), об инстанциях личности (фрейдовская концепция «Оно», «Я» и «Сверх-Я»), о развитии высших психических функций (параллелограмм развития Л. С. Выготского). Иначе говоря, отвлеченные знания всегда соотносятся с тем или иным предметом, наблюдаемым или мыслимым, тогда как субъект познания, будучи «абсолютным наблидателем», из них как бы устранен, вынесен за скобки (см.: Патяева, 2015). Событийные же знания, будучи знаниями участника бытия, полученными из позиции «моего не-алиби в бытии», всегда являются не просто знаниями «о чем-то», но и знаниями «чьими-то»: моими, вашими, автора, читателя, психолога, клиента и т. д. Иными словами, они обязательно должны включать в себя указание на ту незаместимую позициию в бытии, в которой они получены, должны описывать не только полюс предмета, но и полюс субъекта, т. е. быть и предметными, и субъектными одновременно[1].

При этом, когда речь идет о человеке, то один и тот же «факт», одно и то же обстояние дел может представать перед нами и как знание безучастное, «абстрактно-теоретическое», и как знание участное, событийное. Это наглядно показывает Л. Н. Толстой в повести «Смерть Ивана Ильича» на примере знания о смертности человека:

> «Тот пример силлогизма, которому он учился в логике Кизеветера: Кай – человек, люди смертны, потому Кай смертен, казался ему во всю его жизнь правильным только по отношению к Каю, но никак

1 В указанной выше работе (Патяева, 2015) мы называли их просто субъектными, однако точнее будет называть их предметно-субъектными, поскольку полюс предмета в них столь же значим, как и полюс субъекта.

не к нему. То был Кай-человек, вообще человек, и это было совершенно справедливо; но он был не Кай и не вообще человек, а он всегда был совсем, совсем особенное от всех других существо» (Л. Н. Толстой, Смерть Ивана Ильича, гл. VI).

Поразившую Ивана Ильича разницу между знанием о смертности Кая, этого «человека вообще», и знанием, выражающим его собственную жизнь, он открывает, впервые заболев всерьез и оказавшись на грани жизни и смерти. В этой предельной ситуации то абстрактное, никак не связанное с его собственным опытом знание о жизни, которое устраивало его все предыдущие десятилетия, не может его больше удовлетворить. И он начинает мучительно искать какого-то другого знания, обращаясь к самому себе и вслушиваясь в свои переживания:

«Потом он затих, перестал не только плакать, перестал дышать и весь стал внимание: как будто он прислушивался не к голосу, говорящему звуками, но к голосу души, к ходу мыслей, поднимавшемуся в нем.

– Чего тебе нужно? – было первое ясное, могущее быть выражено словами понятие, которое, он услышал. – Что тебе нужно? Чего тебе нужно? – повторил он себе. – Чего? – Не страдать. Жить, – ответил он» (там же, гл. IX).

Вступив в разговор с самим собой, герой Л. Н. Толстого потом начинает с собой спорить, пререкаться с окружающими, внимательно прислушиваться к себе и «перепроживать» в памяти всю свою жизнь. И вот в момент отчаяния он видит своего плачущего и целующего ему руку сына, и вдруг разрешает свои сомнения – ему открывается другое знание, знание участника бытия, того, кто включен в бытие и не имеет в нем алиби: «Ему открылось, что жизнь его была не то, но что это можно еще поправить» (там же, гл. XII). В эти мгновения в нем происходит настолько сильная внутренняя перемена, что он превращается, по существу, в совсем иного человека, чем тот, кем он был все сорок пять лет своей жизни.

В очень похожей ситуации – отличавшейся лишь тем, что речь шла не о телесной болезни, а о глубоком душевном кризисе, – охваченный, как и герой Толстого, всепоглощающим ужасом, Карл Густав Юнг, к тому времени уже известный психолог и психиатр, разочаровывается в отвлеченных безучастных знаниях о человеке, отказывается от «огромных томов, составлявших его знания» и обращается к своей собственной душе; начинает заново ее искать и пошагово описывать процесс своих диалогов и споров с собственной душой

в дневниковых записях, впоследствии составивших его знаменитую «Красную книгу»:

> «Душа моя, где ты? Ты слышишь меня? Я говорю, я зову тебя – ты здесь? Я вернулся, я снова здесь. Я отряс прах всех земель со своих ног, и я пришел к тебе, я с тобой. После долгих лет долгих странствий я снова пришел к тебе. Рассказать тебе все, что я видел, пережил и впитал? Или ты не хочешь слышать весь этот шум жизни и мира? Но одну вещь ты должна знать: одной вещи я научился – каждый должен жить свою жизнь» (Юнг, Красная книга, гл. 1).

Разворачивающийся в течение нескольких лет процесс внутреннего поиска приводит автора «Красной книги» к глубинному самопознанию и кардинальной внутренней трансформации аналогично тому, как это случилось с толстовским героем. И одновременно – и в этом его существенное отличие от Ивана Ильича – приводит его к тем психологическим открытиям, с которыми связано его имя в современной психологии: к методу активного воображения, концепциям архетипов, коллективного бессознательного и индивидуации.

Мы видим, что, и герой повести Толстого, и К. Г. Юнг проходят определенный *путь:* есть исходная ситуация, есть активное и личностно значимое движение человека от нее к некоему качественно иному состоянию, и есть конечная ситуация, переживаемая как глубокая самотрансформация, как новое рождение, пусть даже и на пороге физической смерти. При этом и исходная, и конечная «точки» пути являются не столько точками, сколько именно ситуациями, в которых можно выделить «полюс предмета» и «полюс субъекта как участника бытия».

В случае Ивана Ильича путь начинается с состояния, когда на полюсе предмета герой обладает обычным отвлеченным знанием о смертности человека, как бы не имеющим отношения к нему самому; на полюсе субъекта – болезнь, вышибающая его из привычной устроенной жизни, переживаемая как состояние безысходности и толкающая на трудный и мучительный путь поиска. Конечная ситуация также может быть описана в двух аспектах: на полюсе предмета это открывшееся Ивану Ильичу знание участника бытия о его собственной жизни («что жизнь его была не то, но что это можно еще поправить»), на полюсе субъекта – огромное чувство облегчения. Читателю же эта конечная точка открывается как кардинальная внутренняя перемена героя, его превращение из самодовольного эгоиста в человека, заботящегося о близких ему людях. Сам путь, само движение складывается из напряженных споров и столкновений

Ивана Ильича с самим собой и с окружающими его людьми о том, что важно и что неважно, из переосмысления и внутреннего перепроживания событий своей жизни.

Для К. Г. Юнга исходной ситуацией становятся на полюсе предмета «огромные тома, составляющие его знания» о человеке вообще, на полюсе субъекта – его собственный душевный кризис, переживаемые им страдания. Итоговой ситуацией (речь в данном случае идет о неком промежуточном итоге, ибо Юнг, пережив этот кризис, свой путь продолжил) на полюсе предмета оказывается «Красная книга» и новые психологические методы и концепции, на полюсе субъекта как участника бытия – пережитый душевный кризис и личностная трансформация. Сам путь как процесс внутренней работы совершался в диалогах Юнга со своей душой, проживании и анализе своих сновидений, в дневниковых записях и рисунках и в самом воплощении всего, что он переживал, в тексте будущей «Красной книги».

В обоих случаях пройденный путь приводит человека к внутренней трансформации и новому знанию. Для героя повести Л. Н. Толстого это новое знание самого себя и своей жизни (что она была «не то» и что «это можно поправить»). В случае же автора Красной книги новое знание оказывается более сложным и расчлененным – помимо нового знания себя самого и своей жизни, оно включает в себя еще и новые психологические методы и концепции: метод активного воображения, путь индивидуации, архетипы коллективного бессознательного. Оба раза перед нами предстает путь человека, переживающего глубокий духовный кризис и проходящего путь исцеления, движения из глубины кризиса к более полной и цельной жизни. Но в случае Юнга это путь человека и психолога одновременно, поиск пути исцеления не только для себя самого, но и для тех, кто может стать читателями его записей (известно, что Юнг давал читать свои записи членам своего ближнего круга) и тех, кто может в будущем стать его пациентами. Схематически событие знания как путь самотрансформации субъекта представлено на рисунке 1.

Многообразие путей самотрансформация

Обратившись к другим произведениям, перечисленным в начале настоящей статьи, мы увидим, что все они написаны из позиции не-алиби в бытии и в каждом из них содержится описание пути, сталкивающего автора с предельными вопросами человеческой жизни. И в каждом мы находим знание, пережитое автором в качестве участника бытия, когда его профессиональная деятельность и профес-

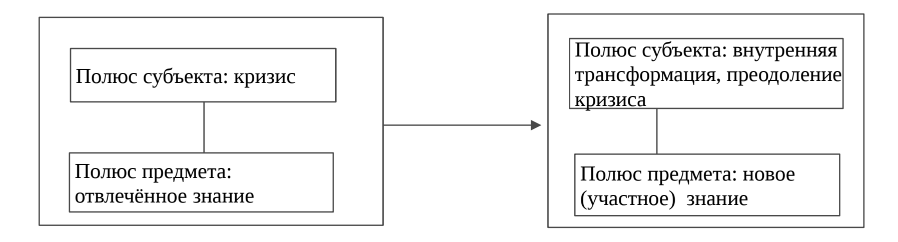

Рис. 1. Схема события знания как пути самотрансформации

сиональное мышление составляют единое целое с его «собственно человеческой» жизнью, а жизненные поступки и переживания оказываются фундаментом для понимания феномена человека и открытия способов психологической и психотерапевтической работы. В одних случаях текст открывает читателю путь самотрансформации автора, в других – автора и тех людей, с которыми он работает, или тех, кто оказался в той же самой жизненной ситуации, в третьих речь может идти о пути человека как такового, причем одновременно автор обращается и к своему собственному опыту жизни. И каждый раз это путь, осмысляемый в тех или иных психологических категориях и наполняющий эти категории смыслом.

В книге «Сказать жизни „Да“» перед нами открывается путь, который прошел Виктор Франкл, став узником концлагеря, и одновременно путь сотен тысяч его собратьев по судьбе. Началом пути стала потеря всего, что составляло прежнюю, нормальную жизнь автора и других узников. Итоговая же ситуация складывается из нескольких разных моментов, и здесь опыт Франкла во многом уникален. С одной стороны, Франкл описывает конечную точку пути как общую для всех узников – это освобождение и «то несравненное чувство, что теперь он (узник) уже может не бояться ничего на свете – кроме своего Бога» (Франкл, 2004, с. 126). С другой стороны, для самого Франкла итогом пути оказывается еще и опыт поиска и обретения духовной свободы, которую нельзя отнять у человека до его последнего вздоха (там же, с. 94). И опыт обретения человеком смысла своего существования не только в творчестве и в переживании ценностей, но и в занятии позиции по отношению к наиболее жестким принудительным ограничениям его бытия, по отношению к страданию и постоянно витающей над узниками смерти (там же). Уникальность пути Виктора Франкла еще и в том, что каждый шаг этого пути высвечивается осмыслением происходящего и такое пошаговое осмысление трансформирует и путь, и того, кто его прохо-

дил – и, будучи воплощено в тексте, оно помогает читателю пройти его собственный путь внутренней трансформации. Как написал автору книги один служивший во Вьетнаме молодой американец, он «не нашел в его книге ответа на свои вопросы», но книга «вновь запустила механизм его самоанализа» (Франкл, 1990, с. 64). К этому можно добавить, что многие студенты факультета психологии МГУ, читая «Сказать жизни „Да“», обнаруживают, что книга заставила их многое переосмыслить в своей жизни. Именно эта возможность самотрансформации читателя в процессе чтения произведения и составляет, на наш взгляд, принципиальную особенность и рассматриваемых произведений, и событийного знания как такового.

В книге Дж. Бьюдженталя «Наука быть живым» (2007) мы встречаемся с описанием пути самотрансформации семи людей: шести клиентов автора книги и его самого. Ключевым мотивом здесь оказывается не смысл, как это было у Франкла, а восстановление нашего «чувства бытия», нашего внутреннего голоса, в значительной мере утраченного героями и автором книги и, возможно, утраченного ее читателями, ибо Бьюдженталь рассматривает эту утрату как типичный результат социализации в современных обществах. Описание пути каждого героя или героини начинается с того или иного жизненного тупика, в котором они оказываются, что и побуждает их обратиться к Дж. Бьюдженталю как психотерапевту. Далее перед нами разворачиваются диалоги клиентов с автором-психотерапевтом, в которых герои книги нащупывают пути своего исцеления. При этом опыт клиента в большинстве случаев откликается в душе самого Джеймса Бьюдженталя и, помогая своим собеседникам, он и сам продвигается к большей целостности и полноте своей жизни. Последняя глава целиком посвящена пути автора – пути от стремления «быть правильным» к желанию быть самим собой, пути открытия своего собственного «внутреннего чувства бытия», пути постепенного освобождения от попыток следовать всевозможным социальным «инструкциям» и все более полного обретения себя. Человеческий опыт, который раскрывается перед нами как в диалогах клиентов и психотерапевта, так и в диалоге автора с самим собой, оказывается своего рода «призмой», позволяющей читателю лучше увидеть себя и свою жизнь, так что книга становится своеобразной «помощью для самопомощи» (Генисаретский, 2007).

В одной из более поздних работ Дж. Бьюдженталь вводит понятие «конструктов себя-и-мира», с помощью которых мы определяем и воспринимаем себя, мир и свой способ бытия в мире (Bugental, 1999). Эти представления придают форму нашим жизням и делают

сами эти жизни возможными, но одновременно и ограничивают нас, задают рамки. Специфичность этих конструктов состоит прежде всего в том, что мы их переживаем непосредственно, и лишь затем можем осознать (но можем и не осознавать их до конца жизни). Систему конструктов себя-и-мира Бьюдженталь считает центральной субъективной структурой жизни, а пересмотр и расширение или исправление этой системы — одной из центральных задач изменяющий жизнь психотерапии. И читатель «Науки быть живым», сталкиваясь с описываемым автором опытом — опытом клиентов и опытом самого автора — получает возможность «примерить» этот опыт к себе самому, задать себе те же вопросы, на которые ищут ответ автор и герои книги, осознать и, возможно, переоценить свои собственные конструкты себя-и-мира.

Еще один вариант описания пути самотрансформации представлен в «Пути бытия» Карла Роджерса (2019). Акцент автора стоит здесь на пути, который он сам проходит в годы, обычно называемые преклонными, когда постепенно ухудшается телесное состояние, умирают близкие люди и смерть становится достаточно частым предметом размышлений. Все эти проявления «угасания» Роджерс помещает в контекст своей собственной старости и открывает читателю свой личный опыт новых начинаний, углубления близких отношений и освоения новых идей, давая нам возможность пересмотреть устоявшееся представление о старости как о неизбежном сужении жизни. Еще одной принципиально важной темой книги является становление человекоцентрированного подхода, открываемое читателю как из перспективы самого Роджерса, так и из перспектив различных клиентов и участников его семинаров. При этом автор предлагает читателю не только описание пути, пройденного им самим, участниками его семинаров, его читателями и клиентами, но еще и своеобразную «книгу вопросов», ответы на которые предстоит найти самим читателям. В этом контексте особое место занимает глава 11, посвященная новым вызовам психологии и помогающих профессий в целом. Название каждого из разделов этой плавы является вопросом, задаваемым автором себе самому и своим читателям-психологам:

«Решимся ли мы развивать человеческую науку?»

«Отважимся ли мы стать дизайнерами?» (имеется в виду создание возможностей для более полного развития детей и взрослых, а не только работу по помощи «тем, кто был изувечен социальными факторами» — Роджерс, 2019, с. 191).

«Смеем ли мы уйти от профессионализма?» (под «профессионализмом» Роджерс здесь понимает систему обязательного лицензи-

рования и сертификации, препятствующую, по его мнению, развитию психологической практики).

«Можем ли мы позволить себе быть цельными людьми?»

«Это единственная реальность?»

Завершается книга еще одним вопросом – вопросом о «человеке завтрашнего дня» и возможных сценариях будущего. Так что «конечной» точкой пути становится точка вызова, перед которой оказалось человечество в целом, но также и каждый из нас в отдельности. И перед каждым читателем автор ставит вопрос: каким быть? Открытом новому «процессуальным» человеком или застывшим и переставшим развиваться человеком «традиционным»?

Концептуальная и процедурная оптика

Чем отличаются рассматриваемые нами «опыты о человеке» от художественных произведений, которые нередко описывают пути самотрансформации героев и побуждают читателя переосмыслить свою жизнь и себя самого?

Отчасти ответ на этот вопрос дает наблюдение О. И. Генисаретского в его предисловии к «Науке быть живым» Дж. Бьюдженталя: говоря о «психотерапевтических историях», составляющих эту книгу, автор предисловия обращает внимание читателя на вполне «определенную, заранее оговоренную концептуальную и процедурную оптику», благодаря которой «самые заурядные события, переживания, отношения повседневной жизни становятся настолько выпуклыми и стереоскопичными, что могут быть еще раз пере-пережиты и пере-проверены, опытно исследованы и в опыте же изменены, получив при этом достоинство осознанности и ничего не потеряв в своей жизненной конкретности» (Генисаретский, 2007, с. 6). Обратим внимание, что речь идет не просто о концептуальной оптике, но именно о «концептуальной и процедурной оптике» в их единстве, ведь рассматриваемые произведения не столько исходят из какой-то готовой концепции, сколько «выращивают» некую целостную и многомерную концепцию в ходе особой – одновременно и профессиональной, и жизненной – работы автора и следующего за ним читателя. Поэтому «концептуальность» оказывается тесно связанной с «процедурностью», с особым способом воплощения проживаемого опыта в тексте, открывающим возможность читателю «пере-пережить» и «пере-проверить» то, что описывает автор, на своем собственном опыте и сделать шаг к изменению своего собственного бытия и личностной самотрансформации.

Сложность в том, что эта концептуальная и процедурная оптика в каждом произведении уникальна и лишь отчасти поддается вербализации. Мы можем, конечно, сказать, что в «Науке быть живым» ключевым понятием является «внутреннее чувство бытия», в «Сказать жизни „Да“» – «смысл», а в «Пути бытия» – «становление». Но такого рода обобщения сразу же переводят нас в плоскость отвлеченного безучастного знания, их явно недостаточно для того, чтобы понять собственно человеческое измерение этих книг – то, что помогает их читателям проходить свой собственный путь самопознания и изменения своей жизни.

Важное место в «оптике» каждого произведения занимают вопросы, которые ставит автор перед собой и своими читателями, вопросы, которые побуждают читателя останавливаться и размышлять как о непосредственном содержании прочитанного, так и о себе самом и своей собственной жизни. Художественное же произведение – литературное, кинематографическое или какое-то иное – ведет нас несколько иным путем, опираясь не на концептуальную и процедурную оптику, а на систему художественных образов и выразительных средств искусства и воздействуя на нас через переживание. Читая «Смерть Ивана Ильича», мы, если это произведение нас затронуло, входим в целостный поток повествования, ведущий нас по пути переживания и сопереживания герою. Разумеется, чтение этой повести может подтолкнуть нас к размышлению о нашей собственной жизни, но каких-либо особых концептуальных и процедурных средств для этого автор нам не дает, его задача иная. Стоит также отметить, что образный и концептуальный языки могут в разных пропорциях присутствовать в произведниях и психологов, и писателей, так что, например «Наука быть живым» Дж. Бьюдженталя оказывается чуть ближе к художественному повествованию, чем «Путь бытия» К. Роджерса, а «В поисках утраченного времени» М. Пруста – ближе к психологическим «опытам о человеке», чем многие другие романы.

Событийный характер еще двух произведений – «Психологии искусства» Л. С. Выготского и «Человека и мира» С. Л. Рубинштейна – менее очевиден. Путь движения к большей глубине и целостности человеческого существования представлен здесь не как прямое описание опыта выхода из кризиса (будь то кризиса жизни автора или других людей), а опосредованно, через «раскручивание» опыта чтения художественного произведения в первом случае и через анализ ситуации человеческого бытия в целом во втором. Остановимся на этом более детально.

Путь к глубине бытия и «человеческой науке»: эссе Л. С. Выготского о «Гамлете»

Задавая себе и своим коллегам вопрос «решимся ли мы развивать человеческую науку?», К. Роджерс имеет в виду науку, включающую в себя исследование внутреннего и субъективного опыта, постигающую феноменологию человеческой жизни и направленную на понимание «истинной ситуации человека» (Роджерс, 2019, с. 190). Шаг на пути к созданию именно такой науки являет собой эссе «Трагедия о Гамлете, принце Датском У. Шекспира», составляющее своего рода внутренний стержень «Психологии искусства» Л. С. Выготского и написанное задолго до того, как Роджерс поставил перед психологами свой вопрос. Во вступлении к этой работе Выготский определяет жанр своего сочинения как «читательскую критику», подчеркивая, что художественное произведение «есть только возможность, которую осуществляет читатель» (Выготский, 1986, с. 338). И поясняет, что путь читательской критики начинается с впечатления, которое произвело на «критика» произведение: «Это критика, рассматривающая творение писателя через свою душу» (там же, с. 342). Далее Выготский констатирует невыразимость собственного впечатления и описывает задачу читательской критики как последовательное извлечение «критиком» опыта из своего впечатления от поразившего его произведения – для того, чтобы направить внимание и работу переживания других читателей (при этом оговаривая, что возможны и другие прочтения этого же самого произведения).

Исходная «точка» пути оказывается здесь, таким образом, многослойной. Прежде всего, это невыразимое впечатление от «Гамлета» в душе самого Выготского как «критика» и его понимание трагедии как мифа (там же, с. 347–348). И путь, который будет далее проходить автор эссе через написание своего текста, станет путем разворачивания этого невыразимого впечатления, своего рода путем «рождения мысли в слове». Отправную точку этого пути Выготский описывает как «час бездны», «темный, таинственный час перед рассветом», сопоставляя «Гамлета» в целом с «предрассветным часом души». И в эту исходную точку он помещает своего читателя, которого далее он поведет по пути своего переживания трагедии. Одновременно с этим Выготский проводит нас и по пути, который проходит сам Гамлет; и в этом контексте исходной точкой выступает знакомство с Гамлетом до завязки трагедии – с Гамлетом, который «еще как все или почти как все» студент Виттенбергского университета, друг Гильденстерна и Розенкранца, датский принц,

влюбленный в Офелию и гордящийся своим искусством фехтовальщика.

От этой исходной точки Выготский-критик ведет читателя к завязке трагедии: внезапная смерть отца и поспешный брак матери коренным образом переменяют Гамлета: он погружается в глубокий траур, отдается печали, его поглощают темные предчувствия. «Он вынут из жизни; ему обветшалыми, утомительными, серыми и пошло-плоскими кажутся земные дела» (там же, с. 388). «Его занимает поспешный брак матери», он внутренне разрывает те узы. которые связывают его с нею – и с женщиной вообще (там же). И в этом состоянии «вынутости из жизни» и глубочайшего кризиса Гамлет «сам идет навстречу Тени» (там же, с. 393) – и вот он с нею встречается, Тень раскрывает тайну своей смерти, подтверждает предчувствия Гамлета и обязует его отомстить. Это «минута второго рождения. После этого Гамлет на все течение трагедии уже совершенно не тот, что все, не обыкновенный, рожденный вновь» (там же, с. 403). И, усиливая сказанное, автор эссе добавляет: «Такие минуты не проходят, не забываются: он вышел из мира времени, прошедшее воскресло для него, иной мир разверзается, он слышит подземный голос бездны. Он точно снова рождается, во второй раз, получая от отца и новую жизнь (уже не свою, уже связанную, уже обреченную) и новую душу» (там же).

После точки второго рождения Гамлета путь критика и его читателя проходит через этап длительного «бездействия» героя, его «странного безволия». Странного, ибо «Гамлет сам не понимает, почему он не действует, когда у него есть и повод, и желание, и силы, и средства сделать, а он повторяет: надо это сделать. Что же удерживает его, почему он только „ест и спит“, а не свершает? <...> Этого он сам еще не знает, и это главная его мука. Раньше ему нужны были основания потверже, чтобы действовать; теперь он знает все – и все же не действует. Загадочность и необъяснимость его бездействия, непонятного ему самому, подчеркнуты в этой муке безволия удивительно ясно, и с этим надо считаться» (там же, с. 448).

И «все это коренным образом меняется» после возвращения Гамлета из Англии, «теперь безволия нет, теперь есть твердая уверенность, знание, что он воспользуется промежутком, образовавшимся вследствие истории с пиратами и его возвращения в Данию» (там же, с. 449–450). Если прежде Гамлет был «вынут из себя», то теперь, перед поединком, Гамлет снова меняется, он предчувствует все, предчувствует катастрофу и идет ей навстречу. И путь Гамлета, по которому нас проводит «критик», совпадает в этой точке с путем

переживания самого «критика» и ведомого им читателя: «Все совершается в свою минуту. Без воли провидения не погибнет и воробей. Быть готовым – вот все. *Вот всё.* Этого нельзя комментировать: *это всё.* Таково состояние Гамлета теперь, таково его чувство роковой минуты, катастрофического «остатка дней». Он ощущает под влиянием неотразимых предчувствий, такой скорбной тяжестью залегших в его сердце, в своей душе высшую *готовность. Быть готовым – вот всё.* Гамлет *готов.* Не *решился,* а *готов;* не *решимость,* а *готовность.* Вот отчего нет больше непонимания себя, упреков, осуждения, несмотря на то, что он не идет исполнить свое намерение, что особенно важно еще и еще раз отметить и подчеркнуть. <...> Он готов: пусть будет – *Let be!*» (там же, с. 453).

А далее Выготский-критик обращает внимание читателя на «закон трагического тяготения», влекущий к гибели (там же, с. 477). «Всё время, в каждой сцене, в каждом слове, в каждом движении своем – трагедия идет неуклонно к катастрофе, к одной минуте» (там же, с. 479). И в конце пути, которым он вел читателя, автор эссе возвращается к своей задаче и подчеркивает: цель была не в том, чтобы разгадать загадку трагедии, «не раскрыть тайну Гамлета, а принять тайну как тайну, ощутить, почувствовать ее» (там же, с. 485). Причем не прежнюю, изначальную загадочность произведения, «а новое, глубокое, глубинное ощущение тайны, создавшееся в результате восприятия этой пьесы» (там же, с. 486). Здесь, говорит Выготский, кончается «чистое» восприятие трагедии. И тут же спрашивает себя и нас: «И начинается... Что? <...> до *чего* дошли мы, *что* начинается за этим, если это не искусство, то *что* это?» (там же). И приоткрывает читателю свое понимание «Гамлета» как «трагедии трагедий», построенной «на изначальной скорби самого существования, печали бытия. В этом основной смысл трагического» (там же, с. 487). Трагический герой «выявляет нечто более глубокое, чем случайное и преходящее, что лежит в основе всякого драматического столкновения. Он выявляет общее и вечное, так как на трагедию мы смотрим снизу вверх: она – над нами, она – фокус, в котором собралось изначальное, вечное, непреходящее нашей жизни. Во всякой трагедии за бешеным водоворотом человеческих страстей, бессилия, любви и ненависти, за картинами страстных устремлений и непостиганий мы слышим далекие отголоски мистической симфонии, говорящей о древнем, близком и родном. Мы оторваны от круга, как когда-то оторвалась земля. Скорбь – в этой вечной отъединенности, в самом „я“, в том, что я – не ты, не все вокруг меня, что все – и человек, и камень, и планеты – одиноки в великом безмолвии вечной ночи.

И как мы ни назовем непосредственно, ближайшим образом причину трагического состояния – роком или характером героя, – мы придем все равно к истоку этого состояния: к бесконечной вечной отъединенности «я», к тому, что каждый из нас – бесконечно одинок.

На этой изначальной скорби бытия построен „Гамлет“» (там же).

Читая это эссе Л. С. Выготского, мы с удивлением осознаем, что на все вопросы, заданные К. Роджерсом в конце 1970-х годов, автор эссе еще в самом начале XX в. ответил «да». Ибо «читательская критика» Л. С. Выготского есть шаг в развитии человеческой науки – науки о человеческом бытии во всей его полноте. И автор эссе о «Гамлете» отваживается стать «дизайнером» в смысле Роджерса – в данном случае, тем, кто прокладывает путь человека к предельной глубине трагедии человеческого существования. И Выготский как «читательский критик» смеет уйти от жесткого «профессионализма» сертификатов, лицензий и авторитетов, разворачивая перед нами пережитое им самим смысловое движение трагедии и оставляя в стороне многочисленные ученые труды о шекспировском тексте. И в качестве «читательского критика» он позволяет себе быть именно цельным человеком – человеком чувствующим, переживающим и действующим, а не только мыслящим. И вопрос о множественности реальностей человеческого существования для автора эссе о «Гамлете» также актуален.

«Человеческая жизнь» как базовая категория психологии

Каждое из рассматриваемых нами произведений подводит читателя к предельным вопросам человеческого бытия. Одновременно с этим – и к предельным вопросам психологии. И к предельным вопросам нашей собственной жизни, напоминая о нашем не-алиби в бытии. Каждый из авторов делает это по-разному, осмысляя свой собственный путь и пути других людей при помощи различных концептуальных языков. «Человек и мир» С. Л. Рубинштейна ставит эти предельные вопросы на языке философии.

Читая эту книгу, мы вместе с ее автором движемся от привычной постановки вопроса о «бытии и сознании» к «человеческой жизни» как основной, наиболее общей категории психологии, как к «тому делу, которым объединяются люди», движемся к смыслу человеческой жизни и к вопросу о месте человека в жизни как «проблеме всех проблем». Читатель-психолог, проходя вместе с автором этот непростой путь, получает возможность осознать себя самого как часть бытия, ощутить свое отношение к миру, с одной стороны, «как к бесконеч-

ности, которая включает в себя человека, может его поглотить и подавить, обусловливает всю его жизнь», и, с другой стороны, как к тому, во что «человек может проникнуть познанием и переделать действием» (Рубинштейн, 1976, с. 337). Ощутить себя «частью бытия, сущего, осознающей в принципе все бытие», «частью, охватывающей целое» и его преобразующей (там же, с. 338). Автор рассматривает два основных способа человеческого существования – жизнь, не выходящую за пределы непосредственных связей с другими людьми (родителями, учителями, коллегами по работе, друзьями, супругами, детьми), и жизнь осознанную и рефлексивную, философски осмысленную и ответственную, и раскрывает перед нами именно второй способ жизни.

Как и «Путь бытия» К. Роджерса, «Человек и мир» – это книга, написанная в конце жизни автора. И важное место уделено в ней смерти как завершению жизни, причем, в отличие от Ивана Ильича из повести Л. Н. Толстого, С. Л. Рубинштейн говорит не только о «смерти вообще», но также и о своей личной смерти: «Для меня самого моя смерть – это не только конец, но и завершенность, т. е. жизнь есть нечто, что должно не только окончиться, но и завершиться, получить в моей жизни свое завершение. <...> Смерть также есть конец моих возможностей дать еще что-то людям, позаботиться о них. Она в силу этого превращает жизнь в обязанность, обязательство сделать это в меру моих возможностей, пока я могу это сделать. Таким образом, наличие смерти превращает жизнь в нечто серьезное, ответственное, в срочное обязательство, в обязательство, срок выполнения которого может истечь в любой момент» (там же, с. 351–352). Далее, обсуждая отношение к смерти как к чему-то трагическому, автор книги пишет: «Мое отношение к собственной смерти сейчас вообще не трагично. Оно могло бы стать трагичным только в силу особой ситуации, при особых условиях – в момент, когда она оборвала бы какое-то важное дело, какой-то замысел. Мое отношение к собственной смерти определяется двумя обстоятельствами: во-первых, тем, насколько завершенной, а не оборванной будет к моменту наступления смерти моя жизнь, насколько хоть в какой-то мере законченным будет ее замысел, насколько не оборвано, не брошено дело, которым я живу, и, во-вторых, в какой мере я не покинул, не бросил, не оставил на произвол судьбы тех людей, которым я нужен» (там же**, с.** 352). И мы, читатели, соприкасаясь с опытом, переживаемым автором, оказываемся на своего рода развилке – мы можем воспринять эти размышления как относящиеся к «человеку вообще» или к конкретному человеку по имени «Сергей Леони-

дович Рубинштейн», а можем задуматься о своей собственной жизни и своей собственной смерти.

Из этой же позиции участника бытия С. Л. Рубинштейн рассматривает и другие экзистенциальные данности человеческого бытия: *свободу,* которую он понимает в трех аспектах – как самоопределение, как свободу личности в контексте общественного принуждения и как свободу в спинозовском смысле, как контроль сознания над стихией влечений; *самосовершенствование* как поднятие на более высокий уровень бытия; *любовь* как радостное утверждение бытия другого человека; *искусство* как путь выявления сущности в непосредственно данном; *познание* как открытие действительности такой, как она есть на самом деле.

«Извлечение» знания из текста: знание автора и знание читателя

Приняв положение неклассической эпистемологии о том, что познание осуществляется реальным человеческим существом, мы можем увидеть, что за абстракцией «познающего субъекта» скрываются как минимум два взаимосвязанных, но отчетливо различимых типа такого субъекта: автор текста (написанного или произнесенного), излагающий некое знание, и его читатель (или слушатель). И любое знание существует в постоянном взаимодействии познающих субъектов этих двух типов, в процессе непрерывной передачи в профессиональном сообществе – «по горизонтали», т. е. коллегам (через написание, публикацию и чтение научных статей и монографий, выступления с докладами на конференциях и т. д.), и «по вертикали», т. е. ученикам и последователям (через всевозможные обучающие программы, лекционные курсы, написание и чтение учебников и т. п.). И если то или иное знание передаваться перестает, оно как бы «замораживается» и начинает ждать того момента, когда оно будет кем-то воспринято, если же такой момент не настает, знание становится мертвым.

Важно также, что знание невозможно передать абсолютно точно, нельзя «пересадить из одной головы в другую». «Познающий субъект-читатель», чтобы понять передаваемое ему знание, всегда должен выстроить *свое собственное понимание,* свою картину того, о чем идет речь, даже свою версию «получаемого» знания, которая не может не отличаться от версии того, кто ему это знание «передает» (Мамардашвили, 1984а). Исключением является лишь тривиальный случай заучивания наизусть прописных истин. Это относится не только к ситуации передачи знания от учителя к ученику,

но и к его циркуляции в профессиональном сообществе, каждый член которого попеременно выступает в позиции то «познающего субъекта-автора», то «познающего субъекта-читателя». И передача знания в форме научной статьи, монографии, доклада всегда предполагает как работу «познающего субъекта-автора» по «становлению мысли в слове» (Л. С. Выготский) и «становлению себя в тексте» (М. К. Мамардашвили), так и встречную работу «познающего субъекта-читателя» по выстраиванию «своей версии этого знания», причем версии эти могут быть достаточно разными. Это становится очевидным, в частности, когда в научном сообществе начинаются дискуссии и споры о том, в чем состоит суть концепций Л. С. Выготского, З. Фрейда или любого иного классического подхода.

В случае рассматриваемых в настоящей работе произведений, написанных из явно выраженной позиции участника бытия, мы можем предположить, что работа читателя-психолога по извлечению «содержащегося» в них знания существенно отличается от работы того же читателя-психолога по пониманию обычных психологических текстов, отличается прежде всего необходимостью личной участной позиции читателя, его собственного не-алиби по отношению к описываемому в произведении человеческому опыту. Приступая к чтению любой из этих книг, мы *можем* встретиться с тем опытом самотрансформации, который воплощают в тексте их авторы, и мы *можем* «извлечь» из чтения этих текстов (свое собственное) участное знание, но можем и не встретиться, эта встреча нам никогда и никем не гарантирована. Она зависит от нас самих, от того, как мы читаем эти тексты и удается ли нам самим вступить в тот своеобразный «поток», который создается ими как «духовными инструментами», и в этом потоке удержаться – или же не удается. В последнем случае мы автоматически «переключаемся» в режим отвлеченного безучастного восприятия текстов, и тогда мы искренне не понимаем, что в них, собственно, такого особенного.

Иначе говоря, само «извлечение» участного знания из «содержащего» его текста не происходит само собой, а требует особой внутренней работы, не только работы интеллектуального понимания, необходимой для «извлечения» всякого знания из всякого научного текста, но и работы личностной, сопрягающей читаемое с нами самими, с нашим собственным жизненным и профессиональным опытом, открывающей нам нечто новое в нас самих и нашей собственной жизни. И даже более того, *рождающей* в нас самих нечто новое, выводящей нас в новое пространство нашей собственной жизни. Приступая к чтению этих текстов, мы вступаем в своего

рода зону нашего собственного ближайшего личностного развития и получаем возможность продвинуть себя в то новое пространство жизни, которое создали авторы этих книг, проходя свой путь и воплощая его в тексте. И чтение такого текста может стать для нас важным событием нашей не только профессиональной, но и личностной, собственно человеческой жизни, событием, проживая которое, мы существенно изменяемся и обретаем новое видение человеческой реальности и, соответственно, новые человеческие и профессиональные возможности. Резюмируя, можно сказать, что мы приобретаем событийное знание, когда используем читаемый нами текст как духовный инструмент осознавания нашей собственной жизненной ситуации и самих себя, и в этом случае чтение приводит нас уже к нашей внутренней трансформации в качестве участников бытия, которая аналогична трансформации, произошедшей с автором, но ей не тождественна. Эта возможность использовать рассматриваемые произведения как духовные инструменты нашего собственного личностного развития роднит их с художественными произведениями, которые также могут становиться такими духовными инструментами (Мамардашвили, 1984б, 1995; Пузырей, 2018).

Строение событийного знания: итоговая модель

Попробуем теперь собрать воедино выявленные нами особенности событийного знания.

Как и у знания отвлеченного, у событийного знания есть *предметное содержание.* В рассматриваемых нами случаях это содержание можно определить как *знание о пути,* пройденном автором или другими людьми, причем пути, ключевыми вехами которого оказывались ситуации невозможности. Это могла быть невозможность продолжать прежнюю жизнь, невозможность помочь человеку, невозможность воссоединиться с целостностью бытия, невозможность понять человека, исходя из привычной постановки вопроса о «бытии и сознании», невозможность выразить самое важное. И эти ситуации невозможности были преодолены, но не через интеллектуальный поиск решения и последующее его осуществление, а благодаря прохождению пути, изменяющего, трансформирующего самих авторов, благодаря их самотрансцендированию, выходу за пределы себя-наличных и готовности начать все заново, вступить в новое пространство жизни и «выращивать» в себе новое понимание и новые внутренние опоры.

Существенно также, что пройденный путь осмысляется с помощью вырабатываемых автором *категорий,* которые в каждом из рассматриваемых произведений уникальны. Перечислим лишь некоторые из них. Для В. Франкла это прежде всего смысл жизни, три принципиально различных способа его переживания и ничем не отменимая духовная свобода человека. Для К. Г. Юнга – понятие души и необходимость своей собственной жизни, путь индивидуации, активное воображение и архетипы коллективного бессознательного. Для Дж. Бьюдженталя – внутреннее чувство бытия, высвобождение жизни и творческая возможность, заложенная в самом нашем существовании. Для К. Роджерса – непрерывный процесс становления, самоактуализация, конгруэнтность и безусловное принятие другого человека и себя самого. Для Л. С. Выготского – трагичность человеческого бытия, второе рождение и готовность свершить свою судьбу. Для С. Л. Рубинштейна – онтология человеческой жизни, включающая в себя такие экзистенциальные данности, как смерть, свобода, любовь, самосовершенствование, искусство и познание, а также понимание человека как субъекта жизни, способного подняться над любыми обстоятельствами этой жизни. Такая концептуальная проработанность и отрефлексированность, обогащение концептуального аппарата психологии существенно отличает рассматриваемые нами произведения от художественных текстов, которые также могут открывать читателю путь личностной самотрансформации. И дело здесь не только в концептуальном осмыслении описываемого автором пути, но также и в том, что читатель получает в свое распоряжение концептуальные инструменты, которыми он может пользоваться уже в контексте своей собственной жизни и профессиональной работы.

Принциальной особенностью событийного знания является его своего рода «разомкнутость» для читателя, тот факт, что оно не «умещается» в тексте и не исчерпывается своим «содержанием», а открывает нам возможность пройти свой собственный путь самотрансформации. Более того, оно становится действительно событийным знанием только в том случае, если мы этой возможностью воспользуемся. В противном случае мы «получим» не событийное знание, а отвлеченное от нашей собственной жизни знание о «пути Франкла», «пути Роджерса», «пути Выготского» и т. д. Иными словами, произведения, «содержащие» событийное знание, являют собой своего рода *«духовные инструменты»* (термин М. К. Мамардашвили) для внутренней работы читателя, позволяющие читателю продвигаться в его собственной жизни и осуществлять себя в качестве участника бытия.

Схематически строение событийного знания изображено на рисунке 2. Нижний овал представляет собственно «содержание» знания, то, «о чем» оно: содержанием здесь оказывается путь самотрансформации, включающий в себя и полюс предмета, и полюс субъекта, и движение от исходной точки пути к конечной (детально это было представлено на рисунке 1). Таким образом, содержание событийного знания оказывается более сложно организованным, чем содержание отвлеченного (безучастного) знания, ограниченное полюсом предмета. Содержание всегда осмыслено через ту или иную концептуальную и процедурную оптику (на рисунке 2 – второй горизонтальный овал), которая в каждом произведении различна. Для сравнения на рисунке 3 схематически представлено строение отвлеченного знания, и этим двум горизонтальным овалам рисунка 2 соответствуют два аналогичных овала, представляющих содержание отвлеченного знания и соответствующую концептуальную и процедурную оптику. Далее мы переходим к «компонентам» событийного знания, не имеющим аналогов в отвлеченном знании: вертикальный овал на рисунке 2 представляет функцию событийного знания как духовного инструмента для читателя, определяемую личным характером текста, тем, что он написан из позиции не-алиби в бытии и обращен к читателю, способному также занять позицию не-алиби в бытии. Эта «инструментальная» функция оказывается своего рода связующим звеном между «знанием автора» и «знанием читателя». Наконец, верхний прямоугольник обозначает возможность читателя воспользоваться текстом автора как духовным инстументом на своем собственном пути – возможность, осуществление которой зависит уже от читателя.

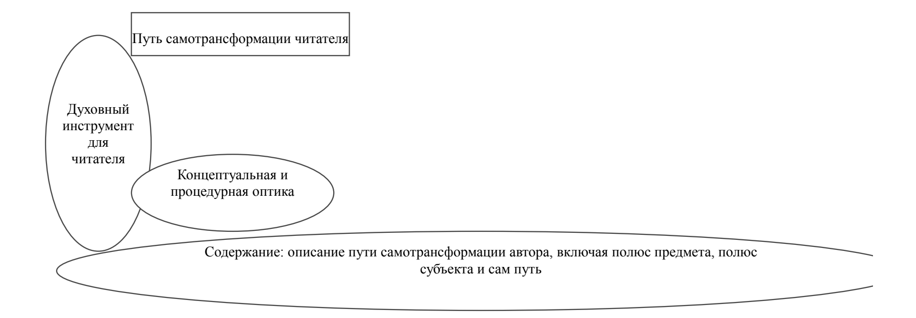

Рис. 2. Строение событийного знания

Концептуальная и процедурная оптика

Содержание: отвлечённое и безучастное (например, о психических процессах)

Рис. 3. Строение отвлеченного знания

Как может быть обосновано событийное знание?

Проблема обоснования событийного знания, как и проблема обоснования знания в рамках неклассической и постнеклассической рациональности в целом, заслуживает отдельного рассмотрения. Здесь мы лишь обозначим некоторые возможности.

Прежде всего перед нами возникает вопрос: что именно должно быть обосновано? В случае отвлеченного знания речь чаще всего идет об обосновании истинности его содержания, например, об эмпирической проверке того, как быстро забывается заученный бессмысленный материал, на разных группах испытуемых. Значительно реже ставится вопрос об обосновании теории, т. е. той или иной концептуальной и процедурной оптики – здесь можно вспомнить работы К. Левина и Л. С. Выготского. Если же мы обращаемся к знанию событийному, то его обоснование должно быть явно иным, связанным с его функцией духовного инструмента для читателя. Ведь истинность, скажем, книги В. Франкла «Сказать жизни „Да“» определяется не фактической точностью описания того «как все происходило» (т. е. не обоснованием ее отдельно взятого «содержания»), а тем, что эта книга подталкивает нас к работе осознавания и переживания, в ходе которой мы можем понять нечто в своей собственной жизни и пройти свой собственный путь самотрансформации. Истинность событийного знания – это возможность получить с его помощью свое собственное событийное знание, как бы непривычно это ни звучало. Иначе говоря, обоснованием становится наш собственный опыт прохождения пути переживания, и мы не можем положиться здесь на какие-либо средние величины и статистические критерии.

Можно, конечно, провести специальное исследование и изучить «жизненные последствия» прочтения того или иного произведения. Но результатом такого исследования станет уже некоторое новое знание, в частности, знание о том, насколько часто то или иное произведение подталкивает к внутренней работе респондентов, принадлежащих к данному обществу.

По существу, событийное знание можно сравнить с математической формулой, в которую каждый читатель должен «подставить» себя самого. И результат всегда будет зависеть как от самой формулы, так и от той «величины», которую мы в нее подставили, от той внутренней работы, которую мы совершим или не совершим, от нашей готовности совершать эту работу в данный момент нашей жизни. Иными словами, само обоснование такого знания также оказывается событийным, если чтение книги помогло нам в осознании себя и прохождении нашего собственного пути самотрансформации, то никакие другие обоснования нам уже не нужны. Если же не помогло, то никакие другие обоснования нам не смогут заменить то, что не случилось. Построение теории такого рода внутренней работы остается делом будущего.

Итоги: событийное и отвлеченное знание в психологии

В настоящей статье мы рассматривали событийное знание в психологии в «сильной позиции», обратившись к произведениям выдающихся психологов, явно и открыто занимавших позицию не-алиби в бытии. Это позволило нам выявить ряд принципиальных особенностей событийного знания:

- оно обладает более сложным строением по сравнению со знанием отвлеченным (см. рисунки 2–3);
- его содержанием выступает путь самотрансформации автора (или автора и других людей);
- оно «разомкнуто» к читателю и может быть использовано читателем как духовный инструмент для своей собственой внутренней работы и прохождения своего собственного пути самотрансформации;
- читатель может «получить» событийное знание только как свое собственное событийное знание, как результат своей собственной работы осознавания и переживания своего жизненного опыта, произведение же оказывается не столько «источником» знания, сколько духовным инструментом для его получения.

В то же время событийное знание сходно со знанием отвлеченным в том, что оно предполагает специфическую концептуальную и процедурную проработанность и отрефлексированность.

Проведенный анализ поставил перед намя ряд новых вопросов. И завершить статью о событийном знании будет логично именно вопросами, ибо они открывают перед нами возможность дальнейшего продвижения на пути психологического познания:

– Как соотносятся в психологии событийное и отвлеченное знание? Как они могут быть взаимосвязаны и взаимопереплетены?
– В каких ситуациях и при каких условиях отвлеченное знание может использоваться в качестве духовного инструмента для читателя, становясь тем самым неким еще более сложно устроенным «синтетическим» вариантом психологического знания?
– Каковы возможные способы обоснования событийного знания?
– Какие варианты событийного знания возможны?
– Как лучше строить преподавание психологии, чтобы образовательный процесс максимально способствовал бы внутренней работе студентов и обретению ими своего собственного событийного знания?

Литература

Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук // М. М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 361–373, 409–412.

Выготский Л. С. Психология искусства. М.: Искусство, 1986.

Бьюдженталь Дж. Наука быть живым: диалоги между терапевтом и пациентами в гуманистической терапии. М.: Класс, 2007.

Генисаретский О. И. Неисчислимое чувство, или помощь для самопомощи // Дж. Бьюдженталь. Наука быть живым: диалоги между терапевтом и пациентами в гуманистической терапии. М.: Класс, 2007. С. 5–9.

Зимбардо Ф. Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев. М.: Альпина нон-фикшн, 2014.

Лекторский В. А. О классической и неклассической эпистемологии // На пути к неклассической эпистемологии / Под ред. В. А. Лекторского. М.: ИФ РАН, 2009. С. 7–24.

Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеалы рациональности. Тбилиси: Мецниереба, 1984а.

Мамардашвили М. К. Литературная критика как акт чтения // Вопросы философии. 1984б. № 2. С. 99–102.

Мамардашвили М. К. Картезианские размышления. М.: Прогресс, 1993.

Мамардашвили М. К. Лекции о Прусте. М.: Ad Marginem, 1995.

Мамардашвили М. К. О Психоанализе // М. К. Мамардашвили. Необходимость себя. М.: Лабиринт, 1996. С. 335–350.

Патяева Е. Ю. Специфика знаний в практической и исследовательской психологии // Взаимоотношения исследовательской и прак-

тической психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 146–178.

Пузырей А. А. К феноменогогике инициального опыта: активное чтение как исцеление // Личность в эпоху перемен: mobilis in mobili: Материалы международной научно-практической конференции 17–18 декабря 2018 / Под ред. Е. Ю. Патяевой, Е. И. Шлягиной. М.: Смысл, 2018. С. 271–273.

Роджерс К. Путь бытия. М., 2019.

Рубинштейн С. Л. Человек и мир // С. Л. Рубинштейн. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1976. С. 253–381.

Степин В. С. Философия науки. Общие проблемы. М.: Гардарики, 2006.

Фейнман Р. Характер физических законов. М.: Наука, 1987.

Франкл В. Сказать жизни «Да»: психолог в концлагере. М.: Смысл, 2004.

Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.

Юнг К. Г. Красная книга. М.: Касталия, 2011.

Bugental J. F. T. Psychotherapy Isn't What You Think. Phoenix, Arizona: Zeig Tucker & Theisen Publishers, 1999.

Формирование психологического знания и исследовательская программа Б. Ф. Ломова в контексте военной политики[1]

В. И. Коннов

doi: 10.38098/thry_21_0434_017

В 1963 г. американский историк науки Дерек де Солла-Прайс заявил о том, что на первый план научного развития 1960-х годов вышел новый тип исследований, связанных с «большой наукой». Главной чертой этого нового феномена был экспоненциальный рост затрат на исследования, связанный в первую очередь с новым оборудованием. Солла-Прайс даже предпринял попытку математической формализации феномена «большой науки»: в качестве ее ключевого количественного параметра он рассматривал возрастание затрат на научную работу пропорционально квадрату числа ученых (de Solla Price, 1963, p. 92). В свою очередь физик Стивен Вайнберг, разделявший мнение Соллы-Прайса о принципиальном преображении послевоенной науки, выделил три основных направления «укрупнения» – «большое оборудование», «большие коллективы» и «большая политика» (Weinberg, 1967). Последний момент указывал на то, что в этом новом масштабе наука не могла сохранить прежнюю дистанцию от политических процессов. Затраты, связанные с исследованиями военных и послевоенных лет, достигли сумм, которые были по плечу только государству, и возможность продвигать передовые исследования в отрыве от его интересов становилась все менее реальной.

Все эти тенденции зародились в естественных науках, в первую очередь, в физике. Однако довольно быстро они затронули и гуманитарные дисциплины, в частности психологию, развитие которой двинулось по пути увеличения масштаба исследовательских проектов за счет вовлечения в них все большего числа участников, а также использования новейшего дорогостоящего оборудования, в том числе компьютерного (см. также: Взаимоотношения..., 2015; Новые тенденции..., 2019; Психологическое знание..., 2018). Но, конечно же,

1 Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 19-011-00865.

психология не могла рассчитывать на ту же степень доверия и поддержки со стороны государства, которыми располагала физика, создавшая атомную бомбу и еще целый ряд новых военных технологий, и психологам приходилось прикладывать значительные усилия, чтобы заинтересовать государственные структуры в своих начинаниях. При этом наиболее надежной стратегией была апелляция именно к оборонным интересам государства, что подталкивало психологов к расширению контактов с военными.

В настоящей статье рассматривается реализация такой стратегии в работах выдающегося советского психолога Бориса Фёдоровича Ломова, в 1960–1970-е годы игравшего важную роль в продвижении психологии в советских вооруженных силах. Став в 1972 г. директором Института психологии АН СССР, Ломов фактически оказался главным представителем психологической науки на политическом уровне, и вопросы ресурсного обеспечения психологических исследований были, по сути дела, частью его должностных обязанностей (Белопольский и др., 2020). Его предшествующая работа в этом направлении была успешной, свидетельством чему служил быстрый рост исследовательской работы в Ленинградском университете, где он с 1959 г. возглавлял лабораторию инженерной психологии, а в 1966–1967 гг. – факультет психологии, в дальнейшем этот успех была развит в ИП АН СССР.

Предметом анализа служит серия статей Б. Ф. Ломова, выходивших в военных изданиях в период 1960–1970-х годов. Эти тексты рассматриваются как поле пересечения двух дискурсивных корпусов, относящихся соответственно к советской военной политике и к советской психологии. Применяемый к ним метод дискурс-анализа исходит из того, что научные публикации всегда представляют собой переплетение содержательных утверждений и социальных практик. Их «диалектическая связь», как характеризуют ее Л. Чулиараки и Н. Фэркло, раскрывается в том, что в социальном пространстве не бывает безадресных высказываний, по сути дела, любое из них – это адресованное кому-то коммуникативное действие (Chouliaraki, Fairclough, 1999). Другая сторона подхода к тексту как к коммуникативному действию раскрывается сторонниками «интеллектуальной истории» (Кембриджская школа..., 2018), которые делают основной акцент на интеллектуальном, содержательном компоненте высказывания как действия, а не на общем социально-политическом контексте. Особую роль играют понимание смысла текста как отражения намерений его автора и нацеленность на выявление этого смысла через раскрытие значения, которое текст имел в ситуации

своего возникновения. Важной для настоящего исследования чертой анализа является то, что внимание исследователя сосредотачивается в первую очередь на интеллектуальном контексте (внутренней организации дискурса), характерном для момента появления текста, и лишь во вторую – на широком социально-политическом контексте (Кембриджская школа..., 2018, с. 132–138). В истории психологии такой подход характерен для Д. Робинсона (2005), а среди отечественных авторов его аналоги можно найти у М. Г. Ярошевского (1985), Т. Д. Марцинковской и А. В. Юревича (2011).

Психология и вооруженные силы

Естественно, что согласование научных задач с военно-политическими вопросами создавало определенные проблемы, в том числе резкий рост влияния на науку со стороны вооруженных сил. Фактически военные перешли от периодических вмешательств – положительных – в виде материальной поддержки исследований или отрицательных, например введения режима секретности, к установлению постоянного контроля над интересующими их отраслями. Наиболее яркий пример – это атомные проекты, американский и советский. Помимо их масштаба, новацией было прямое инкорпорирование в военные структуры ученых, стоящих на переднем крае фундаментальной науки и занятых исследованиями, результаты которых были практически непредсказуемы. Подчинить этих специалистов прямому военному контролю было непросто, так как от них требовались не только эксклюзивные знания, которыми они обладали в данный момент, но и дальнейшее развитие этих знаний – процесс, крайне плохо поддающийся планированию. Здесь военные руководители сталкивались с новой для себя ситуацией, когда в сфере их влияния оказывались люди, к которым привычная схема «план – надзор за исполнением – отчет» была практически неприменима.

Сотрудничеству физиков-атомщиков и военных сопутствовала напряженная подковерная борьба, в которой целью-максимумом военных было включить ученых в свою иерархию и таким образом напрямую подчинить их военному командованию, а целью-максимумом ученых – установить контроль над колоссальными ресурсами, выделяемыми на разработку новой технологии. Успех же атомных проектов зависел от способности сторон прийти к компромиссу. В предельно разных условиях и в разных формах, но такой компромисс был найден и в американском, и в советском атомном проекте (Роудс, 2020; Холловэй, 1997). Для всей послевоенной науки эти

проекты стали образцами, которые в той или иной степени пытались воспроизвести все дисциплины, стремившиеся присоединиться к «большой науке», что требовало способности увязать исследовательскую работу с критическими государственными интересами, прежде всего с вопросами обороны, но одновременно показать фундаментальный характер этих исследований, не позволяющий подчинить их прямому контролю со стороны вооруженных сил.

Стремление стать частью этого нового научного комплекса демонстрировала и психология. Безусловным лидером этого движения среди отечественных психологов стал Б. Ф. Ломов. Его путь в этом направлении начался с организации в 1959 г. лаборатории инженерной психологии при Ленинградском университете. Выбор инженерной психологии в качестве специализации был, вероятно, предопределен, с одной стороны, спецификой ленинградской психологической традиции, с другой – особенностями научной биографии Ломова, работа которого с самого начала была связана с решением прикладных задач (Бодалев, 2007). Но есть основания предполагать, что для молодого амбициозного руководителя новой лаборатории не последнюю роль играли и перспективы выбранного направления. Развитие советской психологии было существенно ограничено тем, что новые возможности, которые открылись перед наукой в послевоенной обстановке и которыми западной, в первую очередь американской, психологии удалось успешно воспользоваться, в СССР оказались заблокированы по идеологическим причинам. Как указывает историк психологии Э. Герман, психологический бум в послевоенных США был прямым продолжением работы психологов в военное время, которая была сосредоточена в трех областях: кадровый отбор, пропаганда и реадаптация военнослужащих. После войны преемниками этих трех направлений стали психология индивидуальных способностей, социальная психология и психотерапия (Herman, 1995).

Подобное развитие в СССР было невозможно, так как все три направления были несовместимы с марксистской идеологией. Психология способностей была фактически приостановлена в результате разгрома педологии во второй половине 1930-х годов, социальная психология могла существовать только на основе марксистской теории и исторического исследовательского метода, что фактически исключало применение опытных психологических методик, а психотерапия оказывалась в большинстве случаев неприемлемой по причине своей «классово чуждой» фрейдистской основы и из-за декларируемого освобождения психики нового советского человека от «буржуазных» патологий. Начиная со второй половины

1950-х годов, эти ограничения постепенно ослабевали, но говорить о возможности беспрепятственного роста в каком-либо из данных направлений не приходилось.

По сравнению с ними инженерная психология обещала лучшие перспективы. Данная отрасль не была связана ни с какими идеологическими запретами и, даже напротив, хорошо увязывалась с пользующимися признанием исследовательскими областями «научная организация труда» и «психология труда». Одновременно инженерная психология относилась к кругу направлений, применимых в проектировании новых вооружений (подробнее см.: Бодров и др., 2011). Потребность в психологических знаниях возникла здесь в связи с резко увеличившимися скоростями передвижения воздушной военной техники и колоссально возросшей разрушительной мощью оружия массового уничтожения. Если раньше точность и бесперебойность работы оборудования обеспечивались инженерами без учета психологических тонкостей и принимались как удовлетворительные, то теперь разница во времени, которое требовалось оператору, чтобы отреагировать на появление угрозы, в одну-две, порой даже в доли секунды или же вероятность ошибки, составляющая сотые доли процента, – все это стало представлять значимые проблемы. Пропорционально рос и масштаб затрат, на которые были готовы пойти проектировщики оборудования, чтобы добиться предельной надежности. Это открывало новые возможности для проведения специальных исследований по узким, в том числе и психологическим, проблемам, связанным с военными технологиями.

Но вовлеченность в военные разработки, хотя и открывала новые возможности привлечения ресурсов, ставила перед психологами ту же проблему, что и перед физиками: как сохранить статус ученых, занятых свободным научным поиском, и не оказаться в положении технических специалистов, подчиненных военному руководству? В СССР в условиях всеобъемлющей государственной системы научных исследований этот вопрос был особенно острым в силу существовавшей иерархии научных учреждений, на вершине которой стояла Академия наук, ниже университеты, а ведомственные институты составляли третий уровень. Положение Ломова как руководителя лаборатории в одном из двух университетов, занимавших с точки зрения престижа положение, наиболее близкое к Академии наук, сводило возможности повысить организационный статус продвигаемого им направления к единственному варианту. Развитие внутри университетской системы практически исключалось: учитывая формальное разделение исследований и высшего образования, шансы на то,

чтобы выйти на масштаб больше чем отдельная лаборатория, оставаясь в университете, были минимальными. Создать же самостоятельную организацию можно было в рамках академического или ведомственного сектора. И здесь выбор был очевиден: академический вариант означал значительно большую свободу исследовательской работы, возможности международного передвижения, перспективу подбора лучших кадров и целый ряд других преимуществ, которые делали его предпочтительным для университетского ученого.

Однако как психолог Ломов не мог рассчитывать на коллегиальную поддержку внутри Академии наук. Психология относилась к ведению Академии педагогических наук, что не только не помогало, а создавало барьер его планам: «большая» академия имела основания отклонять любые запросы на тему психологии, переадресуя их «другому ведомству». Этот аргумент был особенно удобен для академических гуманитариев: психологам всегда можно было указать на то, что, в отличие от экономистов, философов или историков, у них есть «своя» академия. В силу этого рассчитывать на то, что в деле встраивания психологии в академическую систему опорой будут служить ее гуманитарные отделения, не приходилось, и характерно, что комиссия, разрабатывавшая проект института, была изначально создана при отделении физиологии (Ломов, 1991).

Таким образом, психологии требовалась поддержка со стороны естественных и точных наук. Добиться ее было непросто, учитывая, что среди ученых этих специальностей были распространены одновременно скепсис по поводу гуманитарных изысканий как заведомо не способных достичь естественно-научной достоверности, с другой – настороженность по отношению к ним. Последнее было следствием идеологических баталий сталинской эпохи, в которых гуманитарии, преимущественно философы, претендовали на руководящую роль в научном сообществе на основании того, что именно они обладают марксистским мировоззрением.

В этих условиях апелляция к теоретическим достижениям, которые в советской психологии были напрямую связаны с марксистской философией, вряд ли могла быть выигрышной стратегией. И главным аргументом в пользу включения психологии в круг академических дисциплин важно было представить ее прикладной потенциал, прежде всего прикладную ценность ее инженерного направления, которую необходимо было подкрепить заинтересованностью со стороны промышленных и политических структур. Задача была не из простых, и со времени появления проекта института инженерной психологии до момента создания ИП АН СССР прошло шесть лет. За это

время Ломову удалось обеспечить поддержку с самых разных сторон – Президиума АН, медицинских институтов, партийных органов, производственных предприятий и, что было принципиально важно, военных организаций. Работа, проделанная Ломовым, представляет интереснейший исторический случай общественного продвижения психологии: по большому счету, создание Института психологии в составе АН СССР означало признание психологии в качестве объективной науки со стороны крупнейшей естественно-научной организации в мире, и, что особенно примечательно, этот результат был достигнут без существенных апелляций к идеологии. Ломов, конечно же, соблюдал принятые правила игры, требующие демонстрировать соответствие науки идеологическим постулатам, но не задействовал последние как инструмент продвижения. Он относится к тем авторам советской эпохи, у которых идеологическая часть работ легко отделялась от содержательной и фактически не оказывала влияния на основной ход мысли. Такой подход был более характерен для естественных наук и принципиально отличался от главной линии советской, по-настоящему марксистской теоретической психологии, идущей от работ Льва Выготского, а в 1960-е представленной прежде всего трудами Алексея Леонтьева.

Таким образом, опыт Ломова в продвижении психологических исследований – уникальный пример выстраивания фронта институциональной поддержки психологии, к тому же увенчавшийся успехом. И в решении этой задачи военное сообщество послужило Ломову одной из главных опор. Естественно, что эта поддержка появилась благодаря личным контактам и большому объему непубличной работы, а значительная часть исследований Ломова и его коллег, которые представляли интерес для военных, отражены в засекреченных документах. Но для решения политических и организационных задач особую роль играло именно то, что можно было продемонстрировать широкой аудитории. И в этом смысле публикации Ломова в изданиях, выходивших под эгидой вооруженных сил, составляли важную часть реализации его стратегии.

Моральный фактор

Эти публикации показывают, что Ломов был в курсе политических процессов, идущих внутри и вокруг вооруженных сил, и быстро улавливал изменения. Переход власти от Хрущева к группе Брежнева–Косыгина–Подгорного означал резкий разворот в этой области. Политика Хрущева основывалась на определяющей роли стратеги-

ческих ракетных войск, обеспечивающих необходимое устрашение потенциальных противников и фактически исключающих развязывание против СССР конвенциональной войны. С этой точки зрения все остальные виды войск выглядели в той или иной мере устаревшими и подлежащими реформированию и сокращению. Естественно, военные руководители, оказавшиеся под угрозой претворения такой политики в жизнь, были настроены против нее.

Смена власти привела к отходу от идеи полного преобладания ракетных сил и к относительному росту влияния командований других видов войск. В частности, в 1969 г. был восстановлен расформированный в 1964 г. Главный штаб Сухопутных войск. Но, чтобы воспользоваться возможностью усилить влияние, сухопутным и другим войскам нужно было продемонстрировать, что они способны нарастить собственную мощь в такой мере, которая позволила бы им влиять на течение конфликта с применением ядерного оружия. Такого эффекта можно было достичь только за счет новых технологий. Технологическое же переоснащение вело к росту числа военных технических специалистов. По сообщению газеты «Красная звезда», к середине 1960-х годов количество инженеров и техников в вооруженных силах возросло в 3,5 раза по сравнению с 1945 г., а в ракетных, противовоздушных и флотских подразделениях их было 65–70 человек на каждую сотню военнослужащих (Кузовков, 1965).

Интересы этой новой группы, приобретающей все большее влияние, оказывались по ряду вопросов в противоречии с положениями советской военной доктрины, и, естественно, те рода войск, в которых эта группа преобладала, выступали за перемены. Одним из вопросов, который требовал обновления доктрины и при этом был напрямую связан с психологической наукой, был моральный фактор. В Советской армии господствовала точка зрения, согласно которой проблема сохранения боевого духа в критических условиях должна решаться подготовкой, доводящей выполнение необходимых в бою действий до автоматизма, дисциплиной и политическим воспитанием. Такой традиционный взгляд сложился в эпоху массовых армий и плохо соответствовал вооруженным силам, главную ударную мощь которых составляли машины и их операторы. Это противоречие проявилось уже в ходе Великой Отечественной войны. Без идеологической риторики об этом пишет британский военный историк Дж. Эриксон: «Необходимость привести доктрину в соответствие со стандартами вооружений, ставшая очевидной в первые годы войны, указывала также и на то, что требуются изменения в подходах к контролю над военнослужащими, в смысле отказа от попыток за-

менить технологическое обновление повышением «революционного сознания» и в смысле ограничения «дисциплины револьвера». Требовалось разработать новую модель боевой работы, которая к этому моменту продвинулась в область «военно-инженерной психологии», человеко-машинных комплексов и управления «большими военными системами». Данная модель также нуждалась в более детальном взгляде на работу советских подразделений нижнего звена, а значит, и на работу отдельного бойца» (Erickson, 1979, p. 23).

Расширение технического компонента вело к росту влияния офицеров, имевших необходимую технологическую подготовку. Специалист корпорации «RAND» Р. Колкович охарактеризовал эту ситуацию: «Включение в военную науку новых сложных технологий, а также технологическая сложность ядерной войны и соответствующее усложнение стратегий и доктрин, предназначенных для ведения такой войны, расширили свободу действий офицерского состава: роль и влияние, которые они имели как экспертная группа, значительно расширились, ослабив таким образом власть политических контролирующих органов. Офицерский корпус движется по пути превращения из группы командиров с минимальным набором навыков, которых относительно просто заменить, в группу технократов, которые моложе, образованнее и самоувереннее своих предшественников и которые становятся все более незаменимыми и как группа, и как отдельные специалисты с точки зрения реализации оборонных и политических интересов партии» (Kolkowicz, 1971, p. 138).

Между офицерским составом и «политическими контролирующими органами» всегда существовало напряжение, однако в случае с техническими специалистами, имевшими высшее образование, для трений появились новые причины. Естественное раздражение у офицеров-специалистов вызывало то, что замполиты зачастую оказывались хуже подготовлены, чем их воспитуемые, причем не только в техническом плане, но и в плане идеологии (Parry, 1966). То, что кадры с высшим образованием в ходе обучения уже прошли обязательные курсы по марксизму-ленинизму, служило очевидным аргументом против того, чтобы тратить время на политическое воспитание. Более того, по словам британского специалиста по советским военным системам Д. Холловэя, «реальный вопрос был в том... насколько важны эти качества в высокотехнологичных войсках, не связан ли моральный фактор в большей степени с военными навыками и профессионализмом, чем с политической убежденностью? Двойственность понятия морального фактора и его разделение на морально-психологические и морально-политические качества встреча-

ется в обсуждении не только вопросов автоматизированных систем управления войсками, но и вопросов подготовки и воспитания бойцов» (Holloway, 1971, p. 25). Иначе говоря, технически образованная часть офицерского состава претендовала на то, чтобы их профессиональная подготовка и успешное прохождение ими профессионального отбора рассматривались в качестве гарантии их высоких «морально-психологических качеств», а значит, и их морального духа, что делало дальнейшее «воспитание» ненужным.

В этой ситуации Ломов вместе со своими военными соавторами, выступая с позиций инженерной психологии, которая, естественно, была адресована технически образованному офицерскому составу, представлял свою дисциплину как акцентирующую внимание на «морально-психологических качествах», отличающих военно-технических специалистов. Именно эти качества находятся в центре внимания в статье «Актуальные проблемы военно-инженерной психологии», вышедшей в главном журнале Вооруженных сил СССР «Военная мысль», аудиторией которого был весь офицерский состав армии и флота. «В деятельности воина, – пишут авторы статьи, – все больше места занимают восприятие и обработка информации, программирование действий, принятие решений и контроль. В то же время современная военная техника характеризуется высокими скоростями, сложностью многих процессов, неожиданными ситуациями... Все это резко повышает требования к органам чувств человека, к интеллектуальным и эмоционально-волевым компонентам военной деятельности» (Ломов и др., 1965, с. 43).

Под «повышенными требованиями» подразумевается, что с ними могут справляться только воины, обладающие особыми качествами и прошедшие специальную техническую подготовку. Значение же способности соответствовать этим требованиям акцентируется не только в связи с необходимостью быстро управляться со сложными системами, но и преодолевать чудовищные условия предстоящих военных конфликтов: «Нельзя забывать, что в будущей войне придется действовать в условиях применения оружия массового поражения. Мощные ядерные взрывы с их ослепляющим светом и высокой температурой, очаги крупных пожаров и разрушений, обширные участки радиоактивного и химического заражения, мгновенные массовые потери личного состава и техники – такова далеко не полная картина современного боя. В таком бою нервная система воина будет подвергаться воздействию сверхраздражителей» (там же, с. 43). Способность действовать в этом кошмаре, ассоциируется здесь, в первую очередь, с профессиональной компетентностью, отодвигая ка-

чества, на развитие которых должно работать политическое воспитание – сознательность, чувство долга и пр., – на второй план.

В этой связи можно заметить, что напряжение между техническими специалистами и кадровыми военными воспроизводило в смягченной форме конфликт между «военспецами» и «комиссарами» в довоенные годы: первые претендовали на доминирование в армии, опираясь на профессиональные навыки и знания, последние – на «революционное сознание» и личную приверженность делу революции. В условиях 1960-х годов противостояние внутри вооруженных сил было, конечно же, менее накаленным, но следовало той же логике. Технические специалисты видели основанием для своего преимущественного положения технику, для применения которой была необходима полученная ими профессиональная подготовка. Кадровые же офицеры, высший состав которых в значительной части составляли ветераны Великой Отечественной, выдвигали в качестве аргументов опыт реальной войны и обладание особым духом, подтвержденным победой. В этом контексте картины, подобные той, которую описывали Ломов с соавторами, свидетельствовали в пользу нового поколения военных, указывая, что ее течение будет критически зависеть от современной военной техники, любая ошибка в применении которой может обернуться «мгновенными массовыми потерями», которые никакой командир не сможет компенсировать ни за счет полевого опыта, ни за счет боевого духа.

Системотехника

Это касалось не только случаев применения ядерного оружия. Как уже говорилось выше, разворот от хрущевского сокращения конвенциональных родов войск предполагал их техническое усиление. Возрастание роли техники нашло отражение, в частности, в «системотехническом» подходе, воспринятом военными специалистами в 1970-е годов. Сам термин «системотехника» впервые появился в советском научном обороте в начале 1960-х годов в книге Г. Х. Гуда и Р. Э. Макола, которая в переводе на русский язык получила заглавие «Системотехника. Введение в проектирование больших систем» (Волкова, 2004; Гуд, Макол, 1962). Особенность этого подхода заключалась в том, что сочетание людей-операторов и технических средств, включенных в сложные производственные или военные комплексы, предлагалось рассматривать не как процесс управления со стороны субъектов, применяющих автоматизированные инструменты, а как *взаимодействие* технического и человеческого элементов, под-

чиненных *общей функции,* которую должна выполнять система в целом. В рамках подобного взгляда операторы и техника становились в определенном смысле равнозначными элементами, которые проектировщик комбинирует, добиваясь общей системной эффективности, в том числе предъявляя к операторам требования, вытекающие из особенностей техники, или просто исключая их из системы, когда замена человека автоматикой дает преимущества.

Системотехника позиционировалась как инструментальная концепция, которая могла работать с любым заданным извне критерием эффективности. Но, поскольку речь шла не только о технике, но и о людях, с марксистской точки зрения этот подход сразу же попадал под подозрение. В рамках классовой теории эффективность не может быть нейтральной категорией, она всегда будет эффективностью в пользу правящего класса, которая, в конечном счете, достигается за счет роста эксплуатации подчиненного класса. Если говорить об эффективности капиталистического предприятия, которое, собственно, и имели в виду создатели системотехники, то под его эффективностью подразумевается получение прибыли. Казалось бы, в данном случае прибыль достигается за счет технических усовершенствований, но для марксистской политэкономии такая интерпретация – всегда уловка, скрывающая подлинную природу прибыли. Согласно политэкономическим представлениям, удешевление производственного процесса только с помощью технических усовершенствований не способно повысить прибыльность, так как в условиях конкурентного рынка любая технология, сокращающая издержки, стремительно распространяется среди производителей, и цена на изготовленные с ее помощью товары столь же быстро снижается. Извлечь дополнительную прибыль можно только за счет наемного труда, сократив его долю в издержках. И как раз это-то и делает системотехника, рассматривая человека и технику как взаимозаменяемые элементы и минимизируя число задействованных в производственном процессе людей.

Важно подчеркнуть, что с марксистской точки зрения это не случайный эффект. Марксизм утверждает, что в классовом обществе никакая социальная теория (а системотехника попадает, в конечном счете, в эту категорию) не может получить распространение без поддержки правящего класса, а значит, любая теория, получившая распространение, соответствует его интересам. Таким образом, если речь заходит об эффективности, то имеется в виду прибыль (американские авторы этого и не скрывают), которая может быть увеличена только за счет сокращения затрат на труд. Такое сокращение означает рост

эксплуатации, так как в результате рабочим достается все меньшая часть произведенного ими продукта. Помимо этого экономического выражения, рост эксплуатации проявляется еще и в ухудшении условий труда, вынуждая человека адаптироваться к машинному производству с его зашумленностью, монотонностью, травмоопасностью и т. д. (подробнее об особенностях профессиональной адаптации см.: Бодров и др., 2012).

Общий вывод: цель, заложенная во всех капиталистических концепциях организации производства, – рост эксплуатации, а значит, их использование в государстве трудящихся – дело, по меньшей мере, сомнительное. Это напрямую касалось и системотехники, и инженерной психологии, которую Ломов позиционировал как составную часть первой (Ломов, 1964) и которая также имела американское происхождение (Коннов, 2020). Идеологические предубеждения заставляли Ломова включать в свои публикации разъяснения о принципиальной разнице в применении этих исследовательских направлений в условиях капиталистического и социалистического государства. Например, в статье 1964 г. в журнале «Социалистический труд» Ломов пишет: «В капиталистическом мире достижения в области изучения закономерностей трудовой деятельности используются для усиления эксплуатации трудящихся. Ради этой цели капиталисты не гнушаются никакими средствами. Они вводят такие формы организации, при которых труд изматывает человека, разрушает его здоровье, уродует его, превращая в придаток машины». В то же время: «Научная организация труда в социалистическом обществе направлена на облегчение труда и создание таких условий, при которых труд мог бы доставлять человеку удовольствие, превращаясь в первую жизненную потребность, которые позволяли бы не только сохранить, но и укрепить здоровье человека». Сделав необходимые заверения, он сразу же возвращается к главному вопросу: «Вместе с тем такая организация неизбежно обеспечивает и повышение производительности труда» (Ломов, 1964, с. 42).

Характерной чертой статей Ломова в военных изданиях было то, что он мог говорить в них о содержании психотехники и инженерной психологии более открыто. Эффект от применения системотехнического подхода рассматривался здесь не как экономический, а значит, нуждающийся в согласовании с марксистской политэкономией, а как военный, т. е. выражающийся в росте боеспособности. То, что ради такого эффекта оправданно требовать от военнослужащих адаптироваться к технике, ни у кого не вызывало сомнений. Сокращение же задействованных в боевых действиях людей было

практически бесспорным преимуществом, хотя и могло вызывать недовольство у старшего поколения кадровых офицеров, особенно в сухопутных войсках, в которых статус и влияние традиционно определялись числом подчиненных. Во второй статье в журнале «Военная мысль», вышедшей в 1973 г., Ломов и его соавторы определяют эту группу как сторонников наиболее устаревшей точки зрения «на соотношение материально-технического и человеческого факторов войны», которых «становится, по-видимому, все меньше». Эта устаревшая точка зрения исходит из того, что «нет оснований специально учитывать человеческий фактор в проектировании военной техники, изменять методы теоретической и практической подготовки военных специалистов по линии большего «приспособления» к технике, вводить психологический отбор, осуществлять психологическую подготовку личного состава и т. п.» (Ломов и др., 1973, с. 46). Здесь фактически перечисляются все те черты системотехнического подхода, которые вызывали сопротивление со стороны «консерваторов» среди военных: многоплановые изменения привычной военной техники, необходимость технического образования, введение психологических критериев отбора и вытеснение воспитания «боевого духа» психологической подготовкой.

В целом же Ломов и его военные коллеги – все четыре соавтора его статей 1964 и 1973 гг. имеют и ученые степени, и воинские звания – рассматривают системотехнику как новую инфраструктуру военной науки, которая дает широкие возможности для расширения влияния военной психологии в целом и военной инженерной психологии в частности. К 1970-м годам системотехника уже была принята военными учеными: в 1971 г. выходит работа Д. С. Конторова и Ю. С. Голубева-Новожилова «Введение в радиолокационную системотехнику», а в 1976 г. появляется общетеоретическая книга «Вопросы военной системотехники» (Дружинин, Конторов, 1976), в которой соавтором Конторова выступает В. В. Дружинин, заместитель начальника Главного штаба войск ПВО. Можно заметить, что главными проводниками этой линии концептуальных новаций выступали офицеры ПВО, а именно специалисты по радарным технологиям: Конторов работал над этой тематикой в ряде военных НИИ, а Дружинин ранее занимал должность заместителя начальника Генерального штаба по автоматизации управления и радиоэлектронной борьбе. Историк Дж. Эриксон характеризует оформленное Конторовым и Дружининым направление следующим образом: «Здесь мы имеем дело с довольно эклектичным набором, который вбирает в себя все – от психологии оперативного мышления до психоло-

гических элементов непосредственного управления войсками, хотя в конечном счете военная системотехника и предполагает цельный системный подход» (Erickson, 1984, p. 81).

Фигурой, которая могла способствовать налаживанию устойчивых связей между специалистами этого круга, с одной стороны, и Ломовым и инженерными психологами, с другой, был академик и адмирал Аксель Берг, глава Совета Академии наук по комплексной проблеме «Кибернетика», а в годы войны руководитель советской радарной программы. Возглавляемый им кибернетический совет включал психологическую секцию, участники которой занимались проблемами на стыке психологии и техники, а сам Берг активно поддерживал Ломова в период подготовки плана создания Института психологии в составе Академии наук. Как след этих связей можно рассматривать то, что в статье в «Военной мысли» Ломов и соавторы специально выделяют «кибернетическую психологию» в качестве отдельного направления, сосредоточенного на моделировании психологических функций. Термин «кибернетическая психология», который самим Ломовым берется в кавычки, практически не используется в других его работах по инженерной психологии, в которых обозначенная тематика, как правило, включалась в круг инженерно-психологических проблем. По всей видимости, причины появления этого названия в статье в военном издании были политическими и указывают на линию связей, существовавшую между Ломовым и войсками ПВО.

Понятно, что, когда речь заходила о таких задачах, как предотвращение вражеского воздушного удара, марксистская щепетильность насчет эксплуатации отступала на второй план. Соответственно авторы статьи могли позволить себе больше прямолинейности в описании задач инженерной психологии и ее роли в «оценке влияния человеческого фактора на эффективность использования оружия». Здесь они свободно говорят о том, что «боевая готовность войск находится в прямой зависимости как от «приспособленности» военной техники к человеку, так и от «приспособленности» человека к технике», вследствие этого «психологический отбор, игравший и ранее немалую роль в комплектовании войск, приобрел ныне огромное значение» (Ломов и др., 1973, с. 50).

Психологический отбор

Упомянутый психологический отбор – проблема, выходящая далеко за рамки приспособления человека к технике. В советском кон-

тексте любые попытки оценить человеческие качества с помощью объективных методик упирались в острый идеологический вопрос о пределах влияния коммунистического воспитания, а на более глубоком уровне выводили на проблему преобладания приобретенных или врожденных качеств. Обсуждение врожденных качеств фактически находилось под запретом, так как противоречило марксистскому тезису об общественной природе человека, в соответствии с которым индивид рассматривался как продукт общества, в котором он сформировался. Допустить, что человек обладает некоторыми врожденными, а значит, в значительной мере неизменными качествами, означало поставить под сомнение равенство людей между собой и саму возможность сформировать нового человека в результате смены общественного строя. Вся же психология врожденных свойств «разоблачалась» как часть буржуазной псевдонауки, цель которой – оправдание положения правящего класса, позиционирующего себя в качестве «лучших людей», к тому же способных передать свои выдающиеся качества наследникам. Критика теорий врожденных свойств не была совсем уж беспочвенной: в них желаемое на самом деле нередко выдавалось за действительное, как, например, в работах ведущего в свое время британского исследователя интеллекта Кирилла Берта (см.: Joynson, 1989). Но полный запрет на обсуждение этого вопроса фактически отгораживал советскую психологию от целого ряда перспективных направлений: психогенетики, психометрики, психологического тестирования и др. Недоступность для открытого использования западных тестовых методик особенно сильно ограничивала возможности психологов, настроенных на прикладную работу, так как фактически закрывала для них одно из главных направлений практической психологии – разработку методов психологического отбора. Именно это направление сыграло ключевую роль во взрывном росте психологической профессии в США в послевоенные годы, старт которому был дан массовым применением тестовых методик в вооруженных силах во время мобилизаций в двух мировых войнах (Capshew, 1999).

В «военных» статьях Ломова эта тема разворачивается параллельно с проблемой соотношения человека и техники. В упомянутой выше статье 1965 г. Ломов и его соавторы еще не готовы открыто говорить о применении психологических методик подбора военных кадров. Тем не менее, не выходя за пределы технических вопросов, они вплотную приближаются к этому, хотя речь пока идет не об «отборе», а об «учете человеческих возможностей»: «При создании современных образцов боевой техники, способных дать надлежащий

эффект в бою, необходимо реально учитывать возможности человека, особенности его органов чувств, интеллектуальной и моторной деятельности или, говоря в целом, особенности его психики. В прошлом, когда вооружение, боевая техника и условия их применения не были столь сложными, точный учет человеческих возможностей, может быть, и не всегда был обязателен. В настоящее время без такого учета обойтись уже нельзя» (Ломов и др., 1965, с. 44).

Два года спустя в журнале «Тыл и снабжение Советских вооруженных сил», имеющем значительно меньшую аудиторию, чем «Военная мысль», Ломов и его коллега по Ленинградскому университету Г. В. Суходольский, открыто называют «профессиональный отбор» одним из пяти вопросов, составляющих круг интересов инженерной психологии. По их определению, «смысл профессионального отбора заключается в том, чтобы, пользуясь системой несложных испытаний, отобрать кандидатов для подготовки специалистов определенного профиля» (Ломов, Суходольский, 1967, с. 77). Под «системой несложных испытаний» явно угадываются тестовые методики: авторы приводят в пример опыт американских летных школ, где именно такие методики позволили значительно повысить качество набираемых курсантов. Подобное обращение к американскому опыту, которое вряд ли могло появиться в военной печати предыдущего десятилетия, для второй половины 1960-х годов, наоборот, характерно: и в политике, и в гуманитарной науке идет поиск путей совершенствования советской системы, и главным источником образцов служат США. Интерес к американским методикам породил, по наблюдениям вашингтонского советолога Р. Видмера, целое течение «американизаторов» (Vidmer, 1980), игравшее в 1960-е годы заметную роль в гуманитарных дисциплинах.

Но, несмотря на то, что в это время намечается сближение советской гуманитарной науки с «американской», Ломов и Суходольский считают нужным сопроводить характеристику профессионального отбора специальной оговоркой, исключающей, что речь может идти о проверке врожденных качеств или об окончательном отсеве кандидатов, обделенных необходимыми характеристиками. Подчеркивается, что имеются в виду исключительно приобретенные способности: «В 18–20 лет люди находятся на разных уровнях развития способностей, важных для данной профессии. Те, у кого эти способности развиты более высоко, овладевают профессией за короткие сроки. А тем, кто отстал в развитии, потребуются специальные тренировки и гораздо более длительное обучение» (Ломов, Суходольский, 1967, с. 77).

Профессиональный отбор вновь упоминается в статье 1969 г., появившейся в журнале ВМФ «Морской сборник» и адресованной офицерам флота. Сопоставляя статьи 1965, 1967 и 1969 гг., можно отметить, что с течением времени вопрос психологической оценки характеризуется со все большей отчетливостью: в тексте 1969 г. уже напрямую заявляется, что «профессиональный отбор личного состава преследует цель распределить людей по профессиям в зависимости от индивидуальных психофизиологических особенностей» (Ломов, Прохоров, 1969, с. 33), и никаких оговорок на этот счет не делается. Более того, на этот раз в качестве аргумента приводится не зарубежный опыт, а высказывание М. В. Фрунзе 1925 г., в котором председатель Реввоенсовета в положительном ключе упоминает роль психотехники в формировании военных кадров. Эта цитата свидетельствует об исчезновении еще одного запрета в советской психологии, на этот раз касающегося разгромленных в середине 1930-х годов направлений, среди которых была и психотехника. Главным преступлением, поставленным в вину психологам и послужившим аргументом для запрета в постановлении ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» 1936 г., было именно применение анкетных и тестовых методик для распределения учащихся средних школ по группам в зависимости от их способностей.

Свидетельством того, что за последующие 1970-е годы идея психологического отбора была в значительной мере легитимизирована, служит вторая статья Ломова в «Морском сборнике», написанная в соавторстве с заместителем главнокомандующего ВМФ по военно-морским учебным заведениям вице-адмиралом А. М. Косовым. В этой статье, посвященной вопросам подготовки офицеров ВМФ, отбор выступает центральной темой. В ней рассматривается возможность формирования многоступенчатой процедуры, которая позволяла бы оценивать офицеров «от отбора в военно-морские училища до назначения на первичные офицерские должности» (Косов, Ломов, 1979, с. 31). При этом речь идет не о проверке уровня подготовки, а именно об отборе по психологическим критериям, без которого, по заявлению авторов, нет возможности «прогнозировать такие особенности личности, как глубина и устойчивость мотивов и желаний, дисциплинированность и исполнительность, организаторские способности и воля, а также ряд других индивидуальных качеств» (там же, с. 33). И специально подчеркивается: «Хорошо известно, что любой человек неповторим по своему существу, по заложенным в нем природой данным» (там же, с. 32). Как видно, к 1979 г.

идея о возможности психологической оценки врожденных качеств уже обсуждается как вполне приемлемая.

Соавтор Ломова вице-адмирал Косов – представитель послевоенного поколения военных, начавший службу в 1949 г., уже обладая профильным высшим образованием, а в дальнейшем проходивший обучение в Военно-морской академии. В начале 1960-х годов он служил на первых атомных подводных лодках. По всем характеристикам Косов относится к группе высококвалифицированных технических специалистов, расценивавших возможность более требовательного кадрового отбора на основе формализованных методик не как угрозу собственному положению, а, скорее, напротив, как способ укрепить положение технических специалистов на флоте и в армии.

Пилотирование и космонавтика

Несмотря на то, что Ломов последовательно выступал на стороне специалистов, стремившихся к расширению технологического компонента вооруженных сил, среди военных вопросов, в которые он оказывался вовлечен, был и такой, в котором ему приходилось высказываться в пользу расширения роли человека во взаимодействии с техникой. Речь идет о выборе между использованием пилотируемых и автоматических ракетных систем. То, что Ломов как психолог стоял ближе к сторонникам человеческого управления, может показаться самоочевидным, однако этот выбор вовсе не был предопределен. Две стороны спора охарактеризованы в упоминавшейся выше статье Ломова в «Военной мысли» 1973 г. Определяя три разные точки зрения на роль техники в современной войне, Ломов и его соавторы начинают с критики противников изменений во взаимоотношениях между человеком и техническими средствами, но затем обращаются к сторонникам «теории «кнопочной» войны»: «Есть попытки использовать достижения кибернетики для обоснования возможности исключить человека из сферы управления, заменить его труд «трудом» машины и т. п.» (Ломов и др., 1973, с. 46). В качестве главных адептов подобных воззрений называются «буржуазные военные теоретики», а их происхождение объясняется следующим образом: «Социально-политический смысл этих устремлений понятен: империалистическая буржуазия хотела бы компенсировать слабость морального духа своих армий за счет их механизации и автоматизации» (там же). Но нужно заметить, что вслед за подобной критикой, казалось бы, не оставляющей сторонникам этой точки зрения шансов на оправдание, авторы статьи сами смягчают свою позицию: «Кри-

тикуя «кибернетический» механицизм, мы, разумеется, ни в коей мере не умаляем роль кибернетики в военном деле и огромные выгоды, которые сулит ее развитие» (там же). Потребность в такой оговорке была вызвана как связями Ломова с кибернетическим движением, так и в целом с перспективами, которые открывало кибернетическое направление психологии в связи с «моделированием психофизиологических функций человека в интересах использования психологических принципов при создании военных технических средств» (там же). И надо заметить, что в дальнейшем эта область оказалась для психологии даже более значимой, чем проблемы адаптации человека к технике: все разработки «интерфейса» персональных компьютеров, широко развернутые в 1980-е годы, фактически были сосредоточены на моделировании психологических процессов – сюда входит и поиск информации, и распознавание речи, и различение образов и мн. др. По сути дела, вся современная компьютерная индустрия была выстроена на решениях такого рода проблем.

Внимание, которое Ломов, уже будучи директором ИП АН СССР, уделял компьютерной технике, позволяет предположить, что он относился к кругу ученых, раньше других угадавших масштабы той роли, которую компьютерам предстояло играть в ближайшие десятилетия. Однако в 1960-е годы ставка на пилотирование все же выглядела для психолога более естественной. И вместе с соавторами Ломов характеризует оптимальный подход к развитию военной техники следующим образом: «Единственно правильная точка зрения на проблему „человек–военная техника“ исходит из ведущей и все возрастающей роли человека в военном деле» (там же).

Эта позиция Ломова распространяется и на спор между «летчиками» и «ракетчиками». Исторической особенностью советских ракетных войск было то, что первые ракетные подразделения, они же реактивная артиллерия, изначально сложились в составе артиллерийских соединений. Баллистические же ракеты появились в Советском Союзе примерно в одно время с атомными боезарядами, поэтому в качестве основных носителей атомного оружия практически сразу стали рассматриваться ракеты. Этим советская атомная программа отличалась от более ранней американской, которая развивалась в тесной связи с авиацией, так как в годы войны главным средством доставки считалась самолеты. Сложившаяся с самого начала связь предопределила то, что американские ракетные силы оказались под контролем ВВС. В СССР же до 1959 г. атомное оружие находилось в составе артиллерийских войск, а после было передано Ракетным войскам стратегического назначения. И «ракетчики» за-

ведомо скептически относились к любым проектам, связанным с пилотируемыми ракетами, не желая давать поводов для вмешательства ВВС в сферу своей ответственности.

Эта история получила продолжение в космической программе, разработкой которой инженеры во главе с Сергеем Королёвым занимались в непосредственной связи с РВСН, в то время как космонавты были служащими ВВС, в большинстве своем военными летчиками. Их профессиональным интересам соответствовало реальное пилотирование космических кораблей, в то время как инженеры, всегда имевшие в виду, что проектируемые ими ракеты могут использоваться как носители боезарядов, склонялись к тому, чтобы сделать их максимально автоматизированными (Gerovitch, 2015). Это вызывало напряжение между двумя профессиональными группами: например, Валентина Пономарева, которая готовилась в Центре подготовки космонавтов в 1962–1969 гг., вспоминает, как проходившие подготовку летчики в минуты раздражения называли проектировщиков кораблей «артиллеристами» (Пономарева, 2002, с. 113).

Несмотря на интерес к автоматическим системам и компьютерной технике, Ломов все же оказался в этом раскладе сил на стороне «летчиков». Связи с авиацией и космонавтикой сложились у него еще во время работы в Ленинграде, а затем космонавты оказали значимую политическую поддержку проекту Института психологии (Пономаренко, 2012). В дальнейшем связи с космической программой играли важную роль в работе ИП АН СССР, заметная часть исследований которого проходила в сотрудничестве с Центром подготовки космонавтов, а также Институтом авиационной и космической медицины, которые представляли именно авиационную сторону отечественной космонавтики.

Заключение

Статьи Ломова в период 1960–1970-х годов, опубликованные в военных изданиях, демонстрируют, что он был хорошо информирован о ключевых политических процессах, разворачивающихся в вооруженных силах, и — это особенно важно — с точки зрения продвижения интересов психологии был готов сделать осмысленный выбор в пользу той или иной стороны в этих спорах. Его публикации, хотя и выдерживают принятый в то время стиль, затушевывающий любые конфликты, позволяют понять, какое именно видение вооруженных сил он считал предпочтительным: речь шла, по сути дела, о высокотехнологичной армии, предъявляющей высокие требова-

ния к потенциальным офицерам, хотя такая планка могла оказаться для многих непреодолимой. Определяющую роль в такой армии должна была играть безо всяких оговорок элита, образцом которой служили военные летчики, традиционно преодолевавшие жесткий отбор, прежде чем быть допущенными к профессии. Сопротивление такому видению оказывали приверженцы массовых армий. В брежневскую эпоху конфликт фактически завершился компромиссом, при котором оба подхода, и технологический, и массовый, получили развитие. Явным недостатком этого компромисса была колоссальная цена такого разностороннего развития для экономики страны. И как показывают современные войны, ведущиеся с помощью крылатых ракет, беспилотных летательных аппаратов и действующих на земле сил специального назначения, в которых уже сейчас используются роботы, более дальновидной была группа «технологов».

Психологи имели все основания претендовать на важную роль в преобразовании вооруженных сил. Наиболее успешные эпизоды истории психологии были связаны именно с военными: в XX в. два крупнейших прорыва в ее институциональном развитии, отмеченных быстрым ростом числа психологических кадров, появлением новых исследовательских и учебных центров, интенсивной разработкой новых методик, были связаны с военной работой в ходе двух мировых войн (Capshew, 1999). В этих условиях на первый план выходила психология технологичных решений, нейтральная по отношению к ценностным вопросам и чуткая к нуждам заказчика. Последнюю черту Альфонс Чапанис, часто упоминаемый в работах Ломова, в том числе как «глава американских инженерных психологов» (Ломов, 1970, с. 39), считал главным уроком, который он вынес из опыта военной работы (Chapanis, 1999). Этот урок, судя по всему, был хорошо усвоен и Ломовым, под руководством которого ИП АН СССР в течение первых двух десятилетий своего существования был стабильно обеспечен договорными работами, выполняемыми по заказам как военных, так и гражданских организаций.

После коллапса Советского Союза стратегия продвижения психологии в сотрудничестве с военными и подчиненные этой стратегии практики вряд ли могли быть столь же полезными, как в предшествующий период. Наиболее востребованным психологическим направлением на тот момент казалась психотерапия в духе американской эго-психологии. В этом можно увидеть некоторую иронию, так как исторически психотерапевтические школы были идейно гораздо теснее связаны с марксизмом, чем фактически свернутая программа Ломова, опиравшаяся главным образом на количественные

объективные методики. К тому же нельзя сказать, что развитие этой линии было особенно успешным: психотерапия так и не стала в нашей стране массовой профессией.

Если же посмотреть на историю военного сообщества в последние три десятилетия, то деградация 1990-х сменилась переломом 2010-х, а в настоящее время оборонный комплекс вновь располагает влиянием и ресурсами и является перспективным партнером для любой научной дисциплины. Однако – и это отчетливо показывает пример Ломова в выстраивании сотрудничества с военными – психологи не могут пассивно ждать, когда к ним обратятся за их, как им самим может казаться, неоценимой помощью. От них требуется настойчивое продвижение своих предложений и позиций – успех возможен только при условии непрерывной целенаправленной работы с военным сообществом, а также понимания разворачивающейся внутри него игры профессиональных групп и интересов. Опыт работы Ломова на этом направлении – успешный образец такого подхода.

Литература

Белопольский В. И., Журавлев А. Л., Костригин А. А. История организации и начало деятельности Института психологии АН СССР в документах и воспоминаниях современников // Психологический журнал. 2020. № 5. С. 97–107.

Бодалев А. А. Борис Федорович Ломов – воспитанник ленинградской психологической школы и талантливый продолжатель ее традиций // Психологический журнал. 2007. № 3. С. 14–16.

Бодров В. А., Дикая Л. Г., Журавлев А. Л. Основные направления и результаты инженерно-психологических исследований в Институте психологии РАН // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Выпуск 2 / Под ред. В. А. Бодрова, А. Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 15–34.

Бодров В. А., Дикая Л. Г., Журавлев А. Л. Психологическая адаптация к профессиональной деятельности: Основные направления и результаты современных исследований // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Выпуск 3 / Под ред. В. А. Бодрова, А. Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 9–32.

Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.

Волкова В. Н. Из истории теории систем и системного анализа. СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004.

Гуд Г., Макол Р. Системотехника. Введение в проектирование больших систем. М.: Советское радио, 1962.

Дружинин В. В., Конторов Д. С. Вопросы военной системотехники. М.: Воениздат, 1976.

Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2018.

Коннов В. И. Инженерная психология в культурном контексте советской науки 1960-х гг.: опыт исследовательской программы Бориса Ломова // Концепт: религия, философия, культура. 2020. № 4. С. 17–30.

Конторов Д. С., Голубев-Новожилов Ю. С. Введение в радиолокационную системотехнику. М.: Советское радио, 1971.

Косов А., Ломов Б. Перспективы совершенствования системы формирования профессиональной пригодности офицера военно-морского флота // Морской сборник. 1979. № 5. С. 31–35.

Кузовков И. и др. Еще раз о чистых инженерах // Красная звезда. 1965. 9 марта. С. 3.

Ломов Б. Ф. Научная организация труда и инженерная психология // Социалистический труд. 1964. № 6. С. 42–47.

Ломов Б. Ф. Инженерная психология // Наука и человечество. Международный ежегодник. 1970. М.: Знание, 1970. С. 38–55.

Ломов Б. Ф. Выступление на торжественном собрании, посвященном 15-летию образования Института психологии АН СССР // Психологический журнал. 1991. Т. 12. № 4. С. 16–26.

Ломов Б., Офицеров В., Рубахин В. Актуальные проблемы военно-инженерной психологии // Военная мысль. 1965. № 10. С. 43–51.

Ломов Б. Ф., Прохоров А. И. Инженерная психология и повышение боеспособности ВМФ // Морской сборник. 1969. № 4. С. 30–34.

Ломов Б., Рубахин В., Николаев В., Глоточкин А. Человек в военных технических системах // Военная мысль. 1973. № 5. С. 45–56.

Ломов Б., Суходольский Г. Инженерная психология – наука сегодняшнего дня // Тыл и снабжение Советских вооруженных сил. 1967. № 9. С. 74–78.

Марцинковская Т.Д., Юревич А. В. История психологии. М.: Трикста, 2011.

Новые тенденции и перспективы психологической науки / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019.

Пономарева В. Л. Женское лицо космоса. М.: Гелиос, 2002.
Пономаренко В. А. На чьих плечах стоим. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
Психологическое знание: современное состояние и перспективы развития / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
Робинсон Д. Интеллектуальная история психологии. М.: Институт философии, теологии и история св. Фомы, 2005.
Роудс Р. Создание атомной бомбы. М.: Колибри, 2020.
Холловэй Д. Сталин и бомба: Советский Союз и атомная энергия. 1939–1956. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997.
Ярошевский М. Г. История психологии. М.: Мысль, 1985.
Capshew J. Psychologists on the March. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
Chapanis A. The Chapanis Chronicles. Santa Barbara: Aegean Publishing Company, 1999.
Chouliaraki L., Fairclough N. Rethinking Critical Discourse Analysis. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1999.
De Solla Price D. Little Science, Big Science. N. Y.: Columbia University Press, 1963.
Erickson J. The Soviet Military System: Doctrine, Technology and 'Style'// J. Erickson, E. Feuchtwanger (Eds). Soviet Military Power and Performance. London: Macmillan, 1979.
Erickson J. Soviet Cybermen: Men and Machines in the System // Signal. 1984. № 4. P. 79–91.
Gerovitch S. Soviet Space Mythologies. Pittsburg: University of Pittsburg Press, 2015.
Herman E. The Romance of American Psychology. Berkeley: University of California Press, 1995.
Holloway D. Technology, Management and the Soviet Military Establishment. London: The Institute for Strategic Studies, 1971.
Joynson R. The Burt Affair. London: Routledge, 1989.
Kolkowicz R. The Military // G. Skilling, F. Griffiths (Eds). Interest Groups in Soviet Politics. Princeton: Princeton University Press, 1971. P. 131–170.
Parry A. The New Class Divided. N. Y.: The Macmillan Company, 1966.
Vidmer R. Management Science in the USSR: The Role of "Americanizers" // International Studies Quaterly. 1980. V. 24. № 3. P. 392–414.
Weinberg A. Reflections on Big Science. Cambridge: The M. I. T. Press, 1967.

Сведения об авторах

Александров Юрий Иосифович – доктор медицинских наук, заведующий лабораторией психофизиологии им. В. Б. Швыркова Института психологии РАН – yuraalexandrov@yandex.ru.

Артемьева Ольга Аркадьевна – доктор психологических наук, руководитель лаборатории методологии и истории психологии Иркутского государственного университета – oaartemeva@yandex.ru.

Буланова Ирина Сергеевна – кандидат психологических наук, доцент департамента психологии Института педагогики и психологии образования ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет».

Гусельцева Марина Сергеевна – доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник ФГБНУ «Психологический институт РАО», ведущий научный сотрудник Школы антропологии будущего ИОН РАНХиГС – mguseltseva@mail.ru.

Двойнин Алексей Михайлович – кандидат психологических наук, доцент департамента психологии Института педагогики и психологии образования ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет» – alexdvoinin@mail.ru.

Журавлев Анатолий Лактинович – доктор психологических наук, академик РАН, научный руководитель Института психологии РАН – alzhuravlev2018@yandex.ru.

Зеленкова Татьяна Владимировна – кандидат психологических наук, доцент Московского государственного областного гуманитарно-технологического института – tzelenk@mail.ru.

Китова Джульетта Альбертовна – доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник Института психологии РАН – j-kitova@yandex.ru.

Коннов Владимир Иванович – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии им. А. Ф. Шишкина МГИМО МИД России – v.konnov@inno.mgimo.ru.

Кострыгин Артем Андреевич – кандидат психологических наук, научный сотрудник Института психологии РАН – artdzen@gmail.com.

Лебедев Александр Николаевич – доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник Института психологии РАН, lebedev-lubimov@yandex.ru.

Мазилов Владимир Александрович – доктор психологических наук, заведующий кафедрой общей и социальной психологии Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского – v.mazilov@yspu.org.

Мироненко Ирина Анатольевна – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности Санкт-Петербургского государственного университета – mironenko.irina1@gmail.com.

Патяева Екатерина Юрьевна – кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры психологии личности факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова – patyayeva@yandex.ru.

Петренко Виктор Фёдорович – доктор психологических наук, член-корреспондент РАН, заведующий лабораторией психологии общения и психосемантики факультета психологии МГУ – victor-petrenko@mail.ru.

Стоюхина Наталья Юрьевна – кандидат психологических наук, доцент Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород – natast0@rambler.ru

Фёдоров Александр Александрович – кандидат психологических наук, зав. кафедрой клинической психологии, доцент кафедры психологии личности Новосибирского государственного университета – fedleks@yandex.ru.

Фролова Светлана Владимировна – доктор психологических наук, профессор Саратовского государственного университета – frolovasv71@mail.ru.

Харламенкова Наталья Евгеньевна – доктор психологических наук, заместитель директора Института психологии РАН, nataly.kharlamenkova@gmail.com.

Юревич Андрей Владиславович – доктор психологических наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора Института психологии РАН, av.yurevich@mail.ru.

Научное издание
Серия «Методология, теория и история психологии»

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ:
виды, источники, пути построения

doi: 10.38098/thry_21_0434

Редактор – *О. В. Шапошникова*
Оригинал-макет, обложка и верстка – *В. П. Ересько*

Лицензия ЛР № 03726 от 12.01.01
Издательство «Институт психологии РАН»
129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13, к. 1
Тел.: +7 (495) 540-57-27
E-mail: vbelop@ipras.ru
http://www.ipras.ru

Сдано в набор 17.05.21. Подписано в печать 07.06.21
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная
Гарнитура NewtonC. Усл. печ. л. 28,6. Уч.-изд. л. 27
Тираж 500 экз. Заказ

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5, ком. 6